

Реформация в Швеции:
события, деятели, документы

А.Д. Шеглов

А.Д. Шеглов

Реформация в Швеции: события, деятели, документы

500-летнему
юбилею Реформации
посвящается

Institute of World History of Russian Academy of Sciences

Andrey Scheglov

**The Reformation
in Sweden:
Events, Actors,
Documents**

Center for humanitarian initiatives
Moscow – Saint-Petersburg
2017

Институт всеобщей истории Российской академии наук

А.Д. Шеглов

Реформация
в Швеции:
события, деятели,
документы

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2017

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

Щ33

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

доктор исторических наук А.А. Селин

доктор филологических наук М.Ю. Люстров

доктор исторических наук А.Ю. Серегина

Щеглов А.Д.

Щ33 Реформация в Швеции: события, деятели, документы /
А.Д. Щеглов. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив,
2017. — 384 с. — ил. — (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-770-4

В книге, основанной на анализе свода уникальных (в том числе рукописных) источников, впервые в отечественной историографии детально исследован ранний этап Реформации в Швеции (1520-е—1530-е гг.), показана взаимосвязь преобразований церкви и политики усиления королевской власти, которую проводил Густав Васа (1523—1560). Особое внимание уделено ключевому событию шведской Реформации — Вестеросскому риксдагу 1527 г.: рассмотрены его ход и итоги, показаны последствия (редукция церковной собственности, конфессиональные реформы, изменения в области права). Освещена научная дискуссия о Вестеросском риксдаге, а также исследованы документы, созданные в связи с Реформацией. Центральное место в книге посвящено изучению жизни и трудов духовного лидера шведских реформаторов — Олауса Петри. Представлен детальный анализ его богословских и исторических воззрений, рассмотрены итоги деятельности в качестве просветителя, обстоятельно исследован круг источников, композиция и основные идеи фундаментального сочинения мыслителя — «Шведской хроники».

Книга адресована историкам-медиевистам и скандинавистам, а также политологам, религиоведам, культурологам; труд будет интересен широкому читателю, пытающемуся осмыслить феномен европейской Реформации.

ISBN 978-5-98712-770-4

© Щеглов А.Д., 2017

© Гладков А.К., составление серии, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2017

Оглавление

Введение	7
Глава I. Швеция накануне Вестеросского риксдага	
§ 1. Шведское общество перед Реформацией	23
§ 2. Первые шаги Реформации	32
§ 3. Ханс Браск и борьба против реформационного вероучения.....	43
§ 4. Оценка Ханса Браска как исторического деятеля.....	54
§ 5. Политический кризис в середине 1520-х гг. Предпосылки и прообразы Вестеросского риксдага.....	58
Глава II. Вестеросский риксдаг: подготовка, ход, итоговая резолюция	
§ 1. Подготовка к Вестеросскому риксдагу. Образцы пропаганды короля.....	67
§ 2. Состав риксдага и его ход по документальным и нарративным источникам.....	71
§ 3. Вестеросский рецесс — итоговое постановление риксдага.....	81
§ 4. «Введение Реформации»? Современная полемика о Вестеросском риксдаге.....	84
Глава III. Вестеросские ордонансы	
§ 1. Текст Вестеросских ордонансов по версии «Регистратуры» Густава I.....	93
§ 2. Социально-правовая и культурная среда Вестеросских ордонансов	97
§ 3. Редакции Вестеросских ордонансов: история документа.....	102
Глава IV. Документы, разъясняющие постановления Вестеросского риксдага	
§ 1. Письмо риксрода жителям Швеции.....	123
§ 2. Комментарий Лаврентиуса Петри	130
Глава V. Воплощение в жизнь решений риксдага	
§ 1. Собор в Эребру и начало реформ церкви.....	137
§ 2. Хозяйственные и административные последствия риксдага	141

Глава VI. Восстание вестъетских господ	
§ 1. Освещение восстания в хронике Педера Сварта	153
§ 2. Ход восстания, требования повстанцев и действия короля по данным документальных источников	156
§ 3. Историографическая дискуссия о «Восстании вестъетских господ»	169
Глава VII. Олаус Петри: проповедник и полемист	
§ 1. Полемика накануне Вестеросского риксдага: Диспут Олауса Петри и Педера Галле.....	181
§ 2. Олаус Петри и «Проповедь Слова Божьего»	182
§ 3. Олаус Петри как последователь Лютера. Полемика с Паулюсом Элиэ. «Малая постилла»	187
Глава VIII. Реформатор в роли историка: «Шведская хроника» Олауса Петри	
§ 1. Роль исторических трудов в жизни и творчестве Олауса Петри	197
§ 2. Исследования хроники. Научная оценка «Шведской хроники» как исторического произведения	210
§ 3. Публикации и источниковедческие исследования.....	215
§ 4. Рукописи «Шведской хроники»	219
§ 5. Древнейшая история Швеции и введение христианства в этой стране по хронике Олауса Петри	233
§ 6. Олаус Петри о Швеции зрелого и позднего Средневековья.....	250
§ 7. Идеи «Шведской хроники»	269
Заключение	288
Приложения. Документы Вестеросского риксдага	303
Список сокращений	343
Библиография	344
Указатель имен	357
Summary	361

Введение

В истории каждой страны происходили события, являвшиеся особенно насыщенными и судьбоносными. Применительно к Швеции позднего Средневековья—раннего Нового времени одним из наиболее знаковых был Вестеросский риксдаг 1527 г. На этом собрании делегаты от шведских сословий приняли решения, радикально изменившие отношения церкви и светских институтов и, в конечном счете, значительно усилившие королевскую власть. Вестеросский риксдаг 1527 г. — главное событие шведской Реформации на ее начальной стадии.

Данный риксдаг интересен по множеству причин. В нем отразились особенности позднесредневековой шведской истории (прежде всего, политической), менталитет и психология сословий, общественные традиции и перемены. Он неплохо документирован (хотя все постановления сохранились только в позднейших списках). На его примере можно проследить, как общество того времени взаимодействовало с королем, как воплощались в жизнь элементы народовластия. И, конечно, в истории риксдага и его постановлений имеются неясные, спорные моменты. Все эти факторы создают благоприятную перспективу для исследований и дискуссий.

Особый интерес данное событие представляет в связи с тем, что в Швеции, как и в других странах Северо-Западного региона Европы — Дании, Англии, имела место т.н. Реформация «сверху» — своеобразное и интересное явление. Реформа церкви находилась в тесном взаимодействии с политическими преобразованиями в обществе и, в конечном счете, сыграла важную роль в становлении и развитии национальных абсолютистских монархий.

В истории шведской Реформации достаточно четко выделяется ранний этап реформ: 1520-е—1530-е гг. — время подготовки Вестеросского риксдага и воплощения его резолюций. На этом этапе одержана победа светской власти над католическим духовенством. Церковь утратила привилегии, была обложена налогом, ее земли отторгли в пользу короны и дворянства. Реформационное (по терминологии реформаторов — «евангелическое») вероучение получило тогда официальное признание, на соборах шведского духовенства (конец 1520-х—1530-е гг.) приняли постановления о реформах богослужения, в основе которых лежали

евангелические доктрины. Усилиями, прежде всего, лидеров шведской Реформации Олауса Петри и Лаврентиуса Андреэ была создана и опубликована богословская, богослужебная и религиозно-просветительская литература на шведском языке.

Примерно с 1540 г. начался очередной этап «королевской Реформации»: политика Густава Васы, направленная на полное преобразование духовного института и подчинение новой, единой национальной протестантской церкви светской власти, совпала с общим курсом государя на усиление экономического, политического и военного могущества королевской власти и создание наследственной монархии (официально утверждена в 1544 г.). Для церкви период, начинающийся с 1540 г., знаменовал время опалы прежних лидеров Реформации и выдвижение их преемников (Лаврентиус Петри, Георг Норман). Перед новой, формирующейся церковью на данном этапе встает ряд важных задач: окончательное укоренение евангелического вероучения, реформа церковно-приходского образования. Отмечены те годы активной борьбой с контрреформацией и конкурирующими протестантскими вероучениями, преимущественно с кальвинизмом.

В целом для Швеции период со второй половины правления Густава Васы, продолжавшийся практически столетие, — качественно иной. Это время борьбы усилившейся королевской власти за закрепление и развитие достижений в политической, экономической и военной областях, преодоление — на новом этапе — сепаратистских тенденций, оформление отношений как с церковью, так и со светской аристократией, которые, естественно, продолжали активно отстаивать свои свободы и интересы. Результатом данного этапа, который можно охарактеризовать как зрелую и позднюю Реформацию, было окончательное оформление Швеции как протестантской державы, обретение ею официального вероисповедания и церковного законодательства. В указанный период Швеция заняла место в новой системе международных отношений, определила основные направления своей внешней политики почти на два столетия вперед.

Выделяя раннюю Реформацию как отдельный период, я, в числе прочего, исхожу из того, что данный период был переходным, во многом связанным со Средневековьем. Нелишне также заметить — термин «Ранняя Реформация» (“the Early Reformation”, “Frühreformation”), как известно, употребителен в историографии применительно к другим странам Европы.

Тема книги раскрывается через три основные проблемы. Это, во-первых, политические действия Густава I, связанные с укреплением центральной власти, во многом, через акты Реформации; во-вторых, идеологические особенности Реформации в Швеции и борьба вокруг них; в-третьих, социальная опора политики Густава Васы на данном (первом) этапе его правления.

Особым поводом к размышлениям (и формулированию последующих наблюдений) явился тезис современного шведского католического историка М. Ньюмана¹ о том, что этап, выделенный автором этих строк как ранний период Реформации, таковым не был: лютеранская Реформация, по Ньюману, была проведена сверху в 1540-е гг.; до этого преобразования носили католический характер, не включали в себя измененной доктрины. Оценивая содержание различных аспектов указанных реформ, так или иначе, я имею в виду концепцию Ньюмана и возможность полемики с ней.

Благоприятные перспективы для дискуссии создает ситуация вокруг некоторых ключевых документов Вестеросского риксдага 1527 г. — главного события ранней Реформации в Швеции. В этом случае мое исследование носит преимущественно источниковедческий характер и опирается на архивный материал из рукописных собраний Уппсалы и Стокгольма.

Историография раннего правления Густава Васы и шведской Реформации очень обширна. Здесь уместно упомянуть работы, направления и тенденции, непосредственно связанные с темой книги.

Критическое изучение истории описываемого периода начинается с трехтомной «Истории шведского государства» Улофа Далина². Для нее характерна четкость и ясность изложения; работа содержит подробные ссылки на источники. Далин стремился избежать вымысла в изображении истории Швеции. Это, наряду с отказом от традиционной для того времени апологии шведского великодержавия, в целом обусловило новаторство, прогрессивность исследования. Вместе с тем характерная для эпохи Просвещения антикатолическая направленность работы и традиционный ультрапатриотизм с ярко выраженной антидатской направленностью, естественно, придает «Истории шведского государства» тенденциозность. Применительно к истории Швеции XV—XVI вв. это выражается в том, что Далин принимает апологию шведских правителей того времени, которая содержится в анализируемых источниках, прежде всего, в хрониках данного периода.

Новый этап в изучении истории Швеции знаменовала работа Э.Г. Гейера «История шведского народа»³. Человек разносторонне одаренный, яркий представитель романтической школы, Гейер стремился выявить особенности истории своей страны. К числу таковых (применительно к Швеции) ученый относил наличие свободного крестьянства — бондов и

¹ *Nyman M. Förlorarnas historia. Katolskt liv i Sverige från Gustav Vasa till drottning Kristina. Uppsala, 1997*

² *Dalin O. Svea rikets historia ifrån des begynnelse til våra tider. Stockholm, 1760. D. III. Bd. 1.*

³ *Geijer E.G. Svenska folkets historia. Stockholm, 1926. Bd II.*

их политический союз с королем. Этот союз был, по Гейеру, характерен и для позднесредневековой Швеции; он ярко проявлялся в правление Густава Васы, который, опираясь на бондов, постоянно преодолевал сопротивление оппозиционной аристократии. Труды Гейера оказали огромное влияние на историографию, культуру и общественную мысль страны. Выводы его подверглись пересмотру только в XX в.

В середине—второй половине XIX в. шведская историография переживала подъем. Увидели свет объемные исследования по истории церкви, права, политических институтов. Были опубликованы источники по истории Швеции, многие из которых использованы в данной работе.

Вехой в развитии национальной историографии стало фундаментальное исследование Х. Форселля, положившее начало глубокому изучению проблемы формирования государственной экономики — прежде всего, казенных финансов как основы монархии — и, в связи с этим, концентрации и расширения земельных владений короны⁴. Отчасти опираясь на данные Форселля, историк-экономист Э. Хекшер осмыслил типологию шведского общества при Густаве I и заключил: в Швеции при Густаве Васе реализовали модель меркантилизма в условиях натурального хозяйства⁵.

Во многом благодаря новаторским исследованиям И. Хаммарстрём⁶ были внесены коррективы в оценку экономической политики Густава Васы и экономического развития Швеции в этот период. И. Хаммарстрём доказала, в частности, что долг Любеку и военные расходы являлись факторами, стимулировавшими развитие государственной экономики; активную роль играла королевская торговля на внутреннем и внешнем рынках; натуральные повинности использовались монархом как источник продуктов для продажи внутри страны и за рубеж. Автору удалось показать, что Хекшер недооценивал развитие товарно-денежных отношений в Швеции на рубеже XV—XVI вв. На самом деле Швеция оказалась активно втянута в торговлю Балтийского региона, в ней была развита внутренняя торговля, в которой участвовало все общество, в том числе корона. Выводы И. Хаммарстрём позволили иначе взглянуть на роль бюргерства, прежде всего, его купеческой верхушки, а также на взаимоотношения монарха с бюргерством в свете тех поступлений, которые корона получала от городов. Роль торговли, в частности, дворянской, как движущего фактора социального развития

⁴ *Forsell H. Sveriges inre historia från Gustaf I. Stockholm, 1877—1881. Bd. I; Idem Sverige 1571. Försök till en administrativ-statistisk beskrivning. Stockholm, 1872.*

⁵ *Heckscher E.-F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Stockholm, 1935—1936. D. 1. Bd. 1—2.*

⁶ *Hammarström I. Finansförvaltning och varuhandel 1504—1540. Uppsala, 1956.*

подчеркивается и в новейших работах по социально-экономической истории Швеции⁷. В целом современная историография данного направления констатирует и активность короны, и значимость объективных тенденций, которые подчас были сильнее, чем эффект преобразований «сверху»⁸.

В России шведской Реформации посвящена лишь небольшая, но емкая и добротная книга Г.А. Дементьева⁹. Внимание автора привлекли оба важнейших аспекта Реформации: религиозный и политический, а также предыстория преобразований. Однако историография шведской Реформации со времени написания книги значительно ушла вперед, и некоторые оценки ученого нуждаются сейчас в уточнении.

Многие зарубежные исследования шведской Реформации посвящены ее лидеру Олаусу Петри — общественному деятелю, богослову и историку. Серьезное изучение его творчества началось на рубеже XIX—XX вв. В первых научных трудах он предстает как ренессансный человек, порвавший с догматизмом, проповедовавший религию «без посредничества» — в отличие от католических прелатов — «людей Средневековья». Последующая историография — как европейского Ренессанса и Реформации, так и шведской Реформации — значительно поколебала такие построения.

Поначалу ученые считали, и во многом справедливо, что Олаус — верный последователь и ученик Лютера¹⁰. Однако с 1920-х гг. несколько исследователей, прежде всего, К. Бергендофф и Й. Хольмквист, показали, что Олаус Петри черпал идеи не только у Лютера, но и у других теологов¹¹. Так было положено начало дискуссии о различиях между Олаусом Петри и Лютером. В работе С. фон Энгестрёма (1941) поставлен вопрос об отношении Олауса к церкви: Петри, по сравнению с Лютером, более терпим к католицизму, склонен подчеркивать свою преемственность в отношении средневекового христианства¹².

Изучение реформаторской позиции Олауса Петри было стимулировано новациями в изучении европейской (в частности, немецкой и дат-

⁷ *Сванидзе А.А.* Средневековый город и рынок в Швеции, XII—XV вв. М., 1980; *Munktel I.M.* Gods, godsägare och landbor 1450—1520, Göteborg, 1982.

⁸ *Norborg L.-A.* Krona och stad i Sverige under äldre Vasatid // *Historisk Tidskrift*. 1963. Vol. 83. S. 365—384.

⁹ *Дементьев Г.А.* Введение Реформации в Швеции. СПб., 1892.

¹⁰ *Westman, K.-B.* Reformationens genombråttår i Sverige. Stockholm 1923; *Idem.* Reformation och revolution. En Olavus Petristudie. Uppsala Universitets Årsskrift, 1941.

¹¹ *Bergendoff C.* Olavus Petri and the Ecclesiastical Transformation in Sweden 1521—1552. 2-d ed., Philadelphia, 1965; *Holmquist Hj.* Från reformationen till romantiken // *Handbok i svensk kyrkohistoria*. Stockholm, 1940. Bd. II.

¹² *Engeström S. von.* Olavus Petri och den medeltida kristendomen // *Uppsala Universitets Årsskrift*. 1941. S. 1—15.

ской) Реформации. Их закономерным следствием явилась фундаментальная работа С. Ингебранда, посвященная богословским воззрениям Петри. Исследователь видел главное отличие богословия Олауса от теологии Лютера в том, что шведский мыслитель был близок «реформаторам-гуманистам», призывавшим преобразовать церковь в соответствии с текстами Священного Писания¹³.

Следующая крупная монография, посвященная теологии Олауса Петри, появилась в 1989 г. Ее автор — К. Гардемейстер — рассматривает отношение Олауса Петри к проблеме божественной воли и предопределения¹⁴. Различным сторонам (и плодам) творчества мыслителя посвящена и коллективная работа «Олаус Петри — многосторонний шведский реформатор», вышедшая в 1994 г.¹⁵ В современной литературе, уделяющей пристальное внимание деятелям скандинавской Реформации, акценты ставятся на роли контекста их трудов, а также местной среды. Наконец, в некоторых трудах, освещающих различные аспекты творчества «местера Улофа» и анализирующих его проповеди, литургические новации и переводы, делается вывод об использовании Олаусом местной католической традиции.

Переосмысление в XX в. ключевых проблем шведской истории и, в частности, правления Густава Васы во многом связано с исследованиями основателя т.н. «гиперкритического направления» Л. Вейбулля. Он был убежден в недостоверности традиционно используемых нарративных источников и основанных на них концепций. В числе прочего, Вейбульл подверг источниковедческой критике повествование хрониста Педера Сварта о Вестеросском риксдаге 1527 г.

Современная скандинавистика, унаследовав традиции, заложенные Л. Вейбуллем, все же в отдельных случаях склоняется к реабилитации источников, забракованных этим ученым. Новейший подход заключается в том, что исследователь, учитывая все трудности источников, тем не менее может отчасти реконструировать по ним объективную реальность, а также выявить позицию автора или его основную идею. И, конечно, нарративные памятники продолжают привлекать ученых, занятых источниковедческими штудиями.

Взаимосвязи Реформации и политического развития Швеции неоднократно вызывали интерес скандинавских историков. Вопрос о подготовке, обстоятельствах проведения и результатах Вестеросского риксдага 1527 г., главным итогом которого было постановление о се-

¹³ *Ingebrand S. Olavus Petris reformatoriska åskådning. Uppsala, 1964.* Предшественником Ингебранда в этом отношении был К. Бергендофф, показавший на конкретном материале близость Олауса Петри к реформаторам-гуманистам. У Ингебранда данное наблюдение получило дальнейшее развитие и теоретическое обобщение.

¹⁴ *Gardemeister C. Den Suveräne Guden. En studie om Olavus Petriteologi. Lund, 1989.*

¹⁵ *Olaus Petri — den mångsidige svenske reformatorn. Uppsala, 1994.*

куляризации церковных земель, — один из ключевых для осмысления этой проблемы. Средневековые шведские риксдаги — “*riksdag*”, “*riksmöte*”, “*allmänt möte*” — возникли еще в XV в.¹⁶ На них собирались представители сословных групп Швеции — дворянства, духовенства, бюргерства, вольных горняков и бондов. Со стороны полноправных торговых городов — чёпстадов на риксдагах был представлен, как правило, городской патрициат — бургомистры и члены магистратов — родманы. Со стороны бондов, т.е. свободных крестьян-собственников, в риксдагах участвовали наиболее зажиточные, «лучшие» бонды. Таким образом, на риксдагах король взаимодействовал с различными слоями общества, в том числе через «верхи» сословий. Политическое значение риксдагов во второй половине XV—начале XVI в. все более возрастало. В свете этого внимание ученых неоднократно привлекал Вестеросский риксдаг 1527 г. — вследствие исключительности содержания и объема обсуждавшихся там вопросов, а также в силу того интереса, который представляют сохранившиеся документальные источники.

Исследователи Вестеросского риксдага — Х. Йерне, Э. Хильдебранд, Л. Шёдин, С. Тунберг, Л. Вейбуль, Х. Ирвинг, С. Чёллерстрём — проанализировали состав участников, показали роль требований и интересов дворянства, выявили последовательность Густава Васы: добываясь усиления своей власти, король использовал настроения и требования сословий¹⁷. Эти штудии, так или иначе, сопряжены с источниковедческим изучением протоколов риксдага и сопутствующих документов.

С вопросом о Вестеросском риксдаге связана и тема роли сословий и социальных групп в политике короля¹⁸. Современные ученые интерпретируют отношения короля и бондов не так, как Э.Г. Гейер¹⁹. Имело место и сотрудничество короны со свободным крестьянством, и их противостояние, столкновение интересов; нередкими были и крестьянские восстания. Столь же неоднозначным является вопрос об отношениях Густава Васы с дворянством, прежде всего, с его высшей группой — магнатами. Работы Э. Хильдебранда, Г. Карлссона, М. Робертса и других

¹⁶ А их непосредственные предшественники — собрания с участием представителей непривилегированного сословия — еще раньше, примерно с начала XIV в.

¹⁷ *Hjärne H. Reformationsriksdagen i Västerås. Stockholm, 1912; Hildebrand E. Gustav Vasa. 1521—1560 // Sveriges historia intill tjugonde seklet. Stockholm, 1903. Bd. III; Sjödin L. Västerås möte 1527 // Historisk tidskrift. 1927—1928. Bd. 47. S. 101—321; Weibull L. Västerås riksdag 1527; Yrving H. Gustav Vasa, kröningfrågan och Vasteras riksdag 1527. Lund, 1956; Kjällerström S. Riksdagen i Västerås och “goda, gamla, kristliga sedvänjor” // Historisk tidskrift. 1960. Bd. 80. S. 385—411.*

¹⁸ Ср.: *Смирин М.М. Геста Иоханессон, Церковная реформация в северных странах [О докладе шведского ученого на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме] // СВ. 1961. Вып. XX. С. 309—313*

¹⁹ *Behre G., Österberg E., Larsson L.O. Sveriges historia 1521—1809. S. 35—41.*

исследователей показывают: Густав Васа стремился к сотрудничеству с дворянством, к опоре на него, и одновременно ослаблял могущество магнатов²⁰. Немаловажную роль для короны играли отношения с бюргерством (которые также не были лишены противоречий). В целом шведское бюргерство в указанный период явилось опорой короля²¹.

В исторической науке убедительно обобщен опыт исследования Реформации в Швеции²², которая определяется как процесс создания национальной церкви, отвечавший потребностям государственной централизации. Вместе с тем дискуссионными (особенно в силу новейших тенденций в историографии)²³ остаются вопросы о динамике реформ (т.е. началась ли Реформация в 1520-е или лишь в 1540-е гг.), об их социальной базе (реформы сверху, или также движение «снизу»), о причинах толерантности реформаторов.

Все сказанное определяет основные направления моей работы. Во-первых, в ней анализируются особенности ранней Реформации как социально-политического процесса, а во-вторых, Реформация рассматривается автором именно как церковная реформа.

Как известно, в XVI в. слово «реформация» означало реформу чего-либо и применялось при обозначении преобразований церкви. Историография подчас вкладывает в понятие «реформация» различные смыслы. Уместно в связи с этим дать следующее определение: Реформация — это особая реформа церкви (а также подготовка к ней, сама попытка проведения и движение за преобразование), которая в основном завершилась в ряде стран Европы к концу XVI в.; для нее, как правило, характерна совокупность ряда признаков: 1) выход национальной (или региональной) церкви из-под власти Рима; 2) серьезные изменения социально-экономического, политического и юридического статуса церкви и духовенства и, соответственно, отношений церкви со светской властью и обществом; 3) существенные трансформации в области цер-

²⁰ *Hildebrand E. Svenska statsförfattningens utveckling. Stockholm, 1898; Idem Gustav Vasa 1521—1560. Stockholm, 1902; Roberts M. On Aristocratic Constitutionalism in Swedish History, 1520—1720. L., 1966.*

²¹ *Peterzen I. Studier rörande Stockholms historia före Gustav Vasa. Stockholm, 1945; Ahnlund N. Stockholms historia före Gustav Vasa. Stockholm, 1952; Norborg L.-A. Krona och stad i Sverige under äldre Vasatid // Historisk Tidskrift. 1963; Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980; Она же. Социальная характеристика шведского бюргерства в XIV—XV вв. // Средневековый город. 1981. № 6. С. 40—44; Она же. Купеческая среда и средневековая балтийская общность // Цивилизация Северной Европы. СПб., 1992. С. 65—74; Westman K.B. Reformation och revolution. En Olavus Petristudie. Uppsala, 1941.*

²² *Kjellerström S. Kyrka och samhälle i Sverige efter reformationen. Promotionsföreläsning i Lunds domkyrka den 31/5 1967. Lund.*

²³ Речь идет, прежде всего, об упомянутой в начале этого обзора монографии М. Ньюмана.

ковной догматики и богослужения, основанные на богословских идеях Лютера и ряда других теологов, которых принято именовать протестантскими теологами.

Этим «Реформация» и ограничивается; однако, рассматривая ее как исторический феномен, специалист должен представлять ее в совокупности со множеством политических, социально-экономических, психологических, духовных и культурных предпосылок, причин, последствий и взаимосвязанных с ней процессов, характерных для раннего Нового времени.

Как уже указывалось, под ранней Реформацией в Швеции я имею в виду период с начала 1520-х гг. (проникновение в страну реформационных идей и начало сотрудничества Густава Васы с реформаторами) до начала 1540-х гг. — время завершения первой стадии реформационных преобразований и, одновременно, определенного, ярко выраженного этапа политики монарха, направленной на усиление королевской власти. В области идейного и духовного руководства Реформацией указанный хронологический отрезок связан с плодотворной деятельностью Олауса Петри и Лаврентиуса Андреэ. Данный этап вообще весьма интересен, драматичен, судьбоносен. В считанные годы — и даже, отчасти, в считанные дни — были приняты решения, во многом определившие судьбу страны на столетие вперед. Предстояла долгая борьба за реализацию и продолжение реформ, но основы заложены в 1520-е—1530-е гг. В связи с этим рассматриваемый период интересен как переходный. По сути и духу соответствуя Новому времени, он в то же время сохранял связь со средневековыми традициями, культурой, менталитетом. В дальнейшем, вследствие экономических, общественно-политических и культурных изменений и в силу развития страны и Европы в целом, Швеция сильно изменится. Средневековое прошлое, по-прежнему вызывая пристальный интерес, уже будет, однако, восприниматься как историческая древность, национальная старина — вне органической связи с современностью.

Указанная проблематика определяет выбор источников. С начала XV в. (возможно, и ранее) в Швеции с важных государственных актов снимались копии, из которых формировались особые архивные дела или книги — т.н. «регистры»²⁴. С конца XV в. практика создания подобных сводов становится более систематической, появляются крупные собрания копий — «регистратуры». При Густаве Васа такая «Регистратура» велась в течение всего его правления и включала в себя копии государственных постановлений, а также списки с посланий, исходящих

²⁴ См.: Schuck H. Rikets brev och register. Stockholm, 1976.

от короля и Государственного совета. В конце XIX—начале XX в. эти материалы опубликовали. При издании документы были расположены в хронологическом порядке²⁵ (в подлиннике они размещены весьма бессистемно)²⁶, дополнены материалами из других собраний, снабжены аннотациями. В остальном памятники изданы в точном соответствии с рукописным оригиналом, за исключением того, что многие сокращения раскрыты.

Выбор «Регистратуры» Густава I в качестве одного из основных источников обусловлен многоплановостью и информативностью этого собрания документов. В нем представлена политическая история Швеции, отраженная в указах, постановлениях, резолюциях, письмах, протоколах. «Регистратура» содержит памятники экономической истории Швеции: ленные грамоты, торговые договоры, контракты, предписания фогдам. Имеются сведения о религиозной жизни, культуре, менталитете шведов — правда, преимущественно в контексте взаимоотношений подданных с королем. И, конечно, «Регистратура» является памятником истории короля Густава I, его личности и политики.

В другом собрании источников — политических актов — представлены не только протоколы риксдагов, заседаний риксрода и т.п., но и ряд резолюций, писем, постановлений, заимствованных из городских, церковных и иных архивов и библиотек²⁷. Документы систематизированы, снабжены источниковедческими комментариями.

«Документы по истории реформации и церкви» дополняют собой материал по истории церковной реформы, содержат материалы, отсутствующие в других собраниях опубликованных памятников²⁸. Интересным источником является также переписка линчёпингского епископа Ханса Браска²⁹. В начале 20-х гг. XVI в. иерарх фактически оказался лидером шведской церкви. Его корреспонденция разнообразна; в настоящей работе использованы письма, в которых отражена борьба вокруг реформационных идей, распространившихся в Швеции в 1520-е гг.

²⁵ Konung Gustav den Förstes Registratur // Handlingar rörande Sveriges historia. Serien I. Stockholm, 1861—1916. Hft. I—XXIX.

²⁶ Ср. копии подлинника на микрофишах в Государственном архиве Швеции (там же хранится и оригинал).

²⁷ Svenska riksdagsakter jämte andra handlingar som höra till statsförfattningens historia. Ser. I. Stockholm, 1887—1938. Hft. I—II.

²⁸ Handlingar till Sverges reformations- och kyrkohistoria under Konung Gustaf I. Stockholm, 1841—1842. Hft. I—II.

²⁹ Brask H. Latinsk korrespondens 1523. Stockholm, 1973; Samling af Biskopen Hans Brasks Bref, giord af framledne Ärke-biskopen Doct. Eric Benzelius den yngre, sådan som den finnes på Linköpings bibliotek. Linköping, 1793.

Из городских книг времени правления Густава Васы сохранились только книги Стокгольма, Йенчёпинга, Арбоги и Энчёпинга³⁰. Это протоколы магистратов — т.н. “tänkeböcker”, «памятные книги». Они (прежде всего, книги Стокгольма — наиболее подробные из всех) содержат документы, имеющие отношение к Реформации, — записи, касающиеся редукации церковной собственности, материалы об участии стокгольмских бюргеров в Реформации.

Сочинения Олауса Петри³¹ дают представление о мировоззрении шведского гуманиста-реформатора, о его религиозных взглядах. В контексте данного исследования непосредственный интерес представляли богословско-полемические труды Олауса Петри, а также некоторые труды практического назначения: проповеди, наставления. И, конечно, важны работы реформатора, в которых раскрываются его социально-этические взгляды: «Шведская хроника», проповедь на коронации Густава Васы.

«Хроника короля Густава I» Педера Сварта — произведение, посвященное правлению Густава Васы³². Как и любой нарративный памятник, она не безупречна. Историки XX в. подвергли сомнению некоторые сообщения Сварта, отметив, что его хроника — по сути, апология Густава Васы. И все же это — один из основных источников по истории Швеции данного периода.

В работе использованы также дополнительные материалы — памятники по средневековой церковной, политической и правовой истории Швеции, в частности, средневековые законы³³, которые действовали в описываемую эпоху, а также сборники проповедей — постиллы³⁴.

Комплекс всех источников дает исследователю содержательную картину как политической истории Швеции, так и истории идей в стране.

³⁰ Arboga stads tänkebok III, 1493—1533 / Utg. av E. Noreen och T. Wenningström. Uppsala, 1939—1940; Arboga stads tänkebok IV, 1534—1569 / Utg. av E. Noreen. Uppsala, 1941—1950; Enköpings stads tänkeböcker 1540—1595 / Utg. av S. Liung. Stockholm, 1960—1966; Jonköpings stads tänkebok 1456—1548 / Utg. af C.M. Kjellberg. Jonköping 1915—1919; Stockholms stads tänkeböcker 1544—1548 / Utg. genom J.A. Almquist. Stockholm, 1936; Stockholms stads tänkebok 1524—29 mm. av m:r Olaus Petri Phase / Utg. av L. Larsson. Lund, 1929—1940.

³¹ *Olaus Petri. Samlade Skrifter*. Uppsala, 1914—1917. Bd. I—IV.

³² *Peder Swart. Konung Gustav I:s kronika*. Stockholm, 1912.

³³ *Konung Christoffers landslag / Samling af Sveriges gamla lagar / Utg. af D.C.F. Schlyter*. Lund, 1869. Vol. XII; *Konung Magnus Erikssons Landslag / Samling af Sveriges gamla lagar / Utg. af D.C.F. Schlyter*. Lund, 1862. Vol. X; *Magnus Erikssons Stadslag i nusvensk tolkning av Åke Holmbäck och Elias Wessén*. Lund, 1966; *Svenska landskapslagar. Tolkade och förklarade för nytidens svenskar av Åke Holmbäck och Elias Wessén. Östgötalagen och Upplandslagen*. Stockholm, 1933.

³⁴ *Svenska medeltidspostillor utg. af Svenska fornskrift-sällskapet*. Stockholm, 1905—1906, 1909—1910. Bd. IV—V.

При этом ряд памятников (привилегии городам, жалованные грамоты, списки пожалований, охранные грамоты, протоколы заседаний риксрода, протоколы риксдагов, постановления короля) содержат сведения о расстановке сил в обществе, о роли различных социальных групп в истории периода. Некоторые документы — предписания фогдам, обязательства, указы о пожалованиях — дают представление об экономической политике короля, которая была связана с проведением Реформации.

* * *

В нескольких главах монографии исследованы, в числе прочего, неопубликованные рукописные списки документов, принятых по итогам Вестеросского риксдага 1527 г. Данные списки в основном выполнены в XVI—XVII в. и, по большей части, включены в состав рукописных книг того же времени, in folio или in quarto. Материалом в этих книгах, как правило, служила бумага (значительно реже пергамен). Переплет выполнен из кожи или бумаги. Некоторые из томов иллюстрированы. Сохранность вполне хорошая. Большинство документов написано на среднешведском, либо ранненовошведском языке. При создании списков, за отдельными исключениями, использовано общераспространенное в Германии и Скандинавских странах того времени письмо — неоготический курсив (в Швеции его часто называют «немецким»). Документы и фрагменты на латинском языке написаны, опять же по традиции того времени, другим популярным письмом — гуманистическим курсивом. По содержанию эти кодексы делятся на несколько разновидностей. Первая категория представлена сборниками копий средневековых документов, составленных аристократами, прежде всего выдающимися политическими и культурными деятелями Швеции конца XVI в. — Эриком Спарре³⁵ и Хогеншильдом Бьельке³⁶; некоторые копии сняты этими магнатами собственноручно. Внимание аристократов к средневековым рукописям отчасти обусловлено интересом к древности, который в духе времени продиктован ренессансной модой. Считалось, что представители элиты должны иметь ученый досуг, проявлять внимание к старине. Но главным стимулом для Спарре и Бьельке являлась борьба за права аристократии, на которую, по их мнению, надлежало опираться монарху³⁷. Поэтому упомянутые сборники копий состоят из средневековых документов по-

³⁵ Riksarkivet (сокр.: RA), cod. B7, B8.

³⁶ Uppsala universitetsbibliotek (сокр.: UUB). Cod. E 131 (в двух томах). Из-за темно-зеленого переплета, изготовленного в XIX в., кодекс получил неофициальное название «Зеленая книга Бьельке».

³⁷ Подробно эти идеи были аргументированы Эриком Спарре в трактатах “Pro lege, rege et grege” и “Postulata nobilium”. Эти сочинения стали классическими образцами шведской дворянской идеологии конца XVI в.

литико-правового содержания, подтверждающих древность привилегий шведской знати. К таким памятникам Спарре и Бьельке относили, в числе прочего, итоговые документы Вестеросского риксдага 1527 г.

Помимо указанных кодексов, в монографии использованы другие манускрипты XVI—XVII в., в которых имеются списки интересующих меня документов. Это либо кодексы, либо разрозненные листы из собрания Уппсальской университетской библиотеки. Местонахождение памятников не случайно: Уппсала — средоточие образования и науки (в частности, богословия, юриспруденции, истории, филологии), а также церковный центр Швеции. Неудивительно, что именно в библиотеке Уппсальского университета собраны многие рукописные книги, составленные из документов правового содержания (серия «В»³⁸), исторических источников (серия «Е»), памятников по истории шведской церкви (серия «К»). Что касается документов, хранящихся в Государственном архиве, то особый интерес, помимо упомянутых кодексов Спарре, представляют разрозненные листы — копии с постановлений риксдагов. Имеющиеся там списки с резолюций риксдага 1527 г. значительно отстоят по времени от самого события и поэтому представляют ценность для уточнения источниковедческой характеристики документов³⁹.

В целом использованный рукописный материал позволил обогатить представления о важных для шведской истории источниках, ввести в оборот ряд рукописных списков, сделать находки и получить самостоятельные выводы.

* * *

В современной исторической науке большое внимание уделяется новым взглядам на исторические проблемы, неожиданным ракурсам исследования. При этом подчас сочетаются традиционные и новые подходы. В итоге даже в рамках одной работы возможно получение выводов, внешне противоречивых, но в действительности дополняющих друг друга, освещающих разные грани исторической реальности. В отечественной историографии перспективность подобного сочетания убедительно продемонстрировал П.Ю. Уваров в фундаментальной монографии, посвященной французской истории XVI века⁴⁰.

³⁸ В состав таких кодексов входят списки областных и общегосударственных законов, а также статутов, исходящих от правителей и государственных советов Швеции. Кроме того, присутствуют выписки из памятников шведского, канонического и римского права, комментарии, правовые казусы.

³⁹ RA R 4724.

⁴⁰ См.: Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.

В настоящей монографии⁴¹ я применяю схожий метод, подробно рассматривая вопрос о том, как духовный лидер шведских реформаторов — Олаус Петри — раскрыл себя в ином амплуа, т.е. в качестве историка⁴². И здесь несомненным подспорьем явилась моя работа по подготовке комментированного научного перевода «Шведской хроники» — объемного и содержательного исторического труда, созданного Олаусом Петри. Полученные результаты оказались ценными и интересными, позволили обогатить и уточнить научные представления о лидере шведских реформаторов.

* * *

Предлагаемая вниманию читателей книга — результат многолетних исследований автором этих строк социально-политической, правовой и церковной истории Швеции эпохи Реформации. За плодотворную дискуссию я благодарю члена-корреспондента РАН П.Ю. Уварова, д.и.н. Т.Н. Джаксон, д.и.н. Е.А. Мельникову, д.и.н. М.А. Юсима и других сотрудников Института всеобщей истории РАН. Глубоко признателен д.и.н. А.А. Селину, члену-корреспонденту РАН Ф.Б. Успенскому, д.ф.н. М.Ю. Люстрову, д.и.н. А.Ю. Серегиной, д.и.н. М.С. Бобковой, д.и.н. А.Г. Глебову, почетному доктору Упсальского университета Т.А. Тоштендаль-Салычевой, д.и.н. С.А. Прокопенко, к.и.н. И.О. Ермаченко, к.ф.н. В.Л. Задворному, к.ф.н. И.В. Лупандину за содержательные отзывы и ценные замечания. Также хотел бы выразить признательность к.и.н., старшему научному сотруднику ИВИ РАН, главному редактору серии “*Mediaevalia*” А.К. Гладкову за научное редактирование книги и организационную работу по ее подготовке к печати.

Отдельную благодарность за обсуждение конкретных научных проблем и подготовку отзывов на мои исследования считаю необходимым адресовать шведским специалистам — профессору Улле Ферму, профессору Марии Огрен, профессору Андерсу Ярлерту, профессору Ларсу Хермансону, доктору Перу Стобеусу и доктору Хенрику Огрену.

⁴¹ Книга создана на основе защищенной в 2015 г. в ИВИ РАН докторской диссертации, ряд разделов которой апробирован в трудах: 1) *Щеглов А.Д.* Вестеросский риксдаг 1527 г. и начало Реформации в Швеции (М., 2008) и 2) *Олаус Петри.* Шведская хроника / Пер., послесл., коммент. А.Д. Щеглова (М., 2012), а также в других публикациях автора.

⁴² Источники и историография данной проблемы подробно рассмотрены в главе VIII.

Глава I

Швеция накануне
Вестеросского
риксдага

§ 1. Шведское общество перед Реформацией

В начале XVI в. Швеция — сравнительно малонаселенная страна с неравномерным распределением жителей. Высокой плотностью отмечены районы центральной и восточной Швеции вокруг озер Меларен и Ельмарен (историческая основа верхней Швеции — Свеаланда) и некоторые местности южношведских (ётских) провинций: Вестеръётланда, Эстеръётланда и, частично, Смоланда. В Финляндии заселенными регионами являлись морские побережья и районы крупнейших озер. Число жителей составляло до 700000—900000 человек в метрополии, и около 250000 — в Финляндии¹. При этом городское население насчитывало лишь порядка 5%. Крупнейшим городом являлся Стокгольм. В начале 20-х гг. XVI в. там жило около 9000 человек, из них лишь 300 полноправных бюргеров². Среди других городов выделялись торговые порты Кальмар, Сёдерчёпинг, Нючёпинг, Нюлёдесе, а в Финляндии — Або и Выборг. Важную роль в жизни королевства играли также центры диоцезов — Уппсала³, Линчёпинг, Скара, Стренгнес, Вестерос, Векшё и уже упомянутый Або.

Главной особенностью социального строя Швеции было наличие свободных крестьян-бондов, в руках которых находилось 45% всей обрабатываемой земли. Бонды владели земельными участками, уплачивая налог королю. В собственности короны к началу правления Густава Васы сосредотачивалось лишь 6% обрабатываемой земли. 24,3% дворов составляла дворянская земля. Чуть более 24,6% дворов принадлежало церкви⁴. Земли короны, светских дворян-фрельсе и церкви обрабаты-

¹ Behre G., Larsson L.-O., Österberg E. Sveriges historia 1521—1809. Stockholm, 1985. S. 8.

² Так мало — вследствие датской осады и «Стокгольмской кровавой бани». Ср. например: Lager B. Stockholms befolkning på 1500-talet // Historia kring Stockholm: Vasatid och stormaktstid. Stockholm, 1966. S. 13—24; Peterzén I. Studier rörande Stockholms historia under Gustav Vasa. Stockholm, 1945. S. 4.

³ Архиепископ Уппсальский являлся главой шведского духовенства.

⁴ По классическим расчетам Э. Хекшера и более поздним вычислениям Л.-У. Ларссона, в результате редукции церковных земель общая площадь коронных земель несколько превзошла площадь фрельсовых владений. Последняя составила 22—23% всей обрабатываемой земли, в то время как совокупная площадь коронной и скаттовой земли — 77—78%. Современные исследования У. Ферма дали иные показатели — соответственно 19 и 81%. См.: Ferm O. Frälsejordens fördelning och omfattning // Historisk tidskrift. Stockholm, 1987. Årg. 107. S. 204—213.

лись держателями-ландбу. Эти арендаторы также являлись лично свободными, но находились в поземельной зависимости от землевладельца.

С XIII в. в Швеции существовало деление на два сословия: свободное и податное. Неподатное сословие — фрельсе⁵ — было обязано нести рыцарскую службу как обязательное условие владения поместьем, или служить Богу. От налогов освобождались как сами фрельсисманы, так и их земельные владения, за некоторыми исключениями: дворянские и церковные держатели — ландбу — исполняли фуражную повинность (фудринг) и обязывались платить экстраординарные подати. Фрельсе было малочисленным: около 500 семей на начало правления Густава Васы. Владения неподатного сословия в основном сосредотачивались в традиционных районах: Упланд, окрестности Меларена, ётские земли, юго-западная Финляндия, Смоланд и Даларна.

Большая часть дворянской земли находилась в руках магнатов⁶ — узкого круга аристократических семей, владевших крупными поместьями, а также державших экономически и стратегически значимые лены. Из высшего эшелона светского дворянства — рыцарей и младших рыцарей (свенов) — король избирал Государственный совет — риксрод⁷, без рекомендации и согласия которого монарх не имел права править страной и принимать важные политические решения⁸.

⁵ “Frälse” (букв.: «свобода», «свободный») — древний общегерманский термин, употреблявшийся, в частности, в средневековой Англии (так, английские иммунитетные грамоты назывались “freols bok”). Особое распространение этот термин получил в Скандинавских странах. В XVI в. он был постепенно вытеснен другим термином: “adel” («дворянство»). Как известно, менялась не только терминология. Если светское фрельсе — средневековое военно-служилое сословие, то, примерно с середины XVI в. “adel” — дворянство в более позднем общеевропейском смысле слова: относительно замкнутый слой помещиков, чье положение в обществе обеспечивалось привилегиями, земельными владениями и отчасти государственной службой. Однако в рассматриваемую эпоху оба термина, применительно к светской части привилегированного сословия, фигурировали как синонимичные, обозначали одну и ту же социальную группу.

⁶ Новейшие выводы, подтвердившие крайнюю неравномерность распределения фрельсовой земли, представлены в упомянутой выше работе: *Ferm O. Frälsejordens fördelning och omfattning*.

⁷ На практике — замещая новыми членами умерших и выбывших по иным причинам.

⁸ Состав, функции и принципы формирования риксрода регулировались общешведским законоуложением — Ландслагом. Король был обязан ввести в Государственный совет архиепископа Упсальского; в отношении остальных духовных и светских кандидатур он формально сохранял свободу выбора. Помимо архиепископа, в риксрод входили двенадцать светских фрельсисманов из числа рыцарей и младших рыцарей — свенов, а также духовные лица, количество которых законом не регламентировалось. На практике членами Государственного совета становились, как правило, светские представители ведущих аристократических родов и епископы.

Аристократия отнюдь не была единой: экономические и политические интересы ее различных групп нередко сталкивались, между ними шла борьба за власть и контроль над страной, соперничество из-за ленов и поместий. В этом противостоянии примерно с середины XV в. часть аристократов поставила своей задачей выход Швеции из неравноправной для нее унии с Данией и Норвегией (1397—1523). В рядах магнатов сформировалось два крыла. Первое, продатское, было заинтересовано в короле, который находился бы «далеко» — в Копенгагене — и не вмешивался в их политику, но в то же время жаловал бы лены и оказывал покровительство. Идеалом другого крыла — прошведского — являлась независимая Швеция во главе с правителем-шведом, представителем местного дворянского рода⁹. В результате антидатской агитации, проводимой «прошведской» партией, борьба против датской монархии превратилась в широкое движение за государственную самостоятельность Швеции, в котором участвовали все слои общества. Бонды, горожане, горняки надеялись, что их положение улучшится с приходом национального правителя, который, как они ожидали, отменит «несправедливые» налоги (не освященные древним обычаем и не утвержденные законами страны), не будет проводить невыгодную для Швеции внешнюю политику и не станет наводнять страну иноземцами¹⁰. В правителе-шведе было заинтересовано и мелкое дворянство, зачастую зависящее от «милости» государя. На разных этапах борьбы антидатское движение получало поддержку духовенства. Однако позиция священнослужителей, как и светской знати, не была однозначной. Клир (особенно его верхушка) стремился соблюсти интересы не только свои, но и церкви (главным образом, институциональные), и во многом этим (а также общественно-политической конъюнктурой в целом) определялись его «прошведские» или «продатские» симпатии.

В достижении государственной независимости и усилении центральной власти были заинтересованы и торговые города. Отстаивая свои политические свободы и экономические привилегии, города и их бюргеры стремились к сотрудничеству с центральной властью¹¹. Это

⁹ Lönnroth E. Slaget på Brunkeberg och dess förhistoria // Lönnroth E. Från svensk medeltid. Stockholm, 1959. S. 143—179; Сванидзе А.А. О движущих факторах общественного развития Швеции в период Кальмарской унии (конец XIV—начало XVI в.) // СС. 1975. Вып. 20.

¹⁰ Не будет вести ненужные для страны войны, пагубно сказывающиеся на хозяйственной жизни Швеции и разоряющие ее население.

¹¹ Шведские торговые города не являлись вольными, они принадлежали к категории т.н. «королевских» городов. Основы их самоуправления были сформулированы в средневековом шведском городском законоуложении — «Стадслаге». Интересы короля в городах представляли специальные должностные лица — городские фогды.

сотрудничество усилилось при правителях второй половины XV—начала XVI в., и в еще большей степени — при Густаве Васа.

Общей предпосылкой складывания национального государства с достаточно высокой степенью централизации являлась экономическая интеграция страны, формирование внутреннего рынка, в котором участвовали все сословия. Данному процессу отвечала и определенная степень культурной и языковой консолидации, развитие общешведского самосознания — при всей стойкости регионально-областных различий.

Антидатская борьба достигла значительного размаха в 60-е—70-е гг. XV в. Патриотические настроения в шведском обществе умело использовал король Карл Кнутссон в борьбе с датским королем Кристианом I. В 1466 г. шведская армия, состоявшая в большинстве своем из крестьян, под командованием Кеттиля Карлссона Васы разбила наемников Кристиана I. В 1471 г. правителем-регентом Швеции был избран знатный фрельсисман Стен Стуре старший. Под его предводительством в том же году шведы нанесли войскам Кристиана II поражение в битве при холме Брункеберг (ныне в черте Стокгольма). Так для Швеции наступил заключительный этап унии — «эпоха Стуре». Именно тогда сформировались предпосылки для создания национальной самодержавной монархии — детища Густава Васы. К важнейшим из этих предпосылок относились общенациональная пропаганда регентов и отчасти связанное с ней усиление национального самосознания. Для регентов Стуре пропаганда, обращенная к различным сословиям, народу в целом, отдельным городам и областям стала мощным оружием — прообразом «диалога» правителей с народом, который впоследствии вел Густав Васа. Практический расчет заключался в том, что бонды, горожане, вольные горняки и мелкое дворянство могли составить выгодный политический противовес дворянской олигархии, а также, участвуя в политических собраниях, придать большую правовую силу и общественный резонанс постановлениям, принятым в интересах правителя. В силу этого, но также по сугубо экономическим причинам все три регента Стуре поддерживали тесные отношения с горно-рудным районом (Бергслагеном) и городами, в особенности со Стокгольмом. Неоднократно (главным образом, в критических ситуациях) регенты Стен Стуре старший (1471—1497 и 1501—1503), Сванте Стуре (1503—1511) и Стен Свантессон (Стен Стуре младший, 1512—1520) обращались за поддержкой к бюргерам, горнякам и крестьянам, апеллируя к национальным чувствам¹².

¹² См. в частности: *Сванидзе А.А.* Эпоха уний в Северной Европе (XIV—начало XVI в.) // СВ. М., 1988. Вып. 50; *Palme S.-U.* Sten Sture den äldre. Stockholm, 1950; *Enemark P.* Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad. København, 1979.

Стремясь усилить государственную власть и свое политическое влияние, регенты Стуре создавали и расширяли компактные территории с замками, поместьями и ленами, дающие правителю: 1) преимущество перед разбросанными владениями соперников; 2) экономический и военный базис; 3) устойчивый контроль над крупными и важными районами; 4) возможность жаловать лены служилым людям и союзникам.

Решительные действия в этом направлении предпринял Стен Стуре младший. Будучи избран на должность регента во многом благодаря поддержке крестьян и бюргеров, а также дворян-ленников, он активно использовал в своей политике собрания представителей сословий — риксмёте (которые позднее стали именовать риксдагами), и менее формальные народные собрания во время традиционных ярмарок и праздников. Играя на национальных чувствах масс, Стен Стуре младший на деле добивался усиления своей власти. Он затягивал (и, по-видимому, фактически срывал) переговоры о признании датских монархов Ханса и Кристиана II королями Швеции, в то же время намереваясь самолично занять шведский престол и тем самым положить конец унии. Однако часть аристократов, ориентировавшихся на Данию, поддержала Ханса и Кристиана, стремившихся к восстановлению унии и, более того, к превращению общескандинавской монархии в наследственную, не связанную конституционными обязательствами по отношению к сословиям северных стран. Начавшийся в 1515 г. конфликт между Стеном Стуре младшим и архиепископом Густавом Тролле (выходцем из датского рода, сыном Эрика Тролле — одного из лидеров продатской партии и главного конкурента Стена Стуре в борьбе за титул регента¹³) приобрел характер международного столкновения. Одним из предметов конфликта был вопрос о правах на замковый лен Альмаре-Стэкет, но по сути противостояние правителя и архиепископа носило политический характер. Кристиан II, поддержавший Густава Тролле, воспользовался столкновением и послал войска на помощь архиепископу. В Швеции, на риксдаге в ноябре 1517 г. архиепископ Густав был объявлен предателем и отстранен от должности. Замок при этом решили снести. Участники риксдага торжественно поклялись сообща держаться принятых решений и вместе нести за них ответственность даже перед папским престолом. Вскоре Альмаре-Стэкет был захвачен войсками регента и разрушен, а мятежный архиепископ взят в плен и подвергнут тюремному заключению.

Кульминация конфликта наступила в начале 1520 г. Датские войска под командованием военачальника Отте Крумпе высадились в Шве-

¹³ Кроме того, дядя архиепископа, Иоаким Тролле, являлся военачальником и сподвижником Кристиана II, активно участвовал в военных действиях против шведов.

ции, дабы восстановить Густава Тrolле в должности архиепископа и возвести Кристиана II на шведский престол. Уже 20 января армия Кристиана II нанесла поражение войскам Стена Стуре, при этом сам регент был смертельно ранен. 6 марта 1520 г. в Уппсале заключили соглашение между членами риксрода и датскими военачальниками, имевшими полномочия от Кристиана II. Среди условий соглашения была гарантия сохранения всех прав и земельной собственности аристократии, отказ Кристиана II от введения чрезвычайных налогов и податей с жителей Швеции, а также амнистия всем, кто участвовал в сопротивлении датскому королю. Тем не менее, несмотря на это соглашение, вдова Стена Стуре Кристина Нильсдоттер (Юлленшерна), поддерживаемая горожанами и преданными дворянами — соратниками регента, отказывалась сдать Стокгольм. Только в сентябре 1520 г. Стокгольм капитулировал на условиях полной амнистии сторонников регента.

После этого король добился, чтобы риксрод Швеции признал его наследственным монархом страны. 4 ноября 1520 г. Кристиан II был коронован в Стокгольме. По завершении коронационных торжеств Густав Тrolле уведомил государя, что покойный Стен Стуре и его главные сторонники из числа дворян, а также несколько бюргеров Стокгольма лично и весь город в совокупности — злостные еретики. В ходе расследования, учиненного Кристианом II и проведенного при не вполне ясных обстоятельствах, обнаружился заключительный протокол риксдага от 23 ноября 1517 г. Король и архиепископ незамедлительно использовали этот документ, чтобы обвинить значительное число шведов в ереси. Большинство лиц, имевших отношение к принятию документа, а также множество ни в чем не повинных людей были либо обезглавлены, либо повешены 8 и 9 ноября 1520 г. Среди казненных (не менее 80, вероятно, около 100 человек) — два епископа, дворяне и их слуги, а также немалое количество бюргеров. Это событие получило название «Стокгольмской кровавой бани»¹⁴. Казни состоялись и в других городах и местностях королевства.

Вскоре борьбу шведского народа против датского владычества возглавил Густав Эрикссон (Васа)¹⁵ — молодой энергичный аристократ, как по

¹⁴ Подробно см.: *Weibull L. Stockholms blodbad. Scandia. Stockholm et al., 1928. Bd. 1. S. 1—83; Brilioth Y. Den senare medeltiden. 1274—1521 // Svenska kyrkans historia. Uppsala, 1941; Pirinen K. Källorna till Stockholms blodbad i kanonistisk belysning // Historisk tidskrift. Stockholm, 1955. Årg. 75. S. 241—263; Skyum-Nielsen N. Blodbadet i Stockholm og dets juridiske maskering. København, 1964; Idem. Blodbadet. Proces og kilder // Scandia. Stockholm et al., 1969. Bd. 35. S. 284—352; Weibull C. Gustav Trolle, Christian II och Stockholms blodbad // Scandia. Stockholm et al., 1965. Bd. 31. S. 1—54; Pernler S.-E. Sveriges kyrkohistoria. Stockholm, 1999. Bd. II. Hög- och senmedeltid.*

¹⁵ Имя “Vasa” происходит либо от названия фамильного имени Васа, либо от слова “vass” — «тростник» (по одной из версий, предмет, изображенный на родовом гербе, представлял собой связку или стебель тростника), либо от “vase” — «сноп».

происхождению, так и по воспитанию близкий дому Стуре¹⁶. Бежав из Дании (где он до мая 1520 г. находился в качестве заложника) в Любек, Густав Эрикссон заручился поддержкой ганзейцев — традиционных конкурентов и противников Дании, обещавших помощь в борьбе против Кристиана II. После «Стокгольмской кровавой бани» Густав Васа начал активную агитацию среди шведского народа. Первой областью, поддержавшей нового лидера, была Даларна, где Густав Эрикссон некоторое время скрывался от датчан и одновременно поднимал народ на борьбу. Это не было случайностью: зная свободолюбивый и воинственный характер далекарлийцев, их патриотические настроения, Густав Эрикссон, очевидно, рассчитывал на успех своей агитации в этой области, и его расчет оправдался¹⁷.

В России долгое время употреблялась транслитерация «Ваза» — неправильная, если исходить из норм фонетики шведского языка, но употребимая в других языках — латинском, немецком, польском. В настоящее время в русской научной литературе употребляются обе транскрипции — «Ваза» и «Васа».

¹⁶ Род Васа (представители которого фигурируют в источниках с XIV в.) состоял в родстве с аристократическими домами как Швеции (Стуре, Бьельке и др.), так и Дании (Круммедике, Билле, Рённёв). В середине XV в. Васа придерживались продатской ориентации, однако в конце XV—начале XVI в. примкнули к антидатской оппозиции. Густав Эрикссон родился около 1497 г. В юности он проучился несколько лет в Упсальском университете, а затем прибыл ко двору Стена Стуре младшего, где приобрел ценный политический и военный опыт. Во время боевых действий против Густава Тролле и Кристиана II молодой Густав Эрикссон командовал отрядами, верными регенту. В 1518 г. он и несколько других дворян (в том числе будущий сподвижник Густава Васы Ларс Сиггесон Спарре) были переданы датчанам в качестве заложников в ходе переговоров Кристиана II и Стена Стуре. Однако в нарушение достигнутого перемирия эти дворяне были вывезены в Данию, где содержались фактически в качестве пленников. См.: *Tegel E.J. Then Stoormechtighe högborne furstes och christelighe herres her Gustaffs fardom Sweriges Göthes och Wendes konungh etc. historia* (далее: *Tegel E.J. Historia*). Stockholm, 1622. S. 1—7; *Hildebrand E. Gustav Vasa. 1521—1560 // Sveriges historia intill tjugonde seklet. Avd. III. Stockholm, 1903. S. 1—12.*

¹⁷ Устная традиция сохранила множество подробностей о пребывании Густава Васы в Даларне. К ним относится и рассказ о длительном лыжном переходе будущего короля от Норвежских гор до Муры, впоследствии давшем название знаменитому международному марафону. Предания об этих событиях стали фиксироваться шведскими священнослужителями по изданному в 1666 г. повелению короля Карла XI. Впоследствии собранный материал использовали ученые и литераторы Нового времени. Опираясь на предания и хроники, они создали своеобразный миф о молодом Густаве Эрикссоне как вожде освободительного движения. См.: *Samuelsson S. Om traditionen som källa för Gustaf Vasas äfventyr i Dalarna // Historiska studier tillägnade professor Harald Hjärne. Uppsala, 1908. S. 125—138. Ср.: Blom J. Gustaf Eriksson Wasa såsom flykting i Dalarna. 1520—1521. Falun, 1901. Известно, что в своей агитации Густав Эрикссон напомнил далекарлийцам об их древней борьбе против иноземного ига — со времен восстания Энгельбректа Энгельбректссона (ок. 1434—1436 гг.). См.: *Ahnlund N. Om femtonhundralets syn på Engelbrekt // Ahnlund N. Engelbrekt. Tal och uppsatser. Stockholm, 1934. S. 85—91.**

В 1521 г. далекарлийцы на поле Мура — традиционном месте народных собраний — избрали Густава Эрикссона «правителем королевства свеев»¹⁸. В июле 1521 г. Густав Васа называл себя правителем Даларны, Хельсинглада, Йестрикланда, Эстерьётланда и Упланда. В августе 1521 г. он именовался «избранным правителем свеев», а после риксдага в Вадстене (август 1521 г.) Густава Эрикссона признали своим правителем жители южношведских областей — Эстерьётланда, Смоланда, Вестерьётланда и Вермланда¹⁹.

Начавшаяся под руководством Густава Эрикссона освободительная война против датчан шла успешно для шведов. Города и замки один за другим сдавались Густаву Васе, признавая его правителем страны. В апреле 1522 г. от имени сословий Швеции было составлено открытое письмо об отказе от верности Кристиану II²⁰. В августе того же года ганзейские города начали совместные со шведами военные действия. В связи с этим, из Любека — главного города Вендской Ганзы — в Швецию были посланы две эскадры, доставившие немецких наемных солдат и рыцарей, присягнувших на верность Густаву Васе, а также оружие, боеприпасы и жизненно необходимые товары. Военная помощь Любека, предоставленная в кредит, оказалась своевременной и эффективной, позволила распустить часть крестьянского ополчения и завершить боевые действия силами профессиональных военных²¹. 29 декабря 1522 г. был издан манифест Густава Васы и риксрода Швеции, адресованный «папе, императору, королям и князьям духовным и светским», где сообщалось о «жестокостях короля Кристиана». В этом письме, как и в дальнейших посланиях такого рода, излагались причины борьбы правителя, риксрода и народа Швеции против Кристиана II. Регент и риксрод заявляли: «Его королевская Немилость» (“hans Kongelige Onåde”) пришел к власти в Швеции не по закону, а насильственным путем и обманом, без легитимных свободных выборов. Далее излагалась история «Стокгольмской кровавой бани» и предшествовавших событий. Кристиан II оказался более жестоким, чем древние гонители христианства — императоры Диоклетиан и Максимилиан, чем турки и язычники. Шведам пришлось свергнуть этого тирана, у них просто не было другого выбора²².

¹⁸ «Хёвитсман» — глава, правитель, руководитель, вожак. В Швеции XV—начала XVI в. это слово часто употреблялось в значении «регент».

¹⁹ Svenska riksdagsakter (далее: SRA). I. S. 1.

²⁰ Ibid. S. 6.

²¹ См.: *Tegel E. J. Historia*. S. 36—37; *Hildebrand E. Gustav Vasa*. S. 28—29.

²² *Konung Gustav den Förstes Registratur* (далее: GIR) I. S. 8—26; ST IV. S. 35—47. Шведы, таким образом, обращаясь к нескандинавским адресатам, апеллировали к важнейшим ценностям ренессансной эпохи: свободе и законности. Несколько иначе расставлены акценты в схожем манифесте, адресованном жителям Норвегии: GIR I. S. 26—31. Политико-правовые традиции норвежцев были во многом близки

6 июня 1523 г. в Стренгнесе Густав Ваза был объявлен королем Швеции в присутствии риксрода, а также дворян, горожан и горняков со всего королевства²³. В связи с этим состоялись переговоры риксрода Швеции с представителями Любека о привилегиях, предоставляемых ему и, частично, Данцигу за оказанную помощь в войне с датчанами и отсрочку выплаты вознаграждения²⁴.

Результатом переговоров были привилегии, чрезвычайно тяжелые для Швеции. Она оставалась союзницей Любека в борьбе против Кристиана II. Любек и Данциг получали право на беспошлинную торговлю в важнейших центрах внешней торговли Швеции — Стокгольме, Кальмаре, Сёдерчёпинге и Або, да и вообще повсюду, а также право прямой торговли с жителями страны²⁵, в частности — поставки предметов роскоши светской знати и высшему духовенству. Другие ганзейские города могли торговать со Швецией лишь с согласия Любека. Всем остальным иностранцам запрещалось торговать со Швецией напрямую. Внешняя торговля Швеции могла осуществляться, таким образом, только через Любек и Данциг²⁶. Шведам не дозволялось вести на Балтике активную внешнюю торговлю на своих судах. Это были, без сомнения, беспрецедентные привилегии, носившие чрезвычайный характер. Со стороны Густава Вазы и риксрода такие уступки являлись вынужденной мерой²⁷.

Избрание короля в Стренгнесе в июне 1523 г. ознаменовало конец Кальмарской унии. Официальным мотивом выхода Швеции из-под власти датской короны была жестокость Кристиана II, которая, по заявлениям шведов, — исключительна²⁸. Вопрос об обстоятельствах восшествия Густава Вазы на престол остается сложным. В сохранившихся документах отсутствуют сведения о приготовлениях к провозглашению его королем; есть лишь данные о переговорах касательно привилегий. Вероятно, в скорейшем избрании Густава Эрикссона были заинтересованы сторон-

шведским. Как и шведы, норвежцы первоочередное внимание уделяли соблюдению древних законов. Поэтому шведы, обращаясь к ним, особенно подчеркивали: Кристиан II не сдержал традиционных обязательств, перечисленных в Ландслаге.

²³ SRA I. S. 6—8; GIR I. S. 63.

²⁴ Этими представителями являлись члены любекского магистрата Берендт Бомховер и Симон Плэниус, ранее прибывшие в Швецию с партией немецких ландскнехтов и оружия. См.: *Tegel E.J. Historia*. S. 5—58; *Hildebrand E. Gustav Vasa*. S. 28—29.

²⁵ Т.е. без посредничества местных торговых городов.

²⁶ GIR I. S. 80—86; ST IV. S. 55—60. Ср.: *Tegel E.J. Historia*. S. 73—75.

²⁷ Интересно, что во время утверждения привилегий имел место открытый протест. Член риксрода, финляндский дворянин Кнут Эрикссон демонстративно отказался приложить к документу свою печать и заявил, что «хорошо понимает, что за этим [соглашением] последует». См.: *Tegel E.J. Historia*. S. 75. Против принятия подобных обязательств категорически возражал также линчёпингский епископ Ханс Браск, который отсутствовал на переговорах с ганзейцами.

²⁸ GIR I. S. 66—78.

ники Стуре, которые надеялись, что новый король станет преемником регентов, будет проводить ту же политику. Есть и другая версия: ключевую роль в избрании сыграли представители Любека, заинтересованные в гарантиях привилегий и уплаты долга. Не менее значим и внешнеполитический фактор: в Дании к тому времени свергли Кристиана II; к власти пришел новый король — Фредерик I. Возможно, шведы, уже зная об этом перевороте, стремились закрепить успех, добившись полной независимости от Дании²⁹.

* * *

Таким образом, в начале 1520-х гг. Швеция окончательно вышла из неравноправной для нее унии с Данией и добилась полной независимости. В стране сложились политические предпосылки формирования централизованного государства с сильной королевской властью. Такому типу государства соответствовала национальная церковь, независимая от папы римского, иноземных прелатов и светских правителей. Миссию создания национальной церкви взяли на себя реформаторы.

§ 2. Первые шаги Реформации

Еще за несколько лет до указанных событий в Швецию начали проникать сведения об учении Лютера. Одним из первых извещений такого рода (и первым, сохранившимся до наших дней) являлось письмо шведского прелата Петруса Магни (Педера Монссона) монахам биргиттинского Вадстенского монастыря от 30 сентября 1518 г. Автор сообщал: год назад некий немецкий доктор богословия, монах августинского ордена, написал в Виттенбергском университете множество тезисов против индульгенций и разослал их, направив, в частности, экземпляр папе. Тот предал бы автора сожжению, если бы мог, однако у упомянутого доктора есть покровители. Другой доктор, в Риме, по поручению папы сочинил ответ на тезисы, но «пытаясь развязать петлю, затянул ее». Посылая шведским монахам материалы диспута, Петрус Магни прибавлял, что сам читал об истории возникновения индульгенций и понял, что они безосновательны. Однако, прибавлял далее автор письма, покаяние (которое сторонники Лютера тоже считали ненужным), напротив, является надежнейшим путем к спасению³⁰.

²⁹ Kumlien K. Sverige och Hanseaterna. Stockholm, 1952.

³⁰ Fant E.M. Specimen academicum de episcopo Lincopiensi Johanne Brask, religionis romano-catholicae in Svecia hyperaspiste. Uppsala, [1790]. P. 5—6.

Главным проповедником нового учения стал Олаус Петри (в миру — Улоф Петерссон). Он родился около 1493 г.³¹ в городе Эребру; по окончании местной городской школы учился в Уппсале, а затем в Лейпциге и Виттенберге³², где по всей видимости посещал выступления Лютера и, возможно, Меланхтона³³. В 1518 г. он возвратился в Швецию; в качестве секретаря поступил на службу к стренгнесскому епископу Маттиасу и был (в сентябре 1520 г.) рукоположен своим патроном в диаконы³⁴. Олаус Петри — очевидец борьбы между сторонниками и противниками Стена Стуре младшего. Вероятно, он стал свидетелем «Стокгольмской кровавой бани», в ходе которой был казнен его начальник и покровитель — епископ Маттиас. Вернувшись из Стокгольма в Стренгнес, Олаус приобрел известность как проповедник и школьный наставник, толковавший, несомненно, в лютеранском духе Ветхий и Новый Завет³⁵. У молодого проповедника появились последователи среди младшего духовенства. Они начали проповедовать в том же ключе.

В Стренгнесе, незадолго до избрания на престол (или непосредственно в связи с этим событием)³⁶ Густав Васа познакомился с «местером Ларсом» — архидиаконом Лаврентиусом Андреэ, опытным и компетентным человеком, одобрявшим проповеди Олауса Петри. Согласно хронике Педера Сварта, король обратился к архидиакону за разъяснением сути учения Лютера. Местер Ларс, откликнувшись на просьбу, рассказал, как Лютер обличил папу, кардиналов и епископов, показав, что их власть не основана на Священном Писании. О том же говорилось в донесениях из Германии, присылаемых осведомителями короля. Густав Васа стал сторонником лютеровского учения³⁷. Думается, это сообщение хрониста справедливо. С осени 1523 г. Густав Васа начал проводить политику, во многом основанную на идеях Лютера, и стал

³¹ Сам Олаус в качестве даты своего рождения указывал 6 января 1493 г. — *Olaus Petri. Samlade skrifter* (далее: OPSS) Bd. IV. S. 560. В современной науке эта дата является дискуссионной.

³² Олаус впоследствии сообщал, что учился в университетах Виттенберга и Ростка, (OPSS. Bd. IV. S. 560) однако специалисты пришли к заключению, что первым университетом являлся Лейпцигский.

³³ См.: *Gardemeister C. Den 'suveräne Gudén. En studie om Olavus Petris teologi. Lund, 1989.*

³⁴ SKN III. S. 82.

³⁵ См.: *Swart. 1964. S. 111; Swart. 1912. S. 84.*

³⁶ Лаврентиус Андреэ осуществлял подсчет голосов при выборах, а на следующий день торжественно объявил об избрании нового короля в Стренгнесском кафедральном соборе. См.: *Holmquist H. Svenska kyrkans historia. Bd. III, Uppsala, 1933* (далее: SKN III). S. 86.

³⁷ *Peder Swart. Gustav Vasas krönika / Utg. J.T. Westin. Stockholm, 1964. S. 111—112* (далее: *Swart. 1964*). S. 111—112; *Peder Swart. Konung Gustaf I.S. krönika / Utg. N. Eden. Stockholm, 1912. (Далее: Swart. 1912).* S. 84—85. Cp.: SKN III. S. 88.

симпатизировать клирикам-реформаторам. Что касается Лаврентиуса Андреса, то вскоре, по-видимому, в том же 1523 г. он занял пост секретаря, доверенного лица и советника короля. Для материального обеспечения «местера Ларса» монарх пожаловал ему право на взимание доходов приходской церкви Вирмо (Финляндия); на них шведская корона имела право патроната³⁸.

Около середины 1523 г. обозначились и те социальные силы, на которые мог опереться Густав Васа. Прежде всего, верные королю дворяне. В связи с выборами государя в начале июня 1523 г. сформировали новый риксрод Швеции. Многие «старые» лидеры аристократии были казнены Кристианом II, и в Государственный совет вошли девять новых членов — сподвижников и боевых соратников короля: братья Аксель и Кнут Андерссоны, Педер Ханссон, финляндские дворяне — братья Эрик и Ивар Флеминги, Бьёрн Клауссон, и еще несколько человек. Будучи менее именитыми и могущественными, чем «старые» аристократы, такие советники (а также многочисленные средние и мелкие дворяне) зависели от милостей короля и были лояльными по отношению к нему. И уже с самого начала своего правления Густав Васа стремился отчасти опереться на иноземцев, использовать их опыт и профессиональные навыки, а также известную оторванность как от родной, так и от шведской национальной среды — политика, традиционная для многих скандинавских монархов. В первые годы правления Густава I таким фаворитом-иноземцем стал военачальник-авантюрист Беренд фон Мелен. Некоторое время спустя на ведущую роль в королевстве выдвинулся немецкий граф Иоханн (на шведский манер — Юхан) Хойский. Из именитых шведских аристократов надежной опорой государя явился Ларс Сиггесон (Спарре), занявший должность марска — одну из важнейших в королевстве.

В ходе освободительной войны против Кристиана II значимой для короля оказалась поддержка его временных союзников из нижней Швеции: Туре Йенссона — авторитетного (в том числе среди бондов) и знатного рыцаря — лагмана в области Вестергётланд, а также опытного, высокообразованного, активного и влиятельного епископа Ханса Браска³⁹. Уже в 1521 г. эти два деятеля, ранее принадлежавшие к продатскому лагерю, перешли на сторону Густава Васы, в результате чего шведский регент получил политическую поддержку и военную помощь, а Кристиан II лишился опоры в Швеции. И, наконец, к союзникам короля из числа фрельсе принадлежали многие представители клира — например, традиционно лояльного Стренггесского диоцеза.

³⁸ GIR I. S. 114.

³⁹ Ibid. S. 3, 54.

Союз с Хансом Браском был скреплен особым договором: Густав Васа обязался не давать никаких ленных пожалований в Эстерётланде без согласия иерарха, а также не заключать внешнеполитические союзы и вести переговоры с иностранными правителями без его санкции⁴⁰. Регент также дал Браску обязательство блюсти все древние привилегии церкви, неприкосновенность ее служителей и владений; кроме того, не составлять с кем-либо из своих подданных союза против других подданных, но одинаково покровительствовать всем⁴¹.

Помимо духовного и светского фрельсе, значительную роль в политике Густава Васы играли города и их бюргерство. Одним из первых постановлений регента являлось данное им в разгар освободительной войны подтверждение всех привилегий Йенчёпинга. Затем последовали аналогичные подтверждения ("stadfästelse") привилегий других городов: Сёдерчёпинга, Скары, Линчёпинга, Кальмара, Уппсалы, Энчёпинга, Выборга, Або, Вестероса, Сигтуны (Стокгольм еще находился в руках датчан). Привилегии, которые Густав Васа давал городам, на протяжении 20-х—30-х гг. порой не раз подтверждались очередными королевскими указами. Густав I учитывал интересы городов и горожан (особенно, если они совпадали с королевскими), считался с их требованиями, давал разъяснения по поводу своей политики. Прежде всего, это касалось вопросов, связанных с финансами и незаконной торговлей в обход установленных торжищ⁴². В целом шведские города (в особенности Стокгольм — крупнейший город Швеции и традиционный союзник правителей-шведов) поддержали Густава Васу, и в большинстве своем сохранили лояльность в отношении короля во время восстаний против него.

В середине 20-х гг. XVI в. Густав Васа принял меры по восстановлению главного города страны, сильно пострадавшего от осады и массовых казней, учиненных Кристианом II. Уже в 1523 г., вскоре после взятия Стокгольма, король обратился к бюргерам всех торговых городов Швеции с призывом к «достойным бюргерам — добрым и верным шведам» переселяться в столицу⁴³, где пустует каждый второй дом, и занимать опустевшие дома⁴⁴. Сохранился также указ (октябрь того же 1523 г.), который предписывал бондам, проживающим в Эстерёт-

⁴⁰ GIR I. S. 3—5. Привилегии Любеку были пожалованы в отсутствие Браска и несмотря на его энергичный протест — в нарушение вышеупомянутого обязательства.

⁴¹ Ibid. I. S. 3—4.

⁴² Ibid. VI. S. 192; 201; 190. SRA I. S. 28. Относительно проблемы заповедной торговли (традиционной для средневековой Швеции) см.: *Сванидзе А.А.* Средневековый город. С. 82—87.

⁴³ У Швеции в это время еще не было официальной столицы, но Стокгольм уже де факто являлся и подчас именовался столицей (шв. "huvudstad").

⁴⁴ В Стокгольме к моменту издания указа число налогообязанных бюргеров сократилось с 1200 (на 1519 г.) до 308. См.: *Hildebrand E.* Gustav Vasa. S. 308.

ланде, заменять горожан Линчёпинга, убывших в Стокгольм; переселяющимся бондам даровали статус бюргеров⁴⁵. И уже в самом начале своего правления Густав I налаживал связи с патрициатом шведского происхождения. Одно из первых постановлений Густава Васы, еще в бытность регентом, — подтверждение прав бургомистра Андерса Симонссона на две усадьбы в приходе Вонга в Эстерьётланде⁴⁶. Уже эти меры Густава Васы привели к усилению в столице шведского национального бюргерства — потенциальной опоры короля.

В отношении Стокгольма король, что вполне закономерно, занимал двойственную позицию. Он хотел и опереться на Стокгольм, и подчинить его, диктовать свои условия. В нарушение старинной традиции он не стал подтверждать привилегии Стокгольма сразу после капитуляции, а лишь пообещал сделать это в будущем. Тем самым он дал понять: все зависит от того, как бюргеры себя поведут⁴⁷. Бюргеры проявили лояльность. Когда спустя некоторое время, в 1524 г. монарх спросил горожан, кого бы они хотели видеть в составе городского совета, те ответили: кого пожелает король. Воспользовавшись этим, Густав Ваза сделал членами магистрата и бургомистрами своих союзников и угодных людей. Кроме того, он назначил городским секретарем Олауса Петри, предписав, чтобы тот имел право голоса в магистрате⁴⁸. Почти все (за одним исключением) новоиспеченные члены городского совета являлись шведами, а все выбывшие — немцами. Вместе с тем король продолжал отчасти опираться на немцев. Достаточно высокое положение сохранили немецкие патриции Стокгольма, оказавшие Густаву Вазе помощь. Быстрого возвышения в 1520-е гг. добились немцы — сподвижники Густава Васы: доселе безвестные Бранд Готскалькссон и Ханс Бёкман стали стокгольмскими родманами, мореплаватель-капер Стафан Сассе — бургомистром⁴⁹.

Что касается шведских бюргеров, вошедших в городской совет по воле Густава Васы, то многие из них, в том числе два новоиспеченных бургомистра, являлись провинциалами — переселенцами из других городов, новиками не только в стокгольмском магистрате, но и вообще в Стокгольме⁵⁰.

В 20-е—30-е гг. выборы бургомистров осуществлялись на основе компромисса между магистратом и королем⁵¹. Правители Швеции и

⁴⁵ GIR I. S. 155. В Стокгольм переселялись также бюргеры из Сёдерчёпинга и Упсалы. Кроме того, возвращались стокгольмские бюргеры «прошведской» ориентации, ранее покинувшие город. См.: *Peterzén I. Studier*. S. 4—5.

⁴⁶ GIR I. S. 2—3.

⁴⁷ *Peterzén I. Studier*. S. 3—4.

⁴⁸ *Kjöllerström S. Gustav Vasa och reformatörerna // Scandia*. 1970.

⁴⁹ *Peterzén I. Studier*. S. 5—6.

⁵⁰ *Ibid.* S. 7.

⁵¹ По древней формуле подобных компромиссов: магистрат представлял королю на выбор трех кандидатов, король по своему выбору утверждал одного из них.

раньше стремились диктовать свою волю бюргерам при избрании городских должностных лиц. Так поступал Стен Стуре младший и, особенно, Кристиан II. Но именно Густав Васа придал этому вмешательству особо крупный масштаб⁵².

Вскоре после избрания Густава Васы королем обозначились острые проблемы, требовавшие решения: 1) назначение новых епископов; 2) коронация монарха; 3) уплата долга Любеку; 4) покрытие других государственных расходов; 5) народное недовольство в связи с тяжелым положением населения Швеции.

К 1523 г. шведская церковь фактически осталась без руководства. Архиепископ Густав Тролле бежал из страны и, в связи с июньским избранием короля, был низложен риксродом — это своего рода повторное низложение архиепископа светскими властями⁵³. Среди членов Уппсальского соборного капитула имелись сторонники Тrolle. Однако еще в марте 1523 г. в письме к капитулу члены риксрода категорически заявили: архиепископская кафедра является вакантной. И поскольку уппсальское духовенство не внесло вклад в борьбу с королем Кристианом, то, в порядке компенсации, покуда не будет избран новый глава шведской церкви, доходы от архиепископских владений должны поступать регенту⁵⁴.

Члены Уппсальского соборного капитула в 1523 г. (по-видимому, весной) избрали нового настоятеля — Иоханнеса (Йенса) Лаврентии. Густав Васа одобрил выбор, но потребовал, чтобы, по древнему обычаю, регент лично представил Йенса Лаврентии капитулу — иначе-де будет создан прецедент, нежелательный для последующих правителей. Король также просил вести в капитул своего капеллана Юхана Сассе в награду за службу, которую тот сослужил регенту и стране. При этом надлежало незамедлительно пожаловать Сассе пребенду или каноникат — из числа лучших в Уппсальском диоцезе⁵⁵. К новоизбранному Йенсу Лаврентии Густав Васа обратился с аналогичными пожеланиями: 1) представить выборы как утверждение инициативы короля (т.н. “*jus presentandi*”); 2) содействовать введению Юхана Сассе в состав капитула. Кроме того, король просил как можно скорее ознакомить его с грамотами, касающимися порядка назначения настоятелей⁵⁶. Вероятно, монарх был не прочь использовать старинные традиции, касающиеся конкретного кафедрального собора, в качестве прецедентов, относящихся к церкви вообще. Таким образом, Густав Васа еще до Реформации старался по возможности контролировать церковь — по праву древнего обычая. В этом

⁵² *Peterzén I. Studier.* S. 5—11.

⁵³ См.: SKH III. S. 86.

⁵⁴ GIR I. S. 36—37; ср. SKH III. S. 86.

⁵⁵ GIR I. S. 61.

⁵⁶ *Ibid.* S. 62—63.

не было ничего нового, такова традиционная политика скандинавских правителей. Но в скором времени она получила мощное подспорье в виде реформационной идеологии.

Что касалось епископских должностей, то в пяти шведских епархиях они вскоре после «Стокгольмской кровавой бани» оказались незанятыми. Ставленники датского короля датчанин Йенс Белленак и немец Дидрик Слагек, назначенные на место казненных Стренгнесского и Скарского епископов, уже в 1521 г. покинули Швецию⁵⁷. Абовский епископ погиб при кораблекрушении, вестеросский епископ умер на чужбине⁵⁸; векшенский епископ достиг преклонного возраста. Единственным активным лидером шведского духовенства являлся Ханс Браск. Но и он уже был пожилым человеком, часто болел и не всегда мог участвовать в государственных и церковных делах⁵⁹.

Отсюда происходили трудности с коронацией монарха: в отсутствие архиепископа и надлежащего числа епископов, Густава I некому было короновать⁶⁰. Но государю подобная ситуация оказалась в некотором роде даже выгодной: в течение 1523—1526 гг. он намеренно, под различными предложениями откладывал коронацию — по всей видимости, чтобы не зависеть от Браска и вообще от римско-католических прелатов. Вопрос о коронации Густава Васы в середине 1520-х гг. поднимался неоднократно. На риксдаге в Вадстене 1524 г. шла речь о том, чтобы совместить коронацию и свадьбу монарха — дабы не обременять народ двумя экстраординарными поборами (на которые король по закону имел право), а наложить один⁶¹. Браск торопил Густава I с коронацией, и похоже, намеревался лично ее осуществить. Он ссылался на прецедент: короля Карла Кнутссона в XV в. миропомазал епископ Линчёпинга⁶². Но, вероятно, король хотел усилить свои позиции, поставить в подчиненное положение церковь, укрепить финансы и лишь затем формально обрести всю

⁵⁷ *Hildebrand E. Gustav Vasa. S. 53.*

⁵⁸ Когда епископ Отте — сторонник Тrolле и Кристиана II — покинул страну, банды нескольких приходов Вестеросского диоцеза отказались платить епископскую десятину. В феврале 1521 г. регент Густав Ваза предписал им возобновить выплаты, дабы собрать средства на ремонт Вестеросского кафедрального собора, пострадавшего от войны, грабежей и пожара. См.: GIR I. 35—36.

⁵⁹ Ср.: *Kjöllerström S. Kråkla och mitra. En undersökning om biskopsvigningar; Sverige under reformationstidevarvert. Lund, 1965. S. 7—8.*

⁶⁰ По шведским законам, избранный, но еще не миропомазанный король (швед. “vald konung”, лат. “rex electus”) обладал всей полнотой политических, экономических и правовых полномочий монарха. Но, как и повсеместно в средневековой Европе, только коронация знаменовала собой наделение властью свыше, повышала авторитет и возможности суверена — в частности, давала (по обычаю) право посвящать вассалов в рыцари.

⁶¹ GIR I. S. 253, 257, 262.

⁶² *Ibid. S. 299.*

полноту полномочий монарха⁶³. Кроме того, коронация по традиционному римско-католическому образцу сопровождалась особой присягой, которая обязывала короля блюсти привилегии церкви и нерушимость ее владений, оказывать почет духовенству, соблюдать лояльность по отношению к Св. Престолу. Очевидно одно — требования, содержащиеся в такой присяге, расходились с намерениями короля⁶⁴. Для Густава Васы было явно нежелательно получить корону из рук епископов, преданных папе и связанных обязательствами по отношению к нему — в том числе, опять же, вынужденных отстаивать привилегии церкви и не отчуждать без ведома понтифика церковную собственность⁶⁵. Поэтому, вероятно, уже с самого начала поиски компромисса с папским престолом со стороны короля носили фиктивный характер.

Примерно в конце 1522—начале 1523 г. состоялись выборы новых епископов, произведенные, по традиции, соборными капитулами. Кандидаты являлись образованными, деятельными прелатами, принадлежавшими к «прошведской» группировке. В особенности это относилось к избранному на вестеросскую кафедру Педеру Якобссону Суннанвэдери, в прошлом — канцлеру Стена Стуре младшего и врагу Кристиана II. Но вскоре Педер Якобссон написал какие-то грамоты против Густава Васы (содержание их неизвестно). Густав I разгневался и добился от Вестеросского капитула отставки Суннанвэдера. Настоятель кафедрального собора местер Кнут попытался вступить за епископа, и тоже получил отставку⁶⁶. Вестеросским епископом стал высокообразованный и опытный Педер Монссон (на латинский манер, Петрус Магни⁶⁷) — опекун римского «дома Биргитты»⁶⁸. А избранным архиепископом Уппсальским — еще один прелат из т.н. «итальянских шведов» — Иоханнес Магнус. Он прибыл в Швецию в качестве нунция папы Адриана VI (своего бывшего преподавателя по Лувенскому университету) для борьбы с лютеранской ересью. Однако Густав Васа, имея

⁶³ *Yrwing H. Gustav Vasa, kröningsfrågan och Västerås riksdag 1527.* Lund, 1956. Ирвинг, в частности, показал, что мотивы, по которым Густав Васа откладывал коронацию (о необходимости которой ему неоднократно напоминали и прелаты, и светские аристократы, и бонды Даларны и других шведских областей) варьировались и, скорее всего, являлись просто предложениями. Напротив, после риксдага 1527 г. король сам поднял вопрос о коронации, которая вскоре была осуществлена.

⁶⁴ *Kjöllerström S. Kräkla och mitra.* S. 10. Ср.: *Carlsson G., Gustav Vasas kröningsed // Historisk tidskrift.* Stockholm, 1946. S. 321—332.

⁶⁵ *Kjöllerström S. Op. cit.* S. 10—11.

⁶⁶ *Hildebrand E. Gustav Vasa.*

⁶⁷ Выше цитировалось его письмо об учении Лютера.

⁶⁸ «Дом Биргитты» — находившийся в Риме приют для скандинавских паломников, основанный св. Биргиттой. С этим домом были в той или иной степени связаны судьбы многих видных шведских церковных деятелей, в частности — Ханса Браска, Иоханнеса Магнуса, Лаврентиуса Андреэ.

в отношении Йоханнеса Магнуса иные планы, хотел, чтобы тот отбыл в Рим, дабы затем вернуться с более широкими полномочиями⁶⁹. 12 июня 1523 г. члены шведского риксрода направили письменную благодарность папе за посылку легата, выразив надежду, что отныне епископами в Швеции станут шведы, которые, в отличие от мятежного Тролле, будут блюсти согласие в королевстве. Советники заявили, что шведской церкви необходим новый архиепископ — добродетельный и пользующийся благорасположением короля. Они просили наделить легата полномочиями для преобразований шведской церкви⁷⁰. В конце лета — осенью 1523 г. король направил в римскую курию несколько писем, предметом которых являлся вопрос о конфирмации новоизбранных руководителей диоцезов⁷¹. В первом из посланий монарх просил папу назначить на шведские кафедры епископов, лояльных по отношению к королю, а также дать Йоханнесу Магнусу полномочия для проведения реформ. За это Густав Васа обещал искоренить ереси, заставить «схизматиков-москвитов» воссоединиться с Римской церковью⁷², обратить язичников-лопарей в христианство и оказать помощь в борьбе с турками⁷³. Во втором послании король подверг критике Густава Тролле (которого представил как притеснителя церкви) и рекомендовал папе для

⁶⁹ Отъезд Йоханнеса Магнуса был отложен, возможно, в связи с тем, что его избрали архиепископом.

⁷⁰ GIR I. S. 88—99.

⁷¹ Одновременно король делал самоличные распоряжения относительно других церковных должностей: добился, чтобы угодный ему человек был избран архидиаконом Уппсальского кафедрального собора, а также чтобы в Уппсальский капитула был включен придворный капеллан Юхан Сассе. См.: GIR I. S. 61.

⁷² Т.е. организовать крестовый поход против Московской Руси, дабы обратить русских в католичество. На самом деле, это было нереально. Напротив, Густав Васа, испытывая в 20-е—30-е гг. значительные внутренние и внешние трудности (и, несомненно, учитывая как негативный, так и позитивный опыт предшественников — регентов Стуре), стремился поддерживать мир с московским царем. Это было важно для короля не только по военным, экономическим и политическим соображениям, но и в чисто пропагандистском плане. Густав I, обращаясь к подданным, подчеркивал, что его уважают и признают иноземные государи. См.: GIR I. S. 122—123. В 1524 г. Швецией и Русью был подписан мирный договор, подтверждающий ранее заключенный мир (1510 г.). О значимости для Густава Васы мирных отношений с Русью свидетельствуют выдержки из письма от 5 июля 1525 г.: король предписывает избранному епископу Абовскому, а также финляндским светским фрельсисманам и должностным лицам как можно лучше принять русское посольство, прибывшее для мирных переговоров. См.: GIR II. S. 163—164. Лишь позже, в середине XVI в., когда внутренние трудности были преодолены, Густав Васа возобновил традиционную для Швеции агрессивную политику на восточных рубежах.

⁷³ GIR I. S. 129—132. Ср.: *Hildebrand E. Gustav Vasa*. S. 55; SKN III. S. 94. На всех посланиях короля папе стояла подпись Лаврентиуса Андреэ, который, скорее всего, являлся автором или соавтором этих писем.

утверждения новоизбранного Иоханнеса Магнуса⁷⁴. В третьем письме была повторена просьба о конфирмации архиепископа и епископов, а также появилось новое пожелание: понтифик должен, ввиду бедственного положения шведской церкви, проявить снисходительность в вопросе об уплате взносов за утверждение шведских епископов в должности⁷⁵. Тем временем, Густав Тролле стал добиваться восстановления своих прав. Его поддержали датский король Фредерик I и папа Адриан VI. Густав Васа в посланиях кардиналам и папе возмутился: мятежник, кровопийца и изменник Тролле недостоин не только духовного звания, но и жизни. Если папа не изменит своей позиции относительно Тролле, король самостоятельно займется церковными делами в своих владениях⁷⁶. Тролле же получил письмо от шведского риксрода. Там говорилось: возвращение архиепископа-изгнанника в Швецию нежелательно. Он негоден королю и государственному совету. Жители страны настолько на него разгневаны, что приезд может вызвать всеобщее возмущение и привести к беспорядкам. К тому же Уппсальский капитул избрал нового кандидата в архиепископы, и этот выбор одобрен королем, риксродом и народом Швеции⁷⁷.

Затем в отношениях Швеции с римским престолом возникла новая проблема: незадолго до смерти (14 сентября 1523 г.) Адриан VI назначил Скарским епископом иностранца — Джованни Франческо де Потенца, в прошлом — папского легата в Дании. В Швеции к этому отнеслись с неодобрением. Король⁷⁸ заявил, что назначение иноземцев на высшие церковные посты Швеции — произвол. Густав I еще раз потребовал, дабы понтифик утвердил новоизбранных шведских епископов и избавил их от уплаты взносов за конфирмацию. В случае отказа или задержки с конфирмацией, король обещал утвердить епископов «во имя единого и высшего первосвященника — Христа». Это лучше, нежели допустить, чтобы церковь и вера в Швеции из-за бездействия римского престола пришли в упадок⁷⁹. Преемник Адриана VI Климент VII в свою очередь потребовал, чтобы скарский избранный епископ Магнус Харальдссон отказался от кафедры в пользу Франческо де Потенца. Реакция короля была однозначной: шведы не желают иметь епископов-иноземцев⁸⁰. С дипломатической миссией в Рим был послан брат Иоханнеса Магнуса — Олаус Магнус (впоследствии автор знаме-

⁷⁴ GIR I. S. 132—134.

⁷⁵ Ibid. S. 139—140.

⁷⁶ Ibid. S. 143—150.

⁷⁷ Ibid. S. 159—161.

⁷⁸ Или Лаврентиус Андреэ от имени короля.

⁷⁹ Ibid. S. 172—174.

⁸⁰ Ibid. S. 226—227.

нитых историко-географических сочинений о Северной Европе). Миссия увенчалась частичным успехом: папа поручил Иоханнесу Магнусу временно исполнять обязанности архиепископа. Однако на уступки в вопросе об аннатах Климент VII не пошел. Тогда Швеция (ранее, чем какая-либо другая европейская страна) прекратила официальные сношения с римской курией.

Традиционное изображение начала шведской Реформации таково. Сперва Густав Васа был противником Реформации. Еще в 1523 г. он издал запрет на ввоз, хранение и распространение книг Лютера. В ходе сотрудничества с Лаврентиусом Андреэ и Олаусом Петри, осознав выгоды реформ и не достигнув компромисса с римской курией, король поменял курс. Уже в 1525 г. ориентация Густава Васы на Реформацию была очевидна.

Однако и с самого начала лояльность Густава I в отношении римского престола сомнительна. Весьма вероятно, что запрет на сочинения Лютера на самом деле издан не был. «Открытое письмо» к жителям Швеции, содержащее этот запрет, написано на латыни; шведский перевод отсутствует: для Швеции того времени (начиная с XIV в.) это нелогичное противоречие принятой практике⁸¹. Текст сохранился в списке, без даты и отметок о скреплении печатью. Скорее всего, «открытое письмо» никогда не рассылалось по стране и не зачитывалось публично. Уже в письме Хансу Браску от 8 июля 1524 г. король заявил, что не желает запрещать сочинения Лютера: «По поводу того, что вы пишете о книгах Лютера, что нам следует запретить их покупку и проч., мы не знаем, как можно сделать это разумно, пока они не будут признаны негодными судом беспристрастных судей, а не его противников». Король указал: несправедливо запрещать ввоз и распространение книг Лютера, в то время как труды его противников появляются и распространяются беспрепятственно. Необходимо авторитетное разбирательство по поводу сочинений и учения Лютера. Нет оснований для того, чтобы отказывать последователям этого учения в защите (ранее Браск обвинил короля в покровительстве сторонников Лютера)⁸².

Итак, королевский запрет на деле либо являлся неутвержденным проектом, либо был утвержден напоказ, для отведения обвинений в причастности к учению Лютера. Автором документа, как следует из переписки Ханса Браска, был Иоханнес Магнус.

⁸¹ GIR I. S. 116. Ср.: HVB I. S. 204—205.

⁸² GIR I. S. 231—233; NH 13. S. 56—59.

§ 3. Ханс Браск и борьба против реформационного вероучения

В событиях, связанных с борьбой вокруг лютеранских идей в Швеции, одним из центральных персонажей являлся Ханс Браск. Около 1523 г. Браск начал антиреформационную пропаганду. В письме к Магнусу Харальдссону (февраль 1523 г.) он сообщал: в Германии «лютеранская ересь» идет на убыль, ее распространители преследуются⁸³. Иоханнесу Магнусу (март 1523 г.) Браск жаловался на «неблагодарность» в отношении церкви, которой стало трудно сохранить свое имущество⁸⁴. Напротив, миряне все чаще подают в суд на прелатов — наверное, по наущению и при содействии лютеранских проповедников. Швеция не имеет надлежащего сообщения с Ватиканом. Шведы уже не верят, что распоряжения папы обязательны к исполнению⁸⁵. Иоханнес Магнус в свою очередь сетовал, что шведские прелаты не ставят Рим в известность относительно трудностей местной церкви. Браск возражал: они поступают так, дабы не обострять положение внутри страны и не спровоцировать открытые выступления против Рима⁸⁶.

Как оружие против Реформации в Швеции Ханс Браск использовал копию известного письма папы Льва X кардиналу Каэтану, согласно которому понтифик наделял иерарха чрезвычайными полномочиями для ареста Лютера и суда над ним. Браск послал список эпистолы капеллану Густава Васы Иоханну Сассе⁸⁷. Поводом послужили известия о распространении реформационного учения в Стренгнесе (имелась в виду, очевидно, деятельность Лаврентиуса Андреэ и Олауса Петри). Линчёпингский епископ просил Сассе ознакомить с содержанием письма Льва X шведских ученых мужей — докторов богословия Педера Галле и Эрика Гетинга, а также капитул кафедрального собора в Уппсале.

Из письма Браска к аббату цистерцианского монастыря Ньюдала мы узнаем, что Ханс от своего друга линчёпингского архидиакона Вернера получил распространяемые в Ньюдале сочинения, направленные против монастырской жизни. Браск считал, что аббат обязан составить достойный ответ на распространяемые «глупости»⁸⁸.

За борьбу против набравших силу «лжеучений» и попытки склонить на свою сторону других шведских епископов Ханс Браск получил письменную благодарность от папы Адриана VI. В том же письме пон-

⁸³ *Brask H. Latinsk korrespondens 1523* (далее: HBLK). S. 15—16.

⁸⁴ О том же Браск извещал Густава Васу. См., например: НН 13. S. 32.

⁸⁵ HBLK. S. 20—22.

⁸⁶ *Ibid.* S. 24—25.

⁸⁷ *Ibid.* S. 50—51.

⁸⁸ *Ibid.* S. 60—61.

тифик сообщал о посылке в Швецию легатом Иоханнеса Магнуса для помощи в борьбе против реформационных учений⁸⁹.

Тем временем Браск готовил судебный процесс против Олауса Петри по обвинению в ереси. Для этого, очевидно, по поручению линчёпингского епископа, стренгнесский доктор Нильс Эстьёте (Киндбу) составил список «заблуждений» Олауса Петри и их опровержений с позиций католической церкви. Данный перечень был, в частности, послан Браском в доминиканский монастырь в Кальмаре вместе с антилютеранскими сочинениями, изданными в университетах Кельна и Лувена.

Указанный список — наиболее ранний сохранившийся документ, содержащий более или менее подробные сведения о богословских взглядах Олауса Петри. Отмеченные «заблуждения» молодого реформатора таковы: в Писании нет доказательств того, что св. Анна была матерью Девы Марии; св. Иосиф, муж Пресвятой Девы, являлся не старцем, а юношей; Бог запретил людям нищенствовать; в вопросах спасения души нельзя уповать на людей, в том числе — на Богородицу и на святых; проповедь важнее, чем месса; религиозные ордена бесполезны; следует исповедовать грехи перед Богом, а не перед священником. Один из пунктов «заблуждений» выглядит несколько комично: «Никто вам здесь не проповедовал истину, кроме меня». Комментарий доктора Нильса таков: «Об этом подобает судить более мудрым; святой же Эскиль принял мученичество и был убит именно потому, что проповедовал здесь истину». В целом же Олаус Петри, как видно из документа, основывал свои тезисы на библейских текстах. Оппонент же опирался на богословские сочинения, житийную литературу и тексты молитв; непосредственно на Священное Писание он сослался лишь дважды.

В письме епископу Магнусу Харальдссону линчёпингский епископ просил помочь Иоханнесу Магнусу в организации судебного процесса против Олауса Петри по обвинению в ереси. В том же послании Браск, ссылаясь на сведения, полученные от Уппсальского капитула, сообщил, что проповеди Олауса Петри приобретают все больший успех. А между тем этот человек не признает папских постановлений и привилегий церкви, требует, чтобы церковь отказалась от земельных владений и вернулась к первоначальной бедности⁹⁰.

Процесс организовать не удалось: Иоханнес Магнус уехал в Рим. Браск, недовольный всем этим, продолжил антиреформационную пропаганду. Монахам Вадстенского монастыря он послал некое сочинение «о заблуждениях русских» (“de erroribus Rutenorum”), чтобы те, прочитав, «уразумели, откуда происходит лютеранская

⁸⁹ HBLK. S. 70—71.

⁹⁰ Ibid. S. 84—85.

ересь»⁹¹. Браск также направил монахам перечень «заблуждений» Олауса Петри, и вдобавок обещал прислать некий антилютеранский трактат, написанный английским королем (по-видимому, “*Assertio septem sacramentorum*” Генриха VIII⁹²). Иоханнес Магнус, тем временем, как он полагал, убедил Густава Васу запретить реформационные учения в Швеции и сообщил об этом в послании Браску. Он также самостоятельно составил текст королевского запрета на ввоз, продажу, покупку и использование сочинений Мартина Лютера⁹³.

Закономерным следствием позиции Браска явился конфликт с королем-преобразователем. Поначалу его отношения с Густавом Васой были вполне дружелюбными и основывались на взаимных интересах. Так, Браск сотрудничал с монархом в вопросах назначения кандидатов на церковные должности и распределения церковных бенефициев⁹⁴. В ходе шведско-датской войны линчёпингского епископа интересовала, в част-

⁹¹ HBLK, S. 91—92. Утверждение, что «лютеранская ересь» обязана своим появлением русскому православию, впоследствии будет присутствовать в пропаганде католической оппозиции во время т.н. «колокольного восстания» в 1530-е гг. (GIR VIII. S. 361). Густав Тролле, Ханс Браск, Монс Скарасский, Туре Йеннсон и Йенс Эрикссон сообщают в открытом письме к жителям королевства, что Густав Ваза правит Швецией так, что русские и язычники не могли бы править хуже (“*att icke kunne Rytzer eller hedninge ochristelige regere*”). Антиправославные и русофобские настроения являлись традиционными для Швеции, присутствовали в «Хронике Эрика» и других источниках. С конца XV в. «русская» тема стала для шведской политической пропаганды особенно актуальна — из-за экспансии Московского государства, русско-шведских военных конфликтов, создания русско-датского союза (направленного против Швеции) и обострения пограничных споров. Показательно письмо от 14 апреля 1522 г., в котором далекарлийцы и представители других шведских областей объявили об отказе от верности Кристиану II. В числе прочего, этот король обвинялся в том, что «супротив Бога и святой церкви заключил союз с русскими — жестокими отщепенцами, вечными, явными и ярыми врагами нам и всем христианам» (ST IV. S. 22). В православии Ханс Браск мог увидеть сходство с учением Лютера как в политическом аспекте (отношения светской власти и церкви), так и в плане догматики — комплекс принципиальных вопросов, связанных с учением о «сокровищнице благодати», позиция в отношении браков духовенства. Скорее всего, в данном случае был использован пропагандистский мотив, восходящий ко временам гуситского движения. Центрально-европейские римо-католики утверждали, что якобы от православия произошла гуситская ересь. Впоследствии эти обвинения были перенесены на сторонников Реформации, тем более что ее идеи в представлениях католиков-консерваторов ассоциировались с учением Гуса. Возможно, идею преемственности лютеранства и гуситского учения Браск почерпнул у герцога Георга Саксонского — видного представителя контрреформации, чьи сочинения линчёпингский епископ изучал и пропагандировал. Относительно взглядов Георга Саксонского см., например: *Smolinsky H. Augustin von Alvelde und Hieronymus Emser. Münster, 1983.*

⁹² См. комментарий издателя к данному источнику.

⁹³ См. выше.

⁹⁴ GIR I. S. 45, 55—56.

ности, возможность аннексии южношведской области Сконе. Эта область являлась, по-видимому, очень привлекательной для Браска в силу ее соседства с Линчёпингским диоцезом. При этом иерарх, вероятно, руководствовался также и общегосударственными интересами. Взгляды короля и епископа совпадали и в том, что касалось развития североморской торговли Швеции через Нью Лёдёсе — единственный в то время североморский порт этой страны. Браск поддерживал соответствующие начинания государя, а также настаивал на строительстве каналов, которые соединили бы североморское и балтийское побережье Швеции. Это позволило бы осуществлять судоходство, минуя контролируемые Данией проливы и не уплачивая пошлины⁹⁵.

Вскоре, однако, последовало обострение отношений. В какой-то степени это было вызвано постоянно растущими требованиями со стороны Густава Васы. Уже 20 июня 1523 г., в связи с военными действиями против датчан на территории Финляндии, король пожелал, чтобы Браск послал в помощь шведским войскам как можно больше собственных пеших воинов — “*swæna til foot*”⁹⁶. Спустя несколько дней, 28 июня Густав Васа заявил: ему известно, что Браск хранит в Любеке огромную сумму золотом и серебром⁹⁷. Поэтому он желает, чтобы епископ незамедлительно, в частном порядке,⁹⁸ ссудил королю 100 марок чистого серебра и 5000 гульденов для оплаты ландскнехтов и матросов⁹⁹. А от духовенства Линчёпингского диоцеза монарх особо потребовал вспоможение в размере 400 марок чистого серебра. Днем позже он потребовал на те же цели вспоможение у всех церквей и монастырей страны — как звонкой монетой, так и драгоценной церковной утварью¹⁰⁰. Браск, прочитав первое из этих посланий, охотно согласился послать королю в помощь людей из своей вооруженной свиты. Они, сообщил епископ, поступят в распоряжение государя, как только прибудут с острова Эланд и из Кальмара, где находились в текущем году¹⁰¹. Еще не отправив это сообщение, Браск получил второе письмо. Епископ, по его собственным словам, пришел в изумление: у него нет не только столь значительной суммы, но и вообще наличности — ни в Любеке, ни где-либо еще. Браск решил, что король изменил доброе отношение, поверив наветам какого-то клеветника¹⁰².

⁹⁵ HVB I. S. 144—149; 292—294; 53; 289—290.

⁹⁶ GIR I. S. 97.

⁹⁷ Ibid. S. 99—100, 109—111.

⁹⁸ Т.е. не как служитель церкви, а как частное лицо, подданный шведской короны.

⁹⁹ Собственно, для уплаты представителям Любека, которые рассчитались за короля с наемниками и требовали возмещения этих расходов.

¹⁰⁰ GIR I. S. 100—101.

¹⁰¹ Ibid. S. 299.

¹⁰² Ibid. S. 299—300.

Так или иначе, в дальнейшем Густав Васа, уже не поднимая вопрос о личных сбережениях Браска, продолжал требовать вспоможения от церкви.

Следующая стадия конфликта была также спровоцирована королем, который использовал в качестве повода старый спор линчёпингского епископа с сёдерчёпингским госпиталем относительно десятины. В январе 1524 г. Густав I заявил, что во времена предков на часть десятины, предназначенную для неимущих прихожан (т.н. долю бедняков), распространялось право королевского патроната. На этом основании король потребовал, чтобы епископ предъявил документы, подтверждающие права на указанную часть десятины, угрожая, в противном случае, отчуждением доходов в судебном порядке¹⁰³.

Браск отвечал, что упомянутый спор еще во времена Стена Стуре младшего был решен риксродом. Собственность линчёпингских епископов на якобы «спорные» доходы подтверждена королевскими дипломами, изданными с одобрения риксрода, и неоднократно подтверждена папой. Поэтому она не может являться предметом судебных разбирательств. Епископ «никогда не слышал и не читал», чтобы корона имела больше прав на десятину, нежели церковь. На подобные права раньше притязали только «неправедные короли», и то был с их стороны произвол. Поэтому, если монарх настаивает на таких правах, вопрос об этом является общегосударственным. Спор должен вестись между короной и всеми диоцезами страны¹⁰⁴.

Очевидно, что король пошел на принципиальный спор, будучи вооруженным новой, реформационной идеологией. И все же столкновение во многом носило традиционный средневековый характер. Густав Васа ссылался на старинное право патроната. Позиция Браска, отстаивающего древние права церкви, также была традиционна. В этом смысле события 1520-х гг. как бы повторяли крупные церковно-политические позднесредневековые конфликты — в частности, столкновения накануне восстания Энгельбректа Энгельбректссона и «Стокгольмской кровавой бани».

Несмотря на принципиальный характер конфликта, Браск вновь решил, что попросту попал в немилость короля, который, очевидно, использовал старинный спор как предлог для опалы. Этими соображениями епископ поделился с Туре Йенссоном, предположив, что монарх действует по наущению кого-то из своих советников¹⁰⁵. А в письме сестре Густава I Маргарете (от 9 марта 1524 г.) Браск пожаловался: на службе у государя есть человек, который «обращает все наши слова и деяния к худшему»¹⁰⁶. Епископ просил Маргарету о заступничестве перед королем.

¹⁰³GIR I. S. 185—186.

¹⁰⁴HVB I. S. 153—155.

¹⁰⁵Ibid. S. 157.

¹⁰⁶Браск подозревал, что этим человеком является Лаврентиус Андрез. См.: HSH 17. S. 197.

Обострение противоречий линчёпингского епископа с королем было также связано с очередным побором с церкви. Целью являлось изъятие средств для военной экспедиции на Готланд¹⁰⁷. Браск ответственно отнесся к этому мероприятию, тем более что Готланд входил в Линчёпингский диоцез. Однако епископ не стал выделять требуемую помощь из казны диоцеза (на скудость которой он ссылался в переписке с королем), а переложил побор на плечи бондов¹⁰⁸. Как докладывал Браск в посланиях королю и Туре Йенссону, указанная мера была встречена с пониманием, «хотя кое-кто в народе вел по этому поводу праздные неразумные речи, как всегда бывает при всех поборах...»¹⁰⁹. Но недовольство, сообщил Браск, значительно возросло, когда бонды получили от Густава Васы открытое письмо, где говорилось, что линчёпингский епископ наложил побор по собственной инициативе¹¹⁰. Сбор помощи был сорван; начались волнения. Бонды требовали вернуть пожертвованное, а то и сами отбирали назад собранные средства. В то же время король продолжал требовать от Браска вспоможений¹¹¹.

Браск указал королю и Туре Йенссону, что епископские доходы невелики. Они складываются из ежегодных отчислений из поступлений приходских церквей (размер таких выплат по каноническому праву является ограниченным), и епископской десятины, «за которую мы обязаны [прихожанам] особой службой, как сказано в Разделе о церкви [областных законов]»¹¹². Этих средств хватает только на покрытие расходов, излишков не остается. Браск справедливо усмотрел в действиях короны результат влияния сторонников Лютера¹¹³ и потребовал запретить сочинения последнего¹¹⁴. А в письме Туре Йенссону епископ напомнил об общесо-

¹⁰⁷GIR I. S. 193—195.

¹⁰⁸HBB I. S. 160; GIR I. S. 306; HSH 13. S. 43. Ср.: HSH 13. S. 17—18.

¹⁰⁹HBB I. S. 160, 164; GIR I. S. 306; HSH 13. S. 43.

¹¹⁰HBB I. S. 160—161, 164; GIR I. S. 307; HSH 13. S. 44. Ср.: GIR I. S. 196—197; HSH 13. S. 34—37. Противоречие заключалось в следующем. Густав Ваза рассчитывал, что Браск выделит требуемую помощь из регулярных епископских доходов. Кроме того, бонды Линчёпингской епархии, как и все жители Швеции, должны были внести вспоможение для экспедиции на Готланд — по традиции, на добровольной основе (т.к. речь шла не об отражении внешней агрессии), но фактически в обязательном порядке. Сбором этих пожертвований, так же, как и введенного Браском побора, занимались приходские священники. Таким образом, получилось, что бондам Линчёпингского диоцеза пришлось дважды платить побор на одни и те же цели.

¹¹¹HBB I. S. 161; GIR I. S. 307; HSH 13. S. 44. В августе 1525 г. Густав I посетил Эстерётланд и лично убедился, что в области имеют место народные волнения. Король усмотрел в этом следствие происков Браска. См.: GIR II. S. 191—192.

¹¹²HBB I. S. 165. Ср.: *ibid.* S. 161—162; GIR I. S. 307; HSH 13. S. 45—46.

¹¹³HBB I. S. 163, 165; HSH 13. S. 50.

¹¹⁴Ответом на это был процитированный выше отказ короля запретить книги Лютера.

словных интересах: подобно тому, как светские фрельсисманы свободны от податей и обязаны лишь служить королю, так и духовное фрельсе не должно быть обременено повинностями в пользу властей.

В дальнейшем Браск продолжал борьбу против учения Лютера. Новыми адресатами его антилютеранской пропаганды стали бюргеры Сёдерчёпинга (город находился на территории Линчёпингского диоцеза). Браск призвал бургомистра и магистрат этого города конфисковывать имущество лиц, распространяющих реформационное учение¹¹⁵. Очевидно, Браск обращался к бюргерам неспроста: в Сёдерчёпинге — видном торговом городе — распространялись идеи Реформации. Епископ констатировал: ежедневно «множество иноземцев прибывает сюда в диоцез с вышеупомянутыми еретическими книгами и учением». Внимание Браска привлекла и ситуация в городе Висбю на острове Готланд. Линчёпингский епископ поблагодарил коменданта Висбю за твердость в отношении реформаторов¹¹⁶. А позже, в 1525 г. он направил письмо готландским клирикам, упрекнув их в нерадивости: не забрали доставленный для них на остров Эланд освященный елей — хотя, согласно предписанию, они сами должны были ежегодно отправлять гонца в Линчёпингский кафедральный собор. Браск далее просил клириков не допускать, чтобы на острове распространялась лютеранская ересь. Кроме того, он сообщил: согласно новейшему папскому посланию, жители Линчёпингского диоцеза могут получить отпущение всех грехов, если трижды — в среду, пятницу и субботу — соблюдут пост (в каждый из этих дней читая молитвы “Pater noster” и “Ave Maria”), исповедуются и раздадут беднякам посильную милостыню¹¹⁷.

Тем временем наступление короля на церковь продолжалось. Весной 1524 г. государь, изыскивая средства для похода на Готланд, потребовал от Вадстенского монастыря предоставить короне в порядке займа всю золотую и серебряную утварь. Было изъято, в числе прочего, серебро, предназначенное для раки св. Катерины¹¹⁸. Когда монахи Вадстенского монастыря возмутились по этому поводу и обвинили короля в святотатстве, Лаврентиус Андреэ от имени Густава Васы направил им знаменательный ответ. Церковь — не сообщество клириков, а сообщество верующих, деньги церкви — деньги народа. Так было у ранних христиан; ныне же деньги церкви приравнены к деньгам духовенства и употребляются на ненужные украшения церковных зданий. А эти здания в свою очередь некогда служили для того, чтобы люди слушали в них Слово Божье; теперь же духовенство использует их для собственных целей. Но и церковные здания, и собственность церкви следует использовать для потребностей народа. По-

¹¹⁵HVB I. S. 166—167; HSH 13. S. 52—53.

¹¹⁶HVB I. S. 188—189. Ср.: HSH 14. S. 81—82; HSH 15. S. 13—14; 24—25.

¹¹⁷HSH 14. S. 77—79.

¹¹⁸Дочери и сподвижницы св. Биргитты.

этому, когда жителям угрожает опасность или нужда, допустимо изъятие церковного серебра: «Неужели Бог больше печется о камнях и дереве, чем о людях?». Деньги народа король потребовал на пользу подданных. Так поступали, когда возникала нужда, и ветхозаветные цари. И в Писании они за это не порицаются. А христианнейшего государя, который ныне сделал то же самое, именуют теперь святотатцем. А если биргиттинцы считают, что в трудах Лютера содержится какое-то новое, не во всем правильное учение, они должны подтвердить свое мнение, опираясь на Библию. Но вряд ли им это под силу. Лютер более велик, чем простые люди: он вооружен Священным Писанием, а не биргиттинскими сочинениями¹¹⁹.

В дальнейшей полемике с королем (1525—1526 гг.) Браск напомнил о древности и незыблемости привилегий светского и духовного фрейлсе. Нарушение этих исключительных прав, подтвержденных королевскими дипломами, приведет к ослаблению короны¹²⁰.

Между тем государь продолжал наступление на церковь. Иноземные наемники остались в Швеции; для их содержания Густав I потребовал большую часть церковной десятины. Монастыри должны принять этих наемников на постой, выполняя, таким образом, повинность постоя-кормления — бурглэге¹²¹. Браск заявил, что король таким образом вводит в стране иноземное право, вопреки собственной присяге, шведским законам и привилегиям церкви¹²². Епископ, тем самым, обвинил короля в нарушении одной из основополагающих статей Ландслага, согласно которой в стране запрещалось вводить и применять иноземные правовые нормы¹²³. В принципе Браск признавал возможность таких повинностей, если между короной и монастырем существуют отношения патроната¹²⁴. Однако, указал он, корона никогда не являлась патроном тех монастырей, от которых Густав I потребовал выполнения бурглэге. Напротив, свобода этих обителей от повинностей подтверждается многими старинными грамотами¹²⁵.

¹¹⁹ HSH 17. S. 205—212.

¹²⁰ HVB I. S. 173. Ср.: SKN III. S. 101.

¹²¹ Обоснование было таково. У короны нет средств на оплату наемников. А их присутствие необходимо, поскольку Сёрен Норбю высадился в Сконе и Блекинге и таким образом создал непосредственную угрозу для Швеции. Новый же побор король ввести не может, не посоветавшись с «достойными людьми».

¹²² HVB I. S. 176; GIR II. S. 273; HSH 14. S. 35—36. Браск имел в виду, что король ввел в Швеции обычай, заимствованный из Германии и Дании. Непосредственным образцом для Швеции в данном случае являлась Дания.

¹²³ Ср: MEL S. 5.

¹²⁴ Если правящий король или какой-либо из предыдущих королей основал монастырь или церковь, пожертвовал крупные средства или земли, оказал покровительство — на условии ответных обязательств монастыря или церкви по отношению к короне. Такие обязательства формально носили добровольный характер и соблюдались в порядке благодарности.

¹²⁵ HVB I. S. 177—178; GIR II. S. 213—244; HSH 14. S. 36—37.

Новым поводом для претензий Браска к королю стала женитьба Олауса Петри¹²⁶. Епископ заявил, что дети от такого брака будут приравнены к незаконнорожденным. Когда же «лагманы и другие духовные и светские судьи не захотят судить против закона», дело передадут на суд короля, и тот будет поставлен перед выбором: либо признать незаконное происхождение детей, либо пойти одновременно против римского¹²⁷, канонического и шведского права.

По-видимому, шведские реформаторы того времени не раз обращали внимание, что у православных христиан приняты браки духовенства. В связи с этим Браск оговорил: в Греции и других странах, где имеют место подобные браки, соответствующий обычай был установлен не во времена апостолов, а позднее. Итак, заключал епископ, брак Олауса Петри нелегитимен, по каноническому праву виновного следует отлучить от церкви.

Очередной ответ был красноречив. Густав Васа заявил: требование десятины вызвано не ересью или желанием притеснить церковь, а государственными нуждами. Далее — о повинности постоя-кормления:

«Затем Вы пишете о бурглэге — что, дескать, это иноземные обычаи, и проч. Однако Вам хорошо известно, что иноземное право не полностью бесполезно: из него можно заимствовать столько, сколько велит разум и необходимость». Размещение войск на постой обусловлено военной необходимостью, а не нормами иноземного права. «И Вы пишете, — продолжал король, — что таким образом нарушены свободы церкви, а также закон, который мы поклялись блюсти. Но Вы хорошо знаете, что нужда претупает закон — не только закон человеческий, но порой и закон Божий»¹²⁸.

Густав I обратил против Браска его же аргументы относительно свободы фрельсе от повинностей. Король отметил:

«То, что ныне свободно от повинностей, ранее облагалось налогом, и [лишь] затем было освобождено, причем не безусловно, а за службу¹²⁹. Кроме того, каждому честному человеку совесть подсказывает: в годину бедствий бремя должны нести все, кто не хочет, чтобы их имущество досталось врагу»¹³⁰.

¹²⁶HVV I. S. 178—179; GIR II. S. 273—274; HSH 14. S. 36—37.

¹²⁷Нормы реципирированного римского права в Швеции начала XVI в. не имели официального статуса. Однако на практике с ними сверялись (и ссылались на них), используя в качестве дополнительных источников права.

¹²⁸HVV I. S. 179—183; GIR II. S. 83—86; HSH 14. S. 48—50.

¹²⁹HVV I. S. 181; GIR II. S. 84—85. Так король, очевидно, интерпретировал старинные указы шведских королей об освобождении светского фрельсе от повинностей — на условиях службы. Древнейший и самый знаменитый из этих указов — статуты Альснэ (около 1280 г.).

¹³⁰HVV I. S. 181; GIR II. S. 85; HSH 14. S. 50—51.

Касательно женитьбы Олауса Петри король сообщал следующее. Бракосочетание совершилось в отсутствие Густава I и без его ведома. Получив письмо Браска, король изложил содержание местеру Улофу и потребовал объяснений. Тот отвечал, что готов обосновать свой поступок согласно Божьему закону¹³¹. Тогда король счел, что местер Улоф может сам защитить себя перед судом, и дальнейшее вмешательство излишне. Вместе с тем король выразил в письме удивление, что за брак, «которого Бог не запретил», человека можно отлучить от церкви, а за встречающийся в среде духовенства разврат, растление девственниц «и многие другие постыдные вещи, которые Бог запретил», по папскому закону никакого отлучения не следует¹³². Густав Ваза высказал предположение, что Браск в своих нападках имел в виду не только местера Улофа, «ибо его женитьба мало кому может повредить», но также и самого короля, пользуясь возможностью для обвинений в его адрес.

Так король делал шаг за шагом по направлению к церковной реформе. О том, какова была истинная позиция монарха в отношении вероучения и церкви, свидетельствует, в частности, выразительное письмо Густава I фогду королевской усадьбы Хоф в Эстерётланде (3 июня 1525 г.):

«Наша особая милость, и проч. Поскольку, Гудмунд, у тебя есть сено и фураж, мы намерены прислать к тебе на постой нескольких лошадей, ныне находящихся в Грёне под Вестеросом. Нам стало известно, что линчёпингский епископ просветил тебя относительно восстания в Германии. Он боится, что ты и другие люди уразумеют истину и уверуют в евангелическое учение. Так вот, знай: мы об этом восстании осведомлены не хуже других. И намерение у нас одно: поддерживать евангелическое учение и карать тех, кто не желает следовать Слову Божьему...»¹³³.

Поборы с церкви продолжались. В начале 1526 г. на риксдаге в Вадстене было решено использовать 2/3 десятины текущего года на уплату долга Любеку¹³⁴.

Одновременно король совершил важный акт и создал значимый юридический прецедент, отобрав у картузианского Мариефредского монастыря замок Грипсхольм, в 1512 г. пожертвованный монастырю регентом Стеном Стуре младшим. Густав I заявил: замок — собственность его рода; регент пожаловал его монастырю, не имея законных оснований.

¹³¹ Позже Браск сообщил, что получил экземпляр письменного объяснения Олауса Петри и нашел в нем «много слов и мало разумения». См.: HBB I. S. 184 HSH 14. S. 58.

¹³² HBB I. S. 182—183; GIR II. S. 86; HSH 14. S. 51—53.

¹³³ GIR II. S. 138.

¹³⁴ Ibid. III. S. 15—16; 18—21; 32—33. Кроме того, был наложен экстраординарный побор на города.

Секуляризация, необходимо отметить, была оформлена в виде добровольной передачи замка. Монахи признали справедливость королевских претензий и заявили, что не могут со спокойной совестью удерживать чужую собственность. Король использовал это заявление в своей агитации: монахи отказались от замка по доброй воле. Очевидно, монарх, помимо прочего, надеялся, что другие клирики, по примеру картезианцев, откажутся от собственности¹³⁵.

К 1526—1527 гг. окончательно сложилась расстановка сил в верхах. В лице Туре Йенссона, недовольного политикой короля, Браск нашел благосклонного адресата и единомышленника. Отношения же с королем оставались сложными¹³⁶. Браск распространял переведенную (по его же заказу) на шведский язык антилютеранскую литературу — в частности, манифест императора Карла V против Лютера, его учеников и последователей¹³⁷. Данным манифестом император запрещал покупать, продавать и читать труды Лютера и тех, кто ему следует. Эти труды и все подобные недозволенные сочинения надлежало предавать публичному сожжению. Запрещались тайные и открытые собрания мирян с целью толкования Евангелия. Налагался запрет на публичные диспуты и рассуждения о Символе веры, о церковных таинствах, о власти папы.

Один из списков манифеста Браск послал епископу Скарскому. А епископу Стренгнесскому и Туре Йенссону линчёпингский епископ сообщил любопытные сведения. Дошли слухи, что великий князь Руси направил полномочное посольство к папе в Рим, желая «покориться святой Римской церкви и обратиться в христианскую веру, как то ранее сделали богемцы». И в Риме удивляются, что «добрые давние христиане» отпадают от веры Христовой, в то время как русские и язычники в нее обращаются¹³⁸.

Стремясь положить предел антилютеранской пропаганде Браска, король запретил тому переводить и публиковать сочинения, направленные против Лютера. Король также заявил, что в Сёдерчёпинге не должно быть основанной Браском типографии, т.к. ее деятельность наносит ущерб королевской типографии, находящейся в Стокгольме¹³⁹. Пользуясь случаем, Густав I обвинил папу римского в том, что именно он «более всех отпал от христиан-

¹³⁵GIR III. S. 24—25; 101—104. Ср.: *Kjöllerström S. Gustav Vasa och reformatörerna // Scandia. Stockholm et al., 1970. S. 6—8.*

¹³⁶Хотя и не безнадежно испорченными. Сотрудничество продолжалось. Так, в 1526 г. Густав Васа поручил Браску совместно с дворянином Хольгером Карлссоном провести военный смотр фрельсе в Эстерьётланде: HSH 16. S. 10—11; 72—74; GIR III. S. 243; 246.

¹³⁷HSH 16. S. 22—30. Ср.: *Ibid.* S. 42—43.

¹³⁸*Ibid.* S. 34—36.

¹³⁹HVV I. S. 192—193; GIR III. S. 313—314; HSH 16. S. 43—45. Браск публиковал мандаты императора Карла V против Лютера и богословские антилютеранские сочинения. См.: *Fant E.M. Specimen academicum. P. 10.*

ской веры», ибо пособничал туркам. В результате под власть Турции попала Венгрия, создалась угроза для Германии¹⁴⁰. Браск возразил: если понтифик и принял сторону турок — это его личный проступок, не повод, чтобы низвергать церковь и христианство. Но папа, напротив, внес огромный вклад в борьбу против турок и поэтому не может считаться их пособником¹⁴¹. А шведский перевод антилютеранского сочинения Браск заказал «ради бедных монахинь, над которыми надругались в монастыре» и вообще, чтобы поддержать тех, кто достойно ведет монашескую жизнь¹⁴².

В новом послании (январь 1527 г.) король уведомил Браска, что не собирается вводить новую веру, да и слухи о том безосновательны. Он желает лишь при помощи сведущих ученых мужей установить истину и достичь согласия в стране.

Не обошлось без грубоватой шутки. Король заявил: если над кем-то надругались, Браск вполне мог бы сам разобраться и наказать виновных, поскольку «по большей части ваши же слуги и клирики этим занимались и занимаются»¹⁴³.

Итак, Густав Васа уже в середине 1520-х гг. являлся королем-реформатором, был вооружен учением Лютера. Браск, напротив, стоял на антилютеранских позициях. В то же время любопытно, что и линчёпингский епископ, и сам монарх обращались в полемике к средневековым источникам и историческим реалиям, например, церковным разделам областных законов, общешведскому законоуложению, международным соглашениям, королевским дипломам, привилегиям светского и духовного фрейльсе, праву светского патроната над церковью. Опора на традицию в сочетании с новшествами была характерна для ранней шведской Реформации.

§ 4. Оценка Ханса Браска как исторического деятеля

Из приведенного материала следует, что в Швеции 1520-х гг. не только готовилась «королевская Реформация», но и спонтанно распространялись реформационные идеи. Линчёпингский епископ Ханс Браск видел и в том, и в другом опасность для церкви Швеции и боролся с этой угрозой, рассылая пропагандистские послания, направленные против Реформации, и вступив в принципиальную полемику с королем Густа-

¹⁴⁰НВВ I. S. 192; GIR III. S. 313; HSH 17. S. 43—44. В ходе Итальянских войн папа поддержал французского короля Франциска I, который заключил в 1525 г. союз с турецким султаном, направленный против Карла V. Это дало повод для пропагандистских обвинений в адрес понтифика.

¹⁴¹НВВ I. 197, 200; GIR III. S. 423, 426; HSH 17. S. 48—49; 61—63.

¹⁴²GIR III. S. 425; HSH 16. S. 60.

¹⁴³GIR IV. S. 12—13; HSH 17. S. 71—72.

вом Васой. Сама позиция Браска достаточно интересна. В 1520-е гг. для многих образованных людей Европы судьба церкви — неясна. Было неизвестно, чем закончится богословское и политическое противостояние сторонников и критиков Реформации. Многие надеялись, что споры разрешатся на церковном соборе, который созвет папа, или же на съездах духовенства отдельных стран и регионов. Тем не менее, уже в 1520-е гг. некоторые образованные люди Европы стали убежденными противниками Реформации. Таковы были, например, Томас Мор и Джон Фишер в Англии, Иоганн Фабри и Иероним Эмзер в Германии, Паулюс Элиэ в Дании, Анджей Кжицкий в Польше. К числу непримиримых противников Реформации принадлежал и Ханс Браск.

Шведские историки не обошли вниманием разностороннюю деятельность Браска. Так, в середине XX в. появились исследования административной и хозяйственной деятельности епископа как главы Линчёпингского диоцеза¹⁴⁴. В конце XX столетия вышла работа, посвященная канцелярии Браска. В начале XXI в. опубликована статья о деятельности иерарха в качестве судьи¹⁴⁵. Но долгое время не имелось фундаментальной монографии, целиком посвященной Браску; не было его исторического портрета, выполненного с использованием методов и опыта современной исторической науки.

Ситуация изменилась в 2008 г. с публикацией книги историка П. Стобеуса, посвященной личности Ханса Браска, его деятельности и мировоззрению¹⁴⁶.

Монография не в последнюю очередь интересна в методологическом отношении: автор стремится сочетать различные приемы и подходы. Применяя междисциплинарный историко-лингвистический подход к источникам, Стобеус пытается выявить ключевые понятия, употребленные в письмах и других документах, составленных Браском, и характеризующие его мировоззрение. Автор стремится реконструировать «картину мира» своего героя (среди книг, послуживших образцом для исследования, Стобеус упоминает монографию К. Гинзбурга «Сыр и черви: Картина жизни одного мельника»). Стобеус считает, что при исследовании исторической личности нужно обращать особое внимание на то, как она раскрывает себя в эпоху, являющуюся для общества переломной. Отсюда — внимание ученого к Реформации, имеющей исключительное значение для Швеции. Стобеус применяет сравнительно-

¹⁴⁴Olsson G. Stat och kyrka i Sverige vid medeltidens slut. Göteborg, 1997; Schück H. Ecclesia Lincopensis. Studier om Lincopingskyrkan under medeltiden och Gustav Vasa. Stockholm, 1959.

¹⁴⁵Gunneng H. Biskopen som stiftsdomare // Kyrka i bruk: Meddelanden från Östergötlands länsmuseum. Linköping, 1996.

¹⁴⁶Stobaeus P. Hans Brask: En senmedeltida biskop och hans tankevärld. Skellefteå, 2008.

исторический метод, сопоставляя Браска с другими епископами Швеции и других стран.

Наконец, медиевист приходит к выводу, что ключевой момент в мировоззрении Ханса Браска — идея единства христианского мира с папой во главе¹⁴⁷. Браск трезво относился к понтификам: он соглашался, что папы могут совершать проступки, а церковный собор имеет право сместить их. Кроме того, Браск считал, что понтифик не должен чрезмерно вмешиваться в деятельность местного духовенства¹⁴⁸. Но папскую власть все же считал обязательной для церкви. Распространение лютеранских идей и начало Реформации епископ расценивал как отпадение части христианства от вселенской церкви. Это отпадение, по мнению Браска, было тем более нелепо в то время, когда церковь добилась огромных успехов: испанцы — ревностные католики — завоевали два королевства в «Индии» (т.е. в Латинской Америке), вывезли оттуда несметные богатства и обратили множество местных жителей в христианскую веру.

В отличие от некоторых своих современников и предшественников, Браск полагал, что Швеция приняла христианство позже, чем Дания и Норвегия¹⁴⁹. Поэтому, считал он, будет особенно позорно, если Швеция — последнее скандинавское королевство, принявшее христианство, — станет первым из них, которое отпадет от христианского мира¹⁵⁰. Браск также утверждал, что шведам не нужно следовать примеру жителей Германии: нет оснований для отхода от вселенской церкви «ради немцев». Епископ полагал: если шведы примут учение Лютера и пойдут на разрыв с Римом, они уподобятся гуситам и «схизматикам» — православным русским¹⁵¹.

В лютеранстве Браск видел угрозу не только единству церкви, но и общественному порядку. Стобеус констатирует, что эту идею высказывали в эпоху Реформации богословы разных стран. Вместе с тем Стобеус подчеркивает — Браск, как правило, не углублялся в сложные богословские вопросы. Ему представлялось очевидным, что лютеранство — ересь, с которой нужно бороться, дабы сохранить правопорядок, отстоять единство церкви и защитить церковную собственность от посягательств мирян¹⁵².

¹⁴⁷*Stobaeus P. Op. cit. S. 42—55.*

¹⁴⁸*Ibid. S. 54.*

¹⁴⁹Мнение Браска отличалось от позиции тех, кто разделял «геттицистские» представления о превосходстве шведов над другими народами — в частности, от представления историка Эрикуса Олаи, утверждавшего, что шведы приняли христианство раньше датчан.

¹⁵⁰См.: *Stobaeus P. Op. cit. S. 42—43.*

¹⁵¹Ср. *Ibid. S. 48.*

¹⁵²*Ibid. S. 164—174.*

Стобеус отмечает, что аргументы, которые Браск использовал в борьбе против лютеранства, варьируются в зависимости от того, к кому обращался линчёпингский епископ. Апеллируя к духовенству, Браск ссылается на каноническое право, цитирует Библию, использует высокий стиль, характерный для проповедей. Обращаясь же к королю и к мирянам, Браск употребляет язык и стиль, доступные для восприятия разного читателя, ссылается как на каноническое право, так и на светские законы.

Часть монографии П. Стобеуса посвящена многосторонней деятельности Ханса Браска как главы Линчёпингского диоцеза: епископ инспектировал приходы, освящал церкви, рукополагал священников, руководил хозяйством диоцеза. Стобеус полагает: осуществляя подобную деятельность, Браск вел себя как ревностный хранитель церковных традиций, которые в 1520-е гг. вступили в конфликт с лютеранским вероучением.

Стобеус приходит к следующему выводу: главным моментом в мировоззрении Ханса Браска являлось право. По Стобеусу, Браск был «последним крупным представителем могущественной и независимой церкви Швеции»¹⁵³. Оказавшись в 1520-е гг. единственным влиятельным прелатом Швеции, он взял на себя роль защитника интересов церкви и ее прав.

Книга Стобеуса была опубликована в 2008 г. В том же году вышла в свет монография автора этих строк «Вестеросский риксдаг 1527 г. и начало Реформации в Швеции». Материал трудов перекликается; некоторые выводы совпали — при том, что Стобеус и я работали независимо друг от друга. Разница заключалась в ракурсах исследования, в расстановке приоритетов. Меня интересовали начало Реформации в Швеции и риксдаг 1527 г., и в этой связи — деятельность Браска. Стобеус уделяет первоочередное внимание фигуре епископа и тем самым задает определяющий вектор рассмотрения проблемы Реформации.

«По горячим следам» знакомства с книгой Стобеуса я написал рецензию, которая была опубликована в 2009 г. ежегодником “*Kyrkohistorisk årsskrift*” — ведущим шведским научным изданием, специализирующемся на истории церкви и, в частности, Реформации¹⁵⁴.

В рецензии я вкратце изложил содержание монографии Стобеуса, отметил достоинства: актуальность исследования, четкую постановку проблемы, логичность структуры, убедительность аргументов. Вместе с тем я высказал несколько критических замечаний. Здесь уместно при-

¹⁵³Stobaeus P. Op. cit. S 417.

¹⁵⁴Scheglov A. [Rec.:] Stobaeus P. Hans Brask: En senmedeltida biskop och hans tankevärld // *Kyrkohistorisk årsskrift*. Uppsala, 2009. Årg. 109. S. 206—210.

вести одно из них, которое важно в контексте данного раздела настоящей монографии. Стобеус считает, что число лютеран в Швеции 1520-х гг. — очень небольшое, и в основном это были люди из окружения короля Густава I. На мой взгляд, корреспонденция Браска свидетельствует об обратном. В его письмах к членам магистратов шведских городов, к комендантам замков, епископам, аббатам содержатся многочисленные сведения о том, что в различных шведских регионах, особенно в городах, обретали популярность идеи Лютера — притом зачастую среди людей, не имеющих отношения к окружению короля. Подобные сведения содержатся и в иных источниках — в частности, в стокгольмских памятных книгах. Таким образом, переписка Браска и некоторые другие источники свидетельствуют о том, что шведская Реформация была не только спущенной «сверху»: в Швеции 1520-х гг. имели место как подготовка реформационных преобразований со стороны короля, так и спонтанное распространение реформационных идей.

§ 5. Политический кризис в середине 1520-х гг. Предпосылки и прообразы Вестеросского риксдага

Церковная политика короля не только вызывала протесты духовенства, но и была сопряжена со значительными социально-политическими противоречиями. В Стокгольме интерес к реформационным идеям возрос благодаря проповедям Олауса Петри (сочетавшего обязанности городского секретаря с религиозно-просветительской деятельностью) и нового настоятеля городской церкви Николауса Штекера — выпускника Виттенбергского университета, ученика Лютера. Но популярность нового учения привела к беспорядкам. В Стокгольм в 1525 г. прибыли анабаптисты: Мельхиор Хофман, Бенгт Книппердоллинг и их единомышленники. Они стали проповедовать в стокгольмской церкви св. Иоанна на тему Апокалипсиса Иоанна, а Олаус Петри и Штекер оказали им радушный прием. Анабаптисты имели успех не только у стокгольмских немцев, но и у горожан-шведов, понимавших немецкий язык. Как сообщает Педер Сварт, в городе по примеру анабаптистов стал проповедовать «почти каждый — скорняки, сапожники, и все, кому угодно». Немецкие проповедники увлекли жителей Стокгольма иконоборческими идеями, и те в массовом порядке начали портить и предавать поруганию церковные образа. Олаус Петри и Николаус Штекер пытались удержать горожан от беспорядков, но это было уже невозможно. Дело кончилось вмешательством короля, который сделал

строгое внушение Олаусу Петри и Штекеру, а анабаптистов выслал из Швеции¹⁵⁵.

Если в Стокгольме волнения вызвал успех новых идей, то в сельской местности многих областей Швеции недовольство и выступления народных масс, напротив, были связаны с непопулярностью «новой веры». На крестьян наводили ужас слухи о введении нового вероучения. Причиной народных выступлений являлось также бедственное положение простого народа, вызванное дороговизной¹⁵⁶ и нехваткой монеты. Помимо прочего, крестьян возмущали известия о засилье иноземцев¹⁵⁷. Ходили слухи, что страна вот-вот распадется на самостоятельные области¹⁵⁸, а Густава Васу на шведском троне сменит военачальник Кристиана II Сёрен Норбю¹⁵⁹. Короля обвиняли в одном из тяжелейших государственных преступлений, в данном случае, несправедливо: он-де привел в страну иноземное войско (т.е. наводнил ее наемниками)¹⁶⁰. Промедление короля с коронацией и торжественной поездкой по стране — эрикстатой — вызывало опасения, что он не хочет осуществлять эти процедуры в соответствии с законом¹⁶¹. По давно сложившейся традиции, народное недовольство умело использовалось и подогревалось духовными и светскими фрельсисманами — противниками короля. Особую же активность в агитации против монарха проявляли, если верить официальным постановлениям, иноземные монахи нищенствующих орденов. За это (или под таким предлогом) они были высланы из страны¹⁶².

Уже в мае 1525 г. положение в стране было весьма серьезным, король на риксдаге в Вестеросе¹⁶³ заявил, что готов отречься от престола. Но члены риксрода и представители сословий просили Густава I остаться у власти и присягнули ему на верность¹⁶⁴.

¹⁵⁵Swart. 1964. S. 114—117.

¹⁵⁶Высокими ценами на продовольствие, а также на соль — важный для Швеции продукт, собственных месторождений которой страна не имела. См., например: GIR I. S. 277

¹⁵⁷Далекарлийские бонды величали их «мелерами», чертями и троллями (GIR I. S. 328). Слово «мелер» было образовано от имени дворянина Беренда фон Мелена — временного союзника Густава Васы. Очевидно, крестьян в данном случае агитировали шведские фрельсисманы, недовольные возвышением дворян-иностранных.

¹⁵⁸GIR II. S. 56—57.

¹⁵⁹Ibid. S. 56.

¹⁶⁰Ibid. S. 268.

¹⁶¹Ibid. S. 276.

¹⁶²Ibid. S. 114—116.

¹⁶³Этот риксдаг оказался, таким образом, своего рода репетицией риксдага 1527 г., состоявшегося там же.

¹⁶⁴GIR II. S. 114—116.

Главным очагом беспокойства, как и ранее, оказалась Даларна. В 1524—1525 гг. там вспыхнуло восстание, возглавленное опальными вестеросскими прелатами Педером Якобссоном Суннанведером и мастером Кнудом. Королю удалось успокоить далекарлийцев при помощи разъяснительных писем и бесед¹⁶⁵. Лидеры восстания покинули страну, найдя убежище у норвежского архиепископа Олава Энгельбректссона. В сентябре 1526 г. их выдали шведам, а в феврале следующего года казнили. Перед казнью же провезли в шутовских нарядах по Стокгольму, предавали осмеянию. Были продекламированы стихи, в которых говорилось: «Эти мудрецы предпочли стать отъявленными предателями, нежели одобрить учение доктора Лютера»¹⁶⁶.

Однако вскоре, ко времени казни вождей первого далекарлийского восстания, в Даларне уже вспыхнул новый мятеж. Вначале бонды Даларны и Хельсингланда отказались платить налоги, а затем жители нескольких далекарлийских приходов восстали под предводительством Дальюнкера — самозванца¹⁶⁷, выдававшего себя за юнкера¹⁶⁸ Нильса — сына Стена Стуре (который, по официальной версии, незадолго до этих событий умер). Дальюнкер притязал на власть в королевстве и умело агитировал жителей Даларны против государя, утверждая, что Густав Васа «отверг христианскую веру, стал лютеранином и язычником»¹⁶⁹. Он нашел поддержку у жителей нескольких приходов Северной Даларны, а также у норвежских аристократов — архиепископа Олава Энгельбректссона (который выделил в помощь Дальюнкеру вооруженный отряд в 300 человек) и фру Ингер Оттесдоттер, выдавшей за самозванца свою дочь¹⁷⁰.

Пропаганда на сей раз имела лишь частичный успех, и Густаву Васе пришлось послать в Даларну значительные военные силы, получившие подкрепление от лояльных по отношению к королю далекарлийцев Бергслагена¹⁷¹. После кровопролитных боев начались переговоры. Далекарлийцы предъявили претензии: закрыт монетный двор в Вестеросе, в королев-

¹⁶⁵GIR I. S. 275—281; GIR II. S. 10—12, 70—71, 116—118. Кроме того, король употребил традиционную для шведских правителей меру — продажу соли населению по умеренной цене. См.: GIR I. S. 280—281. Ср.: *Particularia om Konung Gustaf I // Samlingar i svenska historien*. Uppsala, 1798. Hft. I. S. 52.

¹⁶⁶*Swart*. 1964. S. 129—130; *Swart*. 1912. S. 101—102. Таким образом, Густав Васа в некотором роде повторил поступок Кристиана II, который также, грубо поправ нормы канонического права, продал казни нескольких шведских прелатов.

¹⁶⁷Согласно официальной пропаганде, Дальюнкер являлся сыном батрачки; до своей авантюры он находился в услужении у рыцаря Кнута Андерссона, а затем у вэпнара (младшего рыцаря) Нильса Нильссона.

¹⁶⁸Юнкер (или йонкер) — традиционное для Германии и Скандинавских стран наименование молодого дворянина.

¹⁶⁹*Swart*. 1964. S. 122—130; *Swart*. 1912. S. 94—102.

¹⁷⁰Эти события легли в основу пьесы Хенрика Ибсена «Фру Ингер из Эстрота».

¹⁷¹*Swart*. 1964. S. 126—129; *Swart*. 1912. S. 98—100.

стве ходит неполновесная монета, налоги непомерны, король сокращает число церквей и монастырей. От монарха потребовали, чтобы он не навязывал шведам лютеранское учение и не одевал придворных в «изрезанное иноземное платье» (т.е. модную одежду заграничного покроя с разрезами). Густав I всячески старался успокоить далекарлийцев, объясняя, в частности, что не вводит лютеранства, а лишь позволяет проповедовать Евангелие. Нашлось место и для шутки: король пообещал не давать больше своим придворным платье, если они и далее будут его резать¹⁷².

Политика короля в отношении церкви вызывала протест и у населения многих других областей, в частности, Упланда. Народ был недоволен проповедью реформатора местера Микеля (магистра Микаэля Кристиерни), приуроченной к популярнейшему празднику — «messe свечей». Особенно же возмущались церковной политикой короля. Обвиняли Густава Васу в том, что он вводит новые обычаи, ест в пост скоромное¹⁷³. И в связи с этим вспомнили: несколько лет назад жители Даларны и других шведских областей обвинили в таких же нарушениях Кристиана II. Он позволял, чтобы его люди не повиновались Богу и святой церкви, придерживались «многих вредных еретических обычаев — особенно, ели в пост говядину и свинину и творили много других нехристианских дел». Тогда эти обвинения послужили одним из оснований для отказа от верности королю Кристиану¹⁷⁴. Уппсальский архидиакон Йенс Лаврентии без каких-либо пояснений послал Густаву I список с грамоты, где были перечислены упомянутые обвинения против Кристиана II. Густав Васа сделал вид, что не понял намека. Но вопрос о «новых обычаях касательно еды и питья» все же прокомментировал: те, кто возводят на него подобные обвинения, никогда не смогут доказать их справедливость.

По сообщению Педера Сварта, летом 1526 г., в день св. Эрика — небесного покровителя Швеции, король прибыл в Уппсалу в сопровождении двух тысяч тяжеловооруженных конных воинов и большого числа пехотинцев. На курганах Старой Уппсалы — древнем месте народных собраний, в присутствии своей внушительной свиты, король провел совещание с бондами области. Он посетовал: в королевстве слишком много ленивых и бесполезных священников, а также монахов, являющихся обузой для населения. Но крестьяне ответили, что не желают изгнания монахов и готовы их содержать¹⁷⁵.

¹⁷²GIR V. S. Согласно Педеру Сварту, на претензии по поводу платья король ответил иначе: шведский король должен, в отношении обычаев своего двора, «следовать примеру других властителей — императора, королей и князей, дабы мы, шведы, не были большими свиньями или козами, чем они».

¹⁷³GIR III. S. 100—101.

¹⁷⁴ST IV. S. 29.

¹⁷⁵Swart. 1964. S. 120; Swart. 1912. S. 92—93.

Королю не удалось склонить крестьян Упланда на свою сторону в вопросе церковной реформы. Однако упландцы в целом сохранили лояльность государю. Сварт, впрочем, упоминает: в 1527 г. по всему Упланду действовало множество «лесных воров» — т.е. бандитов¹⁷⁶. Возможно, это была вспышка преступности, типичная для периодов социальной нестабильности. Но не исключено, что разбой являлся социальным протестом, реакцией на политику короля.

Таким образом, положение в Швеции оказалось крайне напряженным. При этом общественные и идейные противоречия в стране были во многом связаны с борьбой вокруг реформационных учений.

В этих условиях от короля требовались решительные меры, направленные на выведение страны из экономического, финансового и политического кризиса. Для принятия таковых и был созван в 1527 г. риксдаг в Вестеросе, вошедший в историю как реформационный.

У этого риксдага имелись зарубежные предшественники — различного рода съезды и собрания за пределами страны, на которых принимались постановления о реформе церкви. Густаву Васе поступали сведения об успехах Реформации в северонемецких городах, которые его вдохновляли¹⁷⁷. Но особую роль, по-видимому, сыграл пример Дании — несмотря на все различия и противоречия между скандинавскими государствами — бывшими союзниками по унии¹⁷⁸. Так, проект нового Земского законоуложения, созданный в 1521 г., ограничивал могущество духовенства. Архиепископ, по новым законам, мог иметь свиту не более 20 человек, а епископы — не более 14 (на момент принятия закона свита у архиепископа Лундского составляла около 500 вооруженных человек, а у каждого из епископов — не менее 200). Постановлялось, что духовные лица не имеют право покупать землю. Им предписывалось жить в браке, «как делали предки». Если священник умирал, не оставив завещания, 3/4 его имущества следовало отдать родным покойного, а оставшуюся четверть разделить пополам между церковью и госпиталем (ранее все наследство в таких случаях переходило к епископу). По новому законоуложению, епископам, прелатам и пресвитерам полагалось являться в светский суд, а в случае нарушения данного предписания — платить штраф.

¹⁷⁶Swart. 1964. S. 130; Swart. 1912. S. 102.

¹⁷⁷Kjollerstrom S. Gustav Vasa och reformatörerna // Scandia. 1970; Sjödin L. Västerås möte 1527.

¹⁷⁸Сведения, относящиеся к истории Дании этого периода, здесь и далее приводятся по литературе: Weibull L. Västerås riksdag 1527 // Scandia. 1937; Hørby K. et al. Danmarks historie. København 1980. В. 2; På Guds og Herskabs nåde // Danmarks historie. København, 1989. В. 7; История Дании. М., 1996, и др., а также по источникам: Den danske rigslovgivning 1513—1523. København, 1991.

Преемник Кристиана II на датском троне Фредерик I, стремясь избежать конфронтации со светской аристократией и прелатами, на которую пошел его предшественник, отменил нововведения последнего. И все же курс на реформу церкви был спустя некоторое время возобновлен. В 1526 г. состоялся риксдаг в Оденсе, на котором король, сославшись на государственные нужды, поднял вопрос о церковных делах. Он предложил, во-первых, чтобы датские епископы получали конфирмацию не от папы, а от архиепископа Лундского. Во-вторых, король выдвинул требование не отсылать деньги за конфирмацию в Рим, а употреблять эти средства на покрытие государственных расходов. В-третьих, монарх обязал отдать часть церковных колоколов на литье пушек.

Согласие с этими положениями было дано королю как светскими дворянами, так и епископами. Но последние, при поддержке дворян, выступили с ответным требованием: король должен сохранить старые церковные порядки, содействовать борьбе с новым вероучением, не покровительствовать лютеранским проповедникам. Король, однако, ответил, что не вводит нового вероучения, а дозволяет проповедовать Слово Божье в том виде, в каком оно содержится в Евангелии; а если и давал кому-либо охранные грамоты, то потому, что считает своей обязанностью ограждать каждого от насилия и беззакония.

На этом обсуждение зашло в тупик. Вскоре король покинул Оденсе. Через полгода, в августе 1527, столкновение короля и духовенства закончилось компромиссом: государь брал под покровительство как древнюю римско-католическую церковь, так и новую лютеранскую, предоставляя им одинаковые права.

События в Дании не могли не отразиться на ситуации в соседней Швеции. Об этом свидетельствует сходство законодательных новшеств, обсуждаемых вопросов, противоречий и итогов собраний, на которых рассматривались важные общественные, политические и правовые перемены.

Не менее ярким примером для Швеции являлась Пруссия — также сосед по Балтийскому региону. В мае 1525 г. на ландтаге в Кёнигсберге герцог Пруссии Альбрехт Бранденбург-Ансбахский — ревностный сторонник Реформации — объявил собравшимся о плачевном состоянии государственных финансов и в связи с этим потребовал ввести новый экстраординарный налог. Делегаты колебались, пойти ли в данном вопросе навстречу герцогу. Тогда слово взял епископ Замланда Георг Поленц. Он объяснил: по Евангелию, епископу надлежит ведать духовными делами, а не управлять землями, народами, замками и городами. Посему Поленц пожертвовал герцогу Альбрехту свой епископский замок и земельные владения, а также передал ему все свои светские властные полномочия. Герцог с благодарностью принял пожертвова-

ние. Вскоре были секуляризованы и владения кафедральных соборов как в диоцезе епископа Георга, так и в другом прусском диоцезе — Помезанском. Однако там члены местного соборного капитула воспротивились подобным мерам. Тогда некоторых из этих строптивых каноников взяли под стражу, вынудив покориться воле герцога. В Пруссии были проведены реформационные преобразования; уже к концу 1525 г. там была своя евангелическая церковь¹⁷⁹. Фактически кёнигсбергский ландтаг явился зарубежным прообразом Вестеросского риксдага. Вероятно, Густав I надеялся, что собрание делегатов от шведских сословий пройдет по тому же сценарию: прелаты примут лютеранское учение (или по крайней мере смирятся с ним) и дадут добро на секуляризацию церковных владений.

* * *

Из приведенного материала следуют два основных вывода: 1) уже в первой половине 1520-х гг. Швеция оказалась охваченной процессами, которые одновременно или чуть раньше имели место в ряде регионов Центральной и Северной Европы, и которые принято называть реформационными. Сюда относятся и спонтанное распространение идей Реформации, и проповеди реформаторов — последователей Лютера, а равно полемика вокруг теоретических основ движения, а также политика короля, направленная на подготовку соответствующих преобразований. Таким образом, трудно согласиться с тезисом М. Ньюмана о том, что в Швеции не было Реформации вплоть до 1540-х гг. 2) В то же время необходимо отметить, что дискуссии о реформационных идеях и борьба, развернувшаяся на этой почве в Швеции, порой оценивались в средневековых категориях, рассматривались как продолжение известной издревле борьбы вокруг «свободы церкви» (“*libertas ecclesiae*”). Такие взгляды на Реформацию, впрочем, присутствовали и в других регионах Европы.

¹⁷⁹Carlsson G. Gustav Vasa och det evangeliska Tyskland // Carlsson G. Engelbrekt, Sturarna, Gustav Vasa. Lund, [1962]. S. 129—137.

Глава II

Вестеросский риксдаг:

подготовка, ход,
итоговая резолюция

§ 1. Подготовка к Вестеросскому риксдагу. Образцы пропаганды короля

Риксдаг 1527 г. был тщательно подготовлен. В 1525—начале 1527 г. король и его сподвижники создали открытые письма, вызванные пропагандистскими соображениями и стремлением смягчить народное недовольство. Послания разъясняли позицию Густава Васы относительно лютеранского вероучения и опровергали слухи о том, что король вводит новую веру.

Самым ярким образцом этой пропаганды является письмо Густава I к населению Хельсингланда. Обращаясь к жителям области, король указывал: доносится много «лживых речей и слухов о том, что мы хотим ввести в королевстве новую веру и учение Лютера...». Монарх отверг это обвинение: «...Мы желаем поддерживать лишь ту веру, которой нас научил Бог и Его святые апостолы, и которой придерживались наши предки». Но «некоторые монахи и священники возвели на нас эти обвинения». Главная причина такова: клирики «сотворили много несправедливых законов в угоду своей алчности и к страданию простого народа». Например, если кто-либо задолжал клирикам, они лишают его причастия — вопреки Божьему закону и справедливости¹. Король не хочет позволять им это: пусть, как все другие добрые люди, взыскивают долги на тинге, по закону. Таким же беззаконием является порядок, при котором мирянин, подстреливший птицу или наловивший рыбы в воскресенье, должен платить за это штраф в пользу епископа. Бог того не заповедал; эти поступки являются нарушениями, только если кто-то охотился или ловил рыбу во время богослужения, вместо того, чтобы присутствовать в церкви. Также несправедливо, что духовные лица имеют правовые преимущества перед мирянами, следовало бы их уравнивать. Когда мирянин ударит клирика, его отлучают от церкви, а когда наоборот — никакого отлучения не следует, хотя Бог в равной мере, не делая различий между светскими и духовными лицами, заповедал и тем, и другим жить в мире. Еще одна несправедливость: если священник умер, епископ берет наследство в свою пользу — в ущерб бедным наследникам. Клирики непрерывно присваивали королевские владения и незаконно брали королевские налоги. И вот духовные лица видят, что король, исполняя свои обязан-

¹ Этот обычай, действительно, был закреплен в письменных законодательных актах — постановлениях католического духовенства.

ности и блюдя закон², не позволяет этим заниматься. Поэтому они заявляют, что государь вводит новую веру и учение Лютера. А на самом деле монарх, как уже говорилось, борется с их жадностью и беззакониями, от которых страдает корона и подданные³.

Государь не только вел пропаганду, но и изучал общественное мнение. Так, марску Ларсу Сиггесону он сообщил: ходит много лживых слухов о новой вере. В основном их распространяет духовенство. В связи с этим адресат должен тщательно изучить опровержения, содержащиеся в прилагаемом письме, и донести их до простого народа. Притом нужно не только пересказать королевское послание, но и своими словами как можно лучше объяснить людям позицию Густава. Затем — незамедлительно сообщить государю, что ответил народ. Письмо Ларсу Сиггесону, судя по содержанию, форме документа и приложения, было не единичным. Очевидно, аналогичные задания получили и другие сподвижники Густава Васы⁴.

Вот что они должны были разъяснять⁵. По всей стране, — говорится в источнике, — короля обвиняют: он-де берет под защиту проповедников, которые наставляют в новой вере — не той, которой учил Бог и апостолы. Это неправда. Ведь и в других христианских королевствах возникли споры по поводу учения: некие разумные люди решили упразднить дурные обычаи, установленные прелатами вопреки закону и к страданиям простого народа. Вот и в Швеции некоторые люди уже начали понимать истину. Их противники тоже знают правду, но боятся, что, когда эта правда откроется, будет положен предел их стяжательству. Привести разумные доводы они не могут, а потому пускают по стране лживые слухи о том, что якобы вводится новая вера. Так они сеют смуту, бунтуя простых людей, которым неведома истина. Народ должен узнать эту истину и не верить клевете. Наоборот, нужно наказывать клеветников, возводящих хулу на короля, который на самом деле печется о пользе подданных. Монарх не принимает и не защищает никакую новую веру; он хочет, как и все, умереть христианином. При ближайшей возможности он созовет собрание с участием риксрода и разумнейших людей со всего королевства, чтобы рассудить вышеназванный спор о вере. Прежде всего, — сообщает источник, — будет обсужден вопрос о власти, которую епископы и их приспешники приобрели над миряна-

² Очевидно, имелся в виду Королевский раздел Ландслага, согласно которому владения и доходы короны не должны сокращаться.

³ GIR III. S. 162—164.

⁴ Ibid. IV. S. 17.

⁵ Ibid. S. 18—21. Открытое письмо жителям Швеции, содержащееся в Регистратуре, — образец послания, предназначенного для рассылки по различным областям страны.

ми — вопреки справедливости и Божьему закону. А духовенство получило такую власть не только над простыми людьми, но и над государями, императорами, королями и рыцарями, ослабив их настолько, что те не могут защитить свои страны и королевства. Это, к несчастью, имело место и в Швеции — пример тому деяния короля Кристиана II⁶. Самый свежий пример козней духовенства, — продолжает источник, — лживые индульгенции, которые привезены в Швецию из Рима. Их распространяют якобы для того, чтобы сражаться с турками. На самом же деле собранные средства папа употребил для войны с императором⁷. Понтифик и его сторонники вознамерились подчинить себе весь мир. Поэтому император взял папу в плен и посадил в тюрьму. Когда добрые мудрые люди заводят речь об этих злоупотреблениях и желают их искоренить, прелаты в ответ пускают слух о новой вере — чтобы взбунтовать простой народ против законного государя и, возможно, привести в страну иноземных властителей, как случилось в прошлом. А уж как эти прелаты притесняют бедных мирян, незаконно отлучая от церкви, лишая причастия на Пасху, и т.д. — не нужно и объяснять: все сами-то хорошо знают. Справедливо ли это — должны рассудить сами подданные.

Королевской пропагандой оказался охвачен и Стокгольм. Еще в феврале 1525 г. Густав Васа, посетив стокгольмскую ратушу, спросил бюргеров, «что они думают по поводу слухов, которые распускаются среди народа» и «будут ли они верны Его Милости». Бюргеры заявили, что «желают жить и умереть с Его Милостью и содействовать искоренению таких слухов». Тогда король произнес длинную речь о том, как духовные лица вводят людей в соблазн, утверждают, что монарх внедряет новую веру в стране. А на самом деле он хочет отобрать у них несправедливо нажитые владения — вот они и недовольны. Бюргеры единодушно поддержали государя⁸.

Такими письмами и выступлениями король и его советники-реформаторы подготавливали почву для реформ. Эти послания и речи явились своего рода репетициями речи монарха на Вестеросском риксдаге и документов, созданных по его итогам.

В конце апреля 1527 г. Густав Васа обратился с посланиями к риксроду и сословиям (составителем или соавтором этих писем являлся Лаврентиус Андреэ). Особые приглашения получили епископы, в частности, Ханс Браск. Отдельное письмо было направлено далекарлийцам. Король дал понять, что причиной созыва риксдага является далекарлийский мя-

⁶ Осуществленные при поддержке архиепископа Густава Тролле завоевание Швеции и расправа над оппозиционерами. См. гл. I данной монографии.

⁷ Т.е. для войны с императором-христианином Карлом V в союзе с его противником — турецким султаном. См. гл. I.

⁸ SST 1524—1529. S. 46.

теж и сложная обстановка в стране. В действительности, к началу Вестеросского риксдага волнения в Даларне, Хельсингеланде и Йестрикланде были в значительной степени успокоены (отчасти — подавлены рыцарской конницей Густава I и других фрельсисманов). Непосредственной опасности на момент начала риксдага, таким образом, не существовало. Жители мятежных областей принесли присягу Густаву Васе⁹. Король проявил милость при усмирении восстаний, массовых казней не последовало (как и при подавлении последующих выступлений против Густава I). Так были укреплены позиции режима накануне риксдага. Апелляция к восстанию Дальюнкера и, шире, к народному недовольству в целом была нужна Густаву I, чтобы подчеркнуть опасность ситуации в стране и мотивировать необходимость серьезных реформ. Риксдаг намеревались провести в Сёдерчёпинге; впоследствии местом проведения был избран Вестерос, о чем король объявил особым посланием¹⁰.

Предполагалось участие в риксдаге членов риксрода, дворян «со всего королевства», горожан — по два представителя от каждого торгового города — чёпстада (предписали, чтобы таковыми были бургомистр и родман), а также по 5—6 крестьян от каждой области (правового округа) — лагсаги. Выказали пожелание, чтобы на собрание прибыли «видные и смышленные» крестьяне. Иначе говоря, король желал иметь дело с предприимчивой сельской верхушкой, на которую он мог бы опереться¹¹. Кроме того, государь просил, чтобы члены риксрода обеспечили участие «двух, трех или более ученейших людей от каждого капитула», дабы те могли прийти к согласию по «спорам о вероучении, которые обнаружались здесь в королевстве, так же, как в других землях по всему христианскому миру». Густав Васа заметил:

«Если единодушно и своевременно не будут произведены реформы, вы можете хорошо видеть, какой урон будет последствием этого»¹².

⁹ Swart. 1912. S. 105—108; Swart. 1964. S. 133—137.

¹⁰ Вестерос являлся административным центром крупного лена, в состав которого входили провинции Вестманланд и Даларна, а также центром включавшего эти области Вестеросского диоцеза. Это был, помимо прочего, ближайший к мятежной области политически значимый город. Его выбор был скорее всего продиктован желанием короля продемонстрировать, что он контролирует обстановку в стране, а также еще более подчеркнуть связь обсуждений на риксдаге с далекарлийскими событиями. Кроме того, Густав Васа, вероятно, имел основания опасаться пропаганды Ханса Браска (Сёдерчёпинг находился на территории его диоцеза). Последнему для поездки на риксдаг пришлось совершить (в преклонном возрасте) трудное и утомительное путешествие, что также было на руку королю.

¹¹ SRA I. S. 56—59.

¹² Возможно, имелись в виду события за рубежом: крестьянская война в Германии, конфликт папы с императором, а также внутренние восстания и волнения в Швеции.

В послании далекарлийцам в свою очередь говорилось: если Государственный совет, а также представители фрельсе и народа выскажут недоверие королю, Густав Васа готов отречься от престола. Таким образом, монарх не только дал понять, какова программа предстоящего риксдага, объявив, в чем заключается главный вопрос, но и уже не в первый раз применил известный политический маневр, фактически угрожая беспорядками, которые могут произойти от отсутствия короля.

§ 2. Состав риксдага и его ход по документальным и нарративным источникам

О делегатах Вестеросского риксдага известно следующее. В собрании участвовало 20 членов риксрода (16 светских дворян и 4 епископа), а также около 130 других дворян. Всем им предписали явиться с лошадьми и людьми, в доспехах и при лучшем вооружении; поручение это, согласно хронике Сварта, все исполнили. Наиболее многочисленной и грозной была группа хорошо вооруженных дворян-оппозиционеров из Вестеръетланда, возглавляемых Туре Йенссоном; эта группа насчитывала 42 человека. Второй по численности (36 человек) оказалась лояльная по отношению к монарху фракция фрельсисманов из Свеаланда. Третью группу (33 человека) составили дворяне из свиты короля. Эстеръетланд — область, где наиболее влиятельным лицом являлся Браск — был представлен лишь 14 фрельсисманами. На риксдаг также приехало более 100 бондов от различных шведских областей, 34 горожанина от двадцати шведских городов и не менее 14 горняков¹³. Значительную часть городской фракции составили бюргеры Стокгольма. Одним из стокгольмских делегатов являлся Олаус Петри. Даларна была представлена крайне немногочисленно: 2 бонда с мятежного севера области и 1 горный мастер с юга провинции. Вместе с королем на риксдаг прибыли канцлер Лаврентиус Андреэ и представитель Любека Ламберт Бекер, уполномоченный взыскать шведский долг. Короля, помимо свиты, сопровождало большое число пеших солдат.

Согласно хронике Педера Сварта, за день до риксдага состоялось собрание шведских прелатов, проводившееся при закрытых дверях. На

¹³ Это был первый шведский риксдаг, от которого сохранился перечень участников. См.: SRA I. S. 60—65; GIR IV S. 231—240. Cp.: Weibull L. Västerås riksdag; SKH III. S. 148; Hildebrand E. Gustav Vasa. S. 90—91; Sjödin L. Västerås möte 1527 // Historisk tidskrift. Stockholm, 1928. Årg. 47. S. 137—140; Westman K.-B. Reformationens genombrättsår i Sverige. S. 390.

совещании выступил Ханс Браск. Он объяснил собравшимся, что король намерен лишить шведское духовенство замков и доходов. В ответ на это некоторые прелаты — епископ Вестеросский Педер Монссон и избранный епископ Скарский Магнус Соммар — заявили, что согласны «быть настолько бедными и настолько богатыми, насколько предпишет король; если у них будет малый доход, то малыми будут и расходы»¹⁴.

Браск, однако, требовал, чтобы прелаты не соглашались на отчуждение церковного имущества. Конечно, государь волен обобрать церковь: так поступали «и в былые времена многие короли и государи». Но за это понтифики налагали отлучение и интердикт, что, несомненно, случится и теперь. Папские санкции грозят и церкви, если она даст добро на редукцию. А папа — единственная надежда клириков: кроме него, некому будет защищать духовенство от королевского произвола. Духовные лица, согласившись с Браском, решили не идти на конфликт с монархом, но в то же время «не отступить от папского престола и не одобрить ни одной статьи из учения Лютера»¹⁵.

Перед началом риксдага король, по традиции, пригласил участников на званый пир — и уже на нем произвел нововведения:

«Ранее существовал обычай, что епископы должны сидеть на первых местах после короля. Далее — риксрод, затем — прелаты и каноники, затем — дворяне, и так далее <...> Когда же в королевстве не было короля, а был лишь регент, епископы сидели не только выше риксрода, но и выше правителя королевства. Архиепископ сидел на самом почетном месте, следом — другие епископы. Рядом с архиепископом первым сидел епископ Линчёпингский, затем Стренгнесский, затем Вестеросский, затем Векшенский и последним — Абовский. За ними — правитель королевства. За ними — риксрод <...> Но король Густав изменил этот порядок. Он усадил риксрод перед всеми, сразу возле себя. Затем — знатнейших рыцарей королевства. Затем — епископов. Затем — низшее фрельсе. Затем — священников, приглашенных на риксдаг, затем — купцов, и затем — бондов. Епископы, как рукоположенные, так и избранные, были этим весьма недовольны»¹⁶.

Риксдаг проходил в Вестеросском доминиканском монастыре. Первым делом, Лаврентиус Андреэ от имени короля (и в его присутствии)

¹⁴ Swart. 1912. S.110—111; Swart. 1964. S. 139. Cp.: Westman K.-B. *Reformationens genombråtsår*. S. 392.

¹⁵ Swart. 1912. S. 111—112; Swart. 1964. S. 139—140. Согласно Сварту, клирики составили тайный письменный протест против действий Густава Васы. В 1542 г. этот протест был обнаружен в основании Вестеросского кафедрального собора и передан королю.

¹⁶ Swart. 1912. S.110; Swart. 1964. S. 138—139. Cp.: Westman K.-B. *Reformationens genombråtsår*. S. 391—392.

выступил с речью, обращенной к сословиям. Речь эта фигурирует в научной литературе под названием «королевские предложения (тезисы)» — (“konungens framsättningar”). Собственно вопросы, выдвинутые на обсуждение, преимущественно вошли в заключительную часть послания. Первая же часть была своего рода историческим повествованием, напоминанием об обстоятельствах прихода короля к власти и его правления. Она основывалась на общеевропейской и, в том числе, весьма привычной для Швеции, доктрине о взаимных обязательствах короля и народа¹⁷. Отправным пунктом «королевских предложений» Густава I было напоминание о «нехристианских деяниях», совершенных в Швеции Кристианом II. Густав Эрикссон был избран правителем, а затем и королем страны для освобождения ее от претерпеваемых бедствий. Он принял полномочия и остался у власти не по собственной прихоти, а по просьбам жителей королевства. Народ в свою очередь не раз присягал Густаву Васе на верность — сначала как регенту Швеции, а затем и как королю, давая при этом клятву бороться против врагов государства. Между королем и подданными, таким образом, был заключен традиционный для Швеции договор о взаимных обязательствах. Король данный договор соблюдал, подданные же неоднократно поступались им. Эти нарушения и являются причиной того, что монарх готов отказаться от трона¹⁸. Особенно много обвинений исходит от жителей Даларны. Они необоснованно претендуют на исключительное положение в королевстве, не желают платить налоги на общих основаниях с другими шведами, считают, что страна освобождена исключительно благодаря их заслугам и они могут избирать правителем Швеции того, кого им заблагорассудится. При малейшем недовольстве они поднимают мятеж, дают убежище предателям.

Монарху довелось слышать в свой адрес немало претензий, но они несправедливы. Безосновательны жалобы на новые налоги, введенные для пользы государства, а не для удовлетворения нужд двора. Больших средств требовали содержание солдат и уплата долга Любеку. Возмущенные новыми налогами далекарлийцы могли бы направить свои претензии представителям Любека, присутствующим на риксдаге. Несправедливы раздающиеся в адрес государя порицания за дороговизну: король не Бог, не все в его силах. Сбор податей с церковью и монастырями, размещение войск на постой в обителях — необходимая временная мера. Говорят, — продолжает источник, — что король ограбил церкви и монастыри; он принял, в действительности, от них вспоможение, дабы облегчить участь простого народа, которому полученные от церковей

¹⁷ Weibull L. Op. cit.

¹⁸ GIR IV. S. 200—205.

средства по праву принадлежали. Говорят, что он разрушил церкви и монастыри; на самом деле, поднят лишь вопрос о церквях в пригородах Стокгольма. При осаде города они представляют для него угрозу. Поэтому стокгольмские бюргеры считают, что их следует разрушить, однако окончательное решение по этому поводу еще не принято. Короля обвиняют, будто он отобрал у монахов замок Грипсхольм. Но этот замок — наследная собственность Густава Васы — без дозволения его отца, пожертвован монастырю Стеном Стуре. Когда перечисленные обвинения не помогли, про короля стали говорить, что он вводит в Швеции новую веру. Эти домыслы вызваны тем, что ведущие деятели церкви при помощи своих мнимых богослужений хотят по-прежнему подчинить себе корону, рыцарство и народ (владея собственностью, значительно превышающей имущество короны и рыцарства), а также тем, что государь и другие лица пытались оградить бедных людей от произвола клириков. Монарх позволяет проповедовать «чистое Слово Божье и Евангелие»: ведь поступать так завещал Господь. На риксдаге присутствуют некоторые из проповедников, о которых идет речь; они готовы разъяснить собравшимся свое учение. Ложь, что король не терпит священников; он хочет, чтобы в Швеции были клирики, в полном объеме исполняющие свои обязанности. Как поступить с остальными священниками, должны решить представители сословий. Касательно перечисленных обвинений, — продолжает источник, — Его Милость готов держать ответ перед сословиями. Но он понимает, что ему нечего ждать, кроме все новых и новых мятежей — хотя он и не давал тому повода. Поэтому он желает отказаться от правления и сложить с себя королевские полномочия. Он благодарит за оказанную честь и надеется, что за перенесенные тяготы получит лен на условии службы королевству¹⁹.

Для такого решения есть и другие основания, помимо вышеназванных. Казна истощена, соотношение доходов и расходов составило 24 000 и 60 000 марок. Упадку финансов способствовало уничтожение внутренних пошлин и кризис горного дела. Кроме того, корона не получает причитающихся ей судебных штрафов с крестьян-арендаторов, поскольку каждый землевладелец хочет быть «королем над своими ландбу»²⁰. Вследствие всего этого невозможно обеспечить оборону страны, учитывая, что расходы на армию, как показывает опыт зарубежных держав и самой Швеции, должны увеличиться. Необходимо восстановить замки, разру-

¹⁹ GIR IV. S. 205—211.

²⁰ Т.е. взыскивать в свою пользу, за определенными исключениями, штрафы за проступки арендаторов-ландбу, причитающиеся короне. Это — традиционное требование позднесредневековых шведских магнатов, отраженное в их программном документе — Кальмарском рецессе 1483 г. Ср., например: *Klockhoff A. Danviks hospital. Dess rättsliga ställning. Uppsala, 1935. S. 41, 65.*

шенные в ходе военных действий. Король не может обеспечить себе приличествующего содержания. Предстоят, помимо прочего, немалые расходы, связанные с женитьбой государя на иноземной принцессе. Рыцарство обеднело — отчасти вследствие военных действий. Но главная причина ослабления воинства — в том, что его поместья перешли во владение церкви. Рыцари по этой причине вынуждены просить помощи у короны, уменьшая и без того невеликий доход монарха²¹. Жители Стокгольма, Кальмара, Сёдерчёпинга и других торговых городов жалуются на незаконную торговлю — ландсчёп, происходящую в сельской местности вопреки закону и в ущерб городам²². «Когда же хотят за это карать по закону, жители некоторых областей противятся, желая, чтобы за ту торговлю не наказывали; итак, действовать в этом случае по закону — значит обрекать себя на восстания и беспорядки». Запрет на ландсчёп может в данный момент, — резюмирует источник, — нанести стране гораздо больший ущерб, нежели сама эта торговля, бороться с которой можно будет лишь тогда, когда «установится хорошее управление королевством»²³.

В заключительной части королевского обращения жители Швеции призывались к солидарности в борьбе против всякого рода слухов, клеветы и притязаний на шведский престол, исходящих от иноземных государей²⁴.

Дальнейший ход событий описан в хронике Педера Сварта. Зачитав «предложения» короля, Лаврентиус Андреэ объявил, что государь желает отказаться от престола, если участники риксдага не примут постановления, соответствующие монаршим тезисам²⁵.

Ответную речь держал Ханс Браск. Он заявил, что шведское духовенство должно быть верно как королю, так и папскому престолу. Церковное имущество вверено клирикам понтификом, они обязаны беречь его и добровольно не отдадут. Но если какие-либо клирики совершили правонарушения, их вполне можно наказать²⁶. Браска поддержал Туре Йенссон. Тогда возмущенный король сказал, что отречется от престола и покинет неблагоприятное отечество, затем «горько заплакал», оставил собрание и удалился в замок²⁷. После этого Лаврентиус Андреэ объявил, что возможности только две: просить прощения у короля и принять его волю, или избрать другого суверена²⁸.

²¹ SRA I. S. 65—75.

²² См. выше.

²³ GIR IV. S. 211—214.

²⁴ Ibid. S. 214—215.

²⁵ Swart. 1912. S. 114; Swart. 1964. S. 142.

²⁶ Swart. 1912. S. 114; Swart. 1964. S. 143—144.

²⁷ Swart. 1912. S. 114—116; Swart. 1964. S. 143—144.

²⁸ Swart. 1912. S. 116; Swart. 1964. S. 144—145.

Среди сословий, согласно хронике, в течение двух дней царило замешательство; торжествовали оппозиционные дворяне во главе с Туре Йенссоном²⁹. В этой ситуации инициативу проявили бонды, поддерживав короля. К ним присоединились горожане. Вместе оба эти сословия потребовали решительных действий от дворян. Открыто в поддержку короля выступили делегаты от стокгольмского бюргерства, а также епископ Магнус Соммар, сказавший, что в интересах королевства и, особенно, его безопасности, нужно оставить на троне Густава I³⁰. Соммар, по существу, подчеркнул важнейшее обстоятельство, один из козырей Густава Васы. Отречение короля было чревато острейшим политическим кризисом с крайне тяжелыми последствиями. Особенную опасность представлял тот факт, что у Швеции в лице Кристиана II имелся король в изгнании — низложенный, весьма непопулярный, но не отказавшийся от претензий на трон и, в отличие от Густава Васы, коронованный монарх³¹.

Посовещавшись, дворяне постановили заслушать богословский диспут между Олаусом Петри и Педером Галле. Диспут, согласно сообщению хрониста, действительно состоялся.

«Доктор Педер Галле желал дискутировать по-латыни, а мастер Улоф — по-шведски <...> Так продолжалось долгое время: когда один задавал вопрос на одном языке, другой отвечал на другом, пока простой народ не начал возмущаться, прося обоих говорить по-шведски»³².

Других подробностей автор «Хроники Густава I» не сообщает. Не сохранилось также протоколов диспута, однако официальные документы подтверждают, что он имел место³³. Известны и вопросы, вынесенные

²⁹ Согласно сообщению Сварта, Туре Йенссон, возвращаясь в свою временную резиденцию после первого дня дебатов, приказал идущему впереди человеку бить в барабан, а сам приговаривал: «Никому не сделать из меня язычника или еретика!». Этот эпизод послужил сюжетом для картины Георга фон Розена «Герр Туре Йенссон возвращается с собрания в Вестеросе» (1869). Полотно получило широкую известность, а впоследствии было остроумно обыграно в карикатуре на шведские парламентские дебаты. См.: *Hammarlund S. Befrielsekrig och reformation. Bilder ur Gustav Vasas historia*. Stockholm, 1990. S. 74—77.

³⁰ Swart. 1912. S. 116—118; Swart. 1964. S. 145—147. Cp.: *Tunberg S. Västerås riksdag 1527. Några kritiska anmärkningar* // *Uppsala Universitets årsskrift*. Uppsala, 1913. Bd. 1. S. 19.

³¹ Cp.: *Sjödén L. Västerås möte 1527. Ett fyrahundraårsminne* // *Historisk tidskrift*. Stockholm, 1928. Årg. 47. S. 128. Кроме того, потенциальная опасность исходила от Фредерика II, который мог бы в случае политического кризиса в Швеции возобновить традиционные для датских монархов притязания на шведский престол.

³² Swart. 1912. S. 118; Swart. 1964. S. 147.

³³ SRA I S. 85—86; Cp. *Ibid.* S. 97.

на обсуждение: 1) «о том, что папа обманом, при помощи своих лживых индульгенций обложил налогом простых людей»; 2) «о том, что епископы сделали себя светскими господами»; 3) «о том, что ни один человек не может издавать законы, которым должна следовать душа». Темы диспута были, таким образом, сформулированы выгодно для последователей Лютера и, что немаловажно, понятны и актуальны для всех, в том числе и весьма далеких от богословских тонкостей светских участников риксдага.

Ханс Браск, по-видимому, попытался воспрепятствовать диспуту: нельзя обсуждать заблуждения, уже осужденные церковью. Такие диспуты ослабляют веру тех, кто их слушает. Мы не отступим от единой церкви ни вправо, ни влево: с ней — Господь Бог³⁴.

На третий день давление делегатов от непривилегированных сословий на фрельсе, если верить Педеру Сварту, усилилось: бюргеры и бонды подняли крик, угрожая расправиться с врагами короля³⁵. Оппозиционные фрельсисманы отправились к Туре Йенссону, чтобы склонить его к компромиссу с королем. Туре Йенссон заявил о готовности к примирению, «но с тем, чтобы король не принуждал его к лютеровой ереси»³⁶. После этого сословия послали Олауса Петри и Лаврентиуса Андреэ просить Густава Васу быть их королем, и тот, после нескольких отказов, в конце концов согласился. Делегаты от сословий составили ответы на тезисы государя и выработали заключительное соглашение на основе речи короля и ответов сословий.

Повествование Сварта выглядит достаточно достоверным; многое соответствует логике событий, подтверждается документами, в том числе протоколами риксдага. К тому же Сварт являлся вестеросским епископом и поэтому мог получать сведения от клириков и прихожан диоцеза. Исследователи вплоть до XIX в. вообще не замечали противоречий между хроникой и официальными документами; ученые полагали, и отчасти справедливо, что эти источники дополняют друг друга. Лишь в начале XX столетия уппсальский историк Харальд Йерне указал на тенденциозность хроники. Она создана значительно позже описываемых событий, в условиях изменившихся общественных и культурных ре-

³⁴ В Ватиканском архиве сохранился список тезисов этого протеста. Авторство Браска является гипотетическим, но весьма вероятным. По-видимому, за этот протест Браск был взят под стражу. См.: RA. [Fotostatkopior]. Vatikanhandskriften [och Linköpinghandskriften] av Västerås Ordinantia; UUB. E 159; [Huldt H.] Ur Vatikankivet och andra romerska arkiv och bibliotek // Kyrkohistorisk årsskrift. Stockholm, 1903. Årg 4. Meddelanden och aktstycken. S. 85—86. Ср., например: Westman. K.-B. Reformationens genombråtsår. S. 412—413.

³⁵ Ibid.

³⁶ Swart. 1912. S. 131—132.

лий, отражает взгляд, свойственный королю и его соратникам-реформаторам. В дальнейшем на основании труда Сварта был создан своего рода миф о риксдаге, историческая правда подверглась искажениям. Поэтому при изучении Вестеросского риксдага следует отдать предпочтение документальным источникам — королевской пропозиции, ответам сословий и итоговой резолюции³⁷. Новаторская работа Йерне, несмотря на широкое признание, вызвала возражения: повествование Сварта логично, во многом согласуется с документами и позволяет более глубоко их осмыслить, увидеть в событиях риксдага не только диалог короля и курий, но и борьбу политических группировок³⁸. Новые аргументы против Сварта последовали от Л. Вейбулля: между протоколами и хроникой существуют значительные текстуальные совпадения; несомненно, Сварт пользовался документами³⁹. Рассказ хрониста о событиях Вестеросского риксдага, таким образом, не является свидетельством очевидца, а носит компилятивный, вторичный характер.

Критически настроенные исследователи — в частности, Йерне и Вейбуль — обратили внимание на важный аспект проблемы: между хроникой и протоколами риксдага существует расхождение. Педер Сварт пишет, что король в своей речи предложил меры, которые затем принял риксдаг, т.е. редукцию церковных земель и замков. Но речь Густава I не содержит таких предложений: он лишь подсказал выход. Итоговые резолюции были выработаны на основе ответов сословий, в особенности, дворян.

Итак, король апеллировал в своей речи ко всем сословиям, но в первую очередь, — к фрельсе: он фактически предложил фрельсисманам самим улучшить свое положение. Если бы фрельсисманы рекомендовали королю меры, направленные против церкви, а горожане, горняки и

³⁷ Работа Йерне была впервые опубликована в 1903 г.; мной использовано ее второе издание: *Hjärne H. Reformationsriksdagen i Västerås // Hjärne H. Ur det förgångna. Historia och politik. Stockholm, 1912. S. 1—87*. Йерне, не являясь лундским историком, в своем исследовании Вестеросского риксдага предвосхитил основные методы и принципы гиперкритической «Лундской школы»: критика нарративных памятников и, в связи с этим, опровержение стереотипов и тенденциозных концепций; предпочтение более древних источников более поздним и документальным — нарративным. Таким образом, возникновение «Лундской школы», не представляя сугубо локальное явление, отразило объективные тенденции в национальной и, шире, европейской историографии, философии и общественной мысли. Ср.: *Torstendahl R. Källkritik och vetenskapssyn i svensk historisk forskning. 1820—1920. Uppsala, 1964. S. 253—258; 341; 363; 372*.

³⁸ См.: *Tunberg S. Västerås riksdag 1527. S. 3—26*.

³⁹ Аргументы Вейбулля в этом отношении лишь частично справедливы, поскольку некоторые из отмеченных соответствий могли носить случайный характер: и в хронике, и в протоколах использовались популярные, находившиеся «на слуху» выражения-клише.

бонды поддержали их, то итоговое постановление риксдага формально исходило бы от шведского народа⁴⁰.

И все же делегаты курий, по всей видимости, играли свою роль отнюдь не «с листа». Крупный шведский государственный деятель и ученый Пер Брахе старший писал в своей хронике (1580-е гг.), что Густав I еще до риксдага тайно, через третьих лиц известил рыцарство и представителей народа, какие выгоды сулит принятие лютерова учения и связанное с этим отчуждение церковной собственности. Столь же тайно король оповестил заинтересованных лиц, что собирается: 1) разрешить дворянству и податному населению отчуждать наследственную недвижимость, пожертвованную церкви; 2) остальную церковную недвижимость редуцировать в пользу короны; 3) позволить клирикам вступать в брак; 4) назначить в монастыри светских опекунов из числа дворян, чтобы те взимали монастырскую ренту. Так король подготовил почву для реформ, которые были проведены, как только представился случай⁴¹.

Действительно, как следует из протоколов, дворяне представили ответ, в котором настаивали на редукации церковных замков в пользу короны и ограничении вооруженных свит епископов. Поскольку епископам не потребуется содержать столь много воинов, высвободившиеся средства будут поступать королю на военные нужды. Сумму этих отчислений государь должен согласовать с епископами. Такие же отчисления поступят от кафедральных соборов и каноников⁴².

В Даларне следует провести заседание королевского суда и по закону наказать мятежников. Грипсхольмский замок — законная наследная собственность короля Густава. Также и другие подобные пожертвованные владения необходимо отбирать, а проданные или заложенные — выкупать⁴³. Права на недвижимость надо доказать на окружных и

⁴⁰ Существует точка зрения, что ответы королю горожан и бондов и вообще их поддержка позволили королю взять верх над дворянской оппозицией и получить благоприятный ответ также от дворян. См., например: *Westman K.-B. Reformationens genombråttår. S. 404—407 ff.* Но эту точку зрения следует признать устаревшей. Все три ответа — дворянский, бюргерский и крестьянский — близки по духу и содержанию, притом дворянский — самый содержательный и выгодный для короля, хотя и не во всех отношениях реформаторский.

⁴¹ *Per Brahe den äldres fortsättning af Peder Svarts krönika / Utg. O. Ahnfelt. Lund, 1896. S. XI.* Начало хроники основано на труде Педера Сварта, но содержит важные дополнения. Конечно, опус Пера Брахе написан через более чем полвека после событий 1520-х гг. и не является абсолютно надежным источником по истории этих событий. Но все же сообщение о тайной заблаговременной агитации настолько правдоподобно, что его нельзя не принять во внимание. Ср.: *Sjödin L. Västerås möte 1527. S. 140; Kjällerström S. Västerås ordinantia. S. 74.*

⁴² SRA I. S. 75—78; GIR IV. S. 218—219.

⁴³ SRA I. S. 77; GIR IV. S. 216—217.

областных судах — херадстингах и ландстингах. При расчете суммы выкупа из стоимости земли должно вычесть полученную с нее церковью совокупную ренту⁴⁴. Дарения же — отчуждать безвозмездно. Монастыри и богоугодные заведения, содержащиеся за счет ренты, отдавать в ленное держание опекунам из числа «добрых рыцарей». Последние возьмут на себя сбор ренты и церковных штрафов на условиях отчислений в пользу короны или службы королю, «но так, чтобы обитатели монастыря получали надлежащее содержание, и монастыри не прекращали существовать»⁴⁵. В пользу короны надлежит взимать доселе причитавшиеся епископам судебные штрафы и фуражную повинность — фудринг, «дабы над бедным людом не было двух господ»⁴⁶. Король не виноват в дороговизне, его публичные оправдания в данном случае основательны. Тех, кто в связи с этим возводит на него обвинения, следует карать. Размещение войск на постой в монастырях вызвано военной необходимостью; это дворяне также разъяснят населению⁴⁷. С церквями в стокгольмских пригородах пусть будет так, как решит король и стокгольмские бюргеры; в случае народного недовольства дворяне также готовы дать населению разъяснения. Ландсчеп следует карать по закону, если потребуется — казнить нарушителей. Фогды не должны за взятки разрешать ландсчеп и им самим не пристало заниматься этой торговлей⁴⁸. Наконец, фрельсисманы высказали пожелание, чтобы «Слово Божье» проповедовалось повсеместно «в соответствии с заветом Бога, а не по неясным знамениям и человеческим небылицам и басням, как то до сих пор часто делалось»⁴⁹. К этому было добавлено — дворяне желают «сохранить добрые старые христианские обычаи»⁵⁰.

Совместный ответ королю горожан и горных мастеров во многих пунктах повторял требования дворянства. Но бюргеры и горняки добавили собственные требования: епископы не должны посылать деньги в Рим за конфирмацию; следует, чтобы монахи нищенствующих орденов покидали монастырь для сбора милостыни только дважды в год⁵¹. Горожане потребовали, и сами пообещали от имени городских властей, наказывать духовных лиц, распространяющих лживые слухи в отношении короля. Оговорив, что вопрос о вероучении «выше их разумения»,

⁴⁴ Т.н. выкуп в размере «основной суммы» (швед. "huvudgäld")

⁴⁵ GIR IV. S. 217—218.

⁴⁶ Ibid. S. 219.

⁴⁷ Ibid. S. 217.

⁴⁸ Ibid. S. 219.

⁴⁹ Позиция шведских дворян по вопросам веры, таким образом, соответствовала требованиям ренессансного гуманизма, разделяемым просвещенными людьми того времени, независимо от их позиции относительно реформы церкви.

⁵⁰ SRA I S. 77—78.

⁵¹ Поскольку монахи агитируют население против короля.

они заявили о желании уяснить, какая из сторон права, и охотно заслушают богословский диспут⁵².

Бондам хроника Педера Сварта отводит если не решающую, то, во всяком случае, весьма активную роль на риксдаге. Конечно, бонды представляли собой реальную политическую силу, и их позиция на риксдаге была немаловажной — хотя далеко не определяющей. Так или иначе, в официальном ответе⁵³ бонды подтвердили: государь имеет право взимать регулярные поборы с церкви. Однако назначенные королем светские опекуны не вправе злоупотреблять властью: им следует «довольствоваться той частью, которой бедные люди могут с ними поделиться»; они не должны совершать насилие над жителями монастырской округи; кроме того, воспрещается чинить ущерб богослужению в монастырях. Бонды, как и бюргеры, потребовали ограничить сбор милостыни нищенствующими монахами. Они также согласились с бюргерами, что король может отобрать епископские замки⁵⁴. Казну государь волен пополнять так, как ему угодно. Делегаты курии (так же, как ранее дворяне и бюргеры) подтвердили: монарх имеет право разрушить ближайшие к Стокгольму церкви и монастыри. Бонды заявили, что «о церковных рентах и другом подобном» не имеют собственного мнения и оставляют эти вопросы на рассмотрение короля и риксрода. По поводу вероучения делегаты потребовали дальнейших публичных разъяснений.

Итак, в ответах участников риксдага отразились интересы и менталитет социальных слоев Швеции. Вместе с тем все делегаты стремились предложить меры, угодные королю.

§ 3. Вестеросский рецесс — итоговое постановление риксдага

На основании речи короля и ответов сословий был выработан заключительный документ риксдага — Вестеросский рецесс (соглашение). В повествовательной части — “*narratio*” — документа участники риксдага объявили: собрание созвано королем для принятия мер против множества «пороков», дабы монарх не был вынужден отречься от престола⁵⁵. Первый из пороков заключается в мятежах, которые пред-

⁵² SRA I. S. 78—80; GIR IV. S. 220—222.

⁵³ SRA I. S. 80—82; GIR IV. S. 223—226.

⁵⁴ Реально это решение, как известно, восходит к ответу дворян. Ссылка на ответ бюргеров показывает, что бонды составляли свое заявление с оглядкой на горожан, как бы примыкая к ним и, возможно, исходя из того, что вместе они представляют на риксдаге непривилегированное сословие Швеции.

⁵⁵ SRA I. S. 83; GIR IV. S. 226—227.

ставляют угрозу для безопасности Швеции и благополучия ее народа. Второй порок: рента короны настолько снизилась, что государь, дабы покрыть необходимые расходы, вынужден обременять себя большими долгами. Третий порок: «...Рыцарство Его Милости настолько ослаблено, что вынуждено постоянно просить помощи у короны, что и неудивительно; и тем меньшая часть коронной собственности осталась в распоряжении короля»⁵⁶. Наконец, четвертый порок:

«Его Милость обвинялся <...> в том, что он ввел новую веру; и более всех распространяли эти обвинения священники и монахи, потому что Его Милость был терпим к тем, кто проповедовал чистое Слово Божье и Евангелие, чего те ни слушать, ни терпеть не могли. И Его Милость призвал к себе означенных проповедников и предложил им выступить ответчиками, если кто-либо из духовенства пожелает вступить с ними в спор и уличить их в каких-либо нечестивых вещах, имеющихсЯ в их учении. Если бы их в том уличили, желал Его Милость наказать их должным образом; если же нет, просил Его Милость найти средство против означенной клеветы, которая на Его Милость незаконно возводится»⁵⁷.

Далее излагались утвержденные риксдагом меры по устранению перечисленных «пороков»⁵⁸. Дабы исправить первый, участники собрания обязались искоренять клевету и слухи, возводимые на Густава I, а также бороться с выступлениями против короля в Даларне и вообще в Швеции, и таким образом исключить возможность государственного переворота.

По второму вопросу было постановлено: поскольку ренты епископов, кафедральных соборов, каноников и монастырей возникли оттого, что некогда владения жителей страны, с согласия государей, были отчуждены, то доходы короны, ныне уменьшившиеся, должно восстановить за счет указанных рент. Ввиду опасности восстаний, мятежей и измен со стороны епископов (чему имеются примеры в прошлом), иерархам не следует держать большей вооруженной свиты, нежели им предпишет монарх.

«Что составит излишек в их доходе, то пополнит ренту короны: они будут отдавать королю толику денег, о которой они с ним могут договориться, и к тому же уступят ему замки и крепости, которые ныне имеют. Так же следует поступить и в отношении рент кафедральных соборов и каноников. После того,

⁵⁶ SRA I. S. 84; GIR IV. S. 227—228.

⁵⁷ SRA I. S. 84; GIR IV. S. 228.

⁵⁸ SRA I. S. 84—85; GIR IV. 228—231.

как будет обсуждено, что требуется для их справедливого содержания, король станет взимать себе в помощь то, что сверх того останется в их доходах».

В монастыри, содержащиеся за счет ренты, король назначит опекунами «добрых рыцарей, которые обеспечат монастырским людям должное содержание и будут держать монастырь в своей власти». Излишек доходов им полагается отдавать королю. От епископов к светским опекунам должно перейти право взимания церковных штрафов и повинности постоя-кормления — йестнинга.

Далее следовала резолюция о возвращении земель, пожалованных, проданных и отданных в заклад духовенству. Рыцари получают возможность вернуть все земельные владения, которые отданы, проданы или заложены церквям, монастырям, пребендам, со времен судебного разбирательства, проведенного в середине XV в. королем Карлом Кнутссоном⁵⁹. То, что продано или заложено, должно быть выкуплено за большую или меньшую сумму, в зависимости от того, сколь долго оно было отчуждено. Право на земли следовало доказать на тинге, при 12 свидетелях, в присутствии ответчика⁶⁰.

Заключительная резолюция касалась лютеранского вероучения. Участники риксдага заявили, что заслушали религиозный диспут, а также проповеди тех, кого обвиняют в попытках ввести новую веру. Выяснилось, что эти люди благонамеренны «и проповедуют не что иное, как Слово Божье». Поэтому делегаты пообещали королю бороться с соответствующими обвинениями в его адрес. Притом собравшиеся пожелали, чтобы «Слово Божье везде по стране чисто проповедовалось»⁶¹. В заключение участники риксдага клялись, «не щадя жизни и сил», бороться с теми, кто чинит или замышляет вред государю.

Епископы и члены соборных капитулов, присутствовавшие на риксдаге, не присоединились к заключительной резолюции, а выступили с

⁵⁹ Предмет этого разбирательства (“räffst”) составили права на спорные земельные владения. Следствием явилось подтверждение прав законных владельцев и редукция значительных владений, незаконно отчужденных от короны. Густав Ваза впоследствии дал объяснение: со времени разбирательства Карла Кнутссона прошло сравнительно немного времени, применительно к этому периоду проще установить законного владельца по праву наследия. Но в целом причины такого временного ограничения не вполне ясны. См.: *Klockhoff A. Danviks hospital. S. 69—70*. Не исключено, что дворяне и король, вводя указанное ограничение, основывались на практических, конъюнктурных соображениях. Во всяком случае, оно как бы демонстрировало: речь идет не об изменении древней многовековой практики, а наоборот, об устранении временных злоупотреблений; у редукции Густава I имелся сравнительно недавний исторический прецедент.

⁶⁰ SRA I. S. 85.

⁶¹ Ibid. S. 86.

отдельным заявлением. В “narratio” констатировалось: делегаты риксдага во главе с монархом, ввиду опасности государственных переворотов, исходящей от церкви, постановили ограничить вооруженные свиты епископов и взимать образовавшийся излишек ренты в виде налога в пользу короны, обложив подобным налогом также ренты кафедральных соборов и каноников. Епископские замки, по решению собравшихся, должны отойти королю. Далее следовало “dispositio”:

«Поскольку все единодушно приняли такое решение, мы не можем и не желаем что-либо возразить, но допускаем, чтобы так было; и удовлетворены — в основном потому, что так может быть устранено заблуждение, согласно которому епископы со своими вооруженными отрядами и замками опасны для короля. Прелаты согласились быть настолько богатыми или бедными, насколько угодно королю»⁶².

В заключительной части ничего не говорилось о резолюции риксдага по поводу вероучения.

§ 4. «Введение Реформации»? Современная полемика о Вестеросском риксдаге

Из упомянутых выше историографических концепций, созданных в первой половине XX в. (Х. Йерне, С. Тунберг, Л. Вейбуль, Л. Шёдин) видно, что главным предметом споров в указанный период был вопрос: насколько правильно события риксдага освещены в источниках? Опираясь в первую очередь на документальный материал, историки стремились реконструировать картину риксдага, скорректировать представления о нем, освободиться от стереотипов, основанных на чрезмерном доверии нарративным памятникам.

Относительно исторического содержания Вестеросского риксдага большинство специалистов XX в. было убеждено: риксдаг 1527 г. являлся, по распространенному выражению, «реформационным риксдагом» (швед. “reformationstriksdagen”); его заключительная резолюция была резолюцией о введении реформационных преобразований. Данная позиция преобладала в шведской историографии в течение почти всего XX в. Показательно, например, высказывание И. Монтгомери — одного из ведущих исследователей шведской Реформации — в работе,

⁶² GIR IV. S. 249—250.

опубликованной в 1982 г.: «Официально Реформация была введена на Вестеросском риксдаге 1527 г.»⁶³.

Но эта точка зрения являлась не единственной. Уже в 1956 г. историк Х. Ирвинг высказал другое мнение: «Постановления о церковной Реформации на Вестеросском риксдаге 1527 г. принято не было» (“Någon reformation av kyrkan beslöts inte av riksdagen i Västerås 1527”)⁶⁴. По мнению исследователя, резолюция риксрода относительно веры была, напротив, консервативной: участники поклялись держаться «добрых старых христианских обычаев». Со стороны короля, по Ирвингу, резолюция носила политический характер: Густав Васа стремился положить конец могуществу епископов и осуществил это намерение на риксдаге 1527 г.⁶⁵

Возражения на концепцию Ирвинга прозвучали в работах С. Чёллерстрёма, опубликованных в 1960-е гг.⁶⁶ Чёллерстрём считал, что Густав Васа перед Вестеросским риксдагом планировал разрыв с Римом, который, хотя и не получил формальное закрепление в резолюции риксдага, все же осуществлен “de facto”. В резолюцию риксдага о «проповеди Слова Божьего» и о «добрых старых христианских обычаях» было, по мнению Чёллерстрёма, вложено новое, реформационное содержание. Вестеросский риксдаг 1527 г., по мысли ученого, знаменовал собой начало Реформации.

Во второй половине 1990-х гг. вопрос о том, являлся ли Вестеросский риксдаг «реформационным», был — на новом этапе — поднят М. Нюманом, мнение которого получило известность в среде специалистов. Нюман считал, что Вестеросский риксдаг нельзя расценивать как начало Реформации в Швеции: разрыв с римской курией не был официально провозглашен; важность лояльности по отношению к папе не подвергалась сомнению ни в документах риксдага, ни в материалах, связанных с ним. Резолюция риксдага о том, что «Слово Божье должно проповедоваться чисто», отражала, по Нюману, общее христианское требование, с которым мог бы согласиться любой священник⁶⁷.

Таким образом, мнение Нюмана совпало с точкой зрения Ирвинга, высказанной еще в середине XX в. Новый момент заключался в общественном и культурном контексте работы Нюмана: он высказал свою

⁶³ “Formellt blev reformationen genomförd vid riksdagen i Västerås 1527” // *Montgomery I. Gustav Adolf och religionen. Stockholm, 1982. S. 62.*

⁶⁴ *Yrwing H. Gustav Vasa, kröningsfrågan och Västerås riksdag 1527. S. 110.*

⁶⁵ *Ibid. S. 111.*

⁶⁶ *Kjällerström S. Västerås ordinantia; Kjällerström S. Västerås riksdag 1527...* Подробно об исследованиях Чёллерстрёма см. гл. III и IV данной монографии.

⁶⁷ См.: *Nyman M. Förlorarnas historia. S. 73—74.*

точку зрения в 1990-е гг. — в эпоху, когда, с одной стороны, усилились позиции католической церкви в Швеции, а с другой, — в историографии многих стран шел активный пересмотр взглядов на историю тех социальных групп, интересы и права которых в прошлом были ущемлены. К таким группам в раннее Новое время относились и католики в Швеции.

Мнения ученых по поводу концепции Нюмана разделились. Так, Л.-У. Ларссон, известный специалист по шведскому Средневековью и раннему Новому времени, согласился с позицией ученого: решения Вестеросского риксдага носили экономический и политический характер; постановления о новшествах в области религии принято не было — поэтому Вестеросский риксдаг, по Ларссону, нельзя именовать «реформационным риксдагом»⁶⁸. Другой историк, О. Андрен, не принял точку зрения Нюмана. Работа Нюмана, по его мнению, освещает историю с конфессиональных позиций, а потому не объективна⁶⁹.

Отчасти положительным, но острополюемическим явился отзыв П. Рейнхолдссона⁷⁰. Исследователь отмечает, что монография Нюмана усилила интерес к шведской Реформации, но указывает: тезис автора о расцвете шведской католической церкви накануне Реформации является преувеличением; вывод о длительном характере шведской Реформации не нов⁷¹; рассуждения Нюмана о Вестеросском риксдаге 1527 г., соборе в Эребру 1529 г. и Уппсальском соборе 1536 г. не последовательны и содержат ошибки⁷².

С отзывом Рейнхолдссона перекликается рецензия И.М. Вернер — специалиста по истории католической церкви⁷³. Вернер считает, что работа Нюмана стимулирует исследования Реформации. Вместе с тем рецензент отмечает: выводы о жизнеспособности шведской церкви накануне Реформации и о длительном характере реформационных преобразований не новы⁷⁴. Вернер подвергает критике работу Нюмана с историографией, указывая на пробелы в знаниях автора⁷⁵.

⁶⁸ Larsson L.-O. Gustav Vasa — landsfader eller tyrann? Stockholm, 2002, S. 137.

⁶⁹ Andren Å. Reformationstid // Sveriges kyrkohistoria. Stockholm, 1999. Bd. 3.

⁷⁰ Reinholdsson P. En förlorad historia: Kring ett försök till en ny tolkning av den svenska reformationen // Scandia, 1996. Bd. 62. S. 5—22. Отзыв Рейнхолдссона опубликован как отклик на предварительную статью, в которой приведены и аргументированы основные положения монографии Нюмана: Nyman M. Förlorarnas historia // Lychnos: Årsbok för idé- och lärdomshistoria. Stockholm, 1994.

⁷¹ Ibid. S. 8.

⁷² Ibid. S. 9—12.

⁷³ Werner Y.M. [Rec.:] Nyman M. Förlorarnas historia // Scandia, 1998. Bd. 64. S. 121—122.

⁷⁴ Werner Y.M. Op. cit. S. 121—122.

⁷⁵ Ibid. S. 121.

В связи с современной дискуссией об оценке Вестеросского риксдага актуальность вновь приобрел вопрос о его фактической роли в судьбе Швеции. Данный вопрос практически одновременно поставили в своих работах три историка — К. Пальмблад, П. Стобеус и автор данной монографии.

Мнение Пальмблада таково: Вестеросский риксдаг явился реформационным риксдагом “de facto”, поскольку последующие перемены, связанные с решениями риксдага, носили реформационный характер. Вот, как формулирует свой вывод сам автор:

«Конфискация доходов и имущества церкви, рукоположение новых епископов без папской конфирмации и, в довершение всего, избрание и рукоположение нового архиепископа, в то время как прежний архиепископ, покинувший Швецию, был еще жив — все это означало разрыв с каноническим правом и, следовательно, разрыв с Римом и папской властью»⁷⁶.

В монографии, изданной в 2008 г., автор этих строк оценил Вестеросский риксдаг 1527 г. как реформационный. Я основывал свой вывод на том, что указанный риксдаг был тесно связан с борьбой вокруг реформационных идей, король и его сторонники-реформаторы непосредственно перед собранием не скрывали своих симпатий к учению Лютера и намерений осуществить преобразования, руководствуясь новыми установками, — хотя на риксдаге отдали предпочтение двусмысленным формулировкам в том, что касается веры. Прочитирую свой вывод:

«Риксдаг состоялся уже в ходе Реформации и в связи с ней, ему предшествовала напряженная идейно-политическая борьба сторонников и противников преобразований в лютеранском духе. Постановления риксдага носили преимущественно политико-правовой характер. При этом они являлись реформационными, будучи проникнуты реформационной идеологией <...> У шведских реформаторов было еще немало различных забот. Но, так или иначе, в июне 1527 г. был сделан решающий первый шаг»⁷⁷.

Близкими к моему мнению о Вестеросском риксдаге 1527 г. оказались взгляды П. Стобеуса⁷⁸. В своей монографии ученый подчеркива-

⁷⁶ *Pahlmblad C. The Office of Bishop in the Evangelical Lutheran Church of Finland and in the Church of Sweden // Zeitschrift für evangelisches Kirchenrecht. Frankfurt am Main, 2005. Bd. 50. S. 341.*

⁷⁷ *Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг. С. 120.*

⁷⁸ Напомню, что моя книга и монография Стобеуса вышли одновременно — в 2008 г.

ет, что требование «чистой проповеди Слова Божьего», отраженное в резолюции Вестеросского риксдага, неоднократно звучало в трудах Лютера и его сподвижников, которые усматривали в этой формуле реформационное содержание. Очевидно, заключает Стобеус, подобное содержание вкладывали и шведские реформаторы на Вестеросском риксдаге 1527 г. Интересам Реформации служил и проведенный на риксдаге богословский диспут, тезисы которого носили ярко выраженный реформационный характер. Непримируемая позиция Ханса Браска на риксдаге объясняется прозорливостью епископа: он понял, какая судьба будет уготована церкви, если король и его сторонники-реформаторы возьмут верх⁷⁹. Стобеус заключает:

«Неверно, что резолюция Вестеросского риксдага относительно церкви в основном затронула хозяйство и политические полномочия епископов. Исследователи слишком буквально истолковали доводы короля, который прилагал все усилия, чтобы отвести обвинения в том, что он покровительствует новой религии. Таким образом, король добился, что участники риксдага признали проповедников, которые, по мнению Браска, провозглашали еретическое учение <...> Исповедание чистого Слова Божьего заключало в себе формулу, которая, на мой взгляд, была позаимствована у евангелического лагеря, возможно — почерпнута из сочинений Лютера <...> Конечно, это было ясно не всем участникам риксдага, но король и его советники рассчитывали, что указанная формула облегчит переход к изменениям в вероучении»⁸⁰.

В рецензии на книгу Стобеуса я не стал поднимать вопрос о совпадении мнений и о собственном вкладе в изучение проблемы, только ограничился тем, что выразил согласие с коллегой и отметил его рассуждения о Вестеросском риксдаге как одно из достоинств монографии⁸¹.

Итак, благодаря новейшим работам (а равно и изысканиям автора настоящего труда) концепция М. Ньюмана подверглась корректировке. Было указано, что относительно умеренная резолюция о «Проповеди Слова Божьего» со стороны короля и его окружения носила тактический характер, Добившись от сословий формального согласия на редукцию церковных доходов и имущества, изменив общественное и правовое положение церкви (вдобавок ко всему, в одностороннем порядке, без санкции духовенства), король одновременно провел резолюцию о вере, создавшую условия для распространения

⁷⁹ *Stobaeus P. Hans Brask. S. 193—208.*

⁸⁰ *Ibid. S. 208.*

⁸¹ *Scheglov A. [Rec.:] Stobaeus. P. Hans Brask: En senmedeltida biskop och hans tankevarld // Kyrkohistorisk arsskrift. Uppsala, 2009. Arg. 109. S. 206—210.*

лютеранских идей в Швеции и проведения соответствующей реформы. Вестеросский риксдаг 1527 г. фактически знаменовал собой начало Реформации.

* * *

Исследование источников — как документальных, так и нарративных — позволило мне на страницах монографии осветить состав, подготовку и ход Вестеросского риксдага 1527 г., отразить содержание его итоговой резолюции и других материалов. В отношении исторического содержания рассмотренных событий представляется очевидным, что король Густав Васа на данном этапе Реформации был в первую очередь заинтересован в отчуждении церковной недвижимости и доходов, а также в том, чтобы упразднить привилегии духовенства.

Вместе с тем в обращении Густава Васы к делегатам риксдага, в дискуссиях и в итоговой резолюции многое, несомненно, было связано с Реформацией. Сам тот факт, что король и его союзники-реформаторы поставили в связи с риксдагом вопрос о ненужности и вреде привилегий духовенства, о бесполезности богослужений в том виде, в каком их совершала католическая церковь, и о вреде многих церковных обычаев, говорит о том, что не только с точки зрения духовных лиц-последователей Лютера, но и с позиций короля Вестеросский риксдаг 1527 г. являлся *реформационным*. В пользу такого вывода говорит и факт проведения на риксдаге богословского диспута (темой которого, по сути, было реформационное учение), и то, что на него ссылаются документы риксдага — ответы сословий и итоговое постановление. О том, что Вестеросский риксдаг 1527 г. является реформационным, говорит и тесное сотрудничество короля Густава Васы с реформаторами — Олаусом Петри и Лаврентиусом Андреэ накануне риксдага и в ходе него. Особенно показателен факт — реформатор Лаврентиус Андреэ выступил на риксдага как полномочный представитель короля (огласив обращение Густава Васы к сословиям) и как посредник между сословиями и королем, а кроме того, вел заседания риксдага. Во многом благодаря этому сторонники Реформации контролировали риксдаг, направили его в нужное русло. И, конечно же, приверженцы Реформации расценивали риксдаг именно как реформационный, а его итоговую резолюцию о «проповеди Слова Божьего» рассматривали как позволение свободно проповедовать лютеранское вероучение.

В то же время, из документов следует: нововведения в данном случае рассматривались участниками риксдага в связи с традициями и древним правом Швеции, с историей этой страны. Король и другие участники Вестеросского риксдага 1527 г. опирались в соответствующих документах на старинное постановление XIV в. об ограничении воору-

женных свит епископов, а также ссылались на уроки военных конфликтов средневековых шведских правителей с лидерами местного духовенства. Такая «привязка» политических взглядов и решений к древним традициям, праву и реалиям не раз имела место в Швеции и встречалась в истории других стран — например, Франции, Англии, России.

В теоретико-методологическом отношении важна отмеченная в данной монографии дискуссия шведских специалистов начала—середины XX в. о достоверности нарративных памятников, освещающих Вестеросский риксдаг 1527 г. Думается, в указанной дискуссии по-своему справедливы построения представителей каждого из лагерей. С одной стороны, во многом правы историки, стоявшие на критических позициях, указывая, что главный нарративный источник по истории риксдага 1527 г. — хроника Педера Сварта — тенденциозен и искажает содержание документов собрания. С другой стороны, — отчасти правы и те специалисты, которые считали, что нарративный материал в данном случае является важным дополнением к документам. В этой связи хотелось бы отметить интересный факт: исследователи, ссылавшиеся на сообщение одного из нарративных памятников — Хроники Пера Брахе — о подготовке Вестеросского риксдага, принимают на веру свидетельство, хотя оно не подтверждается документами. Доверие историков нарративному источнику основано на логичности, естественности его сведений. Это говорит о том, что при оценке достоверности памятника большую роль играет его контекст, а также интуиция и логика исследователя.

Глава III

Вестеросские
ордонансы

§ 1. Текст Вестеросских ордонансов по версии «Регистратуры» Густава I

Риксдаг закончился принятием Вестеросского рецесса. Дальнейшие вопросы обсуждались королем и риксродом. Главным их итогом стало принятие Вестеросских ордонансов. Этому интересному и непростому документу суждено было стать одним из наиболее дискуссионных памятников в историографии шведского позднего Средневековья

В большинстве дошедших до нашего времени списков Вестеросских ордонансов (в том числе в списке, вошедшем в «Регистратуру» Густава Васы) данный документ представлен в краткой редакции, созданной на шведском языке. Согласно списку в «Регистратуре» Густава I, текст памятника имел следующий вид¹:

«Ордонансы, созданные в Вестеросе в год Господень 1527 в день Иоанна Крестителя.

Епископы пусть назначают священников в вакантные приходские церкви. Но в тех случаях, когда они назначат непригодных клириков, убийц, пьяниц или таких, что не могут или не желают проповедовать Слово Божье, король волен подыскать кого-либо другого, более пригодного, [и] да имеет отныне власть изгнать непригодного и назначить в церковь того, кто пригоден.

Там, где приходы невелики² и возможно объединить их в один, это вполне может иметь место — однако так, чтобы при этом не оказывалось в пренебрежении Слово Божье, чтобы оно из-за того не проповедовалось в меньшем объеме.

Епископы должны представить нашему милостивейшему государю список всех своих каких бы то ни было рент: арендной платы (аврада), десятины, денег, масла, железа и проч. Затем Его Милость предпишет им, сколько из этого им следует оставить себе, и сколько — отдать ему в пользу короны.

Так же следует поступать и с рентами кафедральных соборов и каноников, дабы Его Милость мог предложить, какова должна быть его доля, согласно решению, принятому ныне в Вестеросе.

¹ Текст документа на раннем новошведском языке приведен в приложении к данной монографии.

² Очевидно, малочисленные (букв. «слабые» — “swag”). Ср. ниже латинские редакции Ордонансов.

Публичное покаяние должно налагаться и далее, как до этого времени, а о деньгах взимаемых при воссоединении³, следует представлять отчет королю⁴.

О деньгах, обыкновенно уплачиваемых отлученным от церкви, следует подавать отчет королю, и да не будет епископ или его служащий слишком легок на то, чтобы налагать отлучение за малые проступки, как то во множестве случаев имело место по сей день.

Епископы пусть ведут разбирательства относительно брачных дел, как-то: правильно заключен брак согласно Божьему закону, или же нет, и возможен развод или нет. Если же будет при этом присужден какой-либо штраф, он должен идти в доход короля.

Свадебный сбор, деньги за введение во храм⁵, похоронный сбор и проч. должны взиматься согласно церковному разделу [областных законов], и не сверх того. И отменяется обычай, по которому взимают больше, чем указано в церковном разделе.

Поскольку постановление [риксдага — ?] гласит, что все штрафы должен взимать король, а не епископы, пробсты отныне могут разъезжать и исполнять те же обязанности, которые обычно исполняют епископы, и предоставлять королю отчет о штрафах.

В случаях же нарушения праздничных дней не следует взимать деньги за то, что кто-то работает по праздникам на уборке урожая или ловит рыбу, а так же за то, что кто-то подстрелит себе птицу в лесу. Но за драку⁶ пусть платят, согласно обычаю.

³ В данном списке: “i inledningen” — букв.: «при введении». В ряде других списков: “för inledningen”, «за введение», т.е. за воссоединение с общиной. Публичное покаяние являлось наказанием за особо тяжкие грехи. Оно налагалось епископом или другим духовным лицом, получившим от епископа соответствующие полномочия. В Швеции с середины XV в. право налагать публичное покаяние за некоторые виды преступлений получил также светский суд. Порядок покаяния был таков: согрешивший должен был во всеуслышанье покаяться у церковных врат, затем исполнить епитимию, уплатить штраф и пройти церемонию «введения» — воссоединения с христианской общиной.

⁴ Здесь и ниже речь идет о переходе права на сбор соответствующих штрафов от епископа к королю.

⁵ “Kyrkioångxpeninger” — сбор, взимаемый за совершение католического обряда очищения («введения во храм») (швед. “kyrkioång” («вхождение в храм»); лат. “benedictio post partum” — «благословление после родов») — воссоединения с христианской общиной женщины, родившей ребенка. В средневековых шведских законах есть сведения, указывающие на то, что такой обряд по обычаю рассматривался как условие возобновления супружеских отношений. Кроме того, существовал аналогичный обряд после брачной ночи (лат. “benedictio post nuptias”). Он был также включен в категорию “kyrkioång”, и сбор за него взимался в том же размере. Подробнее см. комментарии О. Хольмбека и Э. Вессена к Эстьёталагу: SL. Ögl. S. 32.

⁶ Т.е. за драку в праздничный день, которая рассматривалась как один из случаев осквернения праздника.

Священники пусть являются на тинг по своим спорным делам, как от имени церкви, так и от своего имени по мирским вопросам, как-то о земельных спорах, о побоях, о насилии, о купле-продаже, и пусть платят королю так же, как и остальные. Если же кто имеет жалобу на священника по духовным вопросам, как-то: что он не исполняет надлежащим образом то, что входит в его обязанности, т.е. не проповедует Слово Божье, не служит мессу, не крестит детей, не посещает умирающего⁷, жалобу следует предъявлять епископу.

Если священник или мирянин ударят друг друга, не должен один быть наказан больше другого: Бог в равной мере запретил бить обоих; но пусть каждый заплатит за проступок согласно Ландслагу.

Поскольку воистину нищенствующие монахи и попрошайки разносят по стране много обмана и лжи, посему пусть фогды хватают их⁸ и наказывают; и монахи пусть не собирают милостыню дольше чем 5 недель около дня св. Олафа⁹ летом и 5 недель около Мессы свечей¹⁰. И пусть каждый монах берет письмо от фогда или бургомистра при уходе и представляется ему по возвращении.

Монахи, имеющие ренту, пусть не ходят нищенствовать.

И отменяется обычай, по которому, когда священник умирает, епископ берет себе его наследство в ущерб законным наследникам; и пусть священник не делает завешание иначе, чем согласно книге законов, подобно другим добрым людям.

Если жених возлежит со своей невестой или нареченной женой¹¹, за это не следует платить штраф, ибо меж ними свершился законный брак перед Богом, и [новоиспеченному мужу] нельзя расходиться с ней. Если же он ее бросит, то должен быть наказан по закону.

Также больных не следует принуждать к завещанию против их воли.

Не следует лишать причастия на Пасху или в другое время за долг или что-либо другое [подобное], но пусть священники и церкви предъявляют иск на тинге и ведут тяжбу, как указано выше.

“försommer soknabudh. Socknabudh” (или “sockenbud”) — обязанность священника навещать в пределах прихода умирающего или больного, соборовать и причащать его и читать над ним молитвы. Шествие священника от церкви до дома больного сопровождалось крестным ходом. Реформаторы сохранили обычай посещения больного, но упразднили крестный ход. См. специальное исследование: *Sundmark S.F. Sjukbesök och dödsbereddelse. Sockenbudet i svensk medeltida och reformatorisk tradition. Skellefteå, 2008.*

В подлиннике довольно громоздкий оборот: “tagha ther vara vppa”.

29 июля

⁰ Отмечаемый 2 февраля праздник очищения Богородицы.

¹ Т.е. с девушкой, с которой он помолвлен — до благословения супружеской четы священником (обязательное условие признания брака действительным) и, как правило, обряда венчания. По народному обычаю, жених и невеста после помолвки должны были еще до венчания убедиться, что могут жить вместе. Это, конечно, являлось нарушением христианской морали. Поэтому вместе с платой за венчание молодожены платили в пользу церкви штраф за прегрешение.

За блуд, прелюбодеяние, растление девственниц штраф следует платить в пользу короля, а не епископа.

В школах должно отныне, среди прочих занятий, читаться Евангелие, ибо это христианские школы.

Епископ пусть не рукополагает во священники никого, кроме тех, кто может проповедовать людям Слово Божье.

Прелатуры, каноникаты и пребенды пусть не предоставляются без совета с королем или тем, кого он для этого уполномочит».

Вопрос о функциях Ордонансов и их содержании неоднократно поднимался в историографии. Он отчасти связан с вопросом о происхождении документа и соотношении между его редакциями, который будет подробно рассмотрен ниже. Но уже и на основании присутствующего в «Регистратуре» списка можно выделить ряд особенностей этого памятника.

Вестеросские ордонансы явились указом, конкретным постановлением¹², созданным для практической реализации резолюций риксдага. При проведении последующих практических мероприятий ссылки делались как на Ордонансы, так и на Рецесс. По сравнению с Рецессом Ордонансы значительно расширили полномочия короля. Он получил право взимать в свою пользу все штрафы, ранее собиравшиеся епископами, назначать приходских священников в случае «непригодности» кандидатов, выдвинутых епископами, санкционировать пожалования церковных бенефициев. Наконец, согласно Ордонансам, королю предоставлялось право самостоятельно, без обсуждения с епископами, определять сумму взимаемого с них налога; это же правило действовало в отношении доходов кафедральных соборов и каноников.

Очевидно, что Ордонансы — орудие усиления королевской власти. В литературе нет единого мнения по поводу того, каким образом королю удалось добиться этого. Неясно, насколько новшества, сформулированные в Ордонансах, воспринимались как противоречившие интересам дворянства — тем более что оно не было единым. Не знаем мы и точной истории создания Ордонансов, последовательности выработки двух главных документов риксдага. Можно предположить, что проект Ордонансов подготовили заранее, еще до риксдага. Так или иначе, документ этот, повторим, был выгоден королю и создан в его интересах.

Важным элементом Ордонансов являлось уравнение в правах клириков и мирян: духовенство лишилось привилегий. Это требование сторонников Реформации присутствовало в королевской пропаганде перед риксдагом. Многие статьи Ордонансов направлены против канониче-

¹² Ср: Weibull L. Västerås riksdag 1527. S. 216.

ского права и привилегий, дарованных церкви светской властью. В этом отношении содержание Ордонансов было реформационным.

Но очевидна и связь Ордонансов с общеевропейским «северным гуманизмом». Как показали шведские специалисты Л. Шёдин, Л. Вейбуль, Г. Карлссон, на содержание и текст Ордонансов повлияли правовые новшества Германии и Дании. В частности, статьи об ограничениях на сбор милостыни и об изучении Евангелия в школах созданы под влиянием законов датского короля Кристиана II. В этих законах соответствующие новшества были введены не в прямой связи с Реформацией, а в соответствии с популярными гуманистическими требованиями преобразования церкви.

§ 2. Социально-правовая и культурная среда Вестеросских ордонансов

В то же время у Вестеросских ордонансов имелась и собственная — шведская — социально-правовая среда. Многие из вопросов, рассматриваемых в Ордонансах, ранее регулировались шведскими областными законами, в особенности, разделами о церкви, которые продолжали действовать и после принятия общешведского законоуложения — Ландслага. Так, очевидно тематическое сходство этого документа с важным памятником свейской правовой традиции — Упландслагом¹³, церковный раздел которого в позднем Средневековье — не только для Упланда, но и для ряда других областей Шведского королевства — регулировал взаимоотношения мирян с церковью. Например, Упландслаг фиксировал сумму, взимаемую за венчание, и устанавливал льготы для бедноты. Схожим образом ограничивался взнос за обряд очищения женщины после родов¹⁴. Священник вообще нес ответственность как перед епископом, так и перед членами общины. Он платил штраф в три марки (две — епископу и одну — пострадавшим прихожанам) если отказал кому-либо в совершении обряда, отсутствовал без уважительной причины, когда принесли крестить ребенка, не посетил умирающего, не совершил праздничное богослужение.

¹³ А также со многими другими областными законами о церкви. Относительное исключение составляет старшая редакция законов Вестеръётланда. В силу древности памятника, вопросы о взаимоотношениях мирян и церкви получили там не столь детальную разработку, как в более поздних законах Упланда, Эстеръётланда и других областей.

¹⁴ “Kyrkiogångxpeninger” — сбор за обряд очищения — воссоединения роженицы с христианской общиной.

Особо оговаривалось, за что можно налагать отлучение: за неуплату церковных штрафов, десятины и других платежей в пользу церкви и священника, а также за все духовные проступки, но не за долги.

В отличие от ётских законов, ограничивающих завещание в пользу церкви, менее консервативный Упландслаг уже разрешал завещать имущество в любом объеме — с согласия совершеннолетних наследников. Если наследники противились, из наследственной родовой земли можно было жертвовать десятую часть, а благоприобретенную недвижимость завещать в любом объеме. Если же, вопреки этому установлению, было пожертвовано больше, то наследники могли взыскать соответствующую часть недвижимости в законном порядке. Разбирательства по матримониальным вопросам и искам о прелюбодеянии должен был вершить епископ, «и никто иной». Преступления клирика против мирянина подлежали церковному суду. Напротив, по преступлениям мирян против клириков следовало предъявлять иск на тинге, выносившем решение в соответствии со светскими законами. Земельные споры между мирянами и церковью, и вообще все дела подобного рода, независимо от того, являлись ли их участниками клирики или миряне, подлежали светскому суду по светским законам.

Итак, законы о церкви по тематике сходны с Вестеросскими ордонансами. Проявлялось оно в том, что областные законы, делая уступки требованиям церкви и каноническому праву, отчасти, тем не менее, защищали интересы и права мирян, ограждали их от чрезмерных поборов и притеснений со стороны церкви¹⁵.

Имелось у Вестеросских ордонансов и тематическое сходство с позднесредневековыми шведскими синодальными статутами — постановлениями, принятыми на съездах (синодах) духовенства диоцезов с конца XIII по начало XVI в. Данные статуты были основаны на каноническом праве (и сами в свою очередь являлись памятниками этого права). Они нередко создавались по зарубежным образцам, но всегда — применительно к условиям и потребностям шведских диоцезов¹⁶. В синодальных статутах, среди прочего, указывалось, что священники должны отличаться добродетельностью. Им следует исполнять все положенные церковные службы, вести безупречный образ жизни, избегать пьянства¹⁷. А также подобающе одеваться, иметь достойный вид¹⁸. Священникам нельзя посещать таверны с целью возлияния; наведаться

¹⁵ См.: Svenska landskapslagar tolkade och förklarade för nutidens svenskar av Å. Holmbäck och E. Wessén. Uppsala, 1979. Bd. I. [D. 2] S. 13—32. Cp.: Ibid. Bd. I. [D. 1] S. 7—20; Bd. 2. [D. 1] S. 3—10; Bd. 2 [D. 2] S. 4—20, и др.

¹⁶ Statuta synodalia veteris ecclesiae sveogothicae / Ed. H. Reuterdaahl. Lund, 1841. Cp.: Kroon S. Det svenska prästmötet under medeltiden. Lund, 1948.

¹⁷ Statuta synodalia. P. 57, 74; 166.

¹⁸ Ibid. P. 58, 80, 177 и др.

в нее можно лишь во время путешествия. Противозаконно содержать таверны в церковных владениях и разрешать это другим. Священнослужителям не дозволялось играть в кости¹⁹. Им запрещалось иметь сожительниц — под угрозой лишения должности и бенефиция, а то и заключения в карцер. Злостных нарушителей предписывалось отлучать от церкви, налагая епитимию²⁰.

Священники должны были проповедовать пастве, просвещать ее, разъясняя по воскресным дням по-шведски смысл молитвы Господней, апостольского Символа веры, молитвы Богородице (“Ave Maria”), десяти заповедей, побуждать прихожан к покаянию и благотворительности²¹. Также клиру полагалось требовать своевременную уплату десятины, объяснять, сколь опасно для души пренебрежение этой обязанностью, объявлять, что прихожане, имеющие задолженность по десятине, не получают причастие на Пасху²². Оглашать помолвку, благословлять и венчать новобрачных²³. За сожительство до церковного благословения жених и невеста должны были платить штраф в 3 марки²⁴

Как и областные законы, синодальные статуты ограничивали плату за обряды. Священникам запрещалось взимать с прихожан за венчание, введение во храм и другие торжественные обряды больше, чем стоимость одной марки воска²⁵.

Мирианам по закону не дозволялось принимать судебные постановления о церковных владениях²⁶. Клирика-убийцу надлежало лишать бенефиция не по факту преступления, а по приговору. Его имущество подлежало конфискации, если вина была доказана в судебном порядке по светским законам²⁷. Всем прелатам предписывалось добиваться исправления церковных разделов областных законов²⁸. Имелись предписания относительно наследства после священников, не оставивших завещания. По уплате долгов и покрытии необходимых расходов, имущество делилось на три части: одна — учащимся, одна — наследникам, одна — епископу²⁹. В статутах имелось немало других постановлений,

¹⁹ Ibid. P. 58, 76.

²⁰ Ibid. P. 58—59, 76, 135, 138.

²¹ Ibid. P. 57—58, 163, 168. Cp.: *Askmark R. Svensk prästutbildning fram till år 1700.* Lund, 1943.

²² *Statuta synodalia.* P. 58; 77.

²³ *Grönblad C. Ett nyfunnet svenskt synodalstatut // Bidrag till Sverges medeltidshistoria tillagnade C.G. Malström.* Uppsala, 1902. [D. 12]. S. 5; 17—19.

²⁴ *Statuta synodalia.* P. 155; 183.

²⁵ Ibid. P. 59.

²⁶ Ibid. P. 189—190.

²⁷ Ibid. P. 179.

²⁸ Ibid. P. 160.

²⁹ Ibid. P. 186.

близких по тематике к статьям Вестеросских ордонансов. Это предписания относительно крещения, посещения больных, исповеди, церковных штрафов, денария св. Петра³⁰.

Таким образом, Вестеросские ордонансы фактически продолжали средневековую правовую традицию, отраженную как в светском, так и в церковном законодательстве. С другой стороны, они и противостояли этой традиции, являлись своеобразной реакцией на нее.

В Ордонансах отразилась и связанная с правовыми отношениями социальная практика. Примеры можно найти в переписке Браска. Так, немалый доход епископу приносили брачные и бракоразводные дела. Например, житель Смоланда по имени Свен Йонсон обязался уплатить шесть быков за право вступить в законный брак с сожительницей, которая, вдобавок ко всему, приходилась ему родственницей в четвертом колене. Столь крупная выплата включала в себя также штраф за лишение девственности³¹. Слуга Альгут Уловссон получил развод с женой Кристиной Персдоттер, поскольку сам сожительствовал с родственницей супруги. Оба получили разрешение на новый брак, однако Альгуту сперва надлежало исполнить трехлетнюю епитимию³². Сёдерчёпингский бюргер Йоханнес развелся с женой за то, что она нанесла мужу, лежавшему в постели, 15 ножевых ранений и ударила поленом (*"cum magno ligno vedaträä dicto"*)³³. Еще один нетривиальный казус. Жена Амбросиуса, пономаря церкви в Норчёпинге, обвинила мужа во множестве прегрешений. В числе прочего, он подбил приходского священника герра Пера овладеть супругой ночью, когда та спала. Проснувшись, женщина стала сопротивляться; герр Пер, добываясь своего, ударил ее дубиной. Позже Амбросиус уехал за границу, а жену препоручил школяру, повелев, чтобы та слушалась его, как мужа. От новоиспеченного сожителя женщина прижила ребенка. А муж перебрался в Сёдерчёпинг, где сожительствовал с вдовой Биргиттой Мункс. На основании всего перечисленного супруги получили развод³⁴.

Актуальны были и вопросы о преступлениях священников. Настоятель сельской церкви герр Кнут сожительствовал с двумя сестрами, украл

³⁰ Вместе с тем имелись и различия между Вестеросскими ордонансами и позднесредневековыми католическими статутами. Одно из них заключалось в том, что ордонансы 1527 г., в отличие от синодальных статутов, не содержали детальных предписаний относительно обрядов.

³¹ HBLK № 56. S. 109.

³² Ibid. S. 117.

³³ Ibid. S. 120—121.

³⁴ Ibid. S. 122—123. Ср.: *Aili H. et al. Röster från svensk medeltid. Latinska texter i original och översättning.* Stockholm, 1990. S. 45. Возможно, в этом и других подобных случаях супруги возводили на себя напраслину, чтобы получить фиктивный повод для развода.

церковные деньги. За эти и другие проступки на него наложили епитимию. Исполнив ее, он был восстановлен в должности³⁵. Более сурово наказали брата Иоханнеса из Линчёпингского монастыря. Он общался с проститутками и другими женщинами недостойного поведения, воровал. Смоландским священникам было велено избегать его, не пускать в церкви, лишить имущества, а по праздникам предавать анафеме³⁶. Имелись и случаи насилия духовных лиц над мирянами. Так, священник Фольквин за увечья, нанесенные крестьянину-арендатору, был присужден к уплате штрафа в 3 марки. Этот же священник, напившись, неоднократно бил прихожан, всячески помыкал ими³⁷. Широкою огласку получило убийство далекарлийца Иоханнеса уппсальским священником Олаусом Николаи. Браск, прося папу Адриана VI о прощении³⁸ убийцы-клирика, утверждал, что тяжкое преступление совершено в порядке самообороны. Священник и мирянин встретились, едучи на повозках³⁹ по заснеженной дороге. За клириком следовали еще один священник и монах-доминиканец. Пьяный Иоханнес, послав к чертям «всех священников и монахов», потребовал освободить дорогу. Но это оказалось невозможно: обочину замело снегом. Мирянин разбушевался, повредил упряжь клириков, развязал отчаянную драку и в конце концов получил от Олауса Николаи смертельную рану⁴⁰. А в начале 1523 г. капеллан Густава Васы (в то время еще регента, а не короля) Петрус Стаке «после бани за трапезой» убил чеканом (“*сум uno strydzhammar*”) другого капеллана Густава Васы, по имени герр Иоганн⁴¹. Капеллан-священубийца, находившийся в фаворе у правителя, был послан в Рим просить прощения у папы. Браск дал ему поручения к находившемуся в Риме Иоханнесу Магнусу⁴².

Актуальным был и вопрос о наследстве священников. Некий настоятель собора герр Филипп умер, не оставив завещания. Браск распорядился по поводу наследства так: сперва уплатить долги и жалование прислуге, восстановить и обновить инвентарь, затем раздать по марке приходским священникам в местности, где исполнял службу умерший

³⁵ HBLK № 54. S. 108.

³⁶ Ibid. № 21. S. 42—44; HSH 17. S. 109—111.

³⁷ Ibid. № 59. S. 112—113. Штраф, таким образом, в данном случае являлся относительно мягким.

³⁸ Речь идет о диспенсации — акте, избавлявшем от ответственности. В католической церкви право на диспенсацию принадлежало папе римскому, который мог в определенных случаях делегировать его другим, подчиненным ему духовным лицам.

³⁹ Так в латинском подлиннике; вероятно, в санях. Ср.: *Röster från svensk medeltid*. S. 39.

⁴⁰ HBLK № 35. S. 63—65; HSH 17. S. 126—129.

⁴¹ HBLK № 9. S. 19; HSH 17. S. 83—84.

⁴² HBLK № 13. S. 28—29; HSH 17. 91—92.

клирик, дабы поминали его в молитвах. Из оставшегося две трети отдать епископу, а одну треть — наследникам⁴³. Как указывает издатель источника, письмо явно использовалось в качестве образца для последующих распоряжений того же рода⁴⁴. Очевидно, такой порядок вызывал недовольство наследников, на сторону которых встали в 1527 г. составители Вестеросских ордонансов.

Итак, вопросы, рассмотренные в Вестеросских ордонансах 1527 г., были «на слуху», являлись актуальными в правовой и социальной практике. Таким образом, и на материале данного документа мы видим взаимодействие импульсов извне (лютеранские идеи, зарубежные правовые реформы) и, в значительной степени, национальной среды и традиции.

§ 3. Редакции Вестеросских ордонансов: история документа

Долгое время исследователям была известна только вышеприведенная краткая шведская редакция Вестеросских ордонансов. Она была процитирована в хронике Тегеля (первая публикация источника)⁴⁵, воспроизведена в собрании резолюций шведских риксдагов (издатель — А. Шернман⁴⁶), переведена на латинский язык Вильде и помещена в историко-правовое сочинение этого автора⁴⁷. Соответственно, историки, изучавшие рассматриваемый период и проблематику, основывали свои выводы на данной версии документа⁴⁸.

Ситуация изменилась в 1845 г., когда издатель источников по церковной истории Финляндии В.Г. Лагус опубликовал латиноязычную версию памятника⁴⁹. Рукопись была обнаружена в земельно-епископальной библиотеке Линчёпинга. По мнению специалистов, текст был написан канцлером епископа Браска Хансом Спегельбергом⁵⁰.

⁴³ HBLK. S. 61—62.

⁴⁴ Ibid. S. 61.

⁴⁵ *Tegel E.J. Then stoormechtige... her Gustaffs... historia.* Stockholm, 1622. S. 170—171.

⁴⁶ *Stiernman A. Alla riksdagers och mötens besluth.* Stockholm, 1728. S. 90—92.

⁴⁷ *Wilde J. Sueciae historia pragmatica.* Stockholm, 1731. S. 519—521

⁴⁸ Точнее сказать, другие версии не получили широкой известности.

⁴⁹ *Lagus W.G. Handlingar och uppsatser rörande Finlands kyrko-historia.* Helsingfors, 1845. S. 47—53. Транскрипция Лагуса содержала ошибки и неточности: “reponenda” (вместо правильного: “imponenda”; “pro incussa” (“pro incursa”); “litteras Meatus” (“litteras questus”) и др. Она была исправлена последующими публикаторами — Э. Хильдебрандом и С. Тунбергом.

⁵⁰ *Kjöllerström S. Västerås Ordinantia.*

По содержанию этот документ отличался от краткой шведской версии⁵¹. В заголовке латинской редакции, в сравнении со шведской, ордонансы названы «постановлениями короля Швеции Густава против свободы церкви». Соблюден более логичный порядок: статья о пожаловании церковных бенефициев следует непосредственно за статьей о праве короля смещать «непригодных» приходских священников и назначать новых на их место. В остальном латинские статьи по содержанию аналогичны статьям шведской редакции. Однако в заключительной части латинской версии присутствуют положения, которых в краткой шведской версии нет:

«Также деньги “ромскотт”⁵², иначе говоря, выплаты в апостольскую казну, в просторечии именуемые денарием св. Петра, не должны впредь отсылаться в город Рим, но взимаются королем в пользу короны. Таким же образом следует поступать с платежами, которые монастыри имели обыкновение посылать главам своих орденов.

Также епископы и другие прелаты впредь пусть не посылают ничего в город Рим за свою конфирмацию, но достаточно, что они заручаются согласием короля на вступление в должность: отныне это неизменно должно соблюдаться.

Также все земельные владения, до настоящего времени отчужденные в пользу кафедральных соборов, монастырей, приходских церквей либо пребенд, должны быть получены назад рыцарями тех родов, от которых они перешли к церкви. Если же что останется сверх того, король пожалует это в лен, кому захочет, по своей воле.

Также недвижимость, проданная или заложенная церкви, должна быть выкуплена у церковью и монастырей на условиях возмещения в размерах “главной суммы”⁵³ в соответствии с доходом, полученным с земли.

Также для пополнения королевской казны епископы, кафедральные соборы и каноники должны давать государю королю сумму, размер которой они могут согласовать с Его Величеством».

В конце текста в качестве своеобразного приложения к Ордонансам приводились богословские тезисы:

«Заключения, которые, согласно желанию короля, подлежали публичной защите в его присутствии.

⁵¹ Текст подлинника приведен в приложении к данной монографии.

⁵² “Romskott” (буквально: «налог Риму») — древнешведское название денария св. Петра — отчислений в папскую казну за утверждение духовных лиц в должности.

⁵³ “summa capitali” — калька со шведского “huvudgäld”.

Заключение 1. Папа при помощи своих фальшивых индульгенций обманым путем изымал у населения деньги.

Заключение 2. Епископы отступились от своих истинных обязанностей и, совместно со своими приспешниками, возвели себя в разряд господ.

Заключение 3. Никакой человек не имеет права сочинять законы, которым могла бы следовать наша душа».

Обнаружение и публикация Линчёпингской рукописи изменили представление о Вестеросских ордонансах. Выяснилось, что существует иная версия этого документа, включающая в себя, помимо установленных, регулирующих статус церкви и духовенства внутри страны, еще и статьи о разрыве шведской церкви с папским престолом, а также параграфы о секуляризации церковных земель и о налогообложении церкви. Эти статьи отчасти основывались на положениях Вестеросского рецесса, но содержали дополнения и уточнения.

В 1892 г. была осуществлена новая важная публикация. Теолог О. Анфельт обнародовал еще одну латинскую версию Ордонансов (список — в библиотеке Упсальского университета). Данную версию создал линчёпингский каноник Петрус Бенедикти⁵⁴. В манускрипте указывалось: текст является переводом со шведского, который выполнен по заказу Иоханнеса Магнуса. Упсальский список с него был, по мнению ученых, изготовлен секретарем богослова и церковного деятеля, иезуита Антонио Поссевино, одного из активных участников и организаторов борьбы за реставрацию римо-католицизма в Швеции. В приложении к настоящей работе приведен текст этой редакции Вестеросских ордонансов. Транскрипция осуществлена мной по рукописи, хранящейся в Упсальской университетской библиотеке, и сверена с публикацией, приведенной в монографии С. Тунберга.

Также и данная редакция имела ряд особенностей. В заголовке указывалось: документ составлен Густавом I и его приближенными, «дабы свергнуть в этой стране власть католической церкви и святого апостольского престола». Затем статьи в основном идентичны разделам краткой шведской редакции по версии «Регистратуры». Стилистика и лексика Петруса Бенедикти существенно отличается от манеры изложения Ханса Спегельберга. Обе латинские редакции являются самостоятельными, независимыми друг от друга, а в отношении содержания имеют индивидуальные особенности. Далее, в редакции Петруса Бенедикти отсутствует ряд статей, имеющих в «рукописи Спегельберга» и в версии «Регистратуры». Это материалы об объединении малых приходов, об ограничении платы за обряды, о по-

⁵⁴ Ahnfelt O. Petri Benedicti redaktion af beslut vid 1527 års riksdag i Vesterås // Tidsskrift för teologi. Lund, 1892. Årg. 2. S. 339—351.

рядке решения споров с участием духовенства и предъявления жалоб на священника, о завещании священников, о принуждении больных к завещанию в пользу церкви, о лишении мирян причастия за долги или другие проступки, о чтении Евангелия. Зато присутствуют заключительные статьи о разрыве с Римом, о секуляризации церковной недвижимости и о налогообложении церкви. Правда, при этом использованы опять-таки иная, чем у Спегельберга, латинская лексика и более лаконичные, сжатые формулировки. Богословские тезисы отсутствуют. Итог выстроен в виде традиционной заключительной части нотариального акта. Сообщается, что указанные резолюции после утверждения на риксдаге обнародованы во всем королевстве на шведском языке; данный же латинский перевод сделан нотарием и клириком Петрусом Бенедикти по заказу Иоханнеса Магнуса.

Перед исследователями возникли вопросы: какая из приведенных редакций являлась исходной, и на каком языке были изначально составлены Ордонансы 1527 г.? Вопросы эти, помимо источниковедческой важности, имели историческое значение. Ответ помог бы понять, проекты каких преобразований были вынесены на риксдаг. Были то исключительно внутренние реформы церкви (и тогда заключительные статьи «пространной редакции» — позднее дополнение), или же более широкие преобразования (и тогда краткая версия «Регистратуры» — результат сокращения объема реформ)? В связи с этим важен вопрос о характере и статусе Ордонансов. Можно ли считать их официальным документом риксдага? Или же это указ, созданный в связи с риксдагом?

Мнения разделились. Э. Хильдебранд был убежден: оба латинских текста — переводы со шведского⁵⁵. К иным выводам пришел С. Тунберг. Сопоставив все три списка, исследователь отметил сходство латинской «Версии Спегельберга» и краткой шведской редакции «Регистратуры», а также «довольно своеобразный стиль и фразеологию» шведской редакции. Сравнив язык и стиль памятников, ученый заключил: шведские статьи — перевод вышеназванных латинских⁵⁶. Тунберг отметил, что у обоих списков совпадает порядок статей, за одним исключением. Параграф 2 латинского текста (о прелатурах, канониях и пребендах) в шведском тексте стал последним, двадцатым по счету. Изучив подлинник,

⁵⁵ SRA I. S. 89—94.

⁵⁶ *Tunberg S. Västerås riksdağ. S. 40—41.* Правда, примеров Тунберг привел всего два. Один из них выглядит достаточно логичным. В статье об отлучении несколько вычурное выражение “alt för läth til” («слишком легки на то») — аналог латинского “faciles ad”. Другой приведенный шведским исследователем аргумент, согласно которому фраза “Om giftermalsaker hanla biscoppen som ær huad reth egthaskap ær epter gudz lag eller ey, och om åthskilnad ma skee emellom folk eller ey” представляет собой попытку передать латинскую фразу “In causis matrimonialibus tractetur per episcopos, videlicet an sit uerum matrimonium...” и т.д., является менее убедительным.

Тунберг выяснил, что этот параграф в шведской редакции записан той же рукой, но другими чернилами⁵⁷. Исходя из этого, ученый заключил: указанный параграф пропущен при переводе с латыни, а затем, после обнаружения оплошности, дописан в конце текста. Приведенные аргументы Тунберг счел достаточными для вывода: шведский текст в редакции «Регистратуры» — перевод латинской редакции, представленной списком Спегельберга, которая, таким образом, являлась изначальной.

Далее возник закономерный вопрос: почему в шведской редакции отсутствуют важные заключительные параграфы, имеющиеся в обеих латинских редакциях? Тунберг предложил следующий ответ. Ордонансы были составлены на латыни. Но для рассылки этого документа по стране и в целях обнародования потребовалось перевести его с латыни, которой в Швеции владели лишь представители духовной и светской элиты (и то, зачастую, на невысоком уровне), на шведский — основной официальный язык страны. При переводе ряд параграфов был опущен. Некоторые из них дублировали содержание положений Рецесса и, таким образом, сами по себе подлежали огласке. Следовательно, отсутствовала необходимость включать их еще и в предназначенный для публичного оглашения список Ордонансов. Отдельные статьи касались только церкви, а не народа; кроме того, их обнародование было нежелательно в связи со слухами о введении новой веры, вызывавших недовольство подданных. Ознакомление жителей страны с резолюциями риксдага, напротив, должно было успокоить население, склонить его на сторону короля. Но статьи, не включенные в официальный шведский текст, тем не менее, получили известность. Отдельные вопросы, заключенные в них, очевидно, обсуждались на риксдаге; ответ горожан содержал требование, чтобы епископы не обращались в Рим за конфирмацией. Непереведенными параграфами руководствовались как нормой: в контракте короля с Линчёпингским кафедральным собором присутствует формулировка (на шведском языке), чуть ли не дословно повторяющая латинскую статью Ордонансов о денарии св. Петра⁵⁸. Наконец, известно: статьи пространной редакции, не включенные в краткий шведский текст, были соблюдены на практике. В частности, после Вестеросского риксдага епископы перестали обращаться к папе по поводу конфирмации⁵⁹.

Остается вопрос о происхождении редакции Петруса Бенедикти, которая, как указывал сам ее автор, является переводом со шведского. Тунберг полагал, что указанный перевод был выполнен с полного шведского перевода исходного латинского текста и включал в себя все параграфы, присутствовавшие в пространной латинской «официаль-

⁵⁷ Ibid. S. 41

⁵⁸ Tunberg S. Op. cit. S. 45.

⁵⁹ Ibid.

ной» редакции. Потом некоторые из этих статей по каким-то причинам были опущены — возможно, в позднейших списках. Петрус Бенедикти писал, что в его переводе — 18 статей; в имеющемся списке их 16. Переводчик, как следует из текста, подчас объединял несколько параграфов в один. В связи с этим Тунберг предположил: указанные «18» параграфов — те же исконные 27; до нас же дошла только часть, т.е. «16».

Однако возник еще один вопрос. В редакции Петруса Бенедикти присутствуют небольшие, но примечательные добавления — формулировки, аналога которым нет ни в редакциях Спегельберга, ни в краткой шведской редакции по версии «Регистратуры». Откуда взялись эти формулировки? Ответить на этот вопрос Тунбергу позволило исследование позднейших кратких шведских списков Вестеросских ордонансов из рукописных собраний Швеции⁶⁰. В данных списках исследователь выделил группу текстов (далее в нашей работе — редакция “А”), в которых присутствуют, в сущности, те же добавленные формулировки, но на шведском языке⁶¹. Сходство формулировок становится очевидным при сопоставлении текстов.

Om bansmåhls Penningar, uppenbara Skriff sätties så här efter, som her till dags, och penningar, som tages I inledning, ther göres konungen Räckenskap före eller hans Embetzman och icke Biskope. Anners ähr thet alt för lätt bruka ban för ringa saker, som her till dagz mycket skiedt ähr, och ingen banlyses uthan then sigh icke Annorlunda bättra will.

О деньгах, взимаемых при отлучении. Публичное покаяние должно налагаться впредь, как и до этого времени, а деньги, взимаемые за воссоединение с церковью, должны поступать королю или его чиновнику, а не епископу. Иначе слишком легко налагать отлучение за незначительные проступки; и не должен быть отлучен тот, кто желает исправиться иным способом.

...et nemo excommunicetur, nisi qui alio modo se non uoluerit emendare.

Efter tungt ähr lijda under tu Härskar, och Handelen innehåller, att konunger skall taga alla Sackören och icke Biskoperna, tå må Häradz Proster, eller hwem konunger thet befäller, her efter reesa och fullfölia samma sacköre, som Biskoperne pläga handla om, och göri konungen räckenskap aff sakören.

Поскольку тяжело находиться под бременем двух властей, и настоящее постановление гласит, что все штрафы должен взимать король, а не епископы, пробсты херадов, или те, кому король это поручит, отныне могут разъезжать и взимать штрафы, обычно находящиеся в ведении епископов, и пусть представляют королю отчет о штрафах

Quia graue est subesse duplici dominio...

...siue illi, quibus rex id commiserit...

⁶⁰ В основном — из библиотеки Упсальского университета.

⁶¹ Тунберг не указал, какие именно списки им исследованы и не оговорил их точное количество. Он полностью процитировал один из списков, дал ссылку на еще один документ. Однако он отметил, что списков выявленного типа имеется множество. Далее в нашей работе данная версия краткой шведской редакции будет названа «версия А», вариант «Регистратуры» — «версия RR».

För Helgedagz bruth tages inga Penningar för thet at någre Arbete om Helgodagerna i Andene, Fiskeleek, eij heller för thet at man Skiuter sigh een fogel i Skogen, eller sådant, *uthan thermed försummas Höga Predickan och Annor Guds tjänst*, doch för Slagh böte som want ähr.

Händer det sigh, att fästeman lägrar sin. Laggiffte Hustru eller Piga böte ther intet före, effter them emillan är rätt ächtenskap giordt för Gudj, och må han eij skilias wedh henne. Öfwerigfwer han henne, tå straffes effter Lagen, *som then sin Hustru öfwerigfwer*.

Biskoperne wige ingen till Präst, uthan then som kan Predicka Gudz Ord för folcket och redeliga oppehålla Prästa Embetet.

В случаях нарушения праздничных дней следует взимать деньги не за то, что кто-то работает в праздники в лугах или ловит рыбу, а также за то, что кто-то подстрелит птицу в лесу или [сделает еще что-то] подобное; но только в тех случаях, когда из-за этого оказалась в пренебрежении проповедь либо иное богослужение. Но за драку пусть каждый понесет наказание за себя согласно Ландслагу.

Если случится, что жених возлежит со своей нареченной женой или девушкой, за это не должно следовать наказания, ибо между ними совершен истинный брак перед Богом; и жениху нельзя расходиться с ней. Если же он ее бросит, тогда его следует наказать по закону, как того, кто бросил свою жену.

Епископы пусть не рукополагают в священники тех, кто не может проповедовать народу Слово Божие и должным образом исполнять священнические обязанности.

...nisi per hoc negligatur auditio prædicationis aut alterius cultus divini...

...prout contra eum, qui legitimam uxorem suam dimisit.

Et legaliter exequatur officium sacerdotale.

Комментируя эти совпадения, Тунберг заключил следующее. Петрус Бенедикти, работая над переводом, имел в своем распоряжении как шведский перевод статей, опущенных в краткой шведской редакции типа "RR", так и редакцию типа "A". Но каково происхождение этой редакции? Ее специфические формулировки присутствуют, почти в том же виде, в других документах: в королевском письме жителям Хельсингленда, в указах о порядке взимания штрафов, в письме риксрода жителям шведских областей. Из этого Тунберг сделал вывод: «официальный шведский текст» спустя некоторое время подвергся изменениям. В него были внесены поправки в соответствии с новыми указами⁶², что практиковалось в рассматриваемую эпоху.

Общий вывод Тунберга таков. Ордонансы были изначально созданы на латыни в «редакции Спегельберга». Параграфы 1—21 затем перевели на шведский и в этом виде разослали по областям. Через несколько лет линчепингский клирик Петрус Бенедикти перевел шведский текст Ордонансов на латынь, используя краткую шведскую версию с позднейшими поправками, а, кроме того, некий шведский перевод заключительных параграфов латинской версии (22—27)⁶³. По своему харак-

⁶² Tunberg S. Op. cit. S. 59—60

⁶³ Ibid. S. 60

теру и статусу Ордонансы являлись королевским указом, изданным с одобрения риксрода. Они имели целью: 1) реализацию постановлений риксдага; 2) регулирование вопросов, связанных с проблемами, обсужденными на риксдаге. Благодаря Ордонансам, по сравнению с действующим законом о церкви — церковным разделом Упландслага⁶⁴, был введен ряд новаций: ликвидирован юридический иммунитет духовенства, ограничены полномочия епископов, деятельность церкви поставлена под контроль короля. Ордонансы, по мнению Тунберга, носили характер церковного статута, хотя и созданного светской властью. Этим и объясняется то, что (согласно концепции Тунберга) Ордонансы 1527 г. в исходной редакции составлены на латинском языке, которым пользовалось духовенство и на котором обычно издавались церковные статуты.

Новаторская работа Тунберга, основанная на фундаментальных источниковедческих штудиях, содержала глубокие и правильные выводы. Однако основная концепция вызвала справедливые возражения⁶⁵. С развернутой критикой выступил Э. Хильдебранд⁶⁶. Неясно, заметил он, зачем королю и риксроду понадобилось записывать текст на латыни, и лишь затем переводить большую часть текста на шведский язык. Это противоречило принятой практике: основным официальным языком являлся шведский⁶⁷. Далее, латинская редакция Ордонансов не была включена в «Регистратуру». О существовании этой редакции не знали современники (кроме, возможно, ближайшего окружения Ханса Браска). Лаврентиус Петри в своих комментариях к Ордонансам осно-

⁶⁴ Напомним, что, по мнению ряда ученых, роль общешведского закона о церкви, после вступления в силу Ландслага Магнуса Эрикссона, была отведена церковному разделу Упландслага. В принципе это неточно: в областях, где были свои церковные разделы, отличные от упландского, использовались именно они. Но, тем не менее, современные исследования показали: церковный раздел Упландслага, видимо, отчасти вытеснял другие церковные разделы даже из традиционных ареалов их действия. Во-первых, подавляющее большинство сохранившихся церковных разделов, включенных в книги общешведских законов, — именно списки Церковного раздела Упландслага. Во-вторых, этот раздел переписывался и, очевидно, употреблялся в различных областях за пределами Упланда.

⁶⁵ Хотя один из рецензентов — К.Б. Вестман — поначалу согласился с выводами Тунберга. См.: *Westman K.-B. [Rec.:] Tunberg S. Västerås riksdag 1527 // Kyrkohistorisk årsskrift. Uppsala; Stockholm, 1913. Årg. 14. Anmällningar och granskningar. S. 99—114.* Однако впоследствии, под влиянием доводов Хильдебранда, Вестман изменил свое мнение и также пришел к убеждению, что изначальной являлась краткая шведская редакция Ордонансов. См.: *Westman K.B. Reformationens genombråttår. S. 421.*

⁶⁶ *Hildebrand E. [Rec.:] Tunberg S. Västerås riksdag år 1527. Några kritiska anmärkningar // Historisk Tidskrift. Stockholm, 1915. Årg. 34. S. 31—36.*

⁶⁷ Исключение представляли собой определенные типы документов (нотариальные акты, синодальные статуты), которые по традиции составлялись на латыни.

геру и статусу Ордонансы являлись королевским указом, изданным с одобрения риксрода. Они имели целью: 1) реализацию постановлений риксдага; 2) регулирование вопросов, связанных с проблемами, обсужденными на риксдаге. Благодаря Ордонансам, по сравнению с действующим законом о церкви — церковным разделом Упландслага⁶⁴, был введен ряд новаций: ликвидирован юридический иммунитет духовенства, ограничены полномочия епископов, деятельность церкви поставлена под контроль короля. Ордонансы, по мнению Тунберга, носили характер церковного статута, хотя и созданного светской властью. Этим и объясняется то, что (согласно концепции Тунберга) Ордонансы 1527 г. в исходной редакции составлены на латинском языке, которым пользовалось духовенство и на котором обычно издавались церковные статуты.

Новаторская работа Тунберга, основанная на фундаментальных историко-европейских штудиях, содержала глубокие и правильные выводы. Однако основная концепция вызвала справедливые возражения⁶⁵. С развернутой критикой выступил Э. Хильдебранд⁶⁶. Неясно, заметил он, зачем королю и риксроду понадобилось записывать текст на латыни, и лишь затем переводить большую часть текста на шведский язык. Это противоречило принятой практике: основным официальным языком являлся шведский⁶⁷. Далее, латинская редакция Ордонансов не была включена в «Регистратуру». О существовании этой редакции не знали современники (кроме, возможно, ближайшего окружения Ханса Браска). Лаврентиус Петри в своих комментариях к Ордонансам осно-

⁶⁴ Напомним, что, по мнению ряда ученых, роль общешведского закона о церкви, после вступления в силу Ландслага Магнуса Эрикссона, была отведена церковному разделу Упландслага. В принципе это неточно: в областях, где были свои церковные разделы, отличные от упландского, использовались именно они. Но, тем не менее, современные исследования показали: церковный раздел Упландслага, видимо, отчасти вытеснял другие церковные разделы даже из традиционных ареалов их действия. Во-первых, подавляющее большинство сохранившихся церковных разделов, включенных в книги общешведских законов, — именно списки Церковного раздела Упландслага. Во-вторых, этот раздел переписывался и, очевидно, употреблялся в различных областях за пределами Упланда.

⁶⁵ Хотя один из рецензентов — К.Б. Вестман — поначалу согласился с выводами Тунберга. См.: *Westman K.-B. [Rec.:] Tunberg S. Västerås riksdag 1527 // Kyrkohistorisk årsskrift. Uppsala; Stockholm, 1913. Årg. 14. Anmällningar och granskningar. S. 99—114.* Однако впоследствии, под влиянием доводов Хильдебранда, Вестман изменил свое мнение и также пришел к убеждению, что изначальной являлась краткая шведская редакция Ордонансов. См.: *Westman K.B. Reformationens genombråttår. S. 421.*

⁶⁶ *Hildebrand E. [Rec.:] Tunberg S. Västerås riksdag år 1527. Några kritiska anmärkningar // Historisk Tidskrift. Stockholm, 1915. Årg. 34. S. 31—36.*

⁶⁷ Исключение представляли собой определенные типы документов (нотариальные акты, синодальные статуты), которые по традиции составлялись на латыни.

вывался на краткой шведской редакции⁶⁸. Своеобразный язык, характерный для Вестеросских ордонансов, свойствен и другим документам Вестеросского риксдага, которые заведомо носили оригинальный, а не переводной характер. Отдельные стилистические несуразности могли быть результатом погрешности при записи⁶⁹. Что касается вопроса о статусе и характере Ордонансов, то, по мнению Хильдебранда, не так уж важно, на каком языке составлен документ. Главное, что Ордонансы находились «в органической связи с деятельностью риксдага и с Рецессом⁷⁰». Оба документа — Рецесс и Ордонансы — являлись постановлениями о едином комплексе реформ. Пестрота Ордонансов объясняется просто: нужно было решить множество злободневных вопросов, при этом, в ряде случаев, не меняя старых порядков.

Другие крупные ученые — Г. Карлссон, Л. Шёдин, Л. Вейбулль — также считали, что краткий шведский текст являлся изначальным. Таким образом, они отвергли тезисы Тунберга о первичности латинского текста и о том, что Ордонансы носили характер церковного устава. Шёдин подчеркивал: подобный характер документа противоречил бы позиции Лютера и его последователей, признававших за светской властью право реформировать систему взаимоотношений государства и церкви, но не саму церковь⁷¹. Ордонансы регулировали социальные и экономические отношения церкви с мирянами. Вместе с тем шведские сторонники Лютера вкладывали в Ордонансы реформационное содержание⁷². Но оно являлось завуалированным: на первое место выдвигалась преемственность текста по отношению к традиционному законодательству. Заключительные статьи пространных редакций, по-видимому, фигурировали при составлении документа, но были опущены при выработке окончательной версии. Возможно, создатели указа проявили осторожность, не декларируя разрыв с Римом, который все же был осуществлен на практике. Не исключено, что заключительные параграфы вызвали недовольство духовных лиц — участников риксдага⁷³.

Новая стадия исследования Вестеросских ордонансов 1527 г. связана с введением в научный оборот еще одной редакции документа. Найдена она была достаточно рано. Как нередко случается, поначалу открытию не уделили должного внимания. Шведский ученый Х. Хульдт, работая в конце XIX в. в Ватиканском архиве, обнаружил текст на шведском языке, который он счел неточным списком или, скорее, пересказом

⁶⁸ Ibid. S. 33—34.

⁶⁹ Ibid. S. 34.

⁷⁰ Ibid. S. 35

⁷¹ *Sjödin L. Västerås möte 1527*. S. 300—301 и далее.

⁷² Ibid. S. 304—305

⁷³ Ibid. S. 313—314

одержания Вестеросских ордонансов⁷⁴. Последующие исследователи исправили ошибку. Было установлено, что речь идет о пространной шведской редакции Ордонансов, в которой присутствуют заключительные параграфы, опущенные в краткой шведской редакции, но имеющиеся в обеих пространных латинских. Автором этих строк впервые была осуществлена полная публикация данной редакции (по фотокопии, хранящейся в Государственном архиве Швеции). В приложении приводится выполненная мной транскрипция⁷⁵.

Язык и стиль версии во многом близок к языку и стилю Вестеросских ордонансов в их краткой редакции. В то же время, как уже говорилось, присутствуют заключительные статьи, характерные для пространных редакций, и, кроме того, богословские тезисы — те же, что в списке Спегельберга, но не на латыни, а на шведском языке, с изменениями и комментариями. Текст является позднейшим списком (не ранее конца XVI в.), содержит ошибки, исправления и лакуны, свидетельствующие о затруднениях переписчика (а, возможно, автора или редактора перевода). Классическое исследование С. Чёллерстрёма⁷⁶, где этот текст был сопоставлен с другими редакциями Ордонансов, надолго стало последним словом в дискуссии о документе. Его результаты приняты специалистами, вошли в учебники и обобщающие монографии⁷⁷.

Главный тезис Чёллерстрёма таков: Ватиканский пространный шведский текст восходит к другому обширному списку, более раннему, чем официальный (согласно Чёллерстрёму) текст регистратуры. Пространная шведская редакция, по мнению автора, в ряде случаев представляла собой более «правильный», стилистически точный текст,

UUB E 159o: *Huldt H.R. Avskrifter ur handlingar i Vatikanarkivet / Bibl. Borgh. III. 89a, 91b, 91ab, åren 1527—1595 // Huldt H.R. Handlingar till Sveriges historia under nyare tiden i utländska, särskilt italienska arkiv och bibliotek. Avskrifter, excerpter och anteckningar.*

⁷⁴ Текст впервые полностью опубликован в монографии автора: *Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг... С. 192—195* и воспроизведен в настоящей книге.

⁷⁵ *Kjöllerström S. Västerås ordinantia // Scandia. Stockholm et al. 1960. Bd. XXV Hft. 1. S. 41—98.*

⁷⁶ Правда, впоследствии Ч. Кумлин выступил с новой гипотезой (признав правильными выводы С. Чёллерстрёма и отчасти опираясь на них). Ордонансы, по Кумлину, были составлены в двух версиях. Одна, краткая, предназначалась для королевских фогдов. Другая, пространная — для духовенства кафедральных соборов. См.: *Kumlien K. Västerås till 1600-talets början. Västerås, 1971. S. 577—578.* На мой взгляд, исторически логичная гипотеза Кумлина уязвима с историколингвистической точки зрения. Она, как и гипотеза Чёллерстрёма, не дает убедительного ответа на вопрос: почему возникли две разные пространные латинские редакции, имеющие параллели с двумя разными краткими шведскими редакциями? Моя собственная версия, напротив, дает четкое объяснение этого обстоятельства.

который при составлении краткой, «официальной» редакции был изменен и даже ухудшен.

Так, в пространной редакции присутствует фраза: “hender fäster man ligge när sin laggifta hustru eller piga” («Если жених возлежит со своей законной женой или невестой...»). В «Регистратуре» же изначально стояло “ligga lagfesta hustru” — т.е. «возлежит» было в результате оплошности заменено на «лежит» (без предлога). Сказуемое оказалось не согласованным с объектом. Чтобы улучшить стиль, при редактировании сказуемое заменили на другой глагол с примерно тем же смыслом: “lägra”. Использованное в пространной шведской редакции выражение “föra (или: “fordra”) Guds ord” — «проповедовать (букв.: «вести», «продвигать», ср. нем. “führen”) Слово Божье» (“...kunna eller willia föra Guds ord...”; “att tåå icke thes mindre fordradt warder”) было типичным для лексикона реформаторов, но не совсем обычным для шведского языка. Поэтому в текст «Регистратуры» вошла стилистически более нейтральная формула: “predica Guds ord” — «проповедовать Слово Божье». В пространной шведской редакции сказано: священники должны предъявлять иск на тинге «как от имени церкви, так и по своим делам» (“både på kyrkiones wägnar och sina saker”; ср. в редакции Спегельберга: “tam in suis causis quam ecclesie”). В версии «Регистратуры» формулировка изменена: “både på kyrkiones vegna och sina i verdzliga saker”, т.е. как от имени церкви, так и по личным делам — касательно мирских споров.

Согласно той же концепции, при редактировании Ордонансов изменился и порядок статей. В пространной шведской редакции за статьёй [12] (о судебном иммунитете духовенства — т.н. “privilegium fori”) следовала статья [13] (о нищенствующих монахах), затем [14] (об отмене большего наказания за насилие над клириком, чем над мирянином — “privilegium canonis”) и [15] (о монахах, имеющих ренту). При редактировании текста были объединены статьи [13] и [15] — о сборе милостыни монахами, соответственно, достигнута логическая последовательность статей [12] и [14] — о правовых привилегиях духовенства. Кроме того, параграф о прелатурах, каноникатах и пребендах, который в Ватиканской рукописи и у Спегельберга следовал вторым, в версии «Регистратуры» был приписан в конце текста (после статьи о рукоположении священников). Это изменение явилось, по мнению Челлерстрема, не результатом описки, а итогом редактирования.

Главный вывод исследования Чёллерстрёма таков. Изначально был составлен пространный шведский вариант Вестеросских ордонансов, который дошел до нашего времени в позднейшем списке. Это своего рода проект, подвергшийся редактированию. С частично отредактированных версий данного текста были выполнены различные латинские переводы. Однако при составлении окончательного официального

шведского текста из него исключили заключительные статьи, которые могли вызвать нежелательный резонанс. Так появилась краткая версия, вошедшая в «Регистратуру».

Популярность концепции Чёллерстрёма объясняется ее источниковедческой и исторической логичностью: эволюция эпохального документа раскрывается просто и доходчиво. И, тем не менее, дискуссию о Вестеросских ордонансах вряд ли следует считать завершенной.

Переходя к изложению результатов собственного историко-источниковедческого исследования Вестеросских ордонансов, я хотел бы, прежде всего, поделиться рядом соображений, которыми руководствовался при анализе различных списков источника:

1) Идея С. Тунберга о том, что Ордонансы были в изначальной (и притом официальной) версии составлены на латыни, выглядит нелогичной. Учитывая общепринятую в Швеции практику того времени, резонно предположить, что Ордонансы, которые исходили от короля и риксрода, записывались на шведском языке.

2) Языковое своеобразие, на которое обращали внимание специалисты, — на самом деле результат не перевода с латыни, а некоторой намеренной архаизации текста. Так, связку “som är” во фразе “Om gifftermalssaker hanla biscofer, som är, hvad reth egtaskar är...” Тунберг считал результатом перевода латинского текста, а Хильдебранд — стилистической погрешностью. На самом деле данный фрагмент стилистически безупречен. Глоссирующие конструкции, вводимые словами “som är”, “thet är” — «а именно», «то есть», пользовались популярностью у позднесредневековых авторов, писавших на скандинавских наречиях⁷⁸. Логично, таким образом, и употребление подобной конструкции в документе, который составили на старомодный манер, придав тексту особую торжественность и подчеркнув связь с древней правовой традицией. В самом деле, в позднесредневековой Швеции (и вообще Скандинавии) был накоплен большой опыт стилизации «под старину» — в текстах духовного содержания, в художественных произведениях.

3) В то же время, если подходить к документу сугубо с языковедческой точки зрения, не исключено (хотя и маловероятно), что черновик или проект документа мог быть составлен на латыни. При написании латинского текста его автор, вероятно, подразумевал шведские языковые реалии, которые затем при переводе (фактически обратном) обрели исконное звучание. Например: “placita ac iudicio rusticorum” (швед. “ting och stämno”) ← “ting och stämno”. Поэтому вопрос об изначальном языке Ордонансов — сложен.

⁷⁸ См., например: *Lauren C. Predikant som översättare*. Ср.: Щеглов А.Д. Договор 1397 г. о Кальмарской унии // СВ. 2003. Вып. 64. С. 271—292.

4) Существует важная неточность, присутствующая, похоже, у всех шведских исследователей Вестеросских ордонансов, — признание краткого шведского списка «Регистратуры» аутентичной официальной версией. Однако такое допущение требует доказательств. Как показали шведские источниковеды на примере других документов, копии, вошедшие в «Регистратуру», подчас не адекватно отражают содержание оригинала⁷⁹. По традиции, создавая документ, исходящий от короля, изготовляли отработанный образец — фактически последний черновик — по терминологии скандинавских источниковедов, «концепт»⁸⁰. По этому образцу составляли беловой документ, который направили адресатам. «Концепт» оставался в королевской канцелярии. Спустя некоторое время с него делалась копия. Из этих копий и комплектовались особые книги — тома «Регистратуры». Источниковедческие исследования показали, однако, что: а) копии нередко снимались значительно позднее, чем создавался документ; б) в копиях «Регистратуры» возможны были ошибки и неточности; в) при создании белового экземпляра документ подчас подвергался дополнительному редактированию. В результате возникали разночтения с версией «Регистратуры».

5) Отсюда следует необходимость изучения всех кратких (пусть и позднейших) списков Ордонансов, либо репрезентативной выборки из них. Текст «Регистратуры», взятый в отдельности, не может служить материалом для точных источниковедческих выводов.

6) Текстологические аргументы Чёллерстрёма не всегда бесспорны. Так, формулировка “*föra Guds ord*” ничем не «лучше» и не «хуже» чем “*predica Guds ord*”. Любое из этих выражений могло являться исконным, а второе, соответственно, — результатом редактирования или ошибки. Редактирование шведской версии, каким его представлял себе Чёллерстрём, не всегда вело к принципиальному улучшению текста, а по крайней мере в одном случае (перемещение § 2) привело, скорее, к ухудшению.

7) Чёллерстрём считал, что заключительные статьи в процессе редактирования документа были отсечены. Но в таком случае они изначально оказались расположены поразительно «удобно» для такой редактуры — в конце текста, единым блоком, вне связи с другими статьями, сразу после относительно второстепенной статьи о преподавании Слова Божьего в приходских школах — и к тому же без связи с ней. Поэтому все же логично предположить, что краткая редакция Ордонансов предшествует пространной, а не наоборот.

⁷⁹ См.: *Norborg L.-A. Källor till Sveriges historia*. Lund, 1972. S. 123—126.

⁸⁰ “koncept”: не путать с распространенным постмодернистским термином.

Наряду с изложенными соображениями, направление данному исследованию задают конкретные наблюдения и находки автора этих строк. Так, примечательно, что в подлиннике списка «Регистратуры» слово “predica”, записанное характерным стилем того времени — неоготическим курсивом и в сокращенной форме, внешне выглядит очень похоже на “fordra”⁸¹. Там же, во второй статье, в пассивной форме — “predicat vardr” — это слово опять же легко принять за “fordrat”⁸². Таким образом, вариант пространной шведской версии, который Чёллерстрём счел исходным, мог возникнуть из-за неточного прочтения списка, относящегося к краткой редакции.

Второе наблюдение относится к несколько иной области. В исследовательской литературе отсутствуют ссылки на какие-либо пространные списки Ордонансов на шведском языке, кроме списка Боргезе, который считается единственным таким текстом. Между тем автор этих строк обнаружил в библиотеке Уппсальского университета довольно любопытный, ранее не находившийся в научном обороте текст XVII в., сохранившийся в двух списках: Вестеросские ордонансы 1527 г. в пространной версии на шведском языке⁸³.

Текст данного памятника, несомненно, является переводом пространной латинской версии Петруса Бенедикти. Об этом свидетельствуют буквальные совпадения, тот же порядок, содержание, выражения: “prosterij”, “Canikedome”, “prebender och andre sådanne” = “prelature, canonicatus, prebende et simplices”; “ett wist Register” = “unum indubitatum registrum”; “Et [nec] inde capiatur pro violatione festorum” = “skall thet och [icke] bothas for helgedagarnas ohälgelisse”; “wedh ändan på Augusti nånadt” = “circa finem Augusti”, и т.д. по всему тексту.

Встречаются отдельные разночтения (“omnia predia” — “alle galler och hemman”; “prebendis” etc — “prebänder”). Есть место, где шведский текст не дает смысла: “och the opkompne frijheefer förminskas”. В латинском тексте Петруса Бенедикти — “et defalcetur de fructibus perceptis” (речь идет о вычете совокупной ренты из суммы выкупа); очевидно, фрагмент не был понят переводчиком. В целом же, повторим, совершенно ясно, что перед нами — шведский перевод латинской редакции Петруса Бенедикти.⁸⁴

¹ Riksregistraturet. Vol. 2. 1525—1529. Fol. 245v (микрофиши).

² Ibid. Cp.: “ath han icke predicar Guds ord” // Ibid. Fol. 246.

³ UUB N 160: Nordinska Samlingen. Historica Suecana. Historia Regum. Gustavus I^{mus}. F. 39—45. Текст публикуется в приложении к данной книге.

⁴ В ряде случаев латинскому слову соответствует два шведских: “publica poenitentia” ← “uppenbara penitents och syndaboot”; “ad subvertendam” ← “till at förtryckia och utrota”. Такое «раскрытие» латинских терминов в позднесредневековой практике шведских переводов вполне могло иметь место.

Обращает на себя внимание важное обстоятельство. В данном шведском тексте именно 18, а не 16 параграфов. Таким образом, занимавший С. Тунберга вопрос, каким образом “decem et octo articulos” Петруса Бенедикти оказались на практике не 18, а 16 статьями, можно, по-видимому, считать решенным. Вопреки мнению Тунберга, статей, действительно, сначала было 18, что и нашло отражение в шведском переводе. Однако в позднейших латинских списках (возможно, именно в дошедшем до нас «списке Поссевино») были объединены статьи [1] — [2] и [8] — [9]: всего статей стало 16.

Также сам по себе важен установленный нами факт, что в раннее Новое время пространные латинские варианты Ордонансов не были полностью забыты: по крайней мере один из вариантов изучался, с него делались переводы.

Как уже говорилось, между шведскими редакциями Ордонансов присутствуют разночтения. Поскольку они важны, а Тунберг — единственный исследователь, изучивший краткие списки Ордонансов, по сути изложил лишь главный итог своего исследования (приведя единственный пример), автором этих строк был предпринят анализ этих разночтений. Материалом послужили, наряду с публикациями списков, несколько десятков манускриптов (в основном из рукописного фонда библиотеки Уппсальского университета⁸⁵). Затем из полученных данных были отобраны те, которые представляют интерес для сравнения с ватиканской рукописью — «Кодексом Боргезе». Итоговые результаты можно привести в виде следующей таблицы:

RR	Параллели и разночтения: Codex Borghese, краткие шведские списки
[Заголовок:] Ordinantia som giordis j vesteras anno Mdxvij tempore johannis baptiste	1. Cod. Borgh. — аналогично (см. выше). 2. Аналогично UUB B1, B8, B30, B38, B56, B 126, B190d, N116 и др. 3. В кратких списках присутствуют другие редакции заголовков (где говорится, в частности, что эти ордонансы издал король «с одобрения риксрода» и т.п.), и таким образом близких к латинской версии Петруса Бенедикти. См.: RA B8 F. 99v-100v.: Ordinantie som wår aller kåre nådigste herre Konung Gustaf stichtade medh alt rijksens rådz samptyckio i Wåsterås Anno Dominij 1527. Ср.: UUB 117 F. 11—12 (тип «А»), аналогично UUB B119 F. 216—217v, UUB B 140 F. 360v—362v. Ср.: UUB B32 (F. 146—147v.), B 112 S. 52—56; Помимо этого, в ряде случаев ордонансы в заголовках названы «Рецессом», напр.: UUB B43 F. 204—205.

⁸⁵ Где преимущественно и сосредоточены краткие списки Вестеросских ордонансов.

<p>Biscopana besörgie soknakirkior thå the löse are</p>	<p>1. Borgh: Bisperne besörija sochnene tåå the ähra lösa 2. В списках UUB множество вариаций, в частности в отношении предлога в следующем после этой фразы предложении. См.: UUB B 30: doch om the besörie them... Аналогично напр. B 73; Ср. UUB Avskr. ur Flem. Saml. F. 253—255v. Это конкретное разночтение интересно потому, что у переписчика Cod. Borgh. видимо были проблемы с выбором предлога: в рукописи huar появилось в результате исправления (ранее написанное слово замарано).</p>
<p>predica gudz ord</p>	<p>Просмотренные уппсальские и стокгольмские списки содержат вариант "predica". Очевидно, вариант Cod. Borgh. "föra" — результат неправильного прочтения записанного в сокращенной форме глагола "predica".</p>
<p>Haffue wåld driffua</p>	<p>1. Cod. Borgh: haffwi wåld till att fördriffwa 2. UUB B117: tå haffwi waldh att drijfw...; UUB B 125: haffa wåldh at driffa; B1, B8, B38, B56 = RR; B2: tha haffue wåldh att driffua; аналогично B32; B31 haffue wåld att driffue; B43: haffui woldd att driffua; аналогично B60; B113: haffui tå wold att driffua, и т.д. Достаточно интересный пример. Видно, что «кодекс Боргезе» в данном случае (употребление частицы и более архаичного окончания конъюнктива на "I") ближе к текстам ряда позднейших списков, нежели к тексту Регистратуры. Объяснения этого, однако, могут быть различны. Например, если верно предположение Чёллерстрёма, что пространная шведская редакция, представленная «текстом Боргезе» первична по отношению к кратким спискам, то сходство объясняется сохранением этими списками формулировок протографа в более точном виде. Если же верно предположение автора этих строк, что шведская пространная версия — стилизованный (частично обратный) перевод с латыни с использованием кратких шведских списков (или, вернее, сборный текст, составленный из краткой шведской версии и перевода заключительных латинских статей), то совпадения отчасти с RR, отчасти с другими краткими версиями как раз и обусловлены использованием различных кратких списков при указанном редактировании.</p>
<p>Tw gæld vtj eth</p>	<p>1. Cod. Borgh.: tw gäll udi et. Аналог.: B2, B30, B32, B64, B73, B112, B114 и т.д. 2. B125 tu giåldh i ett; Аналог.: B 119, B1, B8, B31, B38, B43, Список Тунберга, B76, B113 и т.д. В данном случае, напротив, ряд кратких списков (включая RR) совпадает с пространной редакцией, но не совпадает с версией множества других пространных списков.</p>
<p>smör jærn etc.</p>	<p>Cod. Borgh.: smör jern (нет «etc.»). В кратких же списках можно встретить оба варианта: в одних присутствует, в других отсутствует «etc.».</p>
<p>Sammalundha ske</p>	<p>1. Cod. Borgh.: Sammaledes skee. 2. В кратких списках встречается и sammalunda (B114, B119 и др.), и sammaledes (напр. B8, B73 и др.).</p>
<p>i inledningn</p>	<p>1. Cod. Borgh.: för inledningn; Аналог.: B2 (för inledhningh), B30, B119, B64 и т.д. 2. B125: för intagning 3. B1 i inledning. Аналогично B31, B38, B43, B56 и др. См. комментарии к предыдущим графам.</p>

<p>...och vare icke biscoppen eller hans embetismen alth forlæth til ath brucha ban (и пусть епископ или его служилые люди не будут чрезмерно легки на то, чтобы налагать отлучение)</p>	<p>1. Cod. Borgh.: och vare icke biskopen eller theras ämbätzmän förlätit till att bruka bånd (и пусть епископу или их (sic) служилым людям не будет позволено налагать отлучение). Здесь налицо ошибка, вызванная непониманием текста. Встречается в кратких списках и другое неверное толкование. См. например список Тунберга: ...och penningar, som tages i inledning, ther göres konungen Räckenskap före eller hans Embetzman och icke biskope. <i>Annars ähr thet alt för lätt bruka ban...</i> (...а иначе слишком легко налагать отлучение...). Ср., например: B8: och icke våra Biscoper. Annars är allt them för lätith till att bruka för ringha saaker (...а не нашим епископам. Иначе слишком легко им налагать (отлучение) за незначительные проступки). В заключительном примере видно известное сходство с Cod. Borgh.: förlätit — för lätith.</p>
<p>Om gifftermalsaker hantla biscoppen som ær huad reth egthaskap ær</p>	<p>1. Cod. Borgh.: som ähr 2. Tegel: som weet. 3. Часть кратких списков (напр. UUB B 125 F. 448—450, B119, B1, B2, B31, B38, B56, B64, B76, B113 и др.) — som är. 4. Часть кратких списков: B30, B32, B60 — som veta.</p>
<p>Doch för helgedags bruth</p>	<p>1. Cod. Borgh.: Doch för helije dagars brått. 2. В кратких списках — различные варианты, как правило, близкие к RR. Но есть и версия, идентичная Cod. Borgh. — UUB E131 F.466: Dâch för helge dagars brått.</p>
<p>både på kirkiones vegna och sina j verldzliga saker</p>	<p>1. Cod. Borgh.: både på kyrkiones wägna och sina saaker 2. =RR: B1; B31 (både på kyrkennes wegna och sina i Werdzliga måtte) и др. Здесь важен принцип. В «Регистратуре» (и других кратких списках) стилистически правильная формулировка: как от имени церкви, так и от себя лично — по мирским делам. Далее мысль продолжается: Но если кто имеет жалобу на священника по духовным делам... Формулировка «Кодекса Боргезе» поэтому хуже: как от имени церкви, так и по своим делам...</p>
<p>Hender festerman legra sina pige eller lagfesta hustru</p>	<p>1. Borgh.: Hender fester mann liggia när sin lagh gifta hustru eller pige 2. краткие версии могут давать варианты, частично близкие к Cod. Borgh.: UUB B125 F.448—450: Händer fästeman kan liggia sin lagh fästa hustren eller pige; B119: Händer thet sigh så, att fästemanen lägrar sinn laghfästa hustru, eller pijgha; B1: Hender fäster man, kan leggia sina lagfästa hustru eller pygo; B31: Händer thet szå at fästermann lägrar sinna laggifta hustru äller pyga; B32: händer thet såatt festerman lägrar sin laggifta hwstru eller pige. Итак, весьма вероятно, что и в данном случае краткие шведские версии были использованы при составлении пространной шведской редакции.</p>
<p>Efter thet ær jw cristeliga scolar</p>	<p>1. Borgh: efter thedh är nw Christna skolor 2. UUB B1: jw; то же — например, B38, B56, B76. 3. UUB B31: effter thet nu är cristne skoler; B32: efter thet är nu Christne skolar; то же — напр., B43, B64, B113.</p>

Итак, делать заключения о соотношении краткой и пространной шведскими редакциями на основании только двух списков — «Кодекса Боргезе» и «Регистратуры» (как это сделал Чёллерстрём) — не вполне верно. Краткие позднейшие списки Ордонансов содержат материал,

имеющий отношение к рассматриваемой проблеме. Весьма вероятно, что краткие списки Ордонансов (возможно, в различных версиях) были использованы при составлении пространной шведской редакции.

Вопрос о соотношении редакций Ордонансов, таким образом, логично снова считать открытым. Нельзя отвергать гипотезу Чёллерстрёма о том, что первичной являлась пространная шведская версия. Маловероятной (в отдельных рассуждениях — ошибочной), но в принципе отнюдь не невозможной представляется выдвинутая Тунбергом гипотеза о том, что протографом была латинская версия, представленная списком Спегельберга.

Все же наиболее вероятная альтернатива заключается в следующем. Сначала была создана краткая, «официальная» шведская редакция Ордонансов. Ее списки, возможно, уже вскоре после принятия Ордонансов включали разночтения в результате редактирования и, отчасти, ошибок⁸⁶. Затем после риксдага в канцелярию Браска попали разные краткие версии Ордонансов. С них секретари епископа сделали списки, дополнив Ордонансы содержанием других постановлений, формулировок Рecessa и вопросов, обсуждавшихся на риксдаге. Для Швеции того времени это было нормальной практикой: к спискам правовых памятников, как в ходе создания этих списков, так и после, делались дополнения из других правовых источников, составлялся своего рода компендиум. Так документ более полно отразил реальное содержание реформ, проводимых королем и его сторонниками. Кроме того, возможно, дополнения сделаны для дискредитации короля и его союзников в глазах шведских и европейских католиков. Затем расширенные списки были переведены на латинский язык разными переводчиками — секретарями Браска. Ханс Спегельберг перевел расширенный список, основная часть которого близка редакции королевской «Регистратуры». Петрус Бенедикти выполнил перевод текста, основная часть которого соответствовала «редакции А». Дополнительные же статьи обеих пространных версий были идентичны по содержанию: они, повторим, восходят к вставкам, сделанным в канцелярии Браска⁸⁷. Как мы убедились, в ла-

⁸⁶ А также, возможно, вследствие различий между последним черновиком-«концептом» и беловым списком.

⁸⁷ Допустимы, как уже говорилось выше, и другие варианты. Привлекательна гипотеза, как бы объединяющая выводы Тунберга и Кумлина с моими. Из Регистратуры следует: спустя некоторое время после риксдага (примерно с начала сентября 1527 г.) в договорах короля с шведскими кафедральными соборами появилась латинская лексика, соответствующая лексике списка Спегельберга и употребляемая параллельно шведской. Особенно показателен контракт короля с Линчёпинским капитулом, где к тому же присутствовала формулировка, близкая к дополнительной части пространной редакции. См.: “Och then tijd nogre prebender hender *vacere* eller *löse bliffue*, skulle wij athspörias hure om them skal

тинской редакции Петруса Бенедикти изначально действительно было 18, а не 16 статей; по содержанию они идентичны дошедшим до нас 16. Перевод Петруса Бенедикти выполнен со шведского текста, которым, возможно, являлся список, относящийся к пространной шведской редакции типа «Кодекса Боргезе».

Остается вопрос: почему в переводе Петруса Бенедикти отсутствует ряд статей, имеющих в других пространных версиях Ордонансов? Очевидно, сокращение выполнено намеренно, в порядке тенденциозного редактирования документа. Переводчик, видимо, хотел исключить злободневные статьи — об объединении приходов, об отмене чрезмерных поборов за совершение обрядов, об отмене привилегий духовенства в том, что касается мирских дел, о наследовании епископом имущества умершего священника, о принуждении больных к завещанию в пользу церкви, о несправедливом лишении мирян причастия, о необходимости изучения Евангелия в приходских школах. Эти вопросы, как говорилось выше, были злободневны для шведов — независимо от отношения к богословским новшествам. То, что Ордонансы содержали резолюции по указанным проблемам, несомненно, оправдывало данный документ в глазах людей, повышало авторитет реформаторов, убеждало в целесообразности реформ. Вот почему, очевидно, редакция Петруса Бенедикти — результат частичной фальсификации Ордонансов. В этой версии документ носит характер сугубо антикатолического постановления, а не резолюции о комплексе умеренных социальных преобразований.

prouideres j framtiden <...> och huad dell påffuens Cammer plæger tilfalle vthåff the pæninga som kallas romare skott, skulle oc wij haffue til Cronones forbettring” // GIR IV. S. 316—317. Ср., например: GIR IV. S. 318—319. Не исключено следующее развитие событий. После риксдага в королевской канцелярии была, в дополнение к краткой шведскому версии, создана пространная версия Ордонансов. Браск получил обе. В его канцелярии был сделан латинский список Спегельберга, а также шведский перевод — частично обратный, с опорой на несколько иную версию краткого шведского текста. Этот памятник затем опять перевели на латынь, на сей раз с сокращениями: так появилась редакция Петруса Бенедикти. Все же предложенная мною основная гипотеза является более логичной, простой и естественной; в нее хорошо «укладываются» все доступные на сегодняшний день списки.

Глава IV

Документы,
разъясняющие
постановления
Вестеросского
риксдага

§ 1. Письмо риксрода жителям Швеции

По итогам Вестеросского риксдага был создан еще один примечательный документ — открытое письмо риксрода жителям страны о решениях Вестеросского риксдага. Текст документа, в том виде, в каком он представлен в «Регистратуре» Густава Васы, имеет следующий вид¹:

«Мы, нижеперечисленные: Юхан Божьей милостью граф Хойский, Брокенхусский и проч., комендант Выборгского замка; Туре Йенссон, рыцарь, нашего милостивейшего государя гофмейстер; Ларс Сиггесон марск, Хольгер Карсон рыцарь, Аксель Поссе, Микель Нильссон лагман, Нильс Ульсон, владелец Скофтабю, Ивар Флеминг, Аксель Андерссон, Кнут Андерсон, Нильс Клауссон, Турд Бунде, Пер Ханссон, Бьёрн Клауссон, Пер Эрландссон, члены риксрода Швеции, приветствуем всех вас, достойных людей, живущих в N, сердечно в Боге. Дорогие друзья, объявляем вам, что мы ныне собрались здесь в Вестеросе с властительным князем, нашим дражайшим милостивейшим государем и остальными фрельсисманами, горожанами, горняками, а также уполномоченным от ваших и всех областей страны, дабы совместно обсудить давно сложившееся положение королевства и всех его жителей. Пожаловался нам означенный наш милостивый государь, что Его Милость обвинялся во многих местах в королевстве, что он якобы вводит здесь новую веру, поскольку он дозволяет проповедовать Слово Божье и святое Евангелие, и что в Даларне появилась ватага проходимцев, которая взбунтовалась против Его Милости — вновь подобно тому, как год назад это сделали герр Педер канцлер и местер Кнут; из-за каковых, а также многих других чрезвычайных событий Его Милость вознамерился было отказаться от правления королевством, после того, как Его Милость узнал о таких беспорядках, творящихся в стране, и не знал спокойствия и веселья, но всегда вынужден был ждать подобных происшествий в королевстве, случающихся, несомненно, к ущербу для его жителей, что Его Милость предвидел еще когда он с Божьей помощью благополучно вырвался из рук короля Кристиана. Каковые жалобы Его Милости мы приняли близко к сердцу, и тщательно расследовали слухи касательно новой веры, а также заслушали проповедь и диспут тех, про кого говорили, что они проповедуют означенную новую веру, и выяснили, что этот слух безоснователен, и что они не проповедуют ничего, кроме чистого Слова Божьего и той

¹ Оригинальный текст приведен в приложении.

веры, которую добрые святые отцы проповедовали здесь в королевстве, когда сюда впервые пришло христианство, относительно чего, как мы надеемся, эти добрые люди, ваши посланцы, вас хорошо просветят. Обещали мы Его Милости от своего и от вашего имени, и от имени всех простых людей, находившихся дома, подавлять подобные слухи и содействовать наказанию тех, кто их распространяет; и было высказано пожелание, чтобы ясное Слово Божие проповедовалось по всему королевству. Также обещали мы Его Милости, от своего имени и от имени всех вас, всей своей жизнью и властью умирять и наказывать тех, кто желает чинить беспорядки против Его Милости в Даларне или где-либо еще, дабы Его Милость воистину с Божией помощью не имел в этом отношении беспокойства. После какового нашего обещания Его Милость остался у власти и желает отныне, как и доселе, блюсти пользу королевства и всех нас, насколько будет на то милость Божия. О чем мы всем вам, добрым людям, объявляем, не сомневаясь, что вы, со своей стороны, будете соблюдать то, что нами и простыми людьми здесь обещано.

Далее, в числе других государственных дел, обсудили мы, как королевство и его жители часто в прошлом претерпевали большие беспорядки, войны и ущерб, и чаще всего оттого, что епископы и прелаты были чрезмерно могущественны, к великому ущербу королей страны, и изо дня в день, вплоть до настоящего времени, подчиняли [людей] себе, отчасти при помощи пышных и ненужных богослужений, которых Бог не предписывал, отчасти при помощи коварства и злых козней, в результате чего корона, рыцарство и простой народ сильно обеднели, и возникло много того, что несправедливо и для простого народа непосильно. Поэтому мы все с вышеназванным нашим милостивейшим государем договорились и единодушно согласились, что, поскольку рента короны по вышеназванной и многим другим причинам уменьшилась, наш дражайший милостивейший государь предпишет всем епископам, со скольким числом лошадей² он разрешит им выезжать, и отныне они должны подчиняться. Что после этого останется излишка в их ренте, то пусть возьмет король, равно как и их замки, особенно для того, чтобы отстроить коронные замки, благодаря чему король и королевство избавятся от вышеназванной опасности, исходившей от епископов, и простым людям наступит облегчение от того, что король не будет так часто нуждаться в помощи от них, что доселе имело место. Таким же образом надлежит поступить с рентой кафедральных соборов и каноников, после того, как будет обсуждено, сколько им по справедливости требуется на содержание. И поскольку монастыри, живущие за счет доходов с земельных владений, долгое время имели плохое управление, замки пришли в упадок и земельные угодья заброшены, наш милостивейший государь получит пол-

² Т.е. вооруженных всадников, составляющих свиты епископа.

ную отныне власть³ над этими монастырями и назначит туда добрых людей, которые будут ими управлять, давать монастырскому люду надлежащее содержание, дабы не пришло в упадок богослужение; то, что, возможно, останется сверх того, король будет взимать во вспоможение короля. Поместья или земли, перешедшие к церкви после ревизии короля Карла, должны отойти обратно, будь то тягловые или фрельсовые угодья. И поскольку простым людям тяжело находиться под двумя властями, то мы постановили, что те, с кого взимается штраф за нарушение праздничных дней или за другие проступки, должны отныне платить королю, а не епископу, и никакой пробст или священник не должен иметь право лишать плоти нашего Господа кого-либо, кто хочет исправиться, встав на праведный путь, ни за долги, ни за что-либо подобное, но пусть священники и управители церковей предъявляют жалобу на тинге относительно своих прав⁴, как и остальные, согласно Ландслагу. Епископы и священники отныне не должны с такой легкостью за малые прегрешения налагать отлучение на бедных людей, как ранее имело место, по собственному произволу супротив Божьего закона; не должны также уплачиваться погребальный сбор, главная десятина⁵, плата за венчание, [пожертвования на] пасхальный алтарь и другое подобное в размере большем, чем предписывает церковный раздел [областных законов], но священники должны жить за счет доходов, причитающихся священнику⁶, десятины и пожертвований. Но пусть никто не обратит это нашего милостивейшего государя и наше послание против нас, толкуя его в том смысле, что Его Милость или мы хотим распорядиться, чтобы не было епископов; мы желаем, чтобы они были, но не являлись чрезмерно могущественными, дабы королям или королевству не было от них опасности. Тем лучше они смогут печься о Слове Божьем и следить, чтобы все шло надлежащим путем в их епархиях (что им и надлежит делать по их должности) благодаря тому, что им не придется обременять себя большими свитами, что значительная часть их признали и согласились в этом с нашим милостивейшим государем и с нами. Также не входит в наши намерения нанесение урона приходским священникам, посредством того, что их рента будет уменьшена в соответ-

“Fulla magt” — также: «полномочия».

“Efter theris rett”. Вариант перевода: «того, что принадлежит им по праву».

Главная десятина — швед. “huvudtionde”, лат. “decima capitalis”. Распространенный в некоторых скандинавских областях обычай, согласно которому прихожанин как минимум раз в жизни уплачивал в пользу церкви десятую часть стоимости всего имущества — как движимого, так и недвижимого. Статьи об уплате «главной десятины» содержались, в частности, в областных законах Вестергётланда. См.: Вестгёталаг. Старшая редакция / Пер. А.В. Фоменковой // Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы / Сост., отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. С. 176—177. См. также специальное исследование: Runer J. Huvudtionde, odal och prästgårdar // Historisk tidskrift. 2012. Bd. 132. S. 595—623. Швед. “prestabord” (букв.: «стол священника»).

ствии с законом; ибо то, что у их отнимется таким образом, вернется к ним в том же размере благодаря тому, что епископы отныне не будут кормиться у них со столь многими [членами свиты], как то доселе имело место. Также и наш милостивейший государь обещал предписать своим служилым людям, чтобы они в отношении постоя и кормления щадили их, насколько могли. Мы же всегда будем печься об их пользе и давать им защиту, покуда они хранят верность Его Милости. О чем все мы вам, добрым людям, и объявляем, дабы вы из этого уразумели, что ваш государь милостив и печется о вашей пользе. Да наставит вас Господь, и проч.».

В «Регистратуре» за этим текстом следует перечень лиц, получивших списки итоговых документов Вестеросского риксдага — «письмо» (“bref”) и «статья» (“articler”)⁷. В числе персон упомянуты аристократы Туре Йонссон, Монс Брюттенсон, Ивар Флеминг, Хольгер Карссон, а также бургомистры, фогды, коменданты замков. Под «статьями», несомненно, подразумеваются Вестеросские ордонансы. С «письмом» дело обстоит сложнее: мог иметься в виду Вестеросский рецесс, также оформленный в виде открытого письма, исходящего от шведского риксрода. Но более вероятно, что речь идет именно о рассматриваемом нами открытом послании жителям областей страны. В том, как распределялись копии документов, нет строгой последовательности. Некоторые участники (9 человек) получили только Ордонансы, один (Ивар Флеминг) — лишь письмо, 12 человек — и то, и другое. Относительно пятерых участников не сказано, что именно они получили; каждому был выдан по крайней мере один документ. Обнародованию среди жителей Хельсингланда, Йестрикланда и «других областей» подлежало еще и открытое письмо епископов, в котором те признавали решение риксдага. Вероятно, для населения северных областей, где имели место волнения на религиозной почве, требовались дополнительные аргументы. Возможно, и письмо риксрода рассматривалось как средство воздействия на жителей «неспокойных» провинций. Действительно, фогд Даларны и бургомистр близкого к ней Вестероса получили как Ордонансы, так и письмо. Возможно, неразбериха в распределении документов объясняется бессистемностью, отсутствием единого порядка или нехваткой копий.

Письмо риксрода содержало отдельные положения как Рецесса, так и Ордонансов; притом не полностью излагало постановления риксдага и было, очевидно, создано, дабы успокоить население, недовольное политикой короля.

Вместе с тем документ интересен в источниковедческом отношении. Он сохранился в нескольких списках, между которыми имеются раз-

⁷ GIR V. S. 256—257.

ночтения, нередко существенные. Примером может служить текст из книги копий Эрика Спарре (RA B8). Транскрипция выполнена мной по документу, хранящемуся в Государственном архиве Швеции⁸.

Многие разночтения между списками послания отметил Э. Хильдебранд, комментируя издание данного документа в «Актах шведского риксдага». Исследователь классифицировал списки следующим образом: «редакция В» (книга копий Хогеншильда Бьельке, Bd. I. F.279 и далее), близкая к «Регистратуре» и к варианту, опубликованному Тегелем (вариант «Т»). В том же первом томе книги копий Бьельке (Fol. 245 и далее, 463 и далее) присутствуют два списка с экземпляра того же послания, который был в данном случае адресован жителям центральношведских областей Нэрке и Рекарне. Тексты этого типа, как отметил Хильдебранд, присутствуют также в источниках, хранящихся в Госархиве Швеции, книге копий Эрика Спарре и в непереpletенных копиях актов риксдага.

Между тем разночтений, в том числе принципиальных, имеется больше, чем отметил Хильдебранд. Притом издатель дал ссылки на редакции вообще, тогда как внутри этих редакций присутствуют разночтения между списками. Кроме того, Хильдебранд использовал текст из книги копий Эрика Спарре B8. Однако эта книга — поздний список той же книги, хранящейся в Государственном архиве под шифром B7; между списками документа в книгах B7 и B8 имеются различия. В этой связи я предпринял крупномасштабное исследование списков. Наиболее принципиальные из выявленных разночтений приведены в виде таблиц, помещенных в приложении⁹.

Таблицы, составленные мной по итогам долгих изысканий, содержат множество дополнений, новшеств и уточнений по сравнению с аппаратом Хильдебранда. Так, введен в оборот текст из кодекса B7, отсылки к которому отсутствуют у Хильдебранда. В самом деле, список B7, как более древний вариант, несомненно, должен использоваться наряду с B8. Правда, список B7 относительно неряшлив: в нем присутствуют описки, исправления. Но с другой стороны, в B8 имеются ошибки, искажающие текст: “prostē” вместо “präster”, “som her voro” вместо “som hemma voro”, “hjalpa dem” вместо “hjalp af dem”. Поэтому целесообразно соотнесение списка из B8 с более «правильным» списком из B7.

Очевидно, что при анализе данного документа важны не только приведенные в публикации Хильдебранда общие ссылки на редакции, но и отсутствующие в ней ссылки на конкретные рукописи. В самом

⁸ Текст впервые опубликован в монографии автора: Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг... С. 200—203. Воспроизведен в приложении к данной книге.

⁹ Выявлены автором в ходе работы с рукописями в Государственном архиве Швеции и библиотеке Уппсальского университета. См. приложение к данной монографии.

деле, между списками принципиально важной редакции «С» существуют разночтения: “vårringar /wårdinger” — “vånderingar” (табл. 12), “blev åter vid regementet” («вернулся к власти») — “blev kvar vid regementet” («остался у власти» — табл. 24), “diktade” («вымышленными») — “själv diktade” («собственнолично вымышленными» — табл. 27), “äre vi — haffue vi” (табл. 29), “rida” («ехать верхом») — “lyda” («подчиняться» — табл. 33), “konungar i riket” (здесь: «короли королевства») — “konungen och riket” («король и королевство» — табл. 34, и др.).

Удалось выявить и общие разночтения между редакциями документа, не отмеченные Хильдебрандом. Некоторые из них принципиальны: “Vyborg” (Выборг) — “Vyborgs slot” (Выборгский замок — табл. 1), “samfällt” («согласились») — “samtyckt” («постановили», «утвердили» — табл. 30), “prästabord” (букв. «священнический стол»; ср. лат. “mensa presbyteri” — совокупность владений и доходов священника) — “prästabol” (церковный земельный участок, доходы от которого священник получал как вознаграждение за службу — табл. 45); “sköta Guds ord” («пестовать Слово Божье») — “söka Gudz ord” («искать Слова Божьего» — табл. 47). Источниковедческий интерес представляют и более мелкие разночтения — в отношении порядка слов, употребления предлогов и т.п. (табл. 4, 6, 14, 15, 17, 19, 20, 23, 24, 26, 37, 30—31, 33—34, 36, 39, 44—47, 50). Видно, что эти разночтения являются типовыми различиями между редакциями.

Если суммировать все разночтения, выясняется: существуют два «полюса», два основных типа списков — версия RR и «редакция С». В RR речь идет о Выборгском замке, в «С» о Выборге; в RR нет имени Хенрика Эрландссона, в списках «С» он упомянут; в RR обращаются к «достойным людям, живущим в N», в «С» — к фрельсисманам, бюргерам, горнякам и простому люду, живущим в областях Нэрке и Рекарне; в RR говорится о «новой вере» (табл. 8), в «С» — о «новом учении». В RR указывается, что король дозволяет «проповедовать Слово Божье» (табл. 9), в «С» добавлено слово «ясно» (“rent”). В RR говорится, что мятеж канцлера Педера и местера Кнута имел место год назад (табл. 10), в «С» — два года назад. В RR упоминается, что Густав Васа обрел спокойствие, вырвавшись из рук короля Кристиана (табл. 14). В нескольких списках типа «С» можно прочесть другое: «вернулся туда (т.е. в Швецию или конкретно в Даларну) из рук короля Кристиана». В RR объявляется, что были заслушаны «проповедь и диспут», в «С» — речь, проповедь и диспут (табл. 16), и др.

Как бы между указанными двумя полюсами находятся список UUB E 131—1 (по Хильдебранду, «редакция В») и печатный вариант Тегеля («редакция Т»). «В» примыкает к RR, но подчас содержит своеобразные варианты (табл. 17, 29, 31, 39, 48, 51). В ряде случаев документ правился другим писцом (табл. 26, 27, 33, 47(?), 48, 51). В некоторых из этих случаев (табл. 26, 51) в результате правки текст приведен в большее соответствие с редак-

цией RR; возможно, образец, которым пользовался первый переписчик, в этих местах содержал слова, характерные для редакции «С», или же были задействованы списки, принадлежащие к группе «С». Версия Тегеля также близка к RR, но иногда содержит отклонения: “fara”, а не “skada” (табл. 25), “rida”, а не “lyda” (табл. 33).

Встречаются специфические разночтения — в частности, когда версия «Регистратуры» остается «в одиночестве» по сравнению с другими списками, дающими иной вариант. Так, в табл. 4 все остальные списки сообщают порядок слов, отличный от RR; в табл. 19 в RR предлог “då”, в остальных — “när”; в табл. 25 везде говорится, что епископы чрезмерно могущественны к опасности (“fara”) королей, и только в RR употреблено слово “skada” («ущерб»). В табл. 33 часть списков «С» и версия «Т» дают “rida” — «ехать верхом, разъезжать» вместо “lyda” («подчиняться»); в табл. 41 во всех списках, кроме RR — “få”, а не “fånga” (при синонимичности, в данном контексте, обоих слов: «получить», «обрести»). В табл. 49 везде, кроме RR употреблено слово “själve” — «сами». Возможно, эти детали свидетельствуют о том, что изначально редакции RR и «С» были ближе друг к другу, и некоторые особенности варианта, оказавшегося в «Регистратуре», возникли отчасти вследствие редактирования, отчасти из-за ухудшения текста при переписке. Также не исключено, что при составлении некоторых списков с версии RR делалась поправка на версию «С». Отнюдь не невозможным, наконец, является и обратное: при составлении некоторых списков типа «С» вносились коррективы в версию типа RR. Этим можно объяснить и некоторые различия внутри группы «С».

Что же касается общей истории документа, то точную и полную картину на данном материале восстановить вряд ли возможно. Списки созданы в разное время, у них могли иметься разные прототипы, часть которых, вероятно, утеряна. Некоторые разночтения, наверное, вызваны ошибками или правкой на стадии составления копий документа, рассылаемых по областям; другие отличия проявлялись в процессе позднейшего копирования. Резонно, в числе прочего, предположить, что два основных типа: 1) RR (и близкие ему «В» и «Т») и 2) «С» восходят а) к образцу («концепту») и б) беловому списку письма. Ведь рукописи группы «С» в целом содержат, несмотря на ошибки переписчиков, текст, отредактированный лучше, чем версия GIR. Что же касается этой последней версии, то, вероятно, более правильным, близким к исходному образцу является вариант, опубликованный Тегелем. Весьма возможно, что после риксдага 1527 г. в результате небрежности или канцелярской неразберихи беловые копии делались как с предварительного образца, так и с окончательно отредактированного чистовика. В результате жителям Онгерманланда и Вестерботтена была адресована одна редакция документа, а населению Нэрке и Рекарне — другая. Кроме того, не ис-

ключено, что переписчик, составлявший копию для Нэрке и Рекарне, по своему почину отредактировал письмо. К сожалению, отсутствуют тексты посланий жителям других областей, поэтому сделать в этом отношении более определенные выводы невозможно.

§ 2. Комментарий Лаврентиуса Петри

Спустя несколько лет после принятия Вестеросских резолюций, в начале 1530-х гг. архиепископ Лаврентиус Петри — брат Олауса Петри, первый шведский архиепископ из числа реформаторов — написал комментарий к Вестеросскому рецессу и Вестеросским ордонансам¹⁰. Необходимость комментария автор обосновывал так: постановления о чем-то новом часто вызывают недовольство. В данном случае люди жалуются, что причина постановлений — зависть к духовенству. Кроме того, многие неправильно интерпретируют Рецесс¹¹. Поэтому требуются разъяснения.

Изложив прозвучавшие на риксдаге тезисы Густава Васы, Лаврентиус Петри отметил: участники собрания признали их справедливыми и были озабочены. Стало очевидно, что отказ Густава I от трона чреват для страны опасными последствиями, особенно ввиду угрозы, исходившей от Кристиана II¹². Вот почему был принят Рецесс, содержащий решение проблем, сформулированных королем.

Первое из постановлений Рецесса обращено против многочисленных мятежей. Все согласились содействовать их подавлению. Это обязательство, отмечал Лаврентиус Петри, не нуждается в комментарии: оно не содержит ничего нового по сравнению с положениями шведских законов. Выполнение данных положений — всеобщая обязанность¹³. Итак, следует перейти к остальным статьям Рецесса, которые, напротив, включают в себя правовые нововведения.

Первое новшество: епископам следует иметь ренту только в размере, который требуется для их справедливого содержания, а излишек доходов отдавать королю. Дело в том, что должность епископа требует меньших расходов, чем должность короля. Их обязанности различны. Епископат должен заботиться о проповеди Слова Божьего, король — наказывать и предотвращать несправедливость и насилие. Поэтому

¹⁰ См.: *Thyselius P.E. Handlingar till Sverges reformations- och kyrkohistoria under Konung Gustaf I // Handlingar rörande Sverges inre förhållande under Konung Gustaf I. Bd. I. Hft. I. S. 69—101.*

¹¹ *Ibid.* S. 69—70.

¹² *Ibid.* S. 71.

¹³ *Ibid.* S. 72.

действия Густава Васы правомочны: он лишил епископов чрезмерного могущества, дабы исполнять обязанности государя¹⁴. Для епископов это — облегчение. Теперь они могут свободно исполнять свои прямые обязанности, не обременяя себя мирскими делами — не то что раньше, когда руководители диоцезов являлись, по сути, светскими государями и представляли угрозу для королевства¹⁵.

В отношении рент прелатов, каноников и кафедральных соборов принято такое же решение: излишки следует изымать в пользу короны. Применительно к каноникам это постановление еще более справедливо, чем в случае с епископами. В канониках нет столь большой потребности. Единственное их назначение — содействовать епископам. Поэтому на такую должность годятся только те, кто образован и сведущ в Писании. Каноников должно быть столько, сколько необходимо диоцезу. Этим священнослужителям полагается получать справедливое содержание. Но их доходы не должны быть чрезмерными — чтобы не ослаблять корону. Число каноников разумно сократить. Им следует посвящать себя проповеди Слова Божьего, не слишком заниматься судебными вопросами и делами управления, и вообще отказаться от того, что основано на человеческих измышлениях, а не на Библии¹⁶.

Монастыри, согласно Рецессу, следовало жаловать в лен «достойным людям». Это полезно и для короны, и для рыцарства, которое ропщет на свою слабость. Схожие меры уже давно приняты в Дании¹⁷. И они весьма мягкие: из Писания видно, что монашество не имеет под собой веских оснований и вполне может быть упразднено. Поэтому в Германии и других странах многие монастыри закрыты. Но к некоторым обителям все же проявили снисхождение и не упразднили их. Это отчасти уступка тем, кто еще не уразумел истины, отчасти милость к бедным и престарелым обителям монастырей, которые не смогут прокормиться вне их стен¹⁸.

Основание постановления о возвращении рыцарству земель, отчужденных в пользу церкви, сформулировано в самом Рецессе. Это ослабление рыцарства и, очевидно, короны. Почему следовало принять именно такие меры? Для значительной части владений церкви не имеется основания в Писании. Несомненно, церквям и священникам необходимо содержание, но заботиться о нем должен приход. В то же время, дарители в пользу церкви имели добрые намерения. Часть доходов употребляется на благотворительность; эту практику не нужно прекращать. Швеции следует взять пример с Германии, где подобные

¹⁴ Ibid. S. 72—73.

¹⁵ Ibid. S. 73—74.

¹⁶ Ibid. S. 74—76.

¹⁷ Ibid. S. 76.

¹⁸ Ibid. S. 76—77.

поступления идут в общую благотворительную кассу. Из нее берутся средства для содержания бедняков, проповедников, учителей, студентов. Рецесс также не дает оснований для конфискации имущества богоугодных заведений — богаделен, госпиталей, больниц, равно как и земельных наделов приходских священников (“*prestabol*”)¹⁹.

Наконец, в Рецессе постановлено, что Евангелие и чистое Слово Божье должны проповедоваться по всей стране. Нет нужды приводить основания этого постановления: доводы очевидны для каждого христианина. А значит, необходимы реформы, связанные с «Проповедью Слова Божьего». Они совершаются в соответствии с духом и смыслом Евангелия, и поэтому никоим образом не являются произволом²⁰.

Лаврентиус заключает комментарий к Рецессу соображениями относительно его законной силы. Это постановление правильно, справедливо, скреплено печатями, клятвами и совместными обязательствами. Поэтому его нельзя нарушать. Рецесс создан не по совету одного или двух людей: король изложил пороки, из-за которых желал отречься от престола, а риксрод, дворяне и простой народ дали по указанному поводу ответы. Таким образом, Рецесс содержит веские основания и является надлежаще оформленным постановлением, принятым от имени всей страны, — а потому имеет силу закона²¹.

Комментируя Вестеросские ордонансы, Лаврентиус сравнивает этот документ с Рецессом: Ордонансы легче нарушить, чем Рецесс, если со временем возникнет необходимость²². Далее следуют разъяснения по поводу конкретных положений. Постановление о праве короля отзывать священников вызвано старыми реалиями; теперь, когда имеются достойные епископы, эта статья не нужна. Епископы могут по-прежнему назначать приходских священников²³. Объединение двух приходов в один целесообразно, чтобы приход мог содержать священника; соответственно, необ-

¹⁹ Ibid. S. 78—81. Автор комментария объясняет происхождение церковных усадеб: во времена, когда в Швеции вводилось христианство, земля под такие усадьбы выделялась как из тягловой, так и из фрельсовой земли. Лаврентиус Петри, конечно, модернизировал древние реалии. В эпоху христианизации Швеции сословное деление и связанная с ним налоговая система только начинали формироваться. Точнее было бы говорить об общинных угодьях и землях знати. Лаврентиус, по всей видимости, спорит с формулировкой из Упландслага, согласно которой церковные усадьбы «всегда» были свободны от налогов. Реформатор, как следует из комментария, полагал, что по крайней мере часть этих владений изначально относилась к податным землям.

²⁰ Ibid. S. 81—82.

²¹ Ibid. S. 82—83.

²² Ibid. S. 84. Лаврентиус, очевидно, имеет в виду, что Ордонансы являются указом, регулирующим конкретные вопросы, в то время как Рецесс — основополагающий документ, принятый от имени сословий. Ср.: *Hjärne H. Reformationsriksdagen*. S. 77—79.

²³ *Laurentius Petri. Förklaring*. S. 85.

ходимо закрыть некоторые церкви²⁴. Постановления о церковных рентах и бенефициях восходят к Рецессу и разъяснены в комментарии к нему.

Публичное покаяние — это церковное внешнее наказание, сопутствующее ему взимание денег — наказание светское, поэтому данные средства следует передать монарху²⁵. Брачными делами, вообще говоря, должны ведаť светские власти: исполнение закона и отправление правосудия — дело короля и мирских должностных лиц. Но судебными делами о браках долго ведали прелаты, а потому среди светских должностных лиц мало кто разбирается в подобных вопросах. Итак, эти дела на время остаются в ведении духовенства, пока светские власти не приобретут необходимый опыт²⁶. Касательно церковных сборов (например, за венчание) на Вестеросском риксдаге раздавались жалобы: священники принуждают мирян ко многому, чего нет в писаных законах. Трудность заключается в том, что тексты церковных разделов различны, и не во всех книгах законов имеется церковный раздел; их надо сделать одинаковыми. Штрафы же, пусть и взимаемые, в порядке временной меры, духовными лицами, должны идти в доход короля²⁷.

Запреты на уборку урожая и рыбную ловлю в праздники наносят ущерб дарам Божиим на земле и пропитанию людей. Да и папские законы дозволяют выполнять такую работу по праздникам. Нет греха в том, чтобы работать в праздники. Грех, если человек, трудясь, не оставляет времени на то, чтобы слушать Слово Божье, или если бедные работники совсем не отдыхают²⁸.

Статья, где говорится — священники должны являться на тинг, основана на том, что королю и вообще мирским властям вверен меч — соответственно, им следует осуществлять все внешние наказания²⁹. Статья о сожительстве до венчания объясняется тем, что для вступления брака в силу достаточно помолвки. В некоторых странах брак оформляется публичным нотарием в присутствии двух свидетелей, после чего супружеский союз считается действительным. Венчание же — торжественный обряд, который не обязателен³⁰. Что касается постановления об изучении Евангелия в школах, то оно и ранее принималось на шведских съездах духовенства, но не было исполнено и потому воспроизводится вновь³¹.

²⁴ Ibid. S. 85—86.

²⁵ Ibid. S. 88.

²⁶ Ibid. S. 88.

²⁷ Ibid. S. 89—90.

²⁸ Ibid. S. 91.

²⁹ Ibid. S. 92.

³⁰ Ibid. S. 95.

³¹ Ibid. S. 98. Такое постановление не удалось обнаружить. См.: *Westman K.-B. Reformationens genombrättsår. S. 427.*

Лаврентиус завершает комментарий рассуждением в духе своего брата и единомышленника — Олауса Петри: люди, исполняющие правосудие, не должны, ревностно соблюдая его внешнюю сторону, демонстрировать чрезмерную строгость, но обязаны по возможности проявлять милосердие. Если этого не будет, то, согласно пословице, высшая справедливость обернется высшей несправедливостью³². В заключение Лаврентиус провозглашает, что основа Рецесса и Ордонансов — «Слово Божье и Евангелие»³³.

Комментарий Лаврентиуса Петри очень ценен: по нему можно судить, какой смысл вкладывали реформаторы в постановления риксдага. В разъяснениях присутствуют несколько типов аргументации. Во-первых, очевидна связь комментария с лютеровским учением о разделении полномочий между светской властью, которой вверено все «внешнее» регулирование общества, и церковью, которой подлежит забота о душах. Во-вторых, в качестве основы всех нововведений рассматривается Слово Божье (идея, восходящая к эразмианскому гуманизму, но усвоенная и использованная лютеранскими реформаторами). При этом постановления риксдага рассматриваются комментатором как реформационные: преобразования церкви — следствие резолюции о проповеди Слова Божьего. Автор приводит в пример зарубежные реалии, в то же время сохраняя характерный для скандинавских ученых мужей интерес к национальной исторической специфике. В комментариях также отражена забота о шведском духовенстве. В отдельных случаях подчеркивается преемственность реформ по отношению к католической традиции.

* * *

Сравнение обоих документов — письма риксрода и комментария Лаврентиуса Петри — подтверждает, что в освещении решений Вестеросского риксдага в рассматриваемый период имели место две тенденции. Первая отражена в письме риксрода: члены Государственного совета стремились успокоить народ, убедить простых людей, что в Швеции не вводится новая вера. Вторая тенденция представлена в комментарии Лаврентиуса Петри. Здесь четко выражены идеи Реформации, решения риксдага трактуются в реформационном духе. На примере комментария Лаврентиуса Петри мы еще раз убеждаемся, что шведские реформаторы рассматривали решения Вестеросского риксдага как правовую основу реформ, основанных на лютеранском учении.

³² Ibid. S. 99—100. Ср.: *Olaus Petri. Domareregler // Olaus Petri. Samlade skrifter. Bd. IV. S. 303.*

³³ *Laurentius Petri. Förklaring. S. 101.*

Глава V

Воплощение в жизнь
решений
рикздага

§ 1. Собор в Эребру и начало реформ церкви

Реформа церкви, конечно, не могла осуществиться трудами одного или двух человек. После Вестеросского риксдага шведскому духовенству, в большинстве своем сохранившему лояльность королю, требовалось найти общий язык, выработать совместную позицию.

Напомним: относительно вопросов веры Вестеросский рецесс поставлял, чтобы «отныне повсеместно Слово Божье чисто проповедовалось». «Проповедь Слова Божьего» — обычный лозунг реформаторов в Европе того времени. Шведскому духовенству предстояло раскрыть его содержание применительно к своей стране. Первый шаг в этом направлении был сделан на церковном соборе в городе Эребру.

Региональные съезды духовенства — церковные соборы (синоды) — были к тому времени традиционны для Швеции (как и в целом для Европы). Но в 1529 г. имело место принципиальное по важности явление, положившее конец старой традиции и давшее начало новой: собор был созван не по инициативе архиепископа, как полагалось по каноническому праву, а по повелению короля¹. Действительно, еще 25 ноября 1528 г. Густав Васа повелел созвать «консилиум», на котором «церковные прелаты и ученые люди» должны принять решение относительно церемоний и церковных обычаев, дабы они не являлись различными в диоцезах². Таким образом, официальная цель — унификация обрядов, необходимость которой осознавалась и до Реформации. Возможно, поэтому на приглашение откликнулись многие епископы, священники и монахи, позиция которых по отношению к Реформации была различной.

Собор состоялся в феврале 1529 г. Под итоговой резолюцией собора подписалось 40 человек³, имена которых перечислены в тексте документа. В резолюции говорится, что в работе «консилиума» приняли участие «многие другие клирики». Первым в списке стоит имя Лаврентиуса Андреэ — представителя архиепископства Уппсальского и «полномочного посланника» короля. Присутствовали три епископа: Магнус Харальдссон, Магнус Соммар и Петрус Магни, настоятель городской церкви Стокгольма Иоханнес Чёкеместер, Олаус Петри, священнослужители от всех дио-

¹ *Kjölleström S. Konung och kyrkomöte (1529—1863) // [Studier tillägnade] Gottfrid Carlsson. Lund, 1952. S. 149.*

² SRA I. S. 117.

³ Точнее, 38, из которых 2 участника расписались за двоих.

цезов, кроме Абовского, а также монахи: доминиканцы, францисканцы и биргиттинцы. Монахи биргиттинского ордена надеялись, что съезд в Эребру станет «совещанием против лютеран». Однако они были жестоко разочарованы и вернулись с собора «возмущенные» (“*perturbati*”)⁴. Тем не менее, они подписали итоговую резолюцию⁵. Из состава участников можно заключить, что среди делегатов присутствовали как твердые последователи Лютера, так и гуманисты — сторонники умеренных реформ. Вместе они, очевидно, составляли реформистское крыло собора.

Резолюция, вероятно, являлась компромиссом, достигнутым после долгих дебатов: собор начался 2 февраля, а итоговый документ принят 7 числа того же месяца. Резолюция состояла из двух частей: 1) постановление; 2) «разъяснительная» или «просветительская» часть, излагающая смысл духовных таинств⁶.

Первая из них близка постановлениям Вестеросского риксдага и, особенно, — Вестеросским ордонансам. При этом вводная статья содержала подробное распоряжение о проповеди Слова Божьего. Участники заявляли: необходимо разъяснять, распространять и проповедовать Слово Божье во всех церквях и соборах, чисто и немногословно. Епископы будут следить, чтобы приходские священники читали такие проповеди или приглашали для этого сведущих в Писании людей. В кафедральных соборах проповеди о Священном Писании будут читаться ежедневно — для духовенства этих соборов, а также городских священников. В церковных школах проповеди о Писании также следует произносить ежедневно для низшего духовенства. Этих клириков обеспечат экземплярами Нового Завета на латыни. В городах священниками будут становиться ученые мужи, и пастыри сельской округи смогут обращаться к ним за наставлением в Слове Божьем. Такой городской священник временами будет посещать своих братьев в округе, читая проповеди. В городах, где имеются монастыри, следует проповедовать после полудня, чтобы не чинить ущерб проповеди, которая в городской церкви совершается до полудня. Проповедники не должны обвинять друг друга с кафедры; им следует диспутировать вежливо, не раздражая народ. Перед проповедью и после нее необходимо читать Отче наш, Символ веры и “*Ave Maria*”, а один или два раза в месяц — Десять заповедей Господних.

Резолюции собора в Эребру перекликались со статьями Вестеросских ордонансов также по следующим вопросам: объединение церковных приходов под началом одного настоятеля, ограничения на сбор милостыни духовными лицами, сохранение публичного покаяния.

⁴ Vadstenadiariet. Latinsk text med översättning och kommentar / Utg. C. Gejrot. Stockholm, 1996. S. 450.

⁵ SRA I. S. 122.

⁶ Текст резолюции собора в Эребру см.: SRA I. S. 118—122.

Близкой Вестеросским ордонасам по теме и духу являлась также статья резолюции в Эребру об ограничении числа церковных праздников⁷.

Другая, большая по объему часть резолюции содержала разъяснение церковных таинств и практик. Общий смысл уточнений сводился к следующему: таинства и практики носят символический характер; посредством их человеку напоминают о Боге, и он получает возможность обратиться к Нему. Так, святая вода «не забирает прочь» грехи: это делает только Кровь Христа. Святая вода служит напоминанием, что люди крещены и помазаны Кровью Христовой. Образы существуют не для поклонения, а для напоминания о Христе и святых. Пальмовая ветвь⁸ освящается и употребляется не потому, что у нее есть особая сила, на которую следует уповать, но в напоминание — народ разбрасывал пальмовые ветви на пути Христа, когда Он въезжал в Иерусалим. Свечи на мессу возжигаются только для того, чтобы напомнить: в храме поклоняются истинному свету — Иисусу Христу. Елеопомазание — внешний знак внутреннего помазания, которое свершается Святым Духом. В колокол звонят лишь затем, чтобы созывать народ. Здание церкви используется не для особого поклонения Богу, а для проповеди Слова Божьего: Господь не живет в доме, построенном руками человеческими. Церкви, соль, пища и другие вещи освящаются не для того, чтобы они сами по себе от этого стали лучше. Смысл освящения в ином — над вещами упоминается Слово Божье, дабы они обрели чистоту, и мы не употребили их во зло. Итак, «суть обряда в том, что лучше должны стать мы, а не освящаемые предметы». Людей следует учить, чтобы они скорее бедным давали свои свечи, нежели ставили их перед образами. Постные дни соблюдаются не ради «особой помощи Богу», но для умерщвления плоти. Праздники существуют, чтобы люди могли слушать Слово Божье, а также для отдыха, но не для какой-то особой службы Господу. Народ следует учить, что церемонии в Страстную Пятницу и на Пасху совершаются исключительно в напоминание о Христе. Следует объяснять народу — паломничества допустимы. Но «их целью должно быть поучение и наставление, а не особая служба Богу. Служить Богу можно где угодно: Бог одинаков везде».

Эта часть резолюции, таким образом, носила просветительский, относительно умеренный характер. Но в то же время содержала указания, требования: «весьма необходимо...», «народ следует учить». Не случайно в предисловии к своему требнику на шведском языке — “*en Handbook pa Swensko*” — Олаус Петри сослался на решения собора в Эребру. Очевидно, ряд статей (о праздниках, пасхальных церемониях,

⁷ См.: SRA I. S. 120.

⁸ В оригинале швед. “*palm*”: также — «верба», используемая во время празднования Входа Господня в Иерусалим, иначе именуемого «Вербное воскресенье».

паломнических путешествиях) вполне соответствовал антиримскому, лютеранскому взгляду на спорные вопросы. Текст резолюции — смелый, реформаторский; «разъяснение» носит характер требования, предъявленного к духовенству.

«Проповедь Слова Божьего» — конкретная программа, связь которой с резолюциями Вестеросского риксдага очевидна. В силу указанной умеренности она могла найти достаточно много сторонников и, в частности, заинтересовать духовенство «гуманистического» толка — поклонников Эразма. Некоторые из них, например, епископ Петрус Магни, поставили подписи под резолюцией собора. Кроме того, сторонники реформы богослужения имелись и в оппозиционном, проримском лагере. Таким образом, идея преобразований оказалась не чужда шведскому духовенству вообще, и в Швеции было близкое к «гуманистическому», «реформистско-католическое» интеллектуально-духовное течение⁹.

Существует мнение, что постановление собора в Эребру представляло собой временный компромисс, по существу не устроивший ни реформаторов, ни консерваторов. Тем не менее, он явился определенным этапом Реформации, т.к. позволил избежать конфронтации духовенства и в то же время был использован реформаторами.

Нейтралитет части клира в 20-е—30-е-гг. сыграл важную роль: за это время подготовили новые, евангелические кадры; старое духовенство постепенно, с трудом, но все же привыкало к переменам. Смена высшего и среднего духовенства вела к результату, необходимому для Густава Васы: новые священники были многим обязаны королю, зависели от него.

В августе 1531 г. очередной церковный собор избрал архиепископом Лаврентиуса Петри, брата Олауса Петри. К этому времени Лаврентиус окончил университетский курс в Виттенберге. Это избрание и последующее утверждение в должности без санкции Рима было успехом Реформации. Лаврентиуса Петри избрали подавляющим большинством голосов; очевидно, он был приемлем и для консерваторов. Лаврентиус, так или иначе, являлся сторонником Реформации, и при этом — искусным политиком и организатором.

Затем в течение нескольких лет король и духовенство соблюдали в своих преобразованиях относительную умеренность. Она была обусловлена практическими соображениями. Король добился политических и экономических выгод, которые давала Реформация «сверху». При этом он, несомненно, учитывал опыт восстаний, отчасти направленных против Реформации. Фактическим советником монарха по церковным вопросам стал, вместо ушедшего в 1532 г. с государственной службы Лаврентиуса

⁹ См.: *Kjöllerström S. Missa Lincopensis. En liturgi-historisk studie. Stockholm, 1941.*

Андрез, более умеренный реформатор, эразмианец Свен Якоби. В посланиях и постановлениях король и авторитетные духовные лица предписывали проявлять умеренность и осторожность при переходе, в каждом отдельном случае, к новому, реформированному богослужению. При этом Густав Ваза требовал, чтобы никакие изменения не проводились без его согласия. Церковь была вынуждена подчиниться воле государя.

Формально, статус шведской церкви в вопросах вероисповедания вплоть до конца XVI в. оставался неопределенным: отсутствовало какое-либо официальное вероисповедание. Отчасти этот вакуум восполняла «Малая книга о таинствах» Олауса Петри, в которой достаточно подробно излагались основы реформационного учения.

Новые меры по преобразованию церкви были введены на церковном соборе 1536 г. в Уппсале. Съезд духовенства постановил приложить все усилия, чтобы ввести шведскую мессу в кафедральных соборах. В отношении остальных церквей оговаривалось: переход на новое богослужение должен осуществляться только на добровольной основе. Был официально утвержден шведский требник Олауса Петри. Духовенство освобождалось от обета безбрачия; клирикам, имеющим сожительниц, предписывалось заключить с ними брак.

§ 2. Хозяйственные и административные последствия риксдага

Также и административно-экономические постановления Вестеросского риксдага начали выполняться незамедлительно. Наступление на церковь велось по нескольким направлениям. Конфисковывались епископские замки, духовенству предписывалось соблюдать лояльность королю, от субъектов церкви требовались отчеты о доходах. В соответствии с этими отчетами определялась сумма налога, уплачиваемого короне. К монарху также перешло право сбора епископских штрафов.

Подробности данных процессов таковы. В считанные дни после риксдага Государственный совет Швеции обратился к Браску со своеобразным ультиматумом. Линчёпингскому епископу, его клирикам и служилым людям запрещалось «повелениями, письмами, словом и делом» восставать против «короля и Шведского королевства», а также предписывалось передать Его Милости замок Мункабуду с пушками и всем оружием¹⁰. В Стренгнесском диоцезе к королю перешел замок Тюннельсё с округой и, соответственно, рентой, уплачиваемой там держателями-ландбу¹¹.

¹⁰ GIR IV. S. 259.

¹¹ Ibid. S. 269.

Епископские замки должны были представлять для короля интерес в стратегическом отношении. Кроме того, они являлись экономическими и фискальными центрами. Указанными функциями король, однако, не спешил воспользоваться. В Векшенском диоцезе не произошло в этом отношении никаких изменений вплоть до 40-х гг. В Скарском, Вестеросском и Абоском диоцезах к короне перешло несколько замков, которые монарх затем пожаловал в лен¹². В Уппсальском и Линчёпингском диоцезах имелась целая сеть административно-фискальных центров, Густав Васа не стал интегрировать их в хозяйственный механизм короны, хотя рента многих крестьян-держателей, относящихся к замковым ленам земель, перешла к короне¹³.

В Линчёпингском диоцезе вскоре после Вестеросского риксдага Густав Васа отдал важные центры управления — замки Мункабуда и Бископсбру — в лен своим сподвижникам¹⁴. Центром же королевской администрации в области стал Линчёпинг, который продолжал исполнять функции налогового «ядра» Эстерьётланда. При этом государь практически ликвидировал административную систему епархии: центры местного значения были розданы в качестве ленных держаний.

Уппсальскому капитулу король 4 июля сообщил о решении риксдага искоренять слухи о новой вере. Больше всего их было в Уппсальском диоцезе. Если уппсальские прелаты вовремя не примут надлежащие меры, король не преминет наказать их по закону¹⁵.

Пробстам Норланда король 7 июля предписал представить отчет о всех епископских доходах, взимаемых в этом северном регионе. Кроме того, им следует искоренять «суеверия и лживые слухи», которые в Швеции уже долгое время ведут к восстаниям и внутренним смутам. Отныне государь имеет право наказывать за это по закону и духовных лиц, и мирян. В случае необходимости он воспользуется данным правом¹⁶.

7 июля король разослал кафедральным соборам открытое письмо о решении Вестеросского риксдага относительно редукации. Условия отчуждения недвижимости были изложены согласно Вестеросскому речесу, а не пространной редакции Вестеросских ордонансов. Редукации подлежали земли, отошедшие к церкви от светских владельцев со времен ревизии Карла Кнутссона. Ничего не говорилось о праве короля отчуждать земли, не имеющие законных претендентов, т.е. наследников¹⁷.

¹² *Hammarström I. Finansförvaltning och varuhandel.* S. 323.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Schück H. Ecclesia Lincopensis.* S. 552—574. Ср.: *GIR IV.* S. 265, 284, 288.

¹⁵ *GIR IV.* S. 269—270.

¹⁶ *Ibid.* S. 271—272.

¹⁷ Таким образом, маловероятной является гипотеза Ч. Кумлина, согласно которой Вестеросские ордонансы были созданы в двух редакциях, причем пространная

Настоятелю абовского кафедрального собора местеру Хансу и королевскому фогду в Финляндии Йенсу Вестъёте монарх сообщил: пока абовская епископская кафедра вакантна, местер Ханс пусть начальствует над клиром, назначает «полезных и пригодных» (“nyttoge och bekwemme”) священников на свободные приходы (“försörja soknakirkior nær the lösa ære”). Но пребенды и канонии должны, согласно Вестеросским ордонансам, жаловаться только с согласия короля. Назначенные священники обязаны присягнуть ему на верность. Эту присягу должен принять фогд Йенс Вестъёте. Он же будет временно, от имени государя, взимать епископские доходы и предоставлять королю отчет о них. Ему также полагается взять местное духовенство под свою защиту, оберегая от насилия и от несанкционированного постоя со стороны дворян-ленников, за исключением того, на который король лично даст добро¹⁸.

Последнее из перечисленных распоряжений примечательно. Оно еще более проясняет логику Вестеросского рецесса и Ордонансов. Эта логика восходила к временам раннесредневековых шведских королей: налогообложение населения (в данном случае — духовенства) связывалось с защитой от произвола и, в частности, незаконных кормлений. Не исключено, что подобная логика исходила от Олауса Петри, в то время изучавшего древние письменные памятники — материал для «Шведской хроники».

Вскоре после риксдага Густав Васа начал принимать меры по выполнению резолюций в отношении монастырей. О решениях риксдага король известил аббатису монастыря Гудхем. Также и в этом случае содержание извещения соответствовало Рецессу. В числе прочего король потребовал, чтобы аббатиса оповестила его, если кто-либо попытается отнять земли монастыря без законного судебного разбирательства¹⁹.

25 июля 1527 г. был создан формуляр охранной грамоты для монахов, желающих покинуть монастырь и «достойным образом зарабатывать на хлеб» — например, стать приходским священником или капелланом²⁰.

Аббат цистерцианского Варнхемского монастыря заключил с королем соглашение об уплате ежегодного налога: 16 быков и 2 связки лосося. Такую же подать обязалась уплачивать и другая цистерцианская обитель — Гудхемская. Взамен эти монастыри получили свободу «от бурглэге и тому подобного»²¹. Аббат монастыря Альвастра 26 августа также получил предписание относительно выплат в пользу короля: 100 шведских марок.

редакция предназначалась для кафедральных соборов. Итак, официальной являлась только краткая редакция Ордонансов.

¹⁸ GIR IV. S. 274—275; FMU VIII. S. 249—250.

¹⁹ GIR IV. S. 277—278.

²⁰ Ibid. S. 281.

²¹ Ibid. S. 305.

Для Вадстенского монастыря налог составил 300 датских марок²². С аббатисой монастыря Врета был заключен договор об уплате 100 шведских марок ежегодно. За это обитель получила освобождение от бурглэге и право пользования арендной платой монастырских ландбу²³.

Светского опекуна получил также женский монастырь в Шеннинге²⁴. А в начале 1529 г. опекун был назначен и в Нюдальский монастырь. Им стал королевский фогд Готтфрид Суре — человек, которому спустя небольшое время пришлось претерпеть печальную участь, стать первой жертвой «Восстания вестъётских господ»²⁵.

Столь же незамедлительно король начал принимать активные меры по налогообложению церкви, отчуждению ее имущества и лишению духовенства определенных полномочий.

Ханс Браск уже 2 августа 1527 г. получил от короля охранную грамоту, в которой говорилось о полном обоюдном примирении²⁶. В тот же день с Браском был заключен контракт²⁷. Епископ обязался ежегодно давать королю из своей ренты 1500 датских марок, 1,5 ластва масла и 0,5 ластва меда. Кроме того, ему предписывалось соблюдать положение Вестеросских ордонансов относительно церковных штрафов, а также запрещено принимать в Вадстенский монастырь новых монахинь без предварительного согласия короля²⁸. Линчёпингский каноник Йенс Петри получил полномочия, причитающиеся монарху по Вестеросским ордонансам: разбирать судебные тяжбы с участием клириков, контролировать назначение приходских священников²⁹. 2 августа монарх распорядился о ревизии имущества еще одного монастыря — Нюдальского (также находившегося на территории Линчёпингского диоцеза) и назначил туда светского опекуна³⁰.

Между королем и Скарским избранным епископом было в свою очередь заключено соглашение о разделе доходов. Епископ обязался давать королю ежегодно 1000 датских марок и 4 связки вермландского лосося³¹. Густав Васа заключил соглашение о налоге и с Скарским соборным

²² GIR IV. S. 311—312.

²³ Ibid. S. 316.

²⁴ Ibid. S. 312—313.

²⁵ GIR VI. S. 9—10.

²⁶ Ibid. IV. S. 287—288.

²⁷ Ibid. S. 288—289.

²⁸ По уставу св. Биргитты, епископ диоцеза, на территории которого расположен биргиттинский монастырь, и правитель соответствующей страны являлись покровителями обители. Таким образом, и Густав Васа, и Ханс Браск выступали патронами Вадстенского монастыря.

²⁹ Ibid. S. 290. Лексика, которую в данном случае использовал король, — та же, что в краткой шведской версии Ордонансов.

³⁰ Ibid. S. 292.

³¹ Ibid. S. 300—301.

капитулом. За уплату этого налога капитул получил освобождение от постоя служилых людей короля³².

Вскоре соглашения об уплате налогов были заключены со всеми епископами страны, а также с соборными капитулами, монастырями и, в конечном счете, со всем духовенством. Таким образом, клир как бы выкупал повинность «бурглэге» или «йестнинг»³³ — обязанность принимать на постоя должностных лиц и служилых людей короля. Так, в 1530 г. соборный капитул Або обязался «...согласно Вестеросским ординасам, ежегодно посылать в Стокгольм 4 ласта масла и 7 000 марок эртугов, и это будет вместо бурглэге...»³⁴.

Вот характерный контракт, заключенный в 1530 г. с епископом Скарским:

«Мы, Густав, Божьей милостью король свеев и етов, объявляем, что согласно Вестеросскому постановлению заключили такой договор с местером Свенем, избранным епископом Скарским. Он будет давать нам из Скарского диоцеза ежегодно в день св. Михаила 1200 датских марок. И за это он будет пользоваться рентой и взимать десятину и плату со всех епископских ландбу, приписанных к замку Лэкё, а также повинностью постоя со священников и со всех своих ландбу. Постой же с других церковных ландбу или какие-либо штрафы с собственных или с других ландбу пусть он не берет, но все должно поступать нам. Штрафы, которые в Скарском диоцезе присуждаются на тинге, должны взимать наши фогды и слуги. Но средства, взимаемые со священников за нерадивость или за то, что они плохо справляются со своими обязанностями, должны уплачиваться местеру Свену»³⁵.

Таким образом, епископы и духовенство кафедральных соборов в административно-финансовом отношении становились чем-то вроде фогдов или держателей ленов, жалуемых на условия регулярных отчислений в пользу короны³⁶. Впрочем, спустя некоторое время были упразднены и формальные различия между фискальными обязательствами духовенства и светских ленников. К середине 1540-х гг. заклю-

³² GIR IV. S. 301—302.

³³ В принципе — традиционная (по обычаю) обязанность шведского духовенства. Однако духовные лица позднесредневековой Швеции считали своим долгом принимать на постоя только короля, его свиту и должностных лиц, едущих по важным государственным делам. В других случаях требование постоя клирики считали произволом.

³⁴ Ibid. VII. S. 30.

³⁵ Ibid. S. 27. День св. Михаила — 28 сентября — традиционный для взимания осенней подати.

³⁶ Ср.: Forsell H. Sveriges inre historia. D. 1. S. 158.

чаемые с клириками контракты о налогах стали называться контрактами о ленных пожалованиях³⁷.

В 1530-е гг. фискальные выплаты в пользу короны осуществляло уже все духовенство Швеции. Сюда входили налоги епископов (например, 2000 шведских марок со Стренгнесского епископа, 1500 с Линчёпингского, 900 со Скарского), кафедральных соборов (Стренгнесского — 400 марок, Линчёпингского — 600 марок, и т.п.), приходского духовенства (в Стренгнесском диоцезе совокупно — 400 марок, в Линчёпингском — 900 и т.п.). Епископские крестьяне-арендаторы — ландбу — также платили короне денежный налог (в Стренгнесском диоцезе совокупно 75 марок, в Линчёпингском — 170 и т.п.), а кроме того, выполняли продуктовую повинность. Ежегодный денежный налог — от 60 до 300 марок — платили также монастыри. По оценкам Х. Форселля, общая сумма налога с духовенства за 1533 г. составила 36900 марок³⁸. Таким образом, из посильных выплат духовенства складывалась сумма, значительно пополнявшая бюджет короны, крупная по шведским и вообще скандинавским меркам³⁹.

Значительным практическим результатом Вестеросского риксдага 1527 г. был переход к короне всех церковных штрафов, а также епископского фудринга — права на постой и кормление конной вооруженной свиты у церковных ландбу. Эта повинность могла выкупаться в виде «кормильной» подати. Сбор штрафов, взимавшихся ранее епископами с крестьян епархии, не являвшихся церковными ландбу, перешел в ведение королевских фогдов. А для получения штрафов и повинностей с церковных ландбу была введена должность специальных чиновников — «епископских фогдов» (“biskopsfogdar”). В начале 30-х гг. XVI в. в Швеции насчитывалось около десяти таких чиновников. Они объезжали довольно большие районы. В Упланде было два «епископских фогда», в Вестерьётланде — четыре, в Сёдерманланде — один. Значительная часть собранных средств отсылалась в Стокгольм, в королевскую казну.

Что касается секуляризации церковных поместий и ленов⁴⁰, то она началась еще до Вестеросского риксдага 1527 г. Уже в 1520-е гг. Густав

³⁷ Forssell H. Op. cit. S. 158, 163.

³⁸ Ibid. S. 153—157.

³⁹ Напомним, что доходы и расходы короны, которые Густав Ваза декларировал на Вестеросском риксдаге, составили 24000 и 60000 марок.

⁴⁰ Это были, конечно, два разных, но взаимосвязанных процесса. Редукция ленных пожалований осуществлялась на основании шведского права, оставаясь вполне традиционной. Секуляризация церковных владений в свою очередь тоже не являлась для Швеции чем-то абсолютно новым. Принципиальное новшество заключалось в том, что после Вестеросского риксдага секуляризации подлежала любая недвижимость, проданная, подаренная и заложенная церкви — даже если собственность ранее перешла в руки духовенства законным образом, без правовых нарушений. До риксдага 1527 г. отчуждались владения, права на которые

Васа вернул короне некоторые ленные пожалования, находившиеся в руках епископов. Так, у Ханса Браска были отобраны в 1523 г. херады — сотенные округа Аска и Буберг. Херад Окер в Седерманланде — владение епископа Стрэнгнесского, отошел к короне в 1526 г.⁴¹

Государь, одновременно с этими мерами, повел атаку на земли, которые он считал наследственными. В 1523 г. Густав Васа завладел усадьбой Трёгге с 40 крестьянскими дворами и усадьбой Грёнскуг в Кальмарском лене⁴². А в 1526 г., как уже говорилось, захватил монастырский замок Грипсхольм.

И. Хаммарстрём показала, что Густаву I уже к концу 1526 г. удалось, благодаря редукации как светских, так и церковных земель, вернуть короне многие владения, которые при его предшественниках — регентах Стуре — были розданы в лены и другие пожалования. Король восстановил старое «ядро» (“kärnområdet”) королевских владений, сосредоточенных в Верхней Швеции и Финляндии и составлявших большую часть территории государства. Но и внутри этого «ядра» произошли значительные изменения: в каждой из областей возросло количество округов-херадов, входивших в коронные земли⁴³. Все владения теперь управлялись фогдами, строго подчинявшимися королю и обязанными предоставлять подробный ежегодный отчет о доходах и расходах⁴⁴. Итак, уже накануне Вестеросского риксдага 1527 г. Густав Васа не только лишил епископов части их владений, но и занял сильную позицию по отношению к дворянству, поскольку имел значительный район под своим управлением и контролем.

А после Вестеросского риксдага король завершил редукацию епископских владений. Некоторые из них были пожалованы в лен дворянам-сподвижникам короля: Туре Эрикссону Бьельке; Хольгеру Карлссону (Гере), Педеру Кнутссону (Суупу)⁴⁵. Поддержка дворянства потребовала и определенных жертв со стороны монарха. Как выражение этой необходимости последовал ряд крупных пожалований из числа коронных земель. Результатом явилось их новое значительное сокращение.

оспаривались у церкви светскими властями в каждом конкретном случае отдельно. Такой, вполне традиционной, явилась редукация Грипсхольмского замка, осуществленная Густавом Васой.

⁴¹ *Hammarström I. Op. cit. S. 199. Cp.: GIR I. S. 171; GIR II. S. 109; 114; 189; GIR III. S. 159.*

⁴² *Hammarström I. Op. cit. S. 199—200.*

⁴³ *Ibid. S. 200—202. Cp.: Forsell H. Sveriges inre historia från Gustav den förste. Stockholm, 1869. D. 1. S. 31—34.*

⁴⁴ *Ibid. S. 34—39.*

⁴⁵ *Hammarström I. Op. cit. S. 202—203. Cp.: Forsell H. Op. cit. S. 39—43; GIR IV. S. 264—268, 284, 436.*

Но при этом государь стремился не только поставить ленников, независимо от характера держания, под больший контроль со стороны короны, чем то было во времена унии, но и связать прочными обязательствами, заставить служить монарху. Так отчасти стиралась грань между тягловыми землями и ленами, между фогдами и дворянами-ленниками. Эта политика еще более способствовала централизации управления⁴⁶.

В Финляндии, как и в метрополии, наступление Густава Васы на церковную собственность и привилегии духовенства началось еще до Вестеросского риксдага⁴⁷. Так, в 1526 г. король дал добро канонику в Або Педеру (Петрусу) Сэркилаксу (первому евангелическому проповеднику в Финляндии) на владение земельными угодьями, пожертвованными его теткой монастырю Нодендаль. В письме указано: Сэркилакс жаловался, что земли не возделываются и пришли в запустение; король разрешил канонику «занять их вновь, возделывать и содержать по праву наследия»⁴⁸. Но, конечно, людей, пожелавших отобрать или дешево выкупить церковные земли, стало гораздо больше после Вестеросского риксдага 1527 г. Особенно много владений было секуляризовано в 1530 г., когда Густав Васа посетил Финляндию⁴⁹.

Коренные изменения затронули не только аграрный сектор, но и города, особенно, конечно, Стокгольм, в котором рано была введена шведская месса — еще до публикации канона мессы, созданного Олаусом Петри. В 1529 г. в городе отменили мессу на латыни. Вопрос о ней обсуждался местным советом на закрытом заседании. Большинство родманов проголосовало за введение шведской мессы и отмену латинской⁵⁰.

Вполне в духе Реформации поступили в Стокгольме с нищенствующими монахами. В 1528 г. стокгольмские доминиканцы вынуждены были оставить обитель. Жители города и окрестностей перестали жертвовать им средства. Олаус Петри и Лаврентиус Андреэ, исполняя повеление Густава Васы, посетили монастырь. «И когда они туда прибыли, не было там ни муки, ни зерна, ни мяса, ни рыбы на месячное пропитание, а хлеба [вообще] не было, пива — на 14 дней или самое большее на 3 недели, денег на покупку [продовольствия] было у приора не более 1 марки...». Магистрат отказался взять обитель на содержание за счет города, и монахам «разре-

⁴⁶ Forsell H. Op. cit. S. 42 — 48.

⁴⁷ Finlands medeltidsrunkunder samlade och i tryck utgifna af Finlands statsarkiv genom Reinh. Hausen, VIII, 1519—1535. Helsingfors, 1935 (далее: FMU VIII). S. 212

⁴⁸ FMU VIII. S. 213.

⁴⁹ Ibid. S. 239, 280, 296, 304; 306—307; 312; 316; 321—322; 326. Подробно см. рукопись: Щеглов А.Д. Густав Ваза и начало Реформации в Швеции. Дисс. ... к.и.н. М., 1999. Ср: Klockars B. I Nådens dal. Klosterfolk och andra c. 1440—1590. Helsingfors, 1979. S. 178—179.

⁵⁰ SST 1524—1520. S. 272—273.

шили» ее покинуть. В тот же день по приказу короля изъяли ценную церковную утварь. Часть земельных владений монастыря была распродана, а сам он в 1547 г. закрыт и превращен в замок⁵¹.

Формально Вестеросские постановления о секуляризации действовали лишь в отношении дворян и не распространялись на бюргеров. Тем не менее, бюргеры, а в некоторых случаях, даже бонды активно участвовали в отчуждении церковной недвижимости. Как и дворяне, бюргеры и бонды получали эту недвижимость либо бесплатно, если она была подарена или завещана церкви, либо за компенсацию, если имущество продавалось или закладывалось. Так же, как и в аграрном секторе, секуляризация началась еще до Вестеросского риксдага (первые упоминания относятся к 1525—1526 гг.)⁵². Например, еще в 1525 г. некий кузнец-ножевик из Сёдерчёпинга отсудил половину дома, ранее принадлежавшую его тестю. Сын тестя был доминиканским монахом, и городской монастырь присвоил дом после смерти тестя. В том же 1525 г. процессы о недвижимости выиграл у церкви бонд, а также, по-видимому, некая госпожа Катерина. Попытку оспорить законность дарения дома в пользу церкви сделал в 1526 г. жестянщик, служивший королю. В Арбоге в 1525 г. была передана (возможно, продана) бургомистру усадьба, ранее пожертвованная монастырю одним из бюргеров.

После риксдага масштаб секуляризации значительно возрос. Первые свидетельства тому — записи в стокгольмской городской книге — относятся к 1527—1528 гг. Бюргерша Биргитта на основании вестеросской резолюции о безвозмездном отчуждении тягловой недвижимости получила обратно 2 дома, пожертвованные ранее францисканскому монастырю (один — отцом, другой — ею лично). Бюргерша Сесилия продала бюргеру Хансу Эрикссону земельный участок в пригороде Сёдермальм, ранее подаренный ее матерью церкви св. Иоанна и затем, соответственно, безвозмездно отчужденный. Бюргерша Анна купила у двух жителей области Хельсингланд по полдома в Вестеросе. Дом ранее отошел пребенде св. Дионисия, затем секуляризован, поделен пополам между наследниками, которые и продали Анне свои доли⁵³. Жилые дома, хозяйственные постройки, городские земельные участки отчуждались бюргерами у монастырей, кафедральных соборов, приходских церквей. Нередко за получением церковных земель следовала их перепродажа.

В некоторых случаях церковь продавала владения не по принуждению, а по необходимости — для уплаты долга, для пополнения церков-

⁵¹ SST 1524—1529. S. 250—251.

⁵² См.: SST 1524—1529. S. 25; 44; 52—53; 72; 146; AST III, 1493—1533. S. 347.

⁵³ SST 1524—1529. S.180—181; 155; 171—172. Подробно об отчуждении церковной недвижимости см.: Щеглов А.Д. Бюргерская редукция церковных земель в Швеции в XVI в. // СВ. М., 2000. Вып. 61. С. 113—128.

ной или монастырской казны, для покрытия текущих расходов. Кроме того, недвижимость выставлялась на торги в связи с закрытием обителей. При такой добровольной продаже покупателями были и корона, и дворяне, но особенную активность по скупке церковной недвижимости и угодий развили бюргеры⁵⁴. Во множестве случаев бюргеры, в первую очередь патрициат, за наличные или путем обмена получали редуцированные владения от короны, к которой те перешли на основании Вестеросского рецесса и Ордонансов⁵⁵.

В городах, как и в аграрном секторе, секуляризация собственности дала Густаву Васе возможность не только обогатить корону, но и наградить верных людей — в том числе бюргеров. Такие поощрения начались уже в 1527 г⁵⁶. Дарственными грамотами на редуцированную недвижимость и земли богата «Регистратура» Густава I. Предметами дарения являлись каменные дома и земельные участки в Стокгольме, Уппсале, Сёдерчёпинге, Линчёпинге, Вестеросе, Скаре, Бурго, Нючёпинге, Стренгнесе, Вадстене, Кальмаре, Або⁵⁷. Иногда оговаривались условия: в полную собственность, с освобождением от налогов на определенный период, с условием уплаты земельной подати и налога на недвижимость. Среди адресатов дарений часто фигурирует городской патрициат — бургомистры и родманы.

Во многих шведских и финских городах Густав Васа разрешил использовать монастырские строения на общие нужды. Руководство городов само проявляло интерес к монастырским постройкам. Вместе с тем в стокгольмских городских книгах зафиксированы меры по ремонту и переоснащению церквей, осуществленные на средства города, а также шаги по улучшению материального положения отдельных священников.

Так, активно сотрудничая с короной, шведское бюргерство (прежде всего, его верхушка) участвовало в Реформации и редукции церковных владений. Реформационная активность бюргеров в Швеции была, однако, ниже, чем во многих городах Германии или Швейцарии. Здесь, на севере Европы, наблюдались лишь отдельные проявления того, что можно назвать «бюргерской Реформацией» — и то, в основном, в Стокгольме. Но, тем не менее, бюргерство и здесь выступило в качестве социальной базы «королевской Реформации», проявило интерес к ее материальным результатам. В этом отношении его роль оказалась типичной для тех регионов Западной Европы, в которых Реформация добилась успехов.

⁵⁴ SST 1524—1529. S. 139, 72, 251, 290—291; JST 1456—1548. S. 133.

⁵⁵ SST 1524—1529. S. 150, 228, 256, 289, 225—226; GIR VIII. S. 48—49; GIR VII. S. 49—50; GIR VII. S. 84, 190; GIR IX. S. 309—310; GIR XI. S. 200; GIR VIII. S. 245; GIR VIII. S. 342; GIR XVI. S. 286; GIR XVII. S. 26.

⁵⁶ SST 1524—1529. S. 184.

⁵⁷ GIR VIII. S. 47, 123, 152, 165, 342; GIR XIV. S. 46; GIR XV. S. 374; GIR XVII. S. 354, 473, 487; GIR XVIII. S. 25, 26, 30, 127; GIR XVIII. S. 37, 21, 305, 318.

Глава VI

Восстание
вестъетских
ГОСПОД

§ 1. Освещение восстания в хронике Педера Сварта

Несмотря на компромиссы, преобразования вновь разделили шведское общество на сторонников и противников реформ. Как и до риксдага, наиболее непримиримые оппозиционеры попытались прибегнуть к вооруженной борьбе. Первым мощным выступлением против реформационной политики короля после 1527 г. стало т.н. «восстание вестгётских господ», охватившее значительную часть нижней Швеции. Оно явилось реакцией на Вестеросский риксдаг, протестом против реализации его постановлений.

Важным — хотя, конечно, тенденциозным — источником по истории восстания справедливо считается хроника Педера Сварта. События там излагаются следующим образом. В 1528 г. король лично направил в каждый шведский кафедральный собор по «доброму и достойному проповеднику», предписав епископам и соборным капитулам хорошо обеспечить их и взять под покровительство. Но в Скарском диоцезе, территорией которого явился Вестергётланд, новый проповедник, прибывший из Упланда, чудом спасся от расправы. Еще один проповедник-реформатор тоже едва унес ноги; местные прихожане бросали в него камни и топоры. Расправа была подстроена вестгётскими фрельсисманами — Туре Йенссоном, Монсом Брюнтессоном, епископом Монсом (Магнусом), Туре Эрикссоном и Нильсом Ульссоном. Главный зачинщик заговора — Туре Йенссон. Заговорщики связали себя круговой порукой, поклявшись изгнать короля Густава, либо вместе умереть. Туре Йенссон написал письма в Упланд своим трем сыновьям, потребовав, чтобы те присоединились к восстанию. Двое — Юхан Турессон и Ларенс Турессон, даже не распечатав послания, немедленно доставили их королю, заявив о своей верности и готовности к разрыву с отцом. Третий же сын, настоятель Упсальского кафедрального собора Йеран Турессон созвал вооруженную конную свиту, собрал ватагу крестьянских парней, вооружил их на манер ландскнехтов и увел все это войско, числом до 100 человек, в лес, где разбил потайной укрепленный лагерь. Густаву I все это было известно, но он только смеялся над потугами мятежного прелата. А тот переждал зиму и весной объехал северо-восточное побережье Швеции, подбивая народ против короля и притесняя священников, которые проповедовали Святое Евангелие. Во время этой поездки мятежники взяли под стражу королевского фогда со свитой. Тогда возмущенный священник одного из сельских приходов по собственной воле собрал из прихожан отряд, повел его на Йерана Турессона, освободил фогда и свиту, взял под стражу мятежников и их предводителя. Тот некоторое время содержался под почетным арестом, а затем был отпущен.

В Свеаланде мятеж на том и закончился. На юге Швеции дело обстояло иначе. Вестъётские господа во главе с Туре Йенссоном также решили переждать зиму, а весной поднять крупное восстание. Вследствие агитации со стороны вестъётских господ начались массовые волнения в соседней с Вестеръётландом области Смоланд. Предводителем восставших смоландцев стал бургомистр Йенчёпинга Нильс Арвидссон. Повстанцы захватили сестру Густава I Маргарету — жену тогдашнего королевского сподвижника, графа Юхана Хойского, и содержали ее под стражей. Королю с большим трудом удалось ее вызволить.

Вестъётские господа начали агитацию. Далекарлийцам они направили послание, где хулили учение Лютера, призывали изгнать Густава I, сообщали, что намерены избрать другого государя. Схожие письма мятежники выслали своим упландским союзникам. Но эти тексты попали в руки королю.

Заговорщики всюду вели военные приготовления. В лесистой местности Тивед (близ старинной дороги, соединявшей Свеаланд и Ётланд) они укрыли отряд в 1000 человек под предводительством приходского священника герра Нильса. Туре Йенссон заявил, что намерен провозгласить королем молодого фрельсисмана Монса Брюнтессона. Остальные повстанцы поддержали этот выбор и уже начали оказывать избраннику королевские почести.

Чтобы всенародно провозгласить нового монарха и огласить свои намерения, мятежники-фрельсисманы созвали всеобщее областное собрание — ландстинг — на пустоши Ларв, старинном месте вестъётских народных сходов. Туре Йенссон объявил прибывшим представителям народа, что Густав Васа отпал от христианства и стал «лоттером», т.е. лютеранином. Поэтому теперь не нужно хранить верность королю и блюсти принесенные ему клятвы. Ведь известно: добрые вестъёты не хотят быть «лоттерами», не станут вероотступниками. Они держатся доброй древней веры отцов, покорны папе, кардиналам и епископам. Епископ Магнус в свою очередь добавил: понтифик имеет право освободить шведов от присяги королю Густаву. Епископ позаботится, чтобы все это устроилось. Туре Йенссон, снова взяв слово, призвал собравшихся сообща поклясться, что они не желают видеть Густава I своим королем. Затем они услышат имя нового избранника.

С ответным словом от имени жителей Вестеръётланда выступили два молодых участника собрания. Они заявили: король Густав не чинил народу никакого произвола. Напротив, творил только добро, изгнал врагов и угнетателей, восстановил мир, спокойствие, право, законные налоги и повинности. «А что вы, добрые господа, говорите насчет новой веры — о том мы вообще не можем судить, ибо ничего в этом не понимаем». Возможно, слухи расходятся с делом. А смена короля тяжким бременем ляжет на плечи народа. Нет ничего лучше, чем бессменное правление, —

продолжает источник «Поэтому уместнее всего сохранить верность нашему королю Густаву, которую мы так часто клялись блюсти».

Собравшиеся так и поступили: подняли руки и поклялись хранить верность королю. «Тогда, — пишет Сварт, — словно туча омрачила лица господ». Реакция вестъетов явилась для них полной неожиданностью. Чтобы выиграть время и обезопасить себя от возможного людского гнева, они назначили новый ландстинг через две недели: на немде они присоединятся к народу и присягнут на верность королю.

На самом же деле двое из зачинщиков — Туре Йенссон и епископ Магнус — вскоре бежали из Швеции. Трое других от страха «дрожали как зайцы». Наконец, они решились написать королю, свалив вину на беглецов и прося об охранной грамоте, — дабы предстать пред государем и держать ответ за свои деяния. Раскаявшиеся мятежники были уверены: Густав Васа не располагает компрометирующими документами. Однако благодаря изобретательности, самоотверженности и удаче королевского шпиона (стокгольмского городского служащего, уроженца Вестеръетланда) подлинники этих документов попали к королю.

17 июня 1529 г. в Стренгнесе дворяне-мятежники предстали пред судом короля и риксрода. Герр Монс Брюнтессон, выступив на суде, свалил вину на Туре Йенссона. Для всего Вестеръетланда этот магнат был все равно что отец. Не смея перечить, фрельсисманы съехались на собрание, которые он созвал. Слушая его непростойные гневные речи, приписывали их старческому слабоумию; шутки ради иногда поддакивали. Но в сговор с изменником не вступали. Доказать их виновность невозможно.

Члены риксрода предупредили подсудимых: отрицая вину начисто, они утяжелят свою участь, если хотя бы часть обвинений будет доказана. Король спросил мятежников, какую кару они согласны нести, если им будут предъявлены доказательства. Те ответили, что готовы, согласно закону, подвергнуться колесованию и лишиться головы. Государь еще дважды предложил мятежникам чистосердечно раскаяться, но оба раза получил отказ. Тогда были обнародованы грамоты с подписями и печатями, свидетельствовавшие о причастности обвиняемых к заговору. Те бросились просить о помиловании, но было поздно. Амнистию (на условиях штрафа) получил лишь герр Туре Эрикссон. Двое других подсудимых — герр Монс и герр Нильс — были приговорены к колесованию. Молодой предводитель восстания — герр Монс, отчаянно борясь за жизнь, попытался бежать из-под стражи, прыгнул в окно с большой высоты, сломал ногу и все же ползком выбрался за пределы города. На другой день его нашли ползущим во ржи, схватили, доставили в Стокгольм и подвергли колесованию¹.

¹ Swart. 1912. S. 122—137; Swart. 1964. S. 151—167.

Итак, Педер Сварт изобразил восстание 1529 г. как мятеж представителей вестгётского фрельсе. Смоландцы выступили против короля, откликнувшись на их агитацию. Жители Вестергётланда вообще не поддержали мятежников, сохранив верность государю.

§ 2. Ход восстания, требования повстанцев и действия короля по данным документальных источников

Довольно многочисленные документальные источники по истории восстания отчасти подтверждают рассказ Сварта, но содержат важные дополнения и уточнения.

«Восстание вестгётских господ» состоялось весной 1529 г. Первые документы, относящиеся к его истории, датированы началом апреля. Но еще в конце марта вождь повстанцев Монс Брюнтессон именовал себя «избранный хёвитсман супротив тирана и изменника — короля Густава»². Восстание, как то подтверждает и Сварт, началось в Смоланде. 4 апреля бургомистры, магистрат и горожане Йенчёпинга, а также жители восьми сотенных округов Смоланда обратились с воззванием к соседям — бюргерам Линчёпинга, Вадстены, Шеннинге и других эстгётских городов, а также ко всем людям Эстергётланда. В письме говорилось: Швеция страдает от «нехристианского правления» и «лютеровой ереси». «Мы все обречены на гибель, если не предотвратим того, что случилось в Упланде и по всему королевству»: приходят в запустение монастыри, изымается церковная утварь. Кое-где монастыри вообще разрушены, разобраны на кирпич; образа и другие живописные изображения вывезены. Что удалось уберечь от злодея — короля Кристиана, то разграбил такой же злодей — король Густав. Вдобавок он надругался над таинствами и добрыми древними христианскими обычаями, полезными и спасительными для каждой христианской души. Доказательство тому — книги о таинствах, которые этой зимой были опубликованы по воле короля³. А какими тяжкими и незаконными поборами он обложил жителей страны, каких жестоких фогдов поставил над бедными простыми людьми — то эстгёты и сами хорошо знают. Он изгнал епископов, прелатов, монахов и священников, которым надлежит учить нас и укреплять в вере. Взамен он повсеместно, и в городах, и в сельской округе назначил приходскими настоятелями еретиков и беглых мона-

² *Norborg L.-A. Västgötaherrarnas uppror. S. 248.*

³ Сочинения Олауса Петри, а также, вероятно, резолюция собора в Эребру, тоже опубликованная в королевской типографии.

хов. Те проповедуют лжеучение; упразднили все, что надлежит совершать при богослужении. Поэтому смоландцы отреклись от верности королю и намерены наносить ему всяческий вред. Ждать им от такого правителя нечего. Смоландцам известно, что так поступили и жители Вестеръётланда. Если эстьёты не последуют этому примеру, то простые люди со всего Смоланда сами явятся их проведать (т.е. очевидно, силой заставят присоединиться к восстанию). Эстьёты должны поступить так же, как смоландцы, убившие нюдальского фогда Готфрида Суре, его слуг и многих других людей, изымавших церковную утварь из Нюдальского монастыря и «творивших другое зло». Ответ от каждого из эстьетских городов должен быть предоставлен в течение 8 дней⁴.

8 апреля аналогичная прокламация была направлена вестъетским фрельсисманам — Туре Йенссону, Туре Эрикссону, Монсу Брюнтессону. Смоландцы известили, что собрались и сообща обсудили «нехристианское правление» короля Густава, который ввел в стране лжеучение, привел в запустение монастыри, разграбил утварь, сместил духовенство, которое борется с лютеровой ересью. Говорят, король ест мясо в Великий пост и склоняет к тому других; повелел, чтобы месса совершалась на шведском языке; упразднил душеспасительные церковные обряды. «Так мы скоро превратимся в язычников, будем обречены на погибель». Король неоднократно налагал «огромные налоги и незаконные поборы», утверждая, что собранные средства идут на оплату государственного долга. А проезжие немецкие купцы уверяют: долг до сих пор не уплачен. Вдобавок, фогды короля и сами облагают население незаконными поборами. Людям ничего не остается для собственных нужд. В связи с этим смоландцы решили расторгнуть присягу королю и чинить ему урон. От имени всех жителей Швеции они призывают вестъетских господ возглавить восстание: «вы — наша земная голова, а мы — ваши члены». Господа должны покарать короля Густава и его лютеранских сподвижников. Если вестъетские господа откажутся так поступить, смоландские повстанцы найдут других вождей, соберут огромное войско и с помощью Бога, Девы Марии и всех святых покровителей Швеции покарают тех, кто творит произвол⁵.

Поскольку, повторим, Монс Брюнтессон еще в марте именовал себя вождем повстанцев, очевидно, что приведенное обращение смоландцев — своего рода фарс. Дворяне — лидеры оппозиции — стремились представить восстание актом исключительно народной воли. В соответствии с традицией средневековых народных движений, восстание началось с жестокой и символической акции протеста — расправы над

⁴ GIR VI. S. 356—358.

⁵ Ibid. S. 358—359.

королевским фогдом-притеснителем. В данном случае — притеснителем церкви⁶.

Неудивительно, что спустя несколько дней смоландцы получили от вестрьётских господ благоприятный ответ. Фрельсисманы во главе с Туре Йенссоном и епископом Магнусом тщательно обсудили изложенные в письме «пороки» и пообещали смоландцам поддержку. Для дальнейшего обсуждения и принятия мер они решили созвать в Вестеръётланде собрание фрельсисманов, бюргеров торговых городов и представителей народа⁷.

В первые дни восстания король был явно застигнут врасплох и не вполне контролировал ситуацию. Перед ним встала трудная задача: освободить сестру — заложницу повстанцев, усмирить движение, избежав кровопролития, раскола страны и иноземного вмешательства.

Густав Васа начал действовать с присущей ему решимостью. 6 апреля он предписал клирикам, горожанам и простым людям Эстеръётланда употребить все усилия на то, чтобы усмирить мятеж соседей-смоландцев без пролития крови и вызволить сестру короля. Густав I не знает, по каким причинам схвачена Маргарета и убит королевский фогд. Лично он не давал к тому повода. Свои действия, — подчеркивается в источнике, — он всегда согласовывал с делегатами со всего королевства, а также с риксродом. Известные меры в отношении епископов, монахов и монастырей государь принял не ради собственного могущества, а во благо Швеции. За этот мир он в свое время боролся, освобождая Швецию от Кристиана II и его сторонников. Притом неоднократно просил подданных избрать другого монарха⁸.

11 апреля король известил марска Ларса Сиггесона, что мятежники арестовали Маргарету и королевского секретаря Ульфа Писца (Вульфа Гюлера), а также убили фогда Готтфрида Суре. Густав уже располагал копией прокламации смоландцев, адресованной жителям Эстеръётланда. Ее текст он приложил к письму. Король просил поскорее дать совет: что предпринять, дабы успокоить волнения?⁹

14 апреля Густав Васа направил новое послание жителям Эстеръётланда. Оно отчасти повторяло предыдущие, но являлось более объемным, проработанным, уверенным по тону. В письме сообщалось: смоландские простолюдины из окрестностей Йенчёпинга, совместно с йенчёпингскими бюргерами, подняли восстание против государя, убили королевского фогда и его свиту. Они захватили сестру монарха и людей из ее сопровождения, держат их под стражей в Йенчёпинге. Мятежники, и в их числе бургомистр Йен-

⁶ Кроме того, смоландские повстанцы сожгли усадьбу другого королевского фогда, а еще одного фогда, по-видимому, также намеревались убить. См.: *Norborg L.-A.* Op. cit. S. 257; *Kjöllerström S. Västgötaherrarnas uppror.* S. 4.

⁷ GIR VI. S. 360—361.

⁸ Ibid. S. 27—29.

⁹ Ibid. S. 29.

чёпинга Нильс Арвидссон, хотя и вовлечь в восстание еще больше людей, рассылая лживые послания с письменными разъяснениями. Король изумлен, что подданные, начавшие мятеж, так легко и скоро забыли, сколько бедствий Швеция претерпела от междоусобиц. Теперь они с удивительной легкостью начали новую внутреннюю смуту. Этим воспользуются король Кристиан и его союзники, которые не замедлят вторгнуться в королевство. Бог — свидетель, что король Густав не подавал повода для восстания. Все нововведения, в том числе касающиеся епископов, монастырей и монахов, приняты с совета риксрода и полномочных представителей народа Швеции. Адресаты письма, очевидно, сами хорошо знают, какая опасность исходила в былые времена от епископов. Король просит эстьетов приложить все усилия, чтобы мятеж не перерос во всеобщую усобицу, от которой более всего пострадают они сами. «Мы все — шведы, единый народ: нет нужды убивать и грабить друг друга». Монарх вновь готов выслушать претензии в свой адрес. Как и на предыдущих собраниях народных представителей, он вполне согласен мирно, без кровопролития отречься от трона, если риксрод и народ выберут лучшего правителя. Потому нет нужды поднимать восстание, если добрые люди недовольны королем или его нововведениями. А если добрые люди считают новые проповеди и другие евангельские новшества нехристианскими и вредными, дело можно поправить иными средствами, нежели внутренняя смута и кровопролитие¹⁰. Верному служилому человеку Йенсу Ларссону король предписал объяснять мятежным смоландцам, к каким плачевным последствиям приводят восстания¹¹. Можно предположить, что подобные предписания получили также другие служилые люди и должностные лица.

Одновременно король прилагал усилия, чтобы ослабить напряжение, по возможности замаять происшествие и освободить сестру. Линчёпингскому капитулу он миролюбиво объяснил: вполне может быть, что фогда Готтфрида Суре убили за дело. Но провинности фогда — не повод, чтобы поднимать восстание: надо произвести расследование и исправить положение мирным путем. Также возможно, что сестру короля взяли под стражу не по злему умыслу. Наверное, позаботились о ее безопасности, поверив безосновательным слухам, что против короля восстал весь Упланд, а Стокгольм осажден. В таком случае государь надеется, что члены капитула напишут письмо виновникам происшествия, дабы Маргарету и ее спутников выпустили из-под охраны¹². Схожее послание Густав Васа направил бюргерам Йенчёпинга, поблагодарив их за заботу о сестре¹³.

¹⁰ GIR VI. S. 30—33.

¹¹ Ibid. S. 33—34.

¹² Ibid. S. 38.

¹³ Ibid. S. 41—42.

Вторая половина апреля 1529 г. стала для Густава I и его союзников временем интенсивной пропаганды и активных переговоров с повстанцами. Фрельсисманов и фогдов Упшланда король созвал в Стокгольм на секретное совещание, дабы совместно выработать меры по усмирению восстания¹⁴. В течение нескольких дней — с 16 по 25 апреля — король, очевидно, при содействии своих сподвижников, создал несколько новых посланий поданным Швеции. Два из них — пространные письма к жителям всего королевства и к населению медно-рудного района (Коппарберга)¹⁵ — повторяли пункты, ранее адресованные повстанцам. Основная мысль сводилась к тому, что король не давал повод для мятежа, а спорные вопросы нужно решить мирным путем, без кровопролития и внутренних усобиц¹⁶. Лояльным далекарлийским дворянам король предписал комментировать данные послания, разъясняя жителям области позицию монарха. Это необходимо, чтобы предотвратить волнения. Кроме того, нужно, чтобы далекарлийцы написали вестьетским и смоландским мятежникам письмо, формуляр которого прилагался. Такие усилия направлены на то, чтобы выволить сестру монарха из плена. Если дворяне — адресаты письма — помогут в этом, государь, — как следует из источника, — не останется в долгу¹⁷.

Письма к жителям мятежного Смоланда на сей раз отличались краткостью и конкретностью. Если убитый фогд превысил полномочия и творил произвол, дело нужно расследовать и вынести постановление. Отдельные злоупотребления не могут служить поводом для восстания, ведущего к ущербу для многих людей. Мятеж следует прекратить, принимая во внимание, что в прошлом такие волнения неизменно влекли за собой большой вред. Король обещает проявить мягкость: Густав печется о спокойствии и благе королевства, готов пожертвовать жизнью ради подданных. Он также обещает, что в Швеции будут блюстись древние добрые законы и обычаи этой страны¹⁸.

Еще в начале восстания Густав Васа догадывался: недовольство повстанцев отчасти обусловлено экономической политикой короля и его администрации. В связи с этим он неоднократно обещал жителям различных местностей устранить налоговые злоупотребления¹⁹. К середине апреля король установил (или предположил), что одна из предпосылок восстания — строгий запрет на сельскую торговлю — ландсчеп. В письме к бюргерам Кальмара — крупного нижнешведского торгового города-порта — Густав Васа

¹⁴ GIR VI. S. 39.

¹⁵ И, очевидно, другие подобные послания жителям областей, не охваченных восстанием.

¹⁶ Ibid. S. 44—48.

¹⁷ Ibid. S. 61—62.

¹⁸ Ibid. S. 40—42.

¹⁹ Ibid. S. 29, 55. Ср.: *Svalenius I. Gustav Vasa*. S. 127.

указал: запрет следует смягчить. От слишком строгого запрета страдают бедные бюргеры и сельские простолюдины, которые не могут добыть свежее пропитание. А соленая пища им недоступна из-за нехватки соли. Отныне король, ради блага подданных, разрешает ландсчеп в той степени, в какой эта торговля дает возможность людям добывать свежую пищу. Попутно государь дозволил оставить в городе местный монастырь — очевидно, также для того, чтобы успокоить население близлежащих регионов²⁰.

Но активность проявили и мятежники. Они подготовили и провели ландстинг на пустоши Ларв — тот самый, который так красочно описал Педер Сварт. Результаты оказались не столь благоприятными для короля, как то описал хронист²¹. 20 апреля в письме к смоляндцам «вестьетские господа» и другие участники вестьетского ландстинга подтвердили: король Густав попрал присягу; пошел против Бога; привел в запустение церкви и монастыри; разграбил утварь; утверждал, что Дева Мария ничем не лучше обычных грешных женщин; изгнал епископов, прелатов, монахов и монахинь, которым надлежит совершать богослужение; принудил монахов и монахинь вступать в брак; некоторых монахинь довел до откровенного блуда. И сотворил еще много подобных вещей, вопреки всем древним христианским обычаям. Поэтому вестьеты сообща расторгли присягу верности королю и поклялись положить конец его «нехристианскому правлению». Они направили гонцов во все области Швеции, дабы призвать их жителей присоединиться к восстанию²².

Неясно, насколько участники собрания были единодушны. Вполне возможно, что Сварт отчасти прав, и что некоторые из них сохранили верность монарху. Но, так или иначе, восстание распространилось, помимо Смоланда, на Вестеръетланд, что признал и сам король²³. Более того, 29 апреля в письме к свояку, графу Юхану Хойскому Густав I сообщил: восстание приняло большой размах, охватило значительную территорию. В полной мере можно положиться только на Стокгольм и упландское фрельсе²⁴.

В этой трудной ситуации монарх продолжал действовать последовательно и рационально. Во-первых, он принял решение, «если потребуется, взять в руки меч»²⁵. Фогдам северных областей — Хельсингганда и Йестрикганда — приказал проявлять бдительность, не допускать волнений;²⁶ послал порох и орудийные заряды в Вестеросский замок (несомненно, на

²⁰ GIR VI. S. 42—43.

²¹ Ср.: *Norborg L.-A. Västgötaherrarnas uppror. S. 254—255 ff.*

²² GIR VI. S. 361—362.

²³ *Ibid.* S. 50. Ср.: *Ibid.* S. 56—57, 59—62, 67, 74, 77—85.

²⁴ *Ibid.* S. 68.

²⁵ *Ibid.* S. 69.

²⁶ *Ibid.* S. 65.

случай, если восстание охватит области Даларна и Вестманланд)²⁷; графу Юхану Хойскому поручил прислать из Финляндии воинов, лошадей и оружие, а также вербовать в Лифляндии наемников в подкрепление королю²⁸. Во-вторых, монарх вновь активизировал пропаганду — особенно в отношении далекарлийцев. Густав I объяснил им: вождь восстания неизвестен. Но кто бы он ни был — это верный человек Кристиана II, желающий восстановить в Швеции власть датского короля²⁹. Пропаганда имела успех. Далекарлийцы, не любившие датчан и вообще иноземцев, отказались поддерживать нижнешведских повстанцев, потребовали, чтобы те прекратили мятеж, освободили сестру государя и других пленников³⁰. Простые люди Эстерьётланда и Упланда также пообещали не присоединяться к восстанию³¹ — хотя, судя по отдельным упоминаниям, восстание частично распространилось и на Эстерьётланд³². В-третьих, король пообещал жителям шведских регионов различные экономические послабления и опроверг слухи о готовящемся введении подушного налога серебром со всех крестьян страны³³. В-четвертых, Густав Васа создал из представителей политической и духовной элиты авторитетную комиссию во главе с эстьетским аристократом Хольгером Карлссоном³⁴, уполномочив ее вести переговоры с восставшими. Эта комиссия в свою очередь учредила для непосредственных переговоров с повстанцами другую комиссию, рангом ниже — из клириков Линчёпингского кафедрального собора, родманов и бургомистров эстьетских городов, а также бондов от разных местностей Эстерьётланда. Таким образом, между монархом и мятежниками оказалась целая иерархия посредников. При этом парламентарями выступили люди из народа или отчасти близкие к нему — к тому же жители соседней области.

От имени короля переговорщики гарантировали мятежникам полную амнистию, если выступления в Эстерьётланде, Смоланде и Вестерьётланде прекратятся без кровопролития. Повстанцам пообещали: в Швеции будут блюстись «добрые древние христианские обычаи», а

²⁷ GIR VI. S. 66.

²⁸ Ibid. S. 69.

²⁹ Ibid. S. 54—55. Это же утверждение содержалось в посланиях к жителям других шведских областей. См.: Ibid. S. 58, 75.

³⁰ Ibid. S. 362—363. Ср.: Ibid. S. 355—356.

³¹ Ibid. S. 69. Ср.: Ibid. S. 363—364.

³² Ibid. S. 365—366.

³³ Ibid. S. 56—57.

³⁴ Другие члены комиссии также имели тесные связи с Эстерьётландом. Монс Юханссон (из рода Натт-о-Даг), так же, как и Хольгер Карлссон, был эстьетским аристократом. Фогд стокгольмского замка Гудмунд Перссон ранее служил на административном посту в Эстерьётланде, а стокгольмский бургомистр Андерс Симонссон являлся уроженцем этой области. См.: *Norborg L.-A. "Västgötaherrarnas uppgrö"*. S. 242—243.

«лютерова ересь» и сопровождающие ее «дурные обычаи» искоренены. Парламентеры попросят монарха утвердить данные обязательства и скрепить соответствующий акт королевской печатью. Повстанцы обязались — в случае соблюдения перечисленных положений — хранить верность короне. Если же условия не будут исполнены, они оставляют за собой право на месть и вражду с королем (т.е. на продолжение борьбы или новое восстание)³⁵.

Члены другой, более высокой комиссии также отчитались перед королем. Рядовые повстанцы пока еще не могут дать королю окончательный ответ. Им нужно посоветоваться с Туре Йенссоном и другими вестъетскими господами. Выяснилось, что указанные лица — вожди восстания³⁶: это видно из письма, с копией которого король может ознакомиться. Герр Туре и другие вестъетские мятежники намерены провести собрание и пригласить на него членов королевской комиссии. Повстанцы, похоже, становятся более сговорчивы; есть надежда, что сестра Его Милости будет отпущена. Если в распоряжение короля готово поступить вооруженное подкрепление из Финляндии, то целесообразно провести новый риксдаг — в Вестеросе или Сёдерчёпинге, дабы обсудить и разрешить создавшиеся трудности. Авторы письма также надеются, что король не прогневаётся, если они сообщат, на кого больше всего жалуется народ. Это местер Ларс, местер Улоф и другие поборники евангелического учения. И, похоже, главный виновник народного гнева — местер Ларс; он, в частности, первым подал мысль об изъятии монастырского имущества. Он же повелел запереть монастыри, чтобы в них не служилась месса. Так, например, без ведома короля, случилось с монастырем в Шеннинге. Авторы письма советовали переложить всю вину на Лаврентиуса Андреэ, дабы ответственность нес он один³⁷.

Спустя несколько дней, 29 апреля, комиссия отправила королю новое письмо. Повстанцы требуют безоговорочной амнистии и соблюдения всех достигнутых договоренностей. Переговорщики поручились в этом. Если же государь не исполнит взятые обязательства, возможен раскол страны: мятежные области отпадут от шведской короны. Сестра Густава Васы освобождена и находится в безопасности. Посредники обращаются к монарху с ходатайством: простые люди просят сохранить древние христианские обычаи. Народ никогда по доброй воле не перейдет в новую веру. В нижней Швеции плохо отзываются о проповедях, которые имеют место в Упланде. Печатные сочинения шведских реформаторов народная молва приписывает королю. Посему все сообща просят мо-

³⁵ GIR VI. S. 364—366.

³⁶ Это было королю уже известно из других источников. См.: *Kjöllerström S. Op. cit.* S. 18.

³⁷ GIR VI. S. 366—368.

нарха соблюсти присягу и отречься от новой веры³⁸. С аналогичным ходатайством обратились жители еще одной области на юго-западе страны — Вермланда. Они отказали в поддержке Туре Йенссону, епископу Магнусу и другим вестъётским господам, заявили о лояльности королю, но просили вернуть в исходное состояние пришедшие в упадок церкви, монастыри, благотворительность и богослужение³⁹.

Густав Васа принял увещевания к сведению и на словах пообещал нерушимо соблюсти данные посредниками обязательства, не допускать в Швеции еретических учений и проповеди, блюсти добрые древние обычаи⁴⁰. Впрочем, король уже позволил себе заявить: у него достаточно сил, чтобы покарать мятеж и наказать виновных по закону. Он идет на уступки в порядке милости, заботясь о подданных⁴¹.

Эта позиция нашла выражение и в окончательном (6 мая) соглашении с повстанцами. В начале документа излагалась история переговоров и перечислялись обещания, данные посредниками от имени короля. Далее указывалось: король имеет достаточно сил и оснований, чтобы подавить бунт. Заботясь о подданных, вняв мольбам посредников и следуя примеру Христа, который был милостив к врагам и молился за них, государь явил милость и обещал исполнять данные обязательства⁴² — при условии, что все помилованные повстанцы, как благородные, так и простолюдины, как светского, так и духовного звания будут верны королю и приложат усилия, чтобы восстановить его доброе имя⁴³. В этом документе (в отличие от предварительного соглашения) ничего не говорилось о праве мятежников на новое восстание в случае, если монарх нарушит достигнутые договоренности. Обязательства короля в отношении религии были даны в новой, выгодной для него редакции. Густав Васа обещал не поддерживать и не вводить в Швеции какую-либо ересь, не позволять проповедь нехристианских учений, но держаться чистого Слова Божьего и добрых древних христианских обычаев — во всех пунктах, перечисленных в Вестеросском рецессе, который принят простыми людьми со всего королевства совместно с риксродом. Если проповедовалось что-то другое — это случилось без ведома короля и не по его воле. Если же имели место превышения того, что оговорено Вестеросским рецессом, государь вполне согласен, чтобы риксрод и народ расследовали их. Король даст добро на то, что полезно для страны⁴⁴.

³⁸ GIR VI. S. 370—372.

³⁹ Ibid. S. 373—374.

⁴⁰ Ibid. S. 79. Ср.: Ibid. S. 77.

⁴¹ Ibid. S. 76.

⁴² Ibid. S. 81—84.

⁴³ Ibid. S. 84—85.

⁴⁴ Ibid. S. 84.

Так смысл монарших обязательств в отношении религии был изменен практически на противоположный. Редактирование государем обязательств, даваемых оппозиционерам, встречалось в скандинавской истории и ранее, во времена Кальмарской унии⁴⁵. Но то были переговоры компетентных и опытных политиков. Там коса находила на камень: поправки вызывали протест противоположной стороны. В данном же случае король выиграл время, освободил сестру, добился выгодного соотношения сил и фактически обманул повстанцев.

На этом все было, в сущности, кончено. В течение мая крестьяне — рядовые участники мятежа — прекратили борьбу, уповая на амнистию, обещание расследовать и устранить хозяйственные злоупотребления и, конечно, надеясь на заявления о намерении следовать «древним христианским обычаям», под которыми король-демагог подразумевал отнюдь не то же самое, что повстанцы⁴⁶. Бюргеры Йенчёпинга, в соответствии с общей договоренностью, получили амнистию, принеся клятву верности королю и обязавшись содействовать восстановлению его доброго имени. Они также изъявили готовность блюсти постановления, которые король, риксрод и представители народа примут относительно судьбы Вестеросского рецесса. Кроме того, им было предписано сдать государю пушки и запасы пороха⁴⁷. Лидеры движения — вестъетские господа — разделились. Двое — Туре Йенссон и епископ Магнус — покинули страну, получив убежище в Дании. Густав Васа опасался, что эти оппозиционеры втянут Швецию в международный конфликт. Но члены датского Государственного совета оповестили шведского короля, что в Дании не замышляется ничего вредного для Швеции. Гарантии неприкосновенности даны Туре Йенссону и епископу Магнусу на общих основаниях⁴⁸.

Туре Йенссон и епископ Магнус ответили отказом на предложение Густава Васы возвратиться в Швецию на условиях общей амнистии. Они вернутся, только если из акта об амнистии будут исключены упоминания о Вестеросском рецессе. Кроме того, Туре Йенссон должен получить назад владения, доходы и лены, которые король отобрал после его отъезда. Беженцы, по их словам, содействовали подавлению мятежа в Смоланде⁴⁹. Сами же они не поднимали восстания. Они лишь получали при-

⁴⁵ См.: *Carlsson G. Kalmar recess 1483*. Stockholm, 1955 S. 9—11 ff; *Enemark P. Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad*. København, 1979. S. 86—87.

⁴⁶ GIR VI. S. 86—90, 92—95.

⁴⁷ Ibid. S. 107—108, 379—381.

⁴⁸ Ibid. S. 103—107, 381—382.

⁴⁹ Сохранился также формуляр письма, в котором эстъетские фрельсисманы заявляли, что не верят обвинениям в адрес вестъетских господ и просят их успокоить народные волнения. Король, говорилось в послании, готов мирно, без кровопролития отказаться от трона. Л.-А. Нурборг полагал, что письмо не было отправлено. Но заявления Туре Йенссона и епископа Магнуса позволяют пред-

звыи искоренить, с оружием в руках, лютерову ересь — коли нет иной возможности это сделать. Они не считают для себя возможным пойти против совести и обязаться блюсти какие-либо постановления, принятые против христианских норм и церковных законов. Не желают, в частности, участвовать в новой ратификации Вестеросского рецесса — тем более, как они слышали, в Шпейере собрались духовные и светские государи со всей Германии, дабы осудить лютерову ересь и покарать ее последователей. Авторы письма, как подданные, обязаны содействовать доброй репутации государя. Но король сам подрывает ее, покровительствуя лютеранским проповедникам и печатая их труды. Для монарха лучший способ восстановить свое доброе имя — это покарать людей, вовлекших его в лютерову ересь⁵⁰.

Остальные вожди восстания остались в Швеции, отказавшись от помилования на условиях общей амнистии и уповая на недостаточность доказательств. Судьбу их решил очередной риксдаг, состоявшийся в июне 1529 г. в Стренгнесе.

На риксдаге был оглашен официальный ответ Густава Васы на обвинения, выдвинутые в ходе восстания Туре Йенссоном и его союзниками. В ответе, в числе прочего, указывалось: король не вводил в Швеции еретические учения. Ему угодно, чтобы проповедалось только то, что завещал Господь — чистое Слово Божье, Евангелие. Но поскольку в Швеции и за ее пределами возникли разногласия касательно вероучения, государь позволял и будет позволять, чтобы ученые мужи со всего королевства сообща устанавливали истину. Монарха обвиняли, что он, ослабив могущество духовенства, попрал присягу⁵¹. Но ведь власть короля — от Бога. И ему надлежит крепить добро и карать зло: так сказано в Священном Писании. Именно с Писанием следует сверять королевскую клятву, а не наоборот. И поступая так — сверяясь со Священным Писанием, король рассуждает, что церковь, которой он должен покровительствовать, — это христиане, подданные Его Милости. Ведь церковь — сообщество христиан. На ограничение власти духовенства дали добро государственные советники и представители народа, собравшиеся в Вестеросе. Это и было подлинной заботой о церкви. Напротив, потворствовать клиру в его вредной деятельности — значит притеснять святую церковь. Король не изгонял епископов; они — уппсальский архиепископ Густав, линчёпинг-

положить, что просьба дошла до адресатов. Возможно, призывы и известия, содержащиеся в указанном письме сыграли важную роль, побудив вестьетских господ отказаться от вооруженной борьбы. См.: GIR VI. S. 363—364. Ср.: *Norborg L.-A. Västgötaherrarnas uppror. S. 241—245.*

⁵⁰ GIR VI. S. 388—390. Ср.: *Ibid. S. 95—97.*

⁵¹ Содержащееся в Ландслаге обязательство оказывать расположение духовенству и блюсти права церкви.

ский епископ Ханс, скарский епископ Магнус — сами себя изгнали, изменив родине и найдя пристанище у чужеземных правителей. И епископ Ханс, по-видимому, явился подстрекателем вестъетского восстания, автором письменных призывов к мятежу. Король изумлен тем, что вопрос об этих епископах связывают с вопросом о новом вероучении. Подобные столкновения государей с епископами происходили и раньше, при многих предшественниках Густава I, хотя ни о каком новом вероучении речь в те времена не шла. Очевидно, вопрос о вере — лишь предлог; истинная причина хулы монарха — жадность духовенства. Средства из церквей и монастырей изъяты с согласия риксрода и употреблены на военные нужды — для борьбы с королем Кристианом. Страна оказалась настолько разорена этим королем, что больше неоткуда было взять денег. Король Густав не изгонял монахов: многие из них сами покинули обители. Утварь из опустевших монастырей, действительно, изымалась. Но полученные таким образом средства пошли на уплату внешнего долга и на стипендии учащимся — чтобы укрепить в Швеции христианство. Монарх не приказал и не запретил совершать мессу на шведском языке: он разрешил это делать. Ведь сторонники такого богослужения готовы обосновать свои действия Словом Божьим — а над ним король не властен. Во многих других государствах произошло то же самое — и при этом латинская месса не отменена, а продолжает совершаться. Государь дозволяет только то, что основано на Писании. Он не принуждает кого бы то ни было к чтению новых книг и принятию нового учения: каждый имеет свободу выбора. От вкушения мяса в пост нет никакого вреда. Шведы к этому еще не привыкли, но в других странах, где люди более сведущи в Писании, это не в диковинку. А равно и в Риме, у папы, который запрещает есть скоромное. Там забивают скот в течение всего Великого поста. И король не совершил ничего противоправного в ходе коронации, не дав обычного обязательства покровительствовать церкви и ее служителям. Ведь церковь, как уже говорилось выше, — сообщество христиан; забота о подданных — это и есть забота о церкви⁵².

К ответам на обвинения прилагалось подробное изложение причин, по которым был принят Вестеросский рецесс. Многие аргументы звучали ранее в речах и письмах Густава Васы, некоторые являлись новыми. Король и его соратники охотно ссылались на исторические факты, на древнее право. Например, христианство существовало задолго до появления монастырей, и богослужение от отсутствия монашества не страдало, а только выигрывало. А по поводу светской власти епископов имеются древние постановления в «книгах папских законов». Там сказано, что епископам не следует обременять себя мирскими делами.

⁵² SRA I. S. 130—138.

Подробное обоснование получила резолюция об отчуждении церковных владений. Очевидно, что фрельсе ослабло: «где лет сто назад было 10 фрельсисманов, ныне лишь 4 или 5, что хорошо видно из древних регистров». Также заметно, что во многих шведских усадьбах, где ранее проживали фрельсисманы, теперь живут арендаторы — ландбу. Предки нынешних фрельсисманов по простоте душевной пожертвовали церкви множество владений, думая, что таким образом служат Богу. Но Господу подобная служба не нужна. Наоборот, Ему угодно, чтобы наследники получали то, что им причитается по праву. Кроме того, некоторые дарители отчуждали свои земли по злому умыслу, желая обделить наследников. Духовенство не только получало дарения. Пользуясь нуждой фрельсисманов, оно покупало у них земли, присваивало просроченную залоговую недвижимость. В результате фрельсе не может должным образом нести конную военную службу — тем более что снаряжение и вооружение по сравнению с древними временами подорожали вдвое. В старину уже принимались постановления, ограничивающие дарения в пользу церкви, но они не были соблюдены. «Поэтому ныне необходимо вернуть фрельсисманам часть их наследственной собственности. Что же касается тягловой земли, то ее следует возратить [короне] на основании шведских законов, где сказано, что доходы короны⁵³ не должны сокращаться».

Видное место в королевских аргументах заняло лютеровское учение о власти. Монарх утверждал: неверно, что Вестеросский рецесс — против Бога. Ведь Господь создал короля и рыцарей для «внешней власти», поддержания мира и спокойствия, равно как епископов и священников — для власти духовной. Господу не угодно, чтобы король и рыцари мешали епископам и священникам выполнять то, что Он им завещал — проповедовать Слово Божье. Ему не угодно, чтобы духовные лица препятствовали королю и рыцарям исполнять их обязанности. А епископы и священники создавали такие помехи, присваивая доходы короля и рыцарей — законное вознаграждение за их труды. Клирики должны исполнять свою службу: не «петь и читать», а проповедовать Слово Божье. Равно у короля и рыцарства — своя служба Богу: хранить мир и спокойствие. Предки неверно поступали, жертвуя владения служителям церкви: вредили службе, которую Бог заповедал, и содействовали службе, которую Он не заповедал. Соответственно, неправильно поступали и клирики, удерживая пожертвованные владения. Итак, возвращение владений рыцарям — дело богоугодное. Это позволит им поддерживать мир и спокойствие в королевстве, как то завещал Бог⁵⁴.

⁵³ В данном случае — регулярные налоги.

⁵⁴ SRA I. S. 138—144.

Основываясь на изложенных доводах, король потребовал суда над Туре Йенссоном и его сообщниками и заявил о необходимости обязательного и строгого соблюдения Вестеросского рецесса. Воля государя была исполнена. 21 июня риксрод заново ратифицировал Вестеросский рецесс⁵⁵. Спустя два дня суд, состоявший из дворян и бюргеров, приговорил лично присутствующих вождей восстания — Нильса Ульссона, Туре Эрикссона и Монса Брюнтессона — к смертной казни и конфискации собственности⁵⁶. Герр Нильс получил помилование в связи с заступничеством родни. Герр Туре и герр Монс подверглись казни. У покинувших страну Туре Йенссона и епископа Магнуса, в соответствии с постановлением того же суда, было конфисковано имущество. Закрепляя успех, король объехал мятежные области на юге страны. У местных жителей весть о готовящемся приезде монарха вызвало панику. Ждали, что победитель жестоко покарает виновных. Но Густав Васа, как и во многих других обстоятельствах, явил милость и практичность. Участники волнений заплатили крупные штрафы, поклялись хранить верность королю и блюсти Вестеросский рецесс.

§ 3. Историографическая дискуссия о «Восстании вестьетских господ»

Долгое время в историографии «Восстания вестьетских господ» доминировала концепция, созданная в 60-е гг. XIX в. историком А.Г. Альквистом и основанная на той интерпретации событий, которая содержится в хронике Педера Сварта⁵⁷. По Альквисту, восстание 1529 г. в Нижней Швеции было именно бунтом вестьетских господ — мятежом духовных и светских магнатов Вестеръетланда, сумевших спровоцировать кратковременные локальные волнения, но не нашедших отклика у широких народных масс. Во второй половине XX в. оценка данного восстания изменилась: шведские специалисты — Л.А. Нурборг и С. Чёллерстрём, уделив первоочередное внимание документальным источникам, показали: «Восстание вестьетских господ» явилось мощным народным выступлением, охватившим значительную часть нижней Швеции и оказавшимся крайне опасным для короля.

⁵⁵ SRA I. S. 145. Содержащееся в постановлении распоряжение по существу дела — “dispositio” — весьма сходно с заключительной частью комментария Лаврентиуса Петри к Вестеросскому рецессу.

⁵⁶ SRA I. S. 145—147.

⁵⁷ Ahlqvist A.G. Om oroligheterna i Småland och Vestergötland år 1529. Uppsala, 1863.

Но трактовка мятежа этими двумя историками все же несколько различалась. Л.-А. Нурборг отметил многогранность восстания, которое в значительной степени являлось народным, но в то же время возглавлялось элитой и носило региональный характер. Нурборг попытался объяснить это обстоятельство. Как известно, по условиям привилегий от 1523 г. Любек получил контроль над всей балтийской торговлей Швеции. Однако у Швеции, через порт Нью Лёдесе на юго-западе страны, имелся выход еще и к западному — североморскому побережью. Чтобы укрепить финансы, решить проблему снабжения страны жизненно важными продуктами — прежде всего, солью, а также ослабить народное недовольство, Густав Васа и его шведские союзники в середине 1520-х гг. стали развивать торговлю с Нидерландами. Но, по традиции, внешняя торговля Шведского королевства осуществлялась преимущественно через восточное (балтийское) побережье, особенно через Стокгольм — главный город-экспортер страны. Выяснилось, что транспортировка шведских экспортных товаров из Стокгольма на юго-запад в несколько раз повысит их стоимость. Для нидерландских партнеров это было неприемлемо. В связи с чем в Швеции сформировались две своеобразных партии. Одна, пронидерландская, выступала за торговлю с Нидерландами через балтийские гавани Шведского королевства — Стокгольм, Або, Сёдерчёпинг, Кальмар, и, соответственно, за нарушение привилегий Любека, пусть даже ценой конфликта с ним. В эту партию входили, в частности, Густав Васа и Ханс Браск (который, несмотря на множество противоречий с королем, проявлял с ним солидарность в данном вопросе). Другая партия, пролюбекская, выступала за сохранение и соблюдение ганзейских привилегий. Она-то, по Нурборгу, и состояла из дворян юго-запада Швеции и йенчёпингских бюргеров, которые надеялись, что внешняя торговля будет осуществляться через западное побережье, и они извлекут из этого обстоятельства выгоду. С осени 1528 г. по раннюю весну 1529 г. в Любеке велись переговоры об уплате долга. Стороны расходились в оценке суммы, которая осталась невыплаченной. Переговоры окончились 16 марта 1529 г.: шведы пошли на уступки и приняли требования Любека. Восстание, которое, по мнению Нурборга, к концу марта уже было в разгаре, явилось делом рук «пролюбекской» партии, результатом происков любекцев, которые рассматривали мятеж как дополнительное средство давления на короля. Не случайно монарх в ходе восстания проявлял интерес к вопросу долга, выражал надежду, что он будет выплачен. Не просто так оппозиционеры-мятежники подчеркивали: «По заявлениям немецких купцов, долг до сих пор не уплачен». После того, как шведско-любекские противоречия разрешились, повстанцы остались без внешней поддержки и вынужденно сложили оружие⁵⁸.

⁵⁸ *Norborg L.-A. Västgötaherrarnas uppror // Scandia. 1961. Bd. 27. S. 235—295.*

Чёллерстрём, отчасти полемизируя с Нурборгом, дал более разностороннюю и взвешенную оценку движения. Он подчеркивал комплексность, многоплановость восстания, в котором приняли участие фрельсисманы (организовавшие и возглавившие мятеж), бюргеры (в том числе городские верхи) и бонды. При этом пропаганда исходила от дворян, хорошо информированных и искусных агитаторов, бонды же являлись ее реципиентами. Восстание началось с символического акта — убийства королевского фогда. У движения имелся формальный лидер — Монс Брюнтессон, принявший титул вождя-хёвитсмана, как ранее Энгельбрект, Густав Васа, Дальюнкер. Причины и предпосылки восстания не совпадали у разных групп участников. Это и религиозные нововведения, особенно политика в отношении монастырей — закрытие обителей, выселение монахов, конфискация утвари, запреты на строительство новых зданий. Кроме того, экономический гнет и ущемление интересов национального фрельсе. Сказывались и традиционные различия между юго-западной и центрально-восточной Швецией. Юго-запад в меньшей степени контролировался правителем страны. Здесь много земель находились в руках дворянства в виде ленов — причем служебных, а не административно-фискальных. Местное дворянство было в силу этого достаточно независимым от короля — экономически самостоятельным, не обязанным отчитываться о доходах, отчислять их часть в пользу короны, подчиняться административно-хозяйственным распоряжениям монарха. Густав Васа стремился изменить положение, усилить контроль над регионом в ущерб Туре Йенссону, Монсу Брюнтессону и другим дворянам-ленникам. Восстание 1529 г. показало: король чрезмерно увлекся централизаторской политикой, нужно делать уступки дворянству. У восстания были и внешнеполитические побудительные импульсы — противоречия между Швецией и Любеком (с последним, вероятно, сотрудничали оппозиционеры), рейхстаг в Шпейере, на котором обсуждались те же вопросы — судьба монастырей, реформы богослужения, браки духовенства, древние обычаи. Дворяне-оппозиционеры готовили выступление заранее. При этом многочисленные образцы пропаганды восставших показывают, что основные обвинения в адрес короля носили религиозный характер: монарх вводит лютерову ересь, отходит от истинной веры, публикует еретические сочинения, попирает древние обряды. Восстание было направлено против реформаторов, прежде всего, — Лавретниуса Андреэ. Члены Линчёпингского капитула — сторонники умеренных гуманистических реформ и противники лютеранских идей — сыграли в ходе восстания двойственную роль. Защищая интересы монарха, они в то же время стремились поссорить его с лютеранскими реформаторами, положить конец их деятельности в Швеции. Король, в конце концов, обманул повстанцев, пообещав блюсти «добрые древние христианские обычаи» (католические традиции), на деле вложив в это понятие иной смысл. Так Густав Васа расколол движение. Дворяне по-

теряли народную поддержку и проиграли борьбу⁵⁹. Концепции Чёллерстрёма, хорошо обоснованной, лишённой преувеличений и противоречий, отдали предпочтение ведущие специалисты — авторы обобщающих трудов и учебных курсов⁶⁰.

В монографии, опубликованной в 2008 г., автор этих строк выступил с критикой концепции Л.-А. Нурборга, показав, что его точка зрения относительно связи восстания с отношениями Швеции и Ганзы отнюдь не бесспорна. Я указал, что подавляющее большинство обвинений в адрес короля, отраженных в документальных источниках, носит сугубо религиозный характер. Сохранился лишь один пропагандистский документ повстанцев, где говорится, что не уплачен долг Любеку. Но это, по сути, типичная жалоба на фискальную политику монарха: король собирал экстраординарные налоги, которые не были употреблены по назначению. Из документов очевидно — восстание началось все-таки в апреле. Да, Монс Брюнтессон называл себя в конце марта вождем повстанцев — но, похоже, он делал это заранее, накануне мятежа, когда роли были распределены, планы выработаны, но активные действия еще не начались. К тому же следует учитывать специфику документа, о котором идет речь. Это расписка о получении крупной денежной суммы от фогда. Вполне естественно, что Монс Брюнтессон, упоминая свои титулы — член риксрода и вождь противников короля Густава, стремился придать больший вес себе и своему документу⁶¹. Не случайно у Сварта сказано, что накануне восстания Монс Брюнтессон возгордился, возомнив себя правителем, что ему уже оказывались королевские почести, и он получил от своих союзников под расписку «много серебра»⁶². Итак, между подписанием шведско-любекского соглашения и восстанием все же прошло около двух недель. Поэтому сравнительно невелика вероятность, что между этими событиями существовала непосредственная связь. Кроме того, применительно к середине 1520-х гг не заметны серьезные политические противоречия между «пролюбекской» и «пронидерландской» партиями. Напротив, ревностный «антиганзеец» Ханс Браск конфликтовал с королем — фактическим «антиганзейцем», но зато сотрудничал с «проганзейцами» Туре Йенссоном и епископом Маг-

⁵⁹ *Kjöllerström S. Västgötherrarnas uppror // Scandia. 1963. Bd. 29. S. 1—90.*

⁶⁰ См., например: *Rosén J. Oppositionen mot Gustav Vasa // Den svenska historien. Stockholm, 1983. Bd. IV. S. 77—79; Behre G. et al. Sveriges historia: 1521—1809. S. 28—29.*

⁶¹ Тем более что употребленный там титул “rikets hövitsman” являлся в позднесредневековой Швеции синонимом титула “riksföreståndare” — «правитель королевства». Монс Брюнтессон, таким образом, претендовал на роль правителя Швеции.

⁶² *Swart. 1912. S. 130—131. Cp.: Kjöllerström S. Västgötherrarnas uppror // Scandia. 1963. Bd. 29. S. 1—3.*

нусом. На Вестеросском риксдаге 1527 г. Ханс Браск и Туре Йенссон возглавили оппозицию. Очевидно, что религиозные и внутривосточные противоречия в данном случае оказались еще важнее, чем разногласия по внешнеэкономическим вопросам. Далее, восстание охватило не только юго-запад страны, но и некоторые районы юго-востока, в силу очевидных географических и исторических причин связанного не с североморской, а с балтийской торговлей. Наконец, очевидна стереотипность построений Нурборга, характерных для критической шведской историографии XX в. Особенно бросается в глаза сходство с рассуждениями Э. Лённрута, который почти аналогичным образом объяснял сущность политической борьбы в Швеции периода Кальмарской унии. Но доводы Лённрута были не безупречны⁶³. Таким образом, я заключил, что вопрос о роли Любека в нижнешведском восстании 1529 г. остается сложным и весьма спорным⁶⁴.

Уже после того, как была опубликована моя монография, я обнаружил статью современного шведского историка М. Бернтсона, опубликованную в 2000 г. в ежегоднике “*Kyrkohistorisk årsskrift*” и специально посвященную «Восстанию вестъетских господ»⁶⁵. Выводы Бернтсона частично совпали с моими заключениями относительно данного мятежа, и касаются они 1) оценки роли религиозного фактора в указанном восстании и 2) критики концепции Л.-А. Нурборга относительно социально-экономических предпосылок бунта. Так же, как и я, Бернтсон считает, что Чёллерстрём и Нурборг недооценивали роль религиозных требований в восстании. Доказательство того, что эта роль была велика, ученый находит в документах, исходящих от повстанцев. В этом отношении аргументы Бернтсона сходны с моими.

Что касается критики концепции Нурборга относительно предпосылок движения, то в данном случае выводы шведского исследователя также совпали с моими, но аргументы отчасти различались. Бернтсон, возражая построениям Нурборга, приводит следующий довод: упоминание о переговорах с Любеком в нескольких документах, имеющих отношение к восстанию, которые Нурборг причислял к доказательствам своей теории, не свидетельствует с необходимостью о связи восстания с переговорами относительно долга⁶⁶. Бернтсон в этом отношении прав; в моей монографии я также указываю, что теория Нурборга недостаточно подкреплена

⁶³ Кроме того, Нурборг испытывал сильное влияние марксистской историографии. Вероятно, это также побуждало его несколько преувеличивать роль социально-экономических предпосылок в восстании вестъетских господ.

⁶⁴ См.: Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг... С. 170—171.

⁶⁵ *Berntson M. “Västgötaherrarnas uppror” — Ett försök till nytolkning // Kyrkohistorisk Årsskrift. Uppsala, 2000. S. 9—116.*

⁶⁶ *Berndson M. Op. cit. S. 108—109.*

источниками. Вместе с тем следует учесть: если связь восстания и политики Любека существовала, то она должна была маскироваться, держаться втайне. В таком случае закономерно, что сведения о ней не попали в источники. В этой связи особое значение имеют аргументы, приведенные мной выше в настоящей главе. Ключевым является следующий: позиции участников политических событий в Швеции 1520-х гг. в отношении ганзейцев существенно отличались от тех позиций, которые они должны были занимать, если бы точка зрения Нурборга была верной. Итак, я не только высказал мнение, что концепция Нурборга недостаточно подкреплена источниками, но и показал (в отличие от Бернтсона) ее уязвимость с логической точки зрения.

«Восстание вестьётских господ» важно не только для понимания событий, связанных с Реформацией и политической борьбой 1520-х гг., но представляет значительный интерес как «образцовое» позднесредневековое народное выступление. Оно богато документировано; в источниках подробно и достаточно достоверно отражены ход событий, требования повстанцев, позиция короля и посредников, мирное урегулирование конфликта. При этом сотрудничество оппозиционной элиты и недовольных народных масс, характерное и для других шведских (и не только шведских) восстаний позднего Средневековья, в данном случае было ярко выраженным и откровенным.

В связи с этим интересна монография П. Рейнхолдссона, который попытался исследовать типологию позднесредневековых шведских восстаний и связанные с ней термины. Ученый полагает, что восстания XV—начала XVI в. не были вспышками социальной борьбы, отношения между крестьянами и фрельсе того времени являлись сбалансированными, лишены антагонизма, противоречия разрешались путем мирного диалога. Соответственно, восстания той эпохи были не актами социального протеста, а внутренними войнами. Крестьяне откликнулись на агитацию со стороны фрельсисманов, которые использовали их в борьбе за политическую власть и контроль над экономическими ресурсами⁶⁷. Только с 40-х гг. XVI в., когда в результате растущего давления на крестьян со стороны короны, нарушился традиционный баланс между ними и элитой, начались подлинно крестьянские восстания. Первым из таких мятежей стала крестьянская война на юге Швеции под руководством Нильса Даке.

Как я уже писал ранее⁶⁸, данная концепция содержит преувеличения. Даже если средневековые народные выступления и были исполь-

⁶⁷ Рейнхолдссон считает, что «Восстание вестьётских господ» — последнее подлинно средневековое восстание.

⁶⁸ См.: Хроника Энгельбректа / Пер., послесл., коммент. А.Д. Щеглова. М., 2002. С. 96—97.

зованы представителями элиты, это не исключает сам факт массового недовольства, как правило, вызванного административно-экономическим притеснением. Здесь уместно вспомнить реплику Ханса Браска: народное возмущение имеет место всегда, при любых поборах. Из документов очевидно, что в восстании 1529 г. присутствовала, наряду с мятежом элиты, ярко выраженная народная борьба, хотя и использованная оппозиционерами-аристократами.

В духе современных историко-лингвистических исследований Рейнхольдссон увязывает вопрос о типологии восстаний с вопросом о терминологии, употребляемой при характеристике движений. Исследователь обратил внимание, что для хописания социальных протестов позднего Средневековья и раннего Нового времени употреблялись разные термины: “tesning” (в Средние века, как правило, “uppresning”) и “upprogr”⁶⁹. Рейнхольдссон считает, что смена терминологии отразила принципиальные трансформации в характере актов массового протеста: они стали в полном смысле восстаниями и начали восприниматься современниками таковыми. Вместе с тем исследователь отмечает, что в 1520-е гг., когда в Швеции вошло в употребление слово “upprogr”, указанные изменения не являлись ярко выраженными, а употребляемая терминология не была определенной.

В этой связи заслуживает внимания терминология, использованная в источниках о восстании «вестъетских господ». Термины, встречающиеся в хронике Сварта, немногочисленны “buller” (здесь: «волнения») — о народных выступлениях в Смоланде, “vpresning”, “vpstööt” («восстание») и “handel” («деяние») — о мятеже господ. Гораздо богаче материал, содержащийся в документальных источниках⁷⁰. В течение восстания король употреблял различные характеристики мятежа: «распря» (“twist”; “twedrekt”; “fajdh”⁷¹). Неоднократно, особенно в начале восстания, государь именовал смоландские народные выступления волнениями (“buller”)⁷². Несколько раз действия повстанцев оцениваются как измена (“förräderi”)⁷³. Термин “opresning” король употребил всего дважды — в послании к жителям Даларны⁷⁴. Впрочем, использован также глагол “opresa” — «восстать»⁷⁵. Изредка употреблены термины “rwmor”, “orådih”, обозначающие волнения, беспорядки; “perlemente”

⁶⁹ Орфография этих терминов в источниках значительно варьирует.

⁷⁰ Рейнхольдссон лишь мимоходом коснулся этой темы, отметив разнообразие и неопределенность терминологии, употребленной в одном из документов — отчете о переговорах эстъетских парламентаров с повстанцами. См.: *Reinholdsson P. Op. cit.* S. 105 n. 10.

⁷¹ GIR VI. S. 27—29, 30—32, 45, 51, 53, 58.

⁷² Ibid. S. 38—39, 44—46, 86.

⁷³ Ibid. S. 68, 76, 85.

⁷⁴ Ibid. 53.

⁷⁵ Ibid. 33.

(«восстание», «совместное выступление») ⁷⁶. Наиболее же часто в королевских посланиях встречаются слова “obestond” (здесь: «беспорядки», «мятеж») и “opror” («восстание», «бунт») ⁷⁷. Как явствует из королевских посланий, оба термина были близки по значению и часто употреблялись в виде тавтологической пары. Они, несомненно, имели негативное значение. Король применял их ко всем повстанцам — и дворянам, и простонародью, почти независимо от того, кто являлся адресатом письма. Исключение составляет послание жителям Даларны от 24 апреля: вместо слова “opror” король употребил термин “opresning” ⁷⁸. Возможно, он опасался, что новомодное словцо окажется непривычным для консерваторов-далекарлийцев.

Тем не менее, сами жители Даларны в посланиях к представителям других областей касательно нижнешведского восстания охотно использовали ту же лексику — “opror”, “obestond” ⁷⁹. Впрочем, очевидно, что на позиции далекарлийцев и на выборе терминологии в данном случае сказалось тесное взаимодействие с королем и его союзниками. Ведь далекарлийцы подписали и скрепили печатью текст, предложенный монархом и его окружением.

Совершенно иначе характеризовали свои действия сами повстанцы в начале движения. Они заявляли о намерениях чинить вред королю Густаву, свергнуть его ⁸⁰, не применяя к себе термины, означающие «восстание».

Синонимичными терминами, примерно означающими «восстание», богато соглашение между эстъетскими парламентарями и вестъетскими повстанцами. В повествовательной части события именуется «мятежом» и «распрей» (“opror twist och twedrekt”). Но в распоряжении по существу дела (“dispositio”) присутствует иная лексика: “opresning”, “parlamente” ⁸¹. Схожее разнообразие терминов — в письме Туре Йенссона и епископа Магнуса. Они утверждают, что содействовали подавлению мятежа (“opror”) в Смоланде. Но сами не участвовали и не собирались участвовать в каком-либо «восстании» (“resning”), «беспорядках» (“obestondh”) и, тем более, в «кровопролитии» (“blodz wtgiutelse”) ⁸². Возможно, слова “opror” и “opresning”, будучи близкими по значению, соотносились примерно как «бунт» и «восстание». Так или иначе, закономерно, что в клятвах верности королю, принесенных амнистированными мятежниками, употреблена негативная лек-

⁷⁶ GIR VI. S. 29, 57, 95.

⁷⁷ Ibid. S. 27, 31—32, 33 38, 40—47, 50—51, 53, 56, 57, 59, 61, 63, 65, 68—69, 74, 84, 86, 89—92, 94—95, 101, 103, 105.

⁷⁸ Ibid. S. 53.

⁷⁹ Ibid. S. 355, 363.

⁸⁰ “wiliom <...> wara på hans argesta och wersta” // Ibid. S. 357, 361—362; “wedersaka <...> kung göstaff; nedertrycka...” // Ibid. S. 359.

⁸¹ Ibid. S. 364—365.

⁸² Ibid. S. 388—389.

сика: “opror”, “obestondh”⁸³. В одной из таких клятв (обязательства бюргеров Йенчёпинга) термин “opresning” включен в текст наряду с “opror”⁸⁴.

В целом материал «восстания вестъетских господ» свидетельствует: слова “uppror” и “uppresning” (“resning”) не могли объективно характеризовать соответствующие социальные реалии уже потому, что употреблялись в определенном идейно-пропагандистском контексте, имели (в той или иной степени) негативный оттенок. Сами повстанцы применяли их к себе вынужденно, уже потерпев поражение. А в ходе восстания они заявляли о расторжении присяги, о свержении короля, о вражде с королем, о намерении чинить ему вред — т.е. о войне. Так борьба преподносилась не как «вертикальная» (мятеж против властей), а как «горизонтальная» — война за правое дело против скомпрометированного монарха. Король же употреблял слова “obestånd” и “uppror” применительно ко всем выступлениям мятежников. Для него эти люди, независимо от звания, являлись бунтовщиками.

Анализ терминологии, связанной с этим и другими восстаниями, будет интересно продолжить. Целесообразно исследовать значение не только шведских терминов, но и соответствующей латинской, датской, нижненемецкой лексики, которая, как известно, влияла на шведскую. Но для понимания сути событий такие штудии могут иметь только ограниченное значение. Гораздо важнее история событий как таковая.

* * *

Многое в «Восстании вестъетских господ» напоминает знаменитое восстание Энгельбректа Энгельбректссона, состоявшееся в 30-е гг. XV в. В обоих случаях мятеж начался как локальное народное выступление, сигналом к которому являлось нападение на королевского фогда, злоупотребившего властью. Смоланд сыграл в 1529 г. роль региона-эпицентра — подобно Даларне в движении 1430-х гг. Присоединение фрельсе к восстанию преподносилось как исполнение народной воли, подчинение людским призывам, которые сопровождались угрозами справедливой расправы. В обоих случаях уже на начальной стадии сформировался своеобразный альянс повстанцев: фрельсе, бюргеры и бонды мятежного региона. В восстании Энгельбректа это были упландские фрельсисманы, бюргеры Уппсалы и верхнешведские крестьяне. В восстании вестъетских господ — вестъетское фрельсе, йенчёпингские бюргеры, нижнешведские бонды. Оба движения быстро приняли широкий размах. Сходной была и пропаганда: повстанцы обвиняли короля в нарушении присяги, притеснениях духовенства, налоговых злоупотреблениях. И там, и там был из-

⁸³ GIR VI. S. 373, 380, 401.

⁸⁴ Ibid. S. 380.

бран лидер движения — вождь-хёвитсман, состоялись собрания народных представителей, где тон задавали непримиримые оппозиционеры. Несомненно, что «вестъетские господа» опирались на старинную традицию, действовали по отработанной схеме.

Остается вопрос: почему верх взял Густав Васа, а не мятежники? У короля имелась устоявшаяся (со времен регентов Стуре) и, в данном случае, специально усиленная Густавом Васой социально-политическая опора национальных шведских правителей: бюргерство Стокгольма и лояльная уландская администрация. В придачу к тому Густав I сумел добиться нейтралитета нескольких «взрывоопасных» областей и наладить конструктивный диалог со Скарским и Линчёпингским соборными капитулами, которые заняли нейтральную позицию, посредничали между повстанцами и королем. Да и фрельсе не было единым даже в пределах Вестеръетланда: некоторые местные магнаты отказались участвовать в восстании⁸⁵. Густав Васа был не понаслышке знаком с обычаями шведской политической борьбы и народных движений, сам начал свое правление как вождь повстанцев. Он щедро сулил бунтовщикам уступки, обманывал, применял политический шантаж, а также, вероятно, использовал различия и противоречия между областями. Восстание оказалось лишено патриотического стимула, направлено против соотечественников. У мятежа не было традиционной для шведских народных войн силы — отрядов далекарлийцев с их мобильностью, наивным патриотизмом, военными навыками. Повстанцы проявили нерешительность, поддались на уговоры и вероломные обещания, преждевременно освободили заложников, развязав руки королю. Мятежники действовали стереотипно, по старинке. Новые способы ведения народной войны — партизанские — будут опробованы в Швеции позже, т.е. в начале 1540-х гг., во время восстания Нильса Даке.

В дискуссии о «Восстании вестъетских господ» сохраняет актуальность и вопрос о религиозном содержании движения. Современные исследователи указанного восстания — М. Бернтсон и А.Д. Щеглов — акцентировали роль религиозной составляющей в данном мятеже и выступили с критикой концепции, созданной в 1960-гг и ставящей на первое место экономические и политические факторы. Таким образом, тезис об антиреформационном характере «Восстания вестъетских господ» в 2000-е гг. фактически был возрожден, но уже на новом этапе изучения проблемы. Этот вывод имеет значение для дискуссии о Вестеросском риксдаге 1527 г. и о начале Реформации в Швеции: антиреформационный характер восстания свидетельствует о том, что политика Густава Васы уже в конце 1520-х гг. воспринималась как реформационная.

⁸⁵ *Kjöllerström S. Västgötherrarnas uppror. S. 7, 10—11.*

Глава VII

Олаус Петри:
проповедник
и полемист

§ 1. Полемика накануне Вестеросского риксдага: Диспут Олауса Петри и Педера Галле

Реформационный характер преобразований в Швеции второй половины 1520-х гг. подтверждается и тем, что незадолго до Вестеросского риксдага по инициативе Густава Васы состоялся заочный диспут, темой которого явилось учение Лютера, а итогом стала работа Олауса Петри «Ответ на двенадцать вопросов» — первый созданный в Швеции своеобразный манифест, содержащий обстоятельное изложение лютеранской доктрины. В 1526 г. шведские теологи, в том числе Олаус Петри и Педер Галле, получили от короля письмо с просьбой дать ответы на наиболее спорные богословские вопросы¹. Содержание вопросов, сформулированных очень выгодно для реформаторов, по сути сводилось к следующему: нужно ли следовать обрядам, обычаям, постановлениям и учениям церкви, не основанным на Библии (1, 6, 8, 9, 10, 11, 12 вопросы), должны ли духовные лица иметь власть над людьми (2, 3, 4, 5 вопросы), спасается ли человек благодаря своим заслугам или только милостью Божьей (7 вопрос)?

Из тех, кто представил ответы, Олаус Петри был избран для публичной защиты, которая состоялась в Уппсале в присутствии короля, нескольких членов риксрода и доктора Галле, к тому времени уже опубликовавшего свои тезисы. Олаус, по его словам, вызвал Галле на очный диспут, однако получил отказ². Тогда он придал своей публикации характер заочного диспута, обнародовав не только ответы на предложенные вопросы, но и возражения на аргументы оппонента.

Галле в первую очередь утверждал, что человеку трудно самому понять Писание. Поэтому церковь, ведомая Святым Духом, должна толковать священные книги. Олаус возражал: учение церкви лишь настолько является обязательным, насколько оно подтверждено Священным Писанием; церковная традиция — преходящая и не влияет на спасение человека³.

Отвечая на вопрос, касающийся полномочий духовенства, Галле ссылался на право отпускать грехи, данное св. Петру. В доказательство своей точки зрения Галле приводил различные места из Нового Завета. Олаус

¹ *Olaus Petri. Samlade Skrifter. Uppsala, 1914—1917. Bd. I—IV. Vol. I. S. 225.* (Далее: OPSS).

² *Ibid.* S. 225—226.

³ *Ibid.* S. 228—237.

отвечал: папа и епископы не могут быть выше своего Господа — Христа, и предшественников — апостолов; таинства и службы, которым посвящает себя духовенство, не имеют основания в Писании⁴.

Церковь, утверждал Галле, обладает правом принимать постановления по духовным делам: ведь через нее действует Святой Дух. Олаус Петри возражал: законодательство церкви подчас не только не соответствует Писанию, но и противоречит ему. Лишь Слово Божье, а не законы церкви, имеет значение для спасения души. В том же ключе противники трактовали вопрос о церковных обрядах. Галле заявлял: через церковь действует Святой Дух; на этом основаны обряды и церемонии. Олаус отвергал данный аргумент: практика церкви должна иметь основание в Библии.

Оба оппонента признали: спасение человека целиком во власти Божьей⁵. Олаус отметил сходство ответов, но указал: Галле, очевидно, не представляет себе, какие отсюда следуют выводы относительно индульгенций, монастырей, мессы.

В вопросе о чистилище Галле сослался на откровение св. Августина. Олаус и здесь был категоричен: «В Писании достаточно откровений для спасения души». Никакие другие не нужны. А в Священном Писании нет основания для доктрины о чистилище⁶. Нет, по убеждению Олауса, и резонов для почитания святых. Поклонение им вызвано меркантильными соображениями духовенства⁷.

Итак, в первых полемических трудах Олауса Петри значительную роль играла апелляция к тексту Священного Писания, и это закономерно: принцип соответствия Слову являлся ключевым аргументом в дискуссии. Шведские реформаторы действовали применительно к потребностям конкретной страны и ситуации, не столько углубляясь в богословские тонкости, сколько показывая несоответствие «злоупотреблений» католической церкви тексту Библии. Однако уже на материале «Ответов на 12 вопросов» очевидна приверженность Олауса Петри учению Лютера.

§ 2. Олаус Петри и «Проповедь Слова Божьего»

После Вестеросского риксдага король щедро отблагодарил Олауса Петри за «усердную службу на общую пользу». Реформатору пожаловали пребенду, сад (ранее принадлежавший гильдии «Святой Плоти Гос-

⁴ Ibid. S. 238—252.

⁵ Ibid. S. 252—260.

⁶ Ibid. S. 296—305.

⁷ Ibid. S. 303—311.

подней»), разрешили обменять дом на более дорогой без доплаты⁸. Брат Олауса — Лаврентиус Петри — получил от государя стипендию для учебы в Виттенбергском университете и рекомендательное письмо к Лютеру⁹. Так была оценена богословская поддержка и, вероятно, практические советы «Местера Улофа».

Спустя небольшое время Густав Васа короновался. Теперь уже монарха не понадобилось торопить: он сам настоял на скорейшем совершении обряда, который состоялся 12 января 1528 г.

Как следует из хроники Сварта, многое в этом обряде оставалось традиционным. Присутствовали делегаты от всех сословных групп Швеции. Ведущие магнаты Туре Йенссон, Ларс Сиггесон, Хольгер Карлссон несли знаки королевской власти — державу, меч и скипетр. Скарский епископ Магнус отслужил мессу¹⁰. Затем состоялось посвящение в рыцари и, наконец, званый пир, сопровождаемый турнирными поединками¹¹.

Однако имелись и важные новшества. Из коронационной присяги на сей раз было удалено традиционное для европейских и, в частности, скандинавских монархов обязательство блюсти привилегии церкви. Король лишь обещал народу и церкви хранить мир и правосудие. Автор новшества явился Лаврентиус Андреэ. Олаус Петри произнес коронационную проповедь¹², где изложил свои социально-этические взгляды, напомнив королю и народу о взаимных обязанностях. Монарх, по словам Олауса, исполняет свои обязанности для блага подданных, но не народ — для блага короля. Ибо государь — слуга Бога; весь почет и преклонение, которые предназначаются ему, следует отнести к Господу. Только благодаря мудрости и любви Бога осуществляется миссия короля; материальные богатства должны находиться в его ведении и

⁸ GIR IV. S. 276.

⁹ *Kjällerström S. Gustav Vasa och reformatörerna*. S. 8.

¹⁰ За неделю до коронации он и другие кандидаты в епископы были рукоположены, согласно Сварту, вестеросским епископом Педером (Петрусом Магни). Произошло это в Стренгнесском кафедральном соборе. Обязательства рукоположения вызывают дискуссии у историков церкви. Некоторые специалисты, доверяя сообщению Сварта, полагали, что в Швеции сохранилось т.н. апостольское преемство — живая духовная традиция, восходящая к Христу и апостолам: ведь вестеросский епископ успел получить утверждение в должности лично от папы. Таким образом, реформированная шведская церковь, формально отделившись от католического мира, сохранила с ним мистическую связь. В XX в. эта идея стала актуальна в связи с экуменическим движением. Ее поборником, в частности, являлся видный церковный и общественный деятель архиепископ Натан Сёдерблум (1866—1931). Согласно другой теории, сообщение Сварта недостаточно, епископов рукоположил Лаврентиус Андреэ; он же разработал новый текст присяги епископов.

¹¹ *Swart*. 1912. S. 122—123; *Swart*. 1964. S. 151—152.

¹² *OPSS I*. S. 313—330.

подней»), разрешили обменять дом на более дорогой без доплаты⁸. Брат Олауса — Лаврентиус Петри — получил от государя стипендию для учебы в Виттенбергском университете и рекомендательное письмо к Лютеру⁹. Так была оценена богословская поддержка и, вероятно, практические советы «Местера Улофа».

Спустя небольшое время Густав Ваза короновался. Теперь уже монарха не понадобилось торопить: он сам настоял на скорейшем совершении обряда, который состоялся 12 января 1528 г.

Как следует из хроники Сварта, многое в этом обряде оставалось традиционным. Присутствовали делегаты от всех сословных групп Швеции. Ведущие магнаты Туре Йенссон, Ларс Сиггесон, Хольгер Карлссон несли знаки королевской власти — державу, меч и скипетр. Скарский епископ Магнус отслужил мессу¹⁰. Затем состоялось посвящение в рыцари и, наконец, званый пир, сопровождаемый турнирными поединками¹¹.

Однако имелись и важные новшества. Из коронационной присяги на сей раз было удалено традиционное для европейских и, в частности, скандинавских монархов обязательство блюсти привилегии церкви. Король лишь обещал народу и церкви хранить мир и правосудие. Автор новшества явился Лаврентиус Андреэ. Олаус Петри произнес коронационную проповедь¹², где изложил свои социально-этические взгляды, напомнив королю и народу о взаимных обязанностях. Монарх, по словам Олауса, исполняет свои обязанности для блага подданных, но не народ — для блага короля. Ибо государь — слуга Бога; весь почет и преклонение, которые предназначаются ему, следует отнести к Господу. Только благодаря мудрости и любви Бога осуществляется миссия короля; материальные богатства должны находиться в его ведении и

⁸ GIR IV. S. 276.

⁹ *Kjöllerström S. Gustav Vasa och reformatörerna*. S. 8.

¹⁰ За неделю до коронации он и другие кандидаты в епископы были рукоположены, согласно Сварту, вестеросским епископом Педером (Петрусом Магни). Произошло это в Стренгнесском кафедральном соборе. Обстоятельства рукоположения вызывают дискуссии у историков церкви. Некоторые специалисты, доверяя сообщению Сварта, полагали, что в Швеции сохранилось т.н. апостольское преемство — живая духовная традиция, восходящая к Христу и апостолам: ведь вестеросский епископ успел получить утверждение в должности лично от папы. Таким образом, реформированная шведская церковь, формально отделившись от католического мира, сохранила с ним мистическую связь. В XX в. эта идея стала актуальна в связи с экуменическим движением. Ее поборником, в частности, являлся видный церковный и общественный деятель архиепископ Натан Сёдерблум (1866—1931). Согласно другой теории, сообщение Сварта недостоверно, епископов рукоположил Лаврентиус Андреэ; он же разработал новый текст присяги епископов.

¹¹ *Swart*. 1912. S. 122—123; *Swart*. 1964. S. 151—152.

¹² OPSS I. S. 313—330.

владении, но уповать нужно не на них, а на Создателя. Монарху следует проявлять заботу о подданных во всем, что касается их тел, «и тем более — душ». В качестве примера таких королей-праведников Олаус назвал Давида и Соломона, а также скандинавских конунгов — Олофа Шётконунга, св. Олофа и св. Эрика. Монарху полагается следовать заповедям, которые Бог дал Моисею: не собирать множества лошадей, золота и серебра, но во все дни упражняться в Законе Божьем, и в своем правлении твердо следовать заповедям Господа¹³.

Король должен быть национальным правителем:

«Бог говорит, что израильяне должны взять царя из числа своих братьев, а не от чужеземцев. Это — и для нас важное поучение: и мы должны так поступить, взяв себе правителем того, кто рожден среди нас, знает наши обычаи и привычки. Иноземный государь обычно склонен блюсти скорее пользу тех, среди кого он родился, чем тех, кто для него — чужие, и от этого происходит ненависть и вражда».

Густав Васа дарован шведам по милости Бога, ранее посылавшего неблагочестивых королей-иноземцев в наказание за непокорность правителям-шведам¹⁴.

Заклучая проповедь, Олаус обозначил обязанности жителей государства: король должен править, епископы и священники — проповедовать Слово Божье, подданные в целом — подчиняться монарху.

По ряду положений концепция власти короля, изложенная в коронационной проповеди, основывалась на лютеровом учении о власти¹⁵, а также на ренессансном идеале государя. Многие в проповеди было лестно и полезно для Густава Васы — сравнение с библейскими царями, идея божественности королевской власти и верховенства монарха над всеми подданными без политических ограничений и особых обязательств перед церковью и светской аристократией. В этом смысле проповедь соответствовала искомой цели Густава I — установлению национальной монархии с сильной властью короля. Густав Васа остался доволен проповедью и незамедлительно опубликовал ее в королевской типографии.

Для Олауса Петри наступил период расцвета, огромной творческой и полемической активности. Его труды касались преимущественно вопро-

¹³ OPSS I. S. 316—317.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Отсутствующий у Лютера момент — параллель с ветхозаветными царями — мог, как указал С. Ингебранд, являться заимствованием из трудов другого реформатора — Мартина Буцера. Однако сопоставление королей или конунгов с ветхозаветными царями оставалось характерной чертой средневековой культуры и пользовалось популярностью у скандинавов.

сов веры — но также, в связи с этими вопросами, — проблем истории, права, социальной этики. Одной из важных работ шведского реформатора стал трактат «О браке», опубликованный в 1528 г.¹⁶ Брачный союз, писал автор, почтен и заповедан Богом, приучает супругов к труду и самопожертвованию, способствует упражнению в христианской любви. Принимать обет безбрачия ради обретения Царства Божьего следует тем, кто по милости Господа может соблюсти целомудрие. Остальные должны вступать в брак, дабы избежать греха¹⁷. Запрет на брак — преступление против Бога и человеческой природы¹⁸. Разрешение на браки духовных лиц давалось на таких представительных вселенских соборах, как Никейский и Константинопольский; их постановления распространялись не только на восточную, но и на западную церковь¹⁹.

В 1527—1528 гг. в королевской типографии были опубликованы полемические произведения Олауса Петри, направленные против критиков нового вероучения — Педера Галле и Паулюса Элиэ (Пауля Хельгесена). Олаус показал себя в этих работах блестящим богословом, мастером ведения диспута²⁰. Причем, если в первом «Ответе» Паулюсу Элиэ речь шла о сугубо богословских вопросах, то в еще одном сочинении — «Малом ответе Паулюсу Элиэ» — главный предмет дискуссии составили исторические судьбы Швеции. Вопрос о них был поднят датским богословом. В своем письме к Густаву Васе он отстаивал идею непрерывности римской традиции, доказывая, что она восходит к Христу и апостолам. Утверждение об исторической и духовной преемственности католической церкви выдвигалось на сей раз в качестве основного аргумента против реформаторов. В связи с этим Паулюс Элиэ обвинил Густава I в том, что Швеция, в результате проводимых реформ, отступила от истинной веры, полученной от первых миссионеров. Именно этой веры издавна держался шведский народ, а короли ее хранили и защищали.

Олаус Петри был, однако, готов к спору об исторической преемственности церкви. В «Малом ответе Паулюсу Элиэ» (1528) он писал: первые миссионеры, обращавшие шведов в христианство, — св. Ангарий и св. Сигфрид проповедовали в Швеции Слово Божье. Именно этой древней веры страна должна придерживаться. И лишь к ней следует вернуться — вот почему необходима реформа церкви. Вера же, от которой шведы теперь отступили, есть вера в светскую власть пап и епископов, вера в индульгенции и интердикт²¹.

¹⁶ OPSS I. S. 443—471.

¹⁷ Ibid. S. 446—454.

¹⁸ Ibid. S. 454—456.

¹⁹ Ibid. S. 456—458.

²⁰ Ibid. S. 151—222, 223—312, 331—350.

²¹ Ibid. S. 333—350.

Спустя небольшое время, в августе 1528 г. Олаус опубликовал «Малую книгу о таинствах», в которой дал свои объяснения церковным обрядам и таинствам. Он доказывал: обряды ценны постольку, поскольку в них присутствует духовно-символическое содержание; сами же по себе они являются внешним знаком милости, посылаемой Богом.

Ссылаясь на решения собора в Эребру, Олаус создал и опубликовал уникальный, первый в истории Реформации в Европе, труд такого рода — полный требник (“handbok”) на национальном языке (1529)²². Реформа богослужения, однако, не могла быть исчерпывающей без введения шведской мессы. Уже в 1531 г. в Стокгольме была издана разработанная Олаусом месса на шведском языке (“Then Swenska Messan”). Подзаголовок гласил: «...Как она совершается сейчас в Стокгольме, с разъяснениями, почему она так совершается»²³. Олаус мог бы довольствоваться переводом на шведский язык уже имевшихся немецких образцов; он, тем не менее, предпочел идти собственным путем. «Шведская месса» — одна из работ, в которой Олаус особенно полно раскрылся как самостоятельный автор; более того, в области теории нового богослужения он был одним из первопроходцев в масштабе Европы²⁴.

В трудах, посвященных Олаусу Петри, немало говорится об относительной терпимости шведского реформатора к католицизму, которая проявляется при сравнении взглядов «местера Улофа» с воззрениями Лютера. Даже переводя сочинения Лютера, Олаус смягчал и опускал многие места, очевидно, считая их слишком агрессивными. Аналогичный «заочный спор» с Лютером имел место при переводе Нового Завета на шведский язык (переводчиками являлись, по наиболее принятой версии, Лаврентиус Андреэ и Олаус Петри). Специалисты — богословы, историки церкви — объясняют этот феномен наличием «нелютеровских» влияний реформаторов-гуманистов, в частности Меланхтона, на позицию Олауса²⁵.

Несомненно, умеренность и терпимость Олауса, по крайней мере отчасти, продиктованы практическими соображениями и основаны на знании местных условий.

Всю свою жизнь и деятельность Олаус посвятил Швеции, ее нуждам и потребностям — как он их понимал. Еще переводя на шведский язык лютеровскую постиллу, он приспособливал ее к условиям Швеции. Но и это показалось Петри недостаточным — и он написал собственную постил-

²² Een handbook paa Swensko. 1529 // OPSS II. S. 311—368.

²³ OPSS II. S. 405—426.

²⁴ Специально об этом см.: Bergendoff C. Olavus Petri and the Ecclesiastical Transformation in Sweden. Philadelphia, 1965.

²⁵ Stolt B. Olaus Petri och Martin Luther. Vad säger översättningarna? // Olavus Petri — den mångsidige svenske reformatorn. Uppsala 1994. S. 61—86; Ingebrand S. Olavus Petris reformatoriska åskådning. Uppsala, 1964.

лу — полное руководство для шведских проповедников. Исследователи различных произведений практического назначения, созданных Олаусом, — «Полезной постиллы», «Требника», «Шведской мессы», «Комедии о Товии» (нравоучительной пьесы на библейский сюжет) — отмечают значительную степень преемственности данных трудов к позднесредневековой шведской католической традиции. Это же проявилось и в отношении языка Нового Завета. Частично перевод вобрал в себя наработанные языковые клише позднесредневековых шведских переводов отдельных частей Вульгаты.

Для многих работ Олауса Петри характерен интерес к шведским реалиям. Он являлся первым шведским исследователем рун («О рунических надписях»), прекрасно помнил пословицы и поговорки («Правила для судьбы», «Шведская хроника»), хорошо знал и комментировал шведские законы, причем не только Земельное и Городское законоуложения, но и древние областные законы — Эстьёталаг, Вестьёталаг, Упландслаг, а также древнейшее шведское городское право — Бьёркёарэттен.

В своей деятельности Олаус Петри проводил в жизнь реформационные идеи, во многом почерпнутые у немецких теологов, прежде всего — у Лютера. Вместе с тем он неизменно соотносил их с реалиями и потребностями своей страны — Швеции.

§ 3. Олаус Петри как последователь Лютера. Полемика с Паулюсом Элиэ. «Малая постилла»

Для понимания творчества и деятельности Олауса Петри как реформатора немалое значение имеют его богословско-полемические произведения.

Важное место в богословской полемике Олауса Петри занимала критика монашества. Ее актуальность в конце 1520-х гг. во многом была обусловлена событиями «королевской Реформации». «Монастырская жизнь» являлась ключевой проблемой, связанной, в числе прочего, с учением о сокровищнице благодати. Достаточно подробно «монастырская жизнь» дискутировалась уже в «Ответе на 12 вопросов», однако особое внимание ей уделено в трактате «О монастырской жизни». Учитывая, что трактат о монастырской жизни, при обилии используемых источников, является самостоятельным произведением, интересно, аргументы какого типа задействовал шведский реформатор.

В своей критике монастырей Олаус ссылаясь на то, что монастырская жизнь не имеет основания в Библии²⁶. Так, в «Ответе» Паулюсу Элиэ он

²⁶ См.: *Ingebrand S. Op. cit. S. 54 ff.*

говорил: апостолы и их ближайшие последователи не оставили установлений касательно монастырской жизни. В «Ответе на 12 вопросов» Олаус отмечал: во всем Писании нет ни единой буквы о монашестве. Более того, оно противоречит Писанию: «Бог дал одни правила в Писании, желая, чтобы их держались все люди; монастырским людям Он не предписал никакой особой жизни или правила». В сочинении «О монастырской жизни» этот аргумент получил развитие. Монахи «не имеют с собой Слова Божьего», их жизнь и действия не основаны на Писании. Их правила — человеческие установления. Это видно из истории монастырей и вообще церкви. Изначально существовали идеальные раннехристианские монастыри — сообщества людей, наставляющих друг друга в Писании. Затем от этого идеала отступили, извратили его. И теперь монахи «выдают за хорошее то, про что сами не знают, хорошо это или плохо <...> ибо нет с ними Слова Божьего».

Но в «антимонастырской» полемике Олауса Петри присутствует и другой аргумент: царство Божье есть царство духовное. Ошибка и вред — понимать заповеди Господа как плотские, внешние, а не как духовные, внутренние. Обитатели монастырей уделяют внимание внешнему целомудрию, бедности и покорности, а эти качества должны быть внутренними. Далее Олаус объясняет, каковы истинные целомудрие (т.е. чистота сердца), бедность (нищета духа, нежелание ничего, кроме Бога и Его помощи), покорность (повиновение родителям и властям).

В свете дискуссии о том, в какой степени Олаус Петри был последователем Лютера, представляет интерес особое полемическое произведение. В нем «местер Улоф» высказал отношение к личности и учению основоположника Реформации. Труд этот, озаглавленный «Ответ на нехристианское письмо», был направлен против датского богослова Паулюса Элиэ, в миру Пауля Хельгесена, посвятившему себя борьбе с лютеранским учением. Поводом для полемики послужило послание, которое в 1526 г. Пауль Хельгесен написал своему датскому покровителю-аристократу. В этом тексте датский богослов критиковал лютеранскую догматику²⁷. Копии письма попали в Швецию. Олаус, отдавая должное аргументам датского богослова, признал, что, на первый взгляд, они убедительны. Однако, прибавляя реформатор, если разобрать их, основываясь на Писании, станет ясно, «каким духом они вдохновлены»²⁸. Поэтому Олаус решил опровергнуть их последовательно, пункт за пунктом. В целом «Ответ» Олауса Петри — апология учения Лютера. Реформатор указывал: Лютер не нуждается в защите, он

²⁷ Документ не сохранился.

²⁸ OPSS I. S. 154.

сам может за себя постоять. Но нужно восстановить справедливость, дать достойный ответ обвинителям²⁹.

Хельгесен заявлял: учение Лютера о свободе христианина привело к кровопролитию — крестьянской войне в Германии³⁰. Олаус не соглашался: следует видеть разницу между духовной свободой, которую проповедовал Лютер, и свободой мирской. Лютер никогда не посягал на авторитет светской власти:

«Действительно, Лютер много писал о христианской свободе, которую каждый христианин должен иметь в сердце вместе со знанием о Боге — осознавая, что Христос освободил его от греха и смерти. Поэтому он более не подвластен закону: грех, от которого должен предохранять закон, прощен; при этом закон все же будет блюстись. И эта свобода установлена духовно между Богом и человеческой душой, дабы царила любовь и дружба во имя милости христовой»³¹.

Следующим пунктом столкновения было учение Лютера об оправдании одной верой (в противовес католическому догмату о добрых делах). Олаус изложил здесь основу учения Лютера:

«Человек не может оправдаться перед Богом своими добрыми делами. Он всегда имеет грехи, за которые был бы осужден, если бы Бог судил его суровым судом, строго по деяниям. Никто не может собственными силами сдерживать заповеди Бога; напротив, человек всегда преступен перед Богом...».

Добрые дела всегда сопровождаются грехом. Поэтому никто никогда не станет столь угоден Богу, чтобы полностью оправдаться. Поэтому Господь послал человеку Христа:

«Великая милость Бога провозвещена нам в Евангелии. Когда мы утверждаемся в осознании этого, имея полную веру и доверие к Богу, не сомневаясь: то, что Он обещал нам во Христе, будет дано нам, Бог признает нас достойными стоять пред Ним. И, вместе с этой верой, которая сама есть дар Божий, в сердце человека пребывает Святой Дух, который сам — дар, посланный человеку через Христа. Дух так преобразует сердце, которое ранее было злым, что оно становится хорошим, и начинает стремиться к тому, что хорошо <...> Тогда-то начинает человек творить дела, угодные Богу — но не ранее».

²⁹ Ibid. S. 154—155.

³⁰ Ibid. S. 155.

³¹ Ibid.

Добрые дела — неизменно следствие веры:

«Все доброе дается нам милостью Божьей за веру, без какой-либо заслуги наших добрых дел. Также и добрые дела суть дар Божий, Как говорит во многих местах св. Августин, когда Бог вознаграждает нас за наши добрые дела, Он вознаграждает нас за свои собственные дела. Истинно добрые дела, повторяет в заключение Олаус — дела, творимые добрым сердцем в вере»³².

К учению о вере, разработанному Лютером, «местер Улоф» прибегал неоднократно, в частности, в «Малой постилле» — самостоятельном труде, созданном для приходских священников. В «Постилле» часто приводятся евангельские примеры «твердой веры». Священник, читающий проповедь, должен, по замыслу Олауса, разъяснять пастве, какая мораль следует из этих библейских эпизодов: «Воистину, если мы обретем полную веру и упование на Него и на то, что Он заповедал нам, то Он даст нам власть и силы стать детьми Божьими»³³. С другой стороны, добрые дела доказывают, что совершающий обладает истинной верой: «И служат эти дела братской любви, и по ним узнаем мы, что человек имеет истинную веру; лишь этой верой единой он обретает спасение»³⁴.

О необходимости веры в «лютеровском» понимании в проповедях Олауса говорится многократно: OPSS III. S. 103—104 — о безграничной милости Божьей; S. 107; 118; 143 — вечная жизнь и спасение дается только одной милостью Божьей, на которую следует уповать³⁵; S. 164—166 — необходимо осознать свою греховность и сокрушаться о ней, осознать милость и любовь Бога, обрести веру; S. 185 — когда человек, обретя веру, уповает на Христа. Он Сам начинает его учить, ниспосылая Святой Дух, благодаря которому открывается смысл Священного Писания; S. 204 — вера трудна, требуется терпение; S. 210 — главный грех — неверие, «осуждение следует единственно за неверие». Такое неверие — все равно что недоверие больных умелому лекарю: из-за этого недоверия больной умирает; S. 214—215 — слова Иисуса (Иоан.,16) о том, что молящемуся будет дано просимое, должны вдохновлять людей, склоняя их к упованию на милость Бога в вере. Аналогичные построения — Ibid. S. 229, 230, 234, 240, 245, 274—275, 305, 308—309. Имеющим веру на примерах Евангелия противопоставляются иудеи, не обладающим верой в Христа — S. 337—338. Примеры веры:

³² OPSS I. S. 162—163.

³³ Ibid. III. S. 47.

³⁴ Ibid. II. S. 377.

³⁵ Ср. также рассуждения о мессе из полемики с Паулем Хельгесеном: в богослужении должна разъясняться народу «огромная милость Бога». См.: OPSS I. S. 174.

исцеление больного (Матф., IX) — S. 355; возвращение к Богу мытаря Закхея, S. 357—365, подвиг Самсона — S. 366—371. В постилле говорится об «огромных и неопиcуемых благодеяниях Бога» — S. 381; только Бог может сделать людей добрыми и праведными — S. 415—417. Все хорошее — милость Бога, а не наша заслуга. Господь сулит награду на небесах, чтобы мы были стойки в вере — S. 422—423. Христос обещал воздать каждому на Страшном Суде по делам. Это означает: дела людей покажут, какова была их вера — S. 424. В «Постилле» значительное место занимают подобные библейские примеры и разъяснения необходимости веры. Фактически вера в лютеровской трактовке — главная тема «Малой Постиллы». А поскольку «Постилла» — самостоятельное и очень важное произведение Олауса, можно с уверенностью сказать, что «Местер Улоф» как проповедник выступает сторонником Лютера.

Однако Олаус подчеркивал, что не нужно безоговорочно следовать Лютеру: как и любой человек, он может ошибаться. Заслуга реформатора в том, что он сумел разъяснить Библию так, как оказались не способны до него другие теологи. Следовать же Лютеру нужно постольку, поскольку его указания соответствуют Библии³⁶.

С. Чёллерстрём, подводя итоги работы по изучению шведской Реформации, отметил, что ее главным объективным содержанием было создание национальной церкви³⁷.

И все же первый лидер шведских реформаторов Олаус Петри скорее считал своей задачей лишь непосредственное «спасение душ». Ибо сам «местер Улоф» не исключал, что Страшный Суд близок: «Мир сейчас настолько наполнился злом, что, похоже, скоро приблизится конец: нельзя будет стать еще озлобленнее и хуже»³⁸. Тем важнее идея Реформации, выраженной, прежде всего, в трудах Лютера: люди грешат по воле Бога; Господь как бы позволяет им падать, чтобы они осознали свою греховность и обратились к Нему.

Евангелические священники (так же, как правители и судьи) — исполнители воли Бога, и само движение — «дело Бога»: «Евангелическое дело — в ведении одного Бога: достигнет ли оно успеха — то будет деяние Бога, а не деяние человека». Это должны помнить евангелические проповедники³⁹.

Главная обязанность священников — проповедовать («должность священника есть должность проповедника»). В процессе проповеди Евангелия его внутренний смысл (Слово Божье) раскрывается людям, которые избраны Господом. Бог посылает им Святой Дух, открываю-

³⁶ OPSS I. S. 154—155, 167—169.

³⁷ *Kjöllerström S. Kyrka och samhälle i Sverige efter reformationen.* Lund, 1967.

³⁸ OPSS III. S. 24—25.

³⁹ *Ibid.* IV. S. 475.

щий избраннику волю Всевышнего и преображающий человека. Все это творит сам Бог, по воле которого и происходит контакт проповедника с паствой: «Бог, избирающий проповедников, избирает и людей, которые будут их слушать»⁴⁰.

Одним из главных (если не главным) аспектов учения Лютера был акцент на «пассивное» восприятие Бога, при котором человек полностью «осознает», что его «оправдание» и «спасение» целиком во власти Создателя, а сам он — субъект божественной воли. Такой подход, несмотря на разницу богословских «почерков», равно близок и Лютеру, и его последователю Олаусу Петри.

Итак, взгляды шведских реформаторов находились в тесной связи с потребностями и условиями Швеции. На первом этапе им было необходимо обосновать реформы «сверху», проводимые королем, подвергнув критике обычаи церкви. Вместе с тем в понятие «проповеди Слова Божьего», заключавшее в себе программу реформаторов по духовным вопросам и отраженное в резолюциях Вестеросского риксдага 1527 г., вкладывался духовный смысл: спасение Господом людей через ниспослание им Святого Духа, раскрывающего сокровенный, внутренний смысл изучаемого Писания.

Как говорилось выше, отказ от завершения перевода лютеровской «Летней постиллы» и переход к созданию оригинального сборника проповедей Олаус мотивировал тем, что проповеди Лютера неприемлемы для местных условий. В этой связи уместно поставить вопрос о специфике метода Олауса Петри как проповедника и его отношении к средневековой шведской традиции. Мнения исследователей по этому поводу расходятся. К. Вестман указывал, что проповеднический метод Олауса близок лютеровскому⁴¹. И. Брилиот, напротив, полагал, что «Малая постилла» Петри основывалась на средневековой традиции⁴².

Следует сразу отметить: не могло быть и речи о заимствовании реформатором содержания средневековых проповедей. Основная тема постилл — благочестие, основанное на добрых делах. Главные качества, которые стремятся воспитать в мирянах авторы, — смирение и щедрость. Конечно, и дореформационные проповеди содержат призывы к вере и упованию на Бога⁴³. Однако там эти призывы занимают второстепенное место. Хотя средневековый проповедник и уверял паству, что не следует отчаиваться, уповая на милость Бога⁴⁴, в другой проповеди он напоминал: нельзя злоупотреблять милосердием Создателя; помимо милости,

⁴⁰ OPSS IV. S. 482.

⁴¹ Ibid. III. S. IX.

⁴² *Brilioth Y. Predikans historia*. Lund, 1945. S. 175; cp. Ibid. S. 169.

⁴³ SMP V. S. 23, 152, 207; SMP IV. S. 1—11, 69—76, 136—137.

⁴⁴ Ibid. IV. S. 39—41.

есть и суд Всевышнего⁴⁵. Сама мотивация упования на Господа разная у средневековых проповедников и реформаторов. Согласно позднесредневековой постилле, верующий должен возлагать чаяния лишь на Бога потому, что велика награда на небесах:

«Господь дает нам, земным людям, великую надежду и упование, чтобы мы могли Ему сослужить некую службу в благодарность; тогда уготована нам награда на небесах <...> Наша награда на небесах многая, великая, дорогая, бесценная; она многая, ибо никто ее не может исчислить; она великая, ибо никто ее не может вообразить; она дорогая, ибо ее никто не может оценить или взвесить какой-либо мерой; она бесценна, ибо никогда не сможет кончиться или истощиться...»⁴⁶.

У Олауса мотивация упования иная: Господь обещает награду на небесах, чтобы укрепить нашу веру; уповать на Бога надо от души, бескорыстно⁴⁷.

Помимо разницы в основной тематике, есть и другие существенные отличия проповедей Олауса Петри от предшествующей традиции. В средневековых постиллах важное место занимает истолкование символики евангельских текстов. Например, семь хлебов, которыми Христос накормил голодных, олицетворяют семь церковных таинств. «Постилла» Олауса Петри не содержит подобных толкований библейской символики. Также отсутствует в «Малой постилле» и такой неотъемлемый элемент средневековой проповеди, как “*miracula*” — нравоучительные, зачастую фантастические рассказы о чудесах⁴⁸.

То, в чем Олаус Петри близок и, можно сказать, преемственен по отношению к средневековой традиции — это язык и стиль проповеди. Пастырская беседа — проста, доходчива, в плане языка отличается от лютеровской постиллы, однако имеет очевидные сходства с позднесредневековой католической гомилетикой. Особенно заметно сходство вводных фраз типа: «И, во-первых, учит нас здесь наш Господь...», «И, во-первых, следует уразуметь...», «И это для нас примечательное учение...» и т.п. Такие вводные предложения как бы образуют каркас проповеди и в средневековых постиллах, и в постилле Олауса. Достаточно близко Петри следует общей схеме средневековой проповеди (“*Expositio*” и “*Moralitas*”), зато у него отсутствует присутствующая у Лютера «Сумма» — резюме основного содержания евангельского текста.

Важным формальным показателем является объем проповеди. Произведенный мною подсчет показал, что Олаус отдавал предпочтение

⁴⁵ SMP IV. S. 207—208.

⁴⁶ Ibid. S. 153—154

⁴⁷ OPSS III. S. 424.

⁴⁸ По другой терминологии — “*exempla*” («примеры»).

объему, традиционному для шведских проповедей (в среднем около 2000 слов). Объем лютеровской проповеди значительно больше (до 9800 слов) и сильно варьирует. Олаус, как и авторы средневековых постилл, стабильно выдерживает объем около 2000 слов на протяжении всего церковного года. Значительные колебания объема соответствующих текстов Лютера можно, вероятно, объяснить тем, что отдельные места из Евангелий, на которые традиционно читалась проповедь, в разной степени иллюстрируют его учение. Олаус же выдерживает более ровные пропорции. Характерно, что Лютер исключил из календаря проповедь на праздник Тела Христова, тогда как у Олауса предусмотрена проповедь, хотя и небольшая по объему. В выборе мест из Нового Завета, на которые читалась проповедь, Олаус балансирует между средневековой традицией и Лютером. В большинстве случаев темы совпадают, однако при расхождениях Петри иногда решает как бы в пользу Лютера (например, на Троицу), а иногда — в пользу средневекового порядка (1 и 2 воскресенья после Троицы).

Итак, если содержание проповедей Олауса выдержано в новом — реформационном — духе, то в отношении формы мыслитель остался вполне консервативен. Иными словами — идейное новаторство взаимодействовало с местной традицией.

* * *

Подводя итоги главы, хотел бы напомнить, каковы были этапы изучения взглядов Олауса Петри как реформатора. Вплоть до начала XX столетия историки видели в нем верного последователя Лютера. Специалисты XX в. — К. Бергендофф, С. Ингебранд, К. Гардемейстер и др. — приложили усилия, чтобы обогатить представления об Олаусе Петри. Ученые стремились показать — он не являлся простым подражателем или «копией» немецкого реформатора, а кроме сочинений Лютера, читал труды других богословов, испытывая влияние их идей. Однако в наше время, когда в науке была сделана попытка отвергнуть реформационный характер преобразований в Швеции 1520-х гг., мне представилось важным показать, что один из тех, кто руководил этими преобразованиями — Олаус Петри — являлся, прежде всего, последователем Лютера. Указанную задачу, думается, вполне удалось решить в данной главе.

Глава VIII

Реформатор
в роли историка:

«Шведская хроника»

Олауса Петри

§ 1. Роль исторических трудов в жизни и творчестве Олауса Петри

Цель заключительной главы предлагаемой читателю монографии — проанализировать, как духовный лидер шведских реформаторов Олаус Петри проявил себя в качестве историка; она открывается разделом о роли истории в деятельности и творчестве «Местера Улофа». Далее представлена историография «Шведской хроники», прослеживается содержание как известных трудов, так и редких работ. В следующих разделах я освещаю вопрос о публикациях и источниковедческих исследованиях «Шведской хроники» и привожу результаты собственной научной работы с рукописями — в частности, с манускриптами, хранящимися в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). Важность указанной работы с российскими рукописями обусловлена тем, что мною впервые предпринято исследование всех четырех списков хроники Олауса Петри, хранящихся в Санкт-Петербурге. Дальнейшие разделы посвящены историческому содержанию «Шведской хроники» и ее ключевым идеям. Некоторые выводы носят полемический характер и апробированы в российской и зарубежной научной периодике.

* * *

Основные факты биографии Олауса Петри освещены в предыдущих главах данной книги. Здесь необходимо дать очерк тех событий и этапов его пути, которые связаны с историческими студиями.

К таким этапам следует, вероятно, отнести учебу в Виттенберге в годы, когда там преподавал Филипп Меланхтон, который, как известно, являлся не только выдающимся богословом и реформатором, но и крупным историком. Меланхтон был страстно увлечен историей, пропагандировал эту отрасль знания в своих сочинениях и лекциях. Весьма вероятно, что его устное и печатное слово произвело впечатление на Олауса Петри, вдохновило его на создание собственного исторического труда.

Следующая важная веха в становлении Олауса как историка — первые годы после возвращения на родину. И здесь значимым обстоятельством оказалось то, что Олаус поступил на службу именно к стренгнесскому епископу. В Стренгнесском диоцезе к тому времени уже сложились традиции ученых занятий, заложенные видным церковным деятелем XV в. епископом Куртом Рогге. В свое время Рогге, шведский клирик из натурализованных немцев, отдал в залог свои земельные

владения, чтобы совершить путешествие в Италию и пополнить там свое образование. Из Италии Рогге привез много книг, в том числе немало исторических сочинений, прививая в дальнейшем своим собратьям интерес к ученым трудам, среди прочего и историческим. Этот интерес унаследовал преемник Рогге — епископ Маттиас Грегории (в миру — Матс Грегорссон). Очевидно, важную роль в становлении Олауса Петри как историка сыграло то, что он стал секретарем епископа Маттиаса, а затем был тем же иерархом рукоположен в диаконы.

В старинных биографиях Олауса Петри сообщается, что сразу после «Стокгольмской кровавой бани» «местер Улоф» направился в Стренгнес и забрал исторические документы, которые хранились в епископской канцелярии; впоследствии он использовал их, работая над «Шведской хроникой». Современные ученые сомневаются в достоверности этого сообщения; однако нет и никаких сведений, которые бы его опровергли.

Зато очевидно, что в становлении Олауса как историка большую роль сыграла его последующая служба в магистрате Стокгольма. Петри не только вел протоколы магистрата, но и изучал записи предшественников, а также штудировал шведское городское право и интересовался историей Стокгольма и других городов — как шведских, так и зарубежных.

Закономерно, что уже в первых печатных трудах Олауса Петри проявились и его исторические интересы. В одной из ранних богословских работ — «Полезном наставлении» — содержатся ссылки на древних историков. В предисловии к Новому Завету есть исторический экскурс: переводчик объясняет, как в Европе распространялось христианство, чтобы читатель понял, почему месса совершается на латыни¹.

Во второй половине 1520-х гг. Олаус, как уже говорилось выше, создал несколько крупных полемических трудов, отстаивая учение Лютера, но при этом опираясь на широкий круг авторов и во многих случаях рассуждая самостоятельно². Показательно, что и в данных трудах он проявил себя не только как богослов, но и как историк.

Это видно на примере полемики с Паулюсом Элизэ. Отвечая на суждения оппонента о том, что учение Лютера привело к кровопролитию, Олаус возражал: свобода, которую проповедует реформатор — исключительно духовная. Лютер не призывал к неповиновению; напротив, всегда говорил о покорности властям. А если кто-то извратил его высказывания, истолковав их как призывы к восстанию, то Лютер в этом не виноват.

¹ OPSS I. S. 131. Cp.: *Ingebrand S. Olaus Petris reformatoriska åskådning*. S. 33.

² См.: *Ingebrand S. Op.cit.* S. 34—39 et pass.; *Bergendoff C. Op. cit.* P. 112—146; *SKN III*. S. 131—140.

Однако, продолжал Олаус, кое-кто действительно отказался повиноваться властям. Это — папа и его приспешники. Доказательства содержатся в исторических трудах и книгах папских законов. Христос велел отдавать кесарю кесарево, апостол Петр платил налоги, а папы, выдавая себя за наместников Христа и преемников Петра, лишают светскую власть законных доходов.

«Ты, Паулюс, говоришь, что Лютер натравил друг на друга тех, кому подобало жить в мире и согласии? Нет, не Лютер это сделал, а папа и его приспешники. Папа стравливал государей, заставлял купаться в крови друг друга — так было не раз и не два. Что сотворил Григорий VII и многие его преемники? Изучи истории³, и поймешь. Но нужно ли смотреть так далеко? Что творится в наше время? Папа поддерживает то императора, то французского короля, то венецианцев; и натравливает их всех друг на друга, и гибнут сотни тысяч людей...»⁴.

В числе прочего⁵, Паулюс Элиэ заметил, что Лютер сам себе противоречит: то утверждает, что церковь заблуждается уже 300 лет, то — уже 1000 лет, то — 1300 лет. Олаус возражал: Лютер — смертный человек, он может и ошибаться. Ведь заблуждались порой и древние учителя: Тертуллиан, Ориген, Киприан, Иероним, Августин⁶.

Еще одно обвинение заключалось в том, что Лютер не признает никаких священных книг, кроме Нового Завета, да и тот — отнюдь не целиком: отвергает Евангелие от Матфея, Марка, Луки. Олаус возразил: Лютер признает все четыре Евангелия, отвергает лишь послание апостола Иакова. Но в достоверности этого послания ученые мужи сомневались еще за 1200—1300 лет до Лютера. Об этом писали Евсевий и Иероним; ясные доводы по данному предмету содержатся у Эразма Роттердамского⁷.

Особое место в полемике Олауса Петри с Паулюсом Элиэ занял вопрос о свободе воли. Олаус изложил мнение Лютера: промысел Божий неизмеримо выше человеческого ума. Все совершается по воле Бога; об этом свидетельствуют многочисленные сочинения, в том числе исторические труды⁸.

Спор коснулся и других вопросов: о богослужении, о причастии, о значении добрых дел. Интересен круг источников, использованных Олаусом: это, прежде всего, Библия и труды Лютера, но также произведения святых отцов, постановления вселенских соборов, исторические сочинения.

³ Исторические труды.

⁴ OPSS I. S. 158.

⁵ См. также: Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг... С. 128.

⁶ OPSS I. S. 167—168.

⁷ Ibid. S. 170.

⁸ Ibid. S. 189—190.

Олаус обращался к историческим трактатам и в полемике с Педером Галле. В «Ответах на 12 вопросов» важной оказалась историческая аргументация. Петри подчеркивает, что церковные обычаи менялись, ведь об этом свидетельствуют исторические труды и папские законы. Например, в древности христианам было запрещено употреблять в пищу кровь и удавленную; впоследствии запрет отменили. У ранних христиан в одном городе могло иметься несколько епископов; затем такой порядок упразднили

Напомним, что в 1528 г. увидели свет еще два полемических сочинения Олауса: «О браке» и «О монастырской жизни». И вновь, в числе прочих доводов, «мистер Улоф» использовал исторические аргументы. В трактате «О браке» говорится: браки угодны Богу и заповеданы Им. В брак надлежит вступать всем. Те, кто запрещают духовным лицам супружество, отступают от заповеди Господа, прегрешают против природы. Нарушаются тем самым и постановления церковных соборов — Никейского, Константинопольского. Далее Олаус доказывает: безбрачие духовенства установилось далеко не сразу. Папы многократно издавали все новые и новые постановления на этот предмет. Для священников Норвегии и Швеции запрет вступать в брак был издан в 1240 г. папским легатом Вильгельмом Сабинским. А что касается всей Римской церкви, то последний запрет на браки духовенства издан папой Климентом V на церковном соборе в Вене. Итак, заключает Олаус, многие духовные лица противились запрету на браки; окончательно его ввели лишь 200 лет назад

Из этого видно, что в сочинении «О браке» историческая аргументация использована отнюдь не как второстепенная. Еще большую роль она сыграла в полемическом трактате Олауса «О монастырской жизни»⁹.

Прежде всего, Петри напоминает: есть разные точки зрения относительно происхождения монашества. Существует мнение, что оно восходит к ветхозаветным временам. Олаус не соглашается: в Ветхом Завете говорится не о монахах, а о пророках, посланцах Божьих, а это «куда больше, чем монахи». Некоторые, например, Кассиан, считают: первыми монахами являлись члены древней христианской общины в Иерусалиме; данная гипотеза основана на сочинениях Дионисия и Филона. Эта версия Олаусу представляется крайне спорной: во-первых, упомянутый Дионисий — совсем не тот Дионисий Ареопагит, который известен со времен апостолов, а другой автор, живший значительно позже¹⁰. Относительно Филона не ясно, что именно он описал: христианскую общи-

⁹ Ср.: SKN III. S. 184.

¹⁰ Олаус ссылается здесь на исследование Лоренцо Валлы.

ну, или иудейскую секту ессеев. Если все же речь шла о христианах, то не очевидно, что они были монахами: ведь жизнь первых христиан, как свидетельствует Иероним, во многом близка монастырскому укладу. Третья точка зрения: основоположником монашества был пустынножитель Антоний. Данную версию разделял св. Иероним; Олаусу Петри она тоже кажется наиболее основательной. Косвенное подтверждение «местер Улоф» находит у Иоанна Златоуста: отец церкви сообщает, что во времена апостолов монашество еще не существовало¹¹.

Далее Олаус задается вопросом: почему древние христиане избирали монашескую жизнь? Он приводит две точки зрения: 1) христиане полагали, что следовать Божественным заповедям легче сообща, чем порознь, живя в городах; 2) христиане спасались от преследований со стороны языческих правителей. Вторая точка зрения Олаусу кажется предпочтительной.

Но как бы там ни было, продолжает Петри, всеми признано, что монашество широко распространилось во времена Антония — через 300 лет после Вознесения Христова. Здесь мы видим образец рассуждений, весьма характерных для реформатора, когда он выступает в качестве историка. Автор параллельно приводит различные мнения, высказывает свое суждение, но не присоединяется окончательно к той или иной версии, а переходит к более очевидным фактам.

В центральной части трактата Олаус стремится убедить, что монашеские обеты не нужны и вредны. Опорой Петри служит здесь Священное Писание; историка сменяет богослов. Ближе к концу сочинение снова обретает черты исторического повествования: Олаус рассказывает, как со временем испортились нравы монахов, как богословы критиковали их злоупотребления, приводит конкретные примеры таких злоупотреблений¹².

Как пример исторического подхода в богословской полемике Олауса интересен «Малый ответ Паулюсу Элиэ». После Вестеросского риксдага 1527 г. Паулюс Элиэ написал Густаву I письмо, в котором объявил: шведы отпали от истинной веры, которую в древности проповедовали миссионеры Ангарий и Сигфрид. Сбылось пророчество, упомянутое в житии св. Сигфрида: Швецию постигла расплата за то, что некогда жители страны убили невинных проповедников, обращавших людей в веру Христову.

Олаус возразил: первые миссионеры — Ангарий и Сигфрид — проповедовали Слово Божье. Именно к этой вере Швеция должна вернуться — вот почему необходима реформа церкви.

Вторая половина 1520-х гг. была у Олауса загружена проповедями, полемикой, просветительскими трудами. А между тем «местер Улоф»

¹¹ OPSS I. S. 477.

¹² Ibid. S. 504—511.

регулярно ходил на службу, вел городскую памятную книгу, занося в нее протоколы заседаний магистрата, решения суда, записи об имущественных сделках, копии важных документов. По этой части Олаус не вводил никаких новшеств — просто следовал примеру предшественников. Новаторство «местера Улофа» проявилось в другом: он впервые написал комментарий к шведскому городскому законоуложению — Стадслагу.

И вновь — весьма простое сочинение. Но и за ним стояла сложная работа. «Местер Улоф» имел дело не с одним списком Стадслага, а с несколькими: сверял их, выявлял разночтения. В ходе работы обращался к древнейшему своду шведских городских законов — Бьёркёарэттен, а кроме того — к областным законам. Штудировал римское право, которое сопоставлял с древнешведским. Многие сведения, приведенные в комментариях к Стадслагу, тематически близки «Шведской хронике» — главному историческому труду «Местера Улофа».

К историческим сочинениям Олаус обратился и в одном из самых страстных и драматичных сочинений — «Проповеди против страшных клятв». Речь шла о кощунственных клятвах, в которых упоминалось имя Бога.

В проповеди говорится:

«Бог всегда посылает суровые бедствия за грехи и безбожие людей. В этом можно убедиться на многочисленных примерах из древности. Поэтому нет сомнений, что страшные клятвы, которые ныне распространились больше, чем когда бы то ни было, неминуемо вызовут гнев Господень. Ведь это — преступление против самого Бога. Клянутся ранами Христовыми, смертью и муками Христа, кровью и легкими Господа. Люди уже перестали замечать, что говорят. А ведь кощунствуя, они поступают хуже, чем те, кто распял Христа. Бог не торопится с наказанием, но тем страшнее будет кара. Мир предельно озлоблен, проникнут кощунством; грядущая кара обратит мир в ничто. И дьявол, зная, что приходят последние дни, вышел на свободу и беспрепятственно правит миром...

Властям нужно строго наказывать богохульников. Известно, что иудеи побивали их камнями. Многие христианские государи тоже сурово карали подобных преступников. Император Юстиниан казнил таких людей. Французский король Филипп, как сообщают, топил богохульников. В хрониках можно прочесть, что св. Людовик, который около 300 лет назад правил Францией, за кощунство прижигал рот каленым железом. Однажды он наказал подобным образом парижского горожанина; это вызвало возмущение. Тогда св. Людовик ответил: он с радостью сам себе прижег бы рот, если бы это помогло искоренить кощунство во всем королевстве. Вот речь, достойная христианского государя. Но нынешние правители не таковы: им следует карать за кощунство, а они сами кощунствуют больше всех...».

«Проповедь против клятв» возмутила Густава Васу. Это, по словам короля, призыв к мятежу, а не христианское поучение. Отныне, заявил Густав I, ни одна работа не должна печататься без одобрения государя. Так в Швеции появилась королевская цензура.

Другое противоречие возникло в связи с вопросом о руководстве церковью. «Старые» лидеры реформаторов — Лаврентиус Андреэ и Олаус Петри — хотели, чтобы новая, реформированная церковь сохранила самостоятельность. А Густаву I в конце 1530-х гг. требовалась церковь, подобная англиканской, т.е. подчиненная монарху. Вопрос о судьбе шведской церкви надлежало решить на совещании духовных лиц в Уппсале; король в то время тяжело болел. «Местер Улоф» и «местер Ларс» отказались подписать резолюцию, угодную государю. Некоторые участники колебались, т.к. для них вопрос о присоединении к резолюции был связан с другим вопросом: выздоровеет ли король? Густав Васа поправился; Лаврентиус Андреэ и Олаус Петри, как противники «королевской» церкви, остались без поддержки. Возможно, «местер Улоф» предвидел такой исход: незадолго до этих событий он был рукоположен в священники (до этого он по-прежнему оставался диаконом). Вероятно, Петри надеялся, что более высокий духовный сан поможет защититься от гнева монарха.

Было и еще одно обстоятельство, которое раздосадовало Густава Васу. Король ознакомился со «Шведской хроникой» «местера Улофа» — по-видимому, в ранней редакции. Знакомство было, судя по всему, беглым; так или иначе, король нашел в хронике нежелательные мысли.

Кульминация наступила в конце декабря 1539 г. В Эребру — родном городе Олауса Петри — состоялся суд; председательствовал канцлер короля, немецкий юрист Конрад фон Пюхю. Было оглашено обвинительное заключение: Лаврентиус Андреэ — «местер Ларс» «склонял короля к реформам свыше меры, и неминуемо завлек бы в пучину, если бы Его Величество не выплыл самостоятельно на берег». Кроме того, «местер Ларс» прельщал монарха красивыми речами о том, что надо ограничить власть епископов. Но сам он оставался при таких убеждениях не дольше, чем Адам находился в раю: «попятился назад, как рак в воду, желая вернуть епископам былое могущество». А «местер Улоф», говорилось далее, овладел многими свободными искусствами: теологией, правом, медициной; но ему показалось мало, и он посягнул на еще одну почтенную науку — астрономию: толкуя небесные явления, призывал к мятежу. Такие призывы содержатся в проповедях и хронике «местера Улофа». Обвиняемые проповедовали на манер анабаптистов, водили дружбу с главарями заговорщиков, знали о заговоре, но не сообщили властям. В общем, не желали успокоиться, покуда не погубят короля и страну.

Суд вынес приговор обоим реформаторам: смертная казнь через отсечение головы. «Местер Улоф» и «местер Ларс» обратились с просьбой о помиловании. Ходатайство было удовлетворено; смертную казнь заменили крупными штрафами. За Олауса Петри штраф заплатил Стокгольм.

У историков суд в Эребру вызывает различные толкования. Действительно ли Олаус Петри и Лаврентиус Андреэ были осведомлены о заговоре? Можно ли считать их политическими оппозиционерами? Хотел ли Густав Васа их казнить? Ответы на эти вопросы противоречивы. Во всяком случае, очевидно: большинство обвинений, выдвинутых против реформаторов, нелепы и по содержанию, и по форме. Король, вероятно, намеревался припугнуть «местера Улофа» и «местера Ларса», отстранить их от большой политики, от руководства реформами.

Впрочем, опала была недолгой. Уже в мае 1541 г. оба помилованных реформатора — Олаус Петри и Лаврентиус Андреэ — заседали в составе королевского суда. Слушалось дело о кощунстве. В одном из приходов области Уппланд крестьяне, недовольные новым настоятелем, учинили беспорядки, сорвали пасхальное богослужение, угрожали расправой над священником. Особенно кощунственным был поступок некоего Матса: он пошел причащаться, будучи пьян. Потом его вырвало, и он, собрав блевоту в варежку, пошел к служанке священника и попросил, чтобы она эту варежку сожгла. Затем он продолжал пьянствовать и кощунствовать. Его приговорили к повешению, объявив, что следовало бы заживо разорвать раскаленными щипцами — настолько велико его преступление против Бога и властей. Приходу было предписано найти зачинщиков беспорядков. В противном случае прихожане обязывались заплатить огромный коллективный штраф — 3000 марок¹³. Несомненно, на приговоре отразились взгляды Олауса Петри, его борьба с богохульством.

В том же 1541 г. переиздали труды Олауса Петри — канон шведской мессы и требник. Правда, на титульном листе обеих книг имя автора не значилось. Но в данном случае это, по-видимому, свидетельствовало не столько об опале, сколько о том, что руководства для священников, созданные Олаусом Петри, стали рассматриваться как официальные¹⁴.

И, наконец, в 1541 г. Олаус получил от короля примечательное письмо. Там говорилось: монарху стало известно, что Петри некоторое время назад сочинил хронику — по-видимому, компиляцию, основанную на хронике «доктора Эрика», некогда члена Упсальского соборного капитула. Между тем, пишет далее государь, из упомянутой хроники

¹³ Подробно см.: *Щеглов А.Д.* Реформация и шведский суд в 20-е—40-е гг. XVI в. // *Право в средневековом мире.* М., 2001. С. 155—165.

¹⁴ См.: *SKH III.* S. 293—294.

«доктора Эрика» следует: сочинитель куда больше благоволил королям и епископам с их духовными вольностями, чем королям и знати Швеции. А ведь «местеру Улофу» известно: епископы в старину приносили шведским государям много вреда. В упомянутой хронике «доктора Эрика» есть немало полезных отрывков, но достаточно и таких, которые побуждают скорее к мятежу и непокорности властям, нежели к миру и согласию. Монарху известно, что «местер Улоф» намерен подготовить свою хронику к печати. Нужно, чтобы он опубликовал такой труд, который будет способствовать миру и спокойствию. Посему король желает, дабы «местер Улоф», не откладывая, написал историю деяний монарха; от такого труда будет куда больше проку, чем от сочинений, ранее им опубликованных. В этой хронике необходимо описать, как король освободил Швецию от Кристиана II, какие опасности и лишения перенес, как боролся с мятежниками и внешними врагами. Олаус Петри должен изложить все это, и при первой возможности послать готовый труд государю. А король распорядится, чтобы придворный живописец иллюстрировал это произведение¹⁵.

В 1542 г. Олаус, по-видимому, вновь был востребован в качестве советника по правовым вопросам. На королевский суд вынесли несколько сложных дел. Так, в одном случае речь шла о женщине, которая «умертвила собственную плоть и кровь» (т.е. совершила аборт или же убила новорожденного младенца). В другом — обвиняемым явился крестьянин, уличенный в прелюбодеянии с сестрой жены. По этому поводу король пространно рассуждал, ссылаясь на исторические сочинения, что Бог всегда наказывал людей за разврат¹⁶. Имя «местера Улофа» в королевской резолюции не упомянуто. Однако характер рассуждений (столь знакомый по некоторым произведениям Петри), ссылка на исторические труды — все это говорит о том, что короля и в данном случае консультировал именно Олаус.

Итак, реформатор был по-прежнему нужен монарху — как правовед, богослов, историк. Король позаботился о материальном благополучии «местера Улофа»: пожаловал ему в 1542 г. право взимать в свою пользу церковные доходы в приходе Аделунда (том самом, где было совершено кощунство на Пасху). В том же году государь назначил Олауса смотрителем стокгольмской школы. В 1543 г. по рекомендации короля «местер Улоф» получил пост настоятеля Стокгольмской городской церкви — одну из важнейших церковных должностей тогдашней Швеции.

«Местер Улоф» был реабилитирован. Взамен от него требовалась лояльность. Одному из своих доверенных лиц монарх поручил провести

¹⁵ SRS II. S. 151—152.

¹⁶ Щеглов А.Д. Реформация и шведский суд... С. 161—162.

беседу с Олаусом и выяснить, каковы его настроения. Если он проповедует покорность властям, его следует оставить в покое; если нет — возможен иной исход дела.

В 1544 г. произошло событие, показавшее, что Олаус Петри по-прежнему востребован как идеолог «королевской Реформации». На риксдаге, который вновь состоялся в Вестеросе, Густав Ваза провозгласил Швецию евангелическим королевством. Лютеранская вера была объявлена обязательной для всех. В обращении к сословиям Густав Ваза сослался на пример древних пастырей — Ансария и Сигфрида, которые проповедовали в Швеции истинную веру. Идею о том, что реформаторы являются наследниками древних миссионеров-крестителей, король, несомненно, заимствовал у Олауса Петри.

О последних годах Олауса Петри известно сравнительно немного. По данным городской книги можно судить, что «местер Улоф» сохранил связи со стокгольмскими бюргерами, пользовался среди них авторитетом. Часть времени он, несомненно, посвятил доработке «Шведской хроники». Написал небольшие сочинения, связанные с исторической тематикой: перечень шведских городов и церковных приходов, руководство по чтению рунических надписей. Продолжал составлять нравоучительные труды, в том числе — упомянутую выше «Комедию о Товии».

Густав Ваза по-прежнему ценил Олауса как знатока по части богословских вопросов. В конце 1540-х гг. император Карл V потребовал, чтобы скандинавские государи присоединились к перемирию между католиками и протестантами на предложенных им условиях. Густав I пригласил Петри для совещаний по этому поводу. Изучив условия перемирия, Олаус заключил: для Швеции оно неприемлемо, в нем много ненужных уступок папистам. Данная позиция отразилась в постановлении шведского духовенства по поводу перемирия¹⁷.

Олаус Петри умер 19 апреля 1552 г. и был похоронен в Стокгольмской городской церкви. А спустя небольшое время король вновь разгневался на «местера Улофа», теперь уже покойного. Монарх внимательно прочел рукопись «Шведской хроники» и пришел в ужас. Есть сведения, что государь в ярости вырывал из книги страницы, топтал фолиант ногами. Свой гнев король излил в письмах сыновьям — принцам Эрику и Юхану, а также в послании к архиепископу Лаврентиусу Петри.

В первом послании принцам (23 декабря 1554 г.) король известил сыновей, что разгневан на стренгнесского епископа Ботвида: тот, мол, вопреки воле монарха, тайно изготовил копии хроники «местера Улофа». А ведь во многих местах труда содержатся лживые измышления о государях Швеции и, напротив, почти ничего не сказано о тех, кто до-

¹⁷ SKN III. S. 330—332.

стоин порицания. Хронику нельзя публиковать, пока она не будет серьезно переработана.

Королю, говорится далее, известно: о нем втайне пишут хронику. Раз создатели не спешат ее обнародовать, значит, труд содержит нападки на монарха. А между тем он заслужил другое отношение. Также королю известно, что стокгольмский капеллан, герр Педер Эрици посвящен в дела Олауса Петри и, вероятно, что-то знает о хронике, которую скрывают от государя. По сведениям короля, именно Педер Эрици послал епископу Ботвиду образец «Шведской хроники», с которого были сделаны списки. Король просит направить к нему герра Педера Эрици вместе со всеми документами, которые тот получил от «местера Улофа». Государь хочет, чтобы было расследовано, есть ли у Педера Эрици или еще у кого-либо документы о том, как епископы в былые времена чинили козни правителям. Об этих кознях нужно поведать в хронике: ведь именно от них страдало Шведское королевство. А «местер Улоф» вообще не касается этого предмета¹⁸.

Спустя два дня — 25 декабря — Густав Васа направил принцам второе письмо. Король по-прежнему возмущен: некие духовные лица, вопреки его воле, распространяют «Шведскую хронику» среди жителей страны, особенно дворян и других подданных, которые, вероятно, обижены на монарха — например, из-за распоряжений о каких-либо земельных владениях. Густав I убежден: «Местер Улоф» сохранил государственные документы, к которым имел доступ его начальник — епископ Матс. Было бы хорошо выяснить, писал король, к кому перешли эти документы после смерти «местера Улофа». Густав I поручил принцам расследовать данный вопрос.

Король по-прежнему возмущен взглядами, изложенными в «Шведской хронике». «Местер Улоф» считает, что в бедствиях Швеции виноваты ее государи. А на самом деле они не жалели сил ради отечества. Автор, сокрушается государь, даже не упоминает о кознях епископов; хроника больше проникнута папистскими настроениями, чем истинным евангельским духом. Удивительно, с какой настойчивостью служители церкви все время пытаются наставлять государей — хотя Христос учил, что народами правят цари. «Местер Улоф» чернит короля и его род. Пишет, что бонды избрали Стена Стуре правителем, т.к. их щедро угостили пивом. Хвалит изменников, перешедших на сторону датчан. В хронике есть еще многое, что противоречит сочинениям, которые Олаус Петри написал, когда начал проповедовать в Швеции евангелическое учение¹⁹.

¹⁸ SRS I. S. 152.

¹⁹ Ibid. II. S. 153—154.

Поручения Густава Васы были исполнены. Уже в начале января следующего года принц Эрик произвел учет древних письменных памятников из библиотеки «местера Улофа» и доложил о результатах королю. Спустя небольшое время принц Эрик известил монарха о сочинениях, обнаруженных у зятя «местера Улофа», в том числе, о списках «Шведской хроники».

Обвинения в адрес «местера Улофа» король изложил и в письме к брату покойного реформатора. «Местер Улоф», указывает король, отдал предпочтение папистским взглядам, порочит достойных правителей, молчит о происках епископов, хвалит изменников. Король написал архиепископу прислать все списки хроники, какие имеются; эти списки надлежит уничтожить. Доступ к сочинению должен быть закрыт, покуда оно не подвергнется существенному исправлению.

Архиепископ ответил весьма резким письмом, отказался выполнить требования короля и обвинил его в преследованиях духовенства. Густав Васа впал в ярость: «Местер Улоф» и его помощники поступили несправедливо, уподобились изменникам. Монарх выдвинул против Олауса Петри множество обвинений.

Во-первых, «местер Улоф» уподобляет тех, кто живет в замках и крепостях чудовищам, троллям, драконам, змеям. А злоумышленников, что предали отечество, величает героями и уважаемыми людьми.

Во-вторых, в числе других непристойностей сообщает, что гордыня шведов — причина вражды между шведами и датчанами. А между тем истинная причина — козни датчан, их лживые обещания и грамоты, попытки поработить шведов. Следовательно, «местер Улоф» — изменник родины.

В-третьих, он пишет, что в Шведском королевстве при иноземных государях дела обстояли не хуже, чем при правителях-шведах. Он гнусно лжет: шведы прекрасно знают, какой произвол учинил король Кристиан в 1520 г., когда пришел к власти. Нечто подобное случилось в 1363 г. при короле Альбрехте Мекленбургском.

В-четвертых, он утверждает, что сообщения древних авторов о сваях и готах лживы. Пусть каждый достойный человек и истинный христианин рассудит, хорошо ли так отзываться о своей родине.

В-пятых, «местер Улоф» порочит отечество: утверждает, что шведы не платят долги. «Даже если сие и правда, следовало об этом молчать. А получалось, как в поговорке: мерзкая птица в свое гнездо гадит».

В-шестых, Петри хвалит тех, кто основывал и строил церкви и монастыри, дарил им владения. А между тем он первым осудил подобные папистские деяния. Итак, он совершил преступление против христианской веры; он богоотступник и изменник, заслужил кару от Господа и людей.

В-седьмых, он утверждает: поскольку король имеет право требовать от простых людей налоги и подати, постольку и народ имеет право требовать от государя, чтобы блюлись законы и право. Можно подумать,

государь кому-либо в этом отказывал! Напротив, он обращается с подданными так, что ни у кого нет причин жаловаться.

В-восьмых, «местер Улоф» бесчестит христианских государей: говорит, будто они не «Амбарные замки», а «Амбарные воры»; да еще и уверяет, что король Магнус «Амбарный замок» достоин называться римским цесарем. Очевидно, он насмехается над христианскими государями, порочит их доброе имя.

В-девятых, «местер Улоф» приводит множество лживых измышлений относительно шведских государей, верно служивших отечеству. Обвиняет Стена Стуре Старшего в самоуправстве: он, мол, не считался с мнением Государственного совета. А ведь епископы и прелаты, что входили в этот совет, были предателями, старались возвести на трон иноземцев. Итак, «местер Улоф» и его помощники, — заключил монарх, — поступили как изменники, клеветники²⁰.

По-видимому, в связи с такой критикой, Лаврентиус Петри пошел на уступки: создал свою версию «Шведской хроники». Там присутствовали официально-патриотические мотивы. Прославлялись деяния древних готов. Воздавалась хвала Энгельбректу Энгельбректссону и другим героям борьбы против датских королей. Усилились негативные характеристики государей-иноземцев. Были удалены нежелательные подробности, касающиеся шведских правителей.

В итоге Лаврентиус Петри сохранил позитивные отношения с королем, остался на должности архиепископа. В 1557 г. он выполнил важное поручение Густава Васы: возглавил шведское посольство в Московию. Потом в Швеции ходила легенда, будто бы шведский архиепископ вел в Московии диспут с русским патриархом по поводу почитания икон. На самом деле, патриархов в России в то время еще не было; а впрочем, не исключено, что Лаврентиус Петри действительно вел богословские споры с кем-то из русских духовных лиц.

Что касается «Шведской хроники», то часть списков, по-видимому, была конфискована и уничтожена. Но делались все новые и новые списки; остановить распространение хроники оказалось невозможно. После смерти Густава Васы (1560) у произведения уже не осталось ярых противников.

Олаус Петри, конечно, не был изменником или злоумышленником. Обвинения Густава Васы на этот счет чрезмерно суровы, а подчас несправедливы и даже комичны. По всей видимости, «местер Улоф» просто стремился соблюсти важнейший принцип хрониста — беспристрастность. Вместе с тем «местер Улоф» кое-что написал в укор государю, который на поверку оказался так далек от идеала.

²⁰ SRS II. S. 156—160.

Приведенный нами материал имеет немаловажное значение для дискуссии о личности Олауса Петри. Ученые не раз определяли Олауса, прежде всего, как богослова, и уже в этой связи, и во вторую очередь — историка. Однако мы убедились, что интерес к историческим штудиям сопутствовал Петри всю жизнь. Если и справедливо будет сказать, что Олаус — реформатор, которому довелось выступить в роли историка, то не менее верно и другое: он был историком по призванию, и в то же время ему довелось принять активное участие в Реформации. Оба аспекта личности «местера Улофа» взаимно дополняли друг друга.

§ 2. Исследования хроники. Научная оценка «Шведской хроники» как исторического произведения

Цель данного раздела — осветить важнейшие этапы исследования «Шведской хроники» и ее оценки как исторического произведения, охарактеризовать основные тенденции в изучении. При этом будут рассмотрены как классические фундаментальные труды, так и менее известные, более редкие работы.

Научное изучение хроники Олауса Петри началось еще до ее публикации. В конце XVIII в. она привлекла внимание француза Л.Ф. Гинемана де Керальо — исследователя рукописей, хранившихся в парижской Королевской библиотеке. Среди манускриптов имелся список «Шведской хроники» Олауса Петри; анализу данного экземпляра Керальо посвятил небольшое исследование²¹. Керальо оценил достоинства «Шведской хроники»: стремление автора к объективности, отказ от официального урапатриотизма. В отношении содержания памятника ученый сделал вывод: Олаус во многом следует земляку и предшественнику — Эрикусу Олаи; при этом сведения обоих шведских хронистов существенно отличаются от данных, приводимых древнеисландскими авторами.

В то же время Керальо подверг критике некоторые сообщения Олауса Петри — например, упоминание о том, что миссионер Ангарий прибыл в Швецию в 845 г. (тогда как из жития Ангария следует, что он приехал в 831 или 832 г.). Не согласился Керальо и с заявлением Олауса, что король у шведов в древние времена «сам был книгой законов»:

²¹ Keralio [L.F.G.] Notice d'un manuscrit suédois de la Bibliothèque du roi. P., 1787; *Idem*. Chronicon regum sueciae scriptum ab Olao Petri / Nach einer schwedischen Handschrift herausgegeben. Hildburghausen, 1793.

у древних шведских государей, возразил ученый, отсутствовали такие значительные полномочия; законотворчеством и правосудием ведали законоговорители — лагманы, а также суды — тинги²².

Исследование Керальо долго оставалось единственной работой, посвященной «Шведской хронике» как историческому произведению. Следующий научный труд на ту же тему был создан в конце XIX в. Шведский историк Л. Ставенон написал монографию, в которой дал оценку «Шведской хронике»²³. Ученый отметил, что повествование в произведении не однородно. Первая половина, где описано раннее и зрелое Средневековье, насыщена красноречивыми рассуждениями. Дальнейшее изложение является более сухим, фактографичным; автор не часто комментирует им же реконструированные события, словно оставляя свое мнение при себе. Возможно, рассудил исследователь, Олаус писал заключительную часть после конфликта с Густавом Васой, и это отразилось на характере повествования. Также не исключено, что Петри решил: материал говорит сам за себя; чтобы сохранить беспристрастность изложения, свел комментарии к минимуму²⁴.

Ставенон констатировал: «Шведская хроника» широко распространялась в списках и, судя по всему, вызвала интерес — тем более что была написана по-шведски, простым, ясным языком, который прекрасно воспринимается по сей день. Хроника Олауса Петри, в отличие от аналогичных трудов предшественников и современников автора, объективна, толерантна; отсутствует ненависть к противникам — датчанам, нет тенденциозности в изображении Кальмарской унии. Схожую терпимость и непредвзятость Олаус демонстрирует в отношении средневековых священнослужителей — хотя от него как реформатора, последователя Лютера, можно было ожидать резкой критики в их адрес²⁵.

Наряду с достоинствами Ставенон отметил недостатки. По мнению ученого, Олаус Петри воспринимал древность как аналог современности, не осознавая, что в ходе исторического развития общество меняется. Хроника, считал исследователь, не вполне цельна; некоторые фрагменты, например, сообщения о монетном деле или о торговле, носят характер экскурсов, не интегрированных в повествование. В «Шведской хронике», по мнению Ставенона, почти нет исторических портретов: действующие лица похожи друг на друга²⁶.

Главные достоинства хроники, подчеркивает ученый, заключались в критике источников, в объективности повествования. Изначальная цель

²² *Keralio [L.F.G.] Notice...* P. 461—463; 467; *Idem. Chronicon...* S. 29—31, 36—37.

²³ *Stavenow L. Olaus Petri som historieskrivare.* Göteborg, 1898.

²⁴ *Ibid.* S. 1, 10.

²⁵ *Ibid.* S. 3—12.

²⁶ *Ibid.* S. 27.

Олауса Петри являлась просветительской. Однако автор вышел за рамки поставленной задачи, создал новаторское произведение, которое лишь спустя несколько столетий было оценено по достоинству²⁷.

Спустя небольшое время, в начале XX в., увидела свет еще одна работа, в которой уделено внимание «Шведской хронике» Олауса Петри — книга Г. Лёва об историографии древней истории Швеции²⁸. Правда, в данном случае исследователя интересовали только предисловие и та часть произведения, где говорится о раннесредневековой шведской истории. Тем не менее, работа Лёва представляет значительный интерес и в контексте оценки «Шведской хроники» в целом.

Лёв подчеркнул, что повествование Олауса Петри подчинено ключевой идее: создание исторических трудов должно служить просвещению и воспитанию. Стремление к объективности, которое исповедовал Олаус Петри, по мнению Лёва, являлось для «местера Улофа» прикладной задачей, средством достижения основной цели — практической пользы. С этим связана третья задача — в данном случае также прикладная: отбор вызывающих доверие сведений и критика необъективных, пристрастных авторов²⁹.

По Лёву, то новое, что отличало хронику Олауса Петри от более ранних шведских аналогов, заключалось в отношении к истории как к учительнице человечества, в идеале прагматизма, в убеждении: историк должен стремиться к беспристрастности и истине. Вместе с тем ученый подчеркнул, что для Олауса Петри объективность историка — второстепенная задача, а не основная цель. В этом отношении, по мнению исследователя, Олаус отличается от историков позднего Нового времени³⁰.

Относительно исторического содержания хроники Лёв был убежден: прорыв в шведской историографии являлся не столько заслугой Олауса Петри, сколько достижением его предшественника — Эрикуса Олаи. Хроника «местера Улофа», по мнению ученого, почти ничего не добавляла к хронике «доктора Эрика» в том, что касается конкретного материала; исключение составили сведения о викингах, о городах и, особенно, о древних законах. Хроника Олауса Петри, по Лёву, явилась шедевром в другом отношении — стилистическом. По части стиля, считал исследователь, она не имела себе равных ни в Скандинавских странах, ни в Германии, и входила в число лучших европейских исторических сочинений XVI—XVII вв.³¹

Вехой в исследовании «Шведской хроники» стала монография историка Г. Вестина, посвященная источникам Олауса и методам, которые он при-

²⁷ Ibid. S. 27.

²⁸ Löw G. Sveriges forntid i svensk historieskrivng. Uppsala, 1908.

²⁹ Ibid. S. 41—42.

³⁰ Ibid. S. 44.

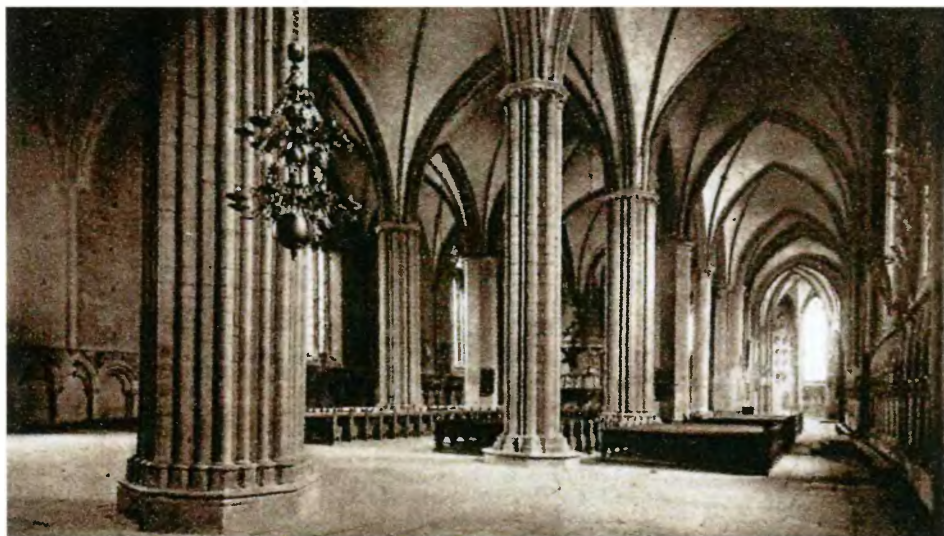
³¹ Ibid. S. 41, 49—50.

Илл. 1. Уппсальский кафедральный собор. Вид до начала XVIII в.

Илл. 2. Церковь Троицы в Уппсале.

Илл. 3. Линчёлингский кафедральный собор. Интерьер.

Илл. 4. Монастырская церковь в Вадстене.

Илл. 5. Стренгнесский кафедральный собор.

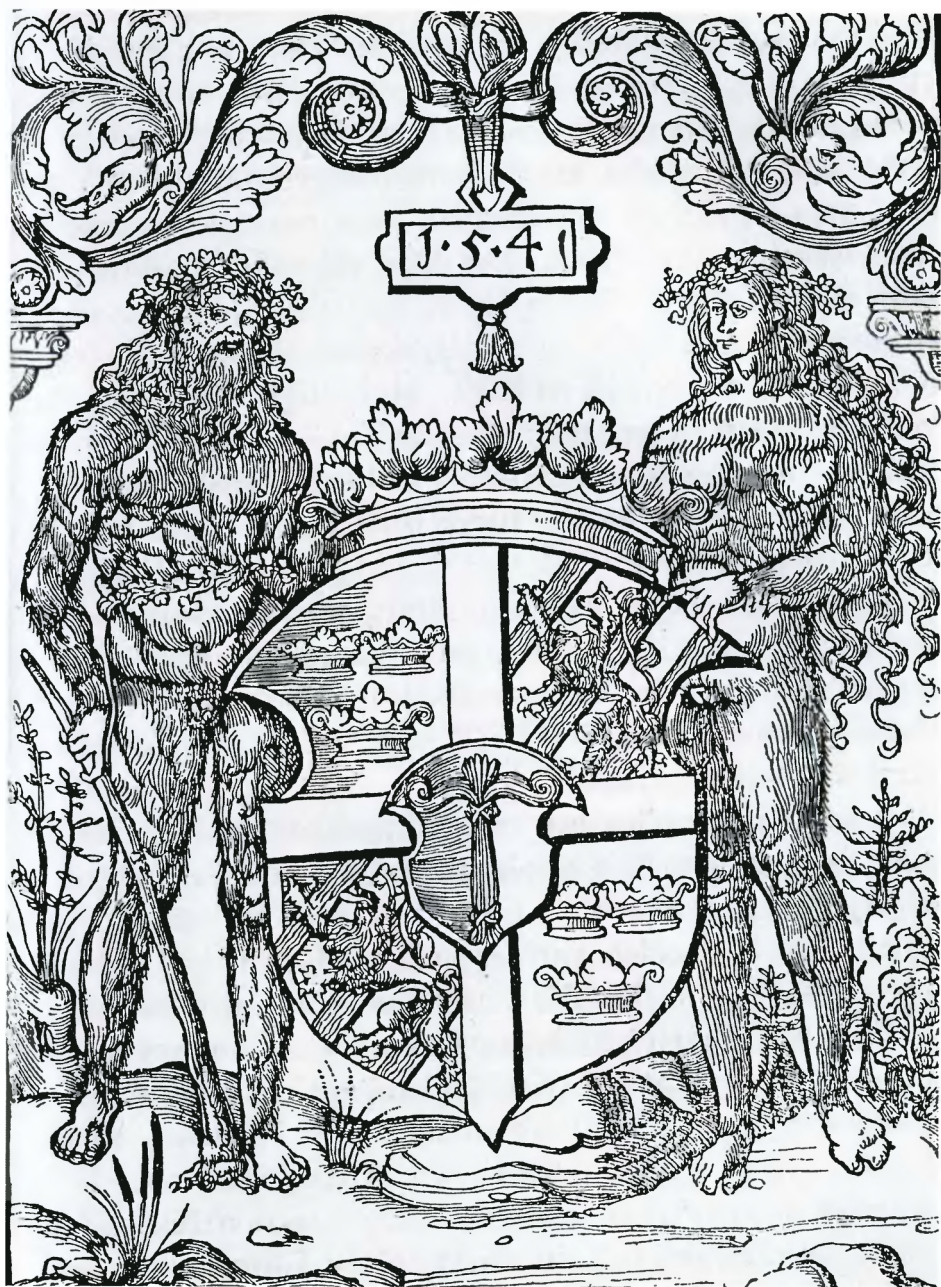
Илл. 6. Вестеросский кафедральный собор.

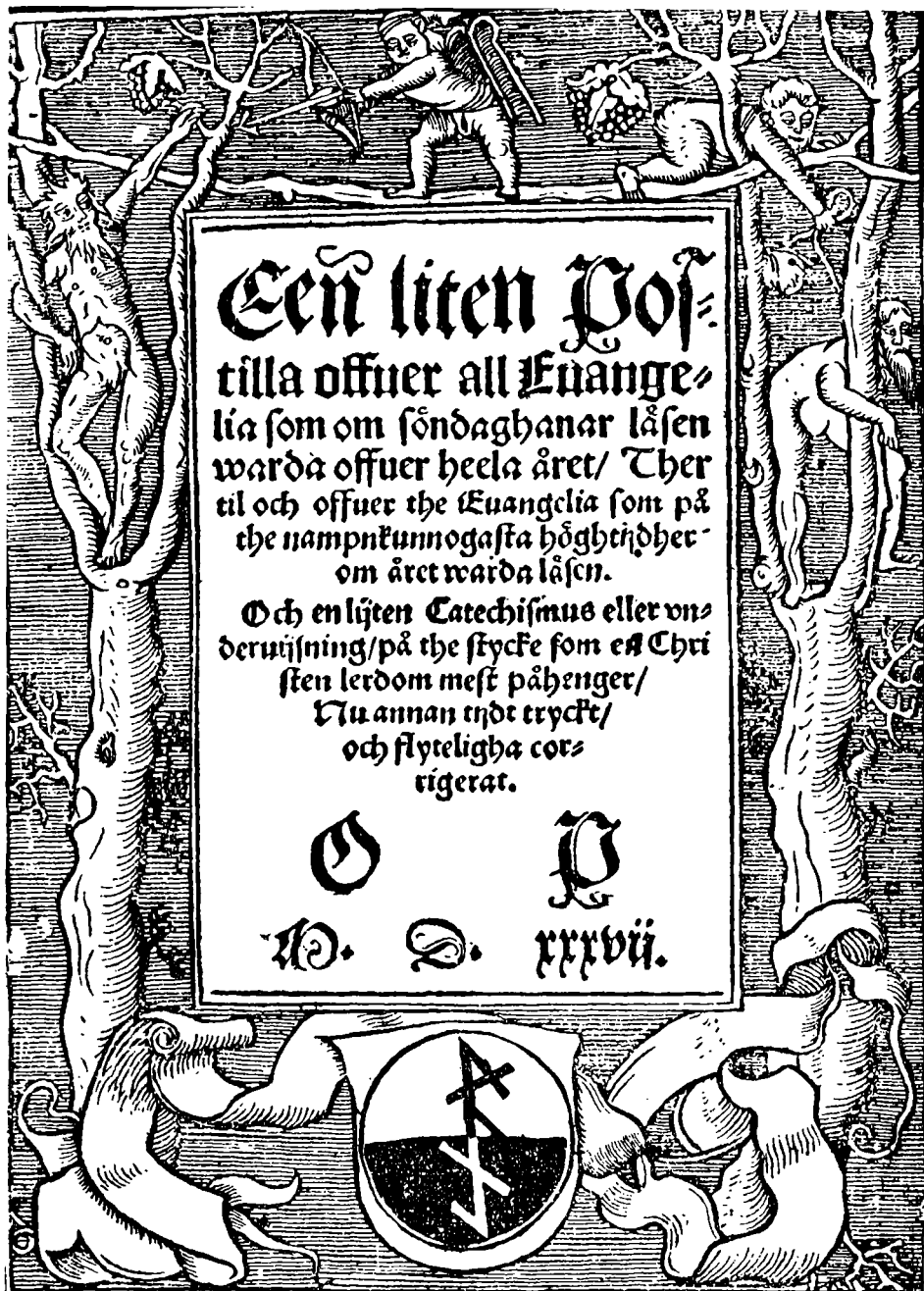
Илл. 7. Мартин Лютер. Портрет работы Л. Кранаха. Национальный музей. Стокгольм.

Илл. 8. Густав Васа. Портрет XVI в.

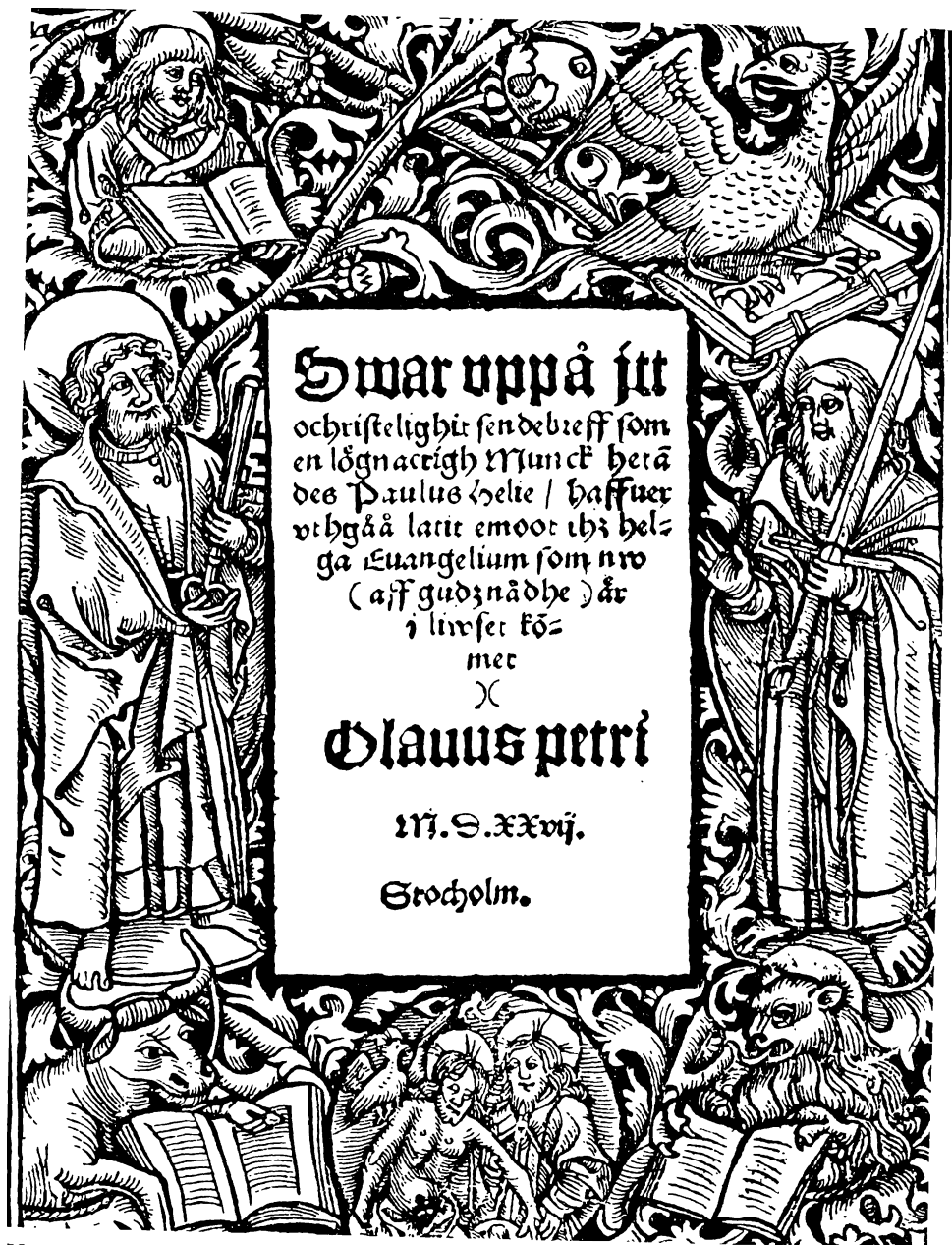
Илл. 9. Герб Шведского королевства. Иллюстрация к шведскому переводу Библии (1541).

Илл. 10. Малая постилла Олауса Петри. Издание 1537 г. Титульный лист.

Илл. 11. Светящиеся кольца (гало) над Стокгольмом. Художник Урбан Ларссон, около 1535 г. Копия XVII в.

Илл. 12. Олаус Петри «Ответ на нехристианское письмо» (1527). Титульный лист.

менял как историк³². Вестин показал, что в отношении методов, использованных Петри, хроникер можно разделить на две части. Первая — рассказ о событиях с древнейших времен до середины XV в. Эта часть хроники в значительной степени основана на труде Эрикуса Олаи. Но и в ней Олаус пользовался другими материалами. Так, в повествовании о языческих временах Петри обращался к дополнительным нарративным памятникам — «Прозаической хронике», «Малой рифмованной хронике», «Датской хронике» — труду Саксона Грамматика. Порой Олаус Петри констатировал совпадение сведений, порой выявлял противоречия и пытался восстановить вероятную картину событий³³.

Вестин доказал, что «местер Улоф» во многих случаях внес изменения. Так, он подверг переработке рассказ Эрикуса Олаи о введении христианства. Далее, повествуя о событиях XII—начала XIV в., Олаус параллельно с хроникой Эрикуса Олаи использовал другие источники — в том числе документальные. Это позволило скорректировать повествование, подвергнуть его переработке, сделать более цельным и последовательным³⁴. Широкий круг источников — анналов, хроник, документов — использован в разделе хроники, где говорится о королях XIV в. Магнусе Эрикссоне и Альбрехте Мекленбургском. Все это помогло переосмыслить образ короля Магнуса, который ранее являлся стереотипно негативным³⁵. Изменился и взгляд на Кальмарскую унию. Если у предшественников основное содержание данного периода — борьба с датчанами и другими иноземцами, то у Олауса — конфронтация двух группировок: сторонников и противников унии.

Вестин показал, что разнообразны были не только использованные источники, но и способы работы с ними. Так, из рифмованных хроник заимствовались как сведения, так и конкретные фразы, выражения. Кроме того, материал, почерпнутый из этих хроник, позволил восполнить пробелы, присутствующие у Эрикуса Олаи, и сделать повествование более насыщенным и цельным³⁶. Использована хроника Саксона Грамматика: она стала для Олауса не только источником сведений, но и объектом полемики³⁷. Задействованы в работе и законы: общешведское законоуложение — Ландслаг, городское уложение — Стадслаг, древнейшее городское право — Бьёркэарэттен, законы областей — Упланда, Эстерьётланда, Вестерьётланда, Сёдерманланда³⁸. Хроникер обогатил документальный материал — постановления королей и риксрода, договоры, письма. Некоторые

³² Westin G. T. *Historieskrivaren Olaus Petri*. Lund, 1946.

³³ Ibid. S. 15—26.

³⁴ Ibid. S. 26—48.

³⁵ Ibid. S. 48—58.

³⁶ Ibid. S. 78—118.

³⁷ Ibid. S. 240—263.

³⁸ Ibid. S. 240—263.

сюжеты — например, покупка Магнусом Эрикссоном области Сконе — освещены преимущественно по документам. С ними Олаус, вероятно,знакомился в архивах Стренгнесского и Упсальского капитулов, архиве Стокгольмского городского совета, канцелярии Густава Васы³⁹.

Монография Вестина по сей день остается классическим, образцовым исследованием «Шведской хроники». Позднейшие штудии явились своего рода дополнением к нему. Наиболее же важная — изданная недавно монография историка-медиевиста У. Ферма⁴⁰.

В начале книги Ферм анализирует эпизод «Шведской хроники», в котором говорится о правлении Магнуса Эрикссона и о критике этого короля св. Биргиттой. Ферм (вслед за Вестином) показал, что Олаус поставил под сомнение не только обвинения, исходившие от св. Биргитты, но и, в сущности, всю подобную критику в адрес Магнуса Эрикссона, содержащуюся в средневековых исторических трудах и памфлетах. Олаус указал на предвзятость данной критики, отметил, что в пользу некоторых обвинений нет доказательств. Автор «Шведской хроники» для своей страны явился, таким образом, историком-новатором⁴¹.

В связи с этим Ферм предпринял попытку охарактеризовать историческое творчество Олауса, выявить, к какой традиции оно принадлежит. Ученый пришел к выводу, что «Шведская хроника» относится к жанру т.н. прагматической истории — т.е. историографии, которая должна принести пользу читателям. Указанный жанр был создан античными историками Фукидидом, Полибием, и впоследствии получил распространение у историков эпохи Ренессанса⁴².

Наиболее интересна заключительная глава книги Ферма, где показано, какие историки могли послужить образцами для автора «Шведской хроники». Ученый выявил сходные воззрения на историю у Олауса Петри и одного из его учителей — Меланхтона. Кроме того, Ферм подробно проанализировал параллели между Олаусом и древним историком Полибием. А заодно показал, что схожими являются мысли обоих авторов о пользе истории, об истине как цели историка. Объединяет Олауса Петри с Полибием и недоверие к поэтическим произведениям и мифам, отказ от их использования как исторических источников⁴³. Вместе с тем Ферм склонен считать, что Олауса Петри нельзя отнести к историкам, в точности следующим какому-либо конкретному образцу. Взгляды и на-

³⁹ Ibid. S. 203—239, 306—325 et pass.

⁴⁰ *Ferm O. Olaus Petri och Heliga Birgitta. Synpunkter på ett nytt sätt att skriva historia i 1500-talets Sverige.* Stockholm, 2007.

⁴¹ Ibid. S. 14—34.

⁴² Ibid. S. 35—101.

⁴³ Ibid. S. 103—153.

выки «местера Улофа» как историка сформировались в ходе разнообразных интеллектуальных штудий и практической деятельности.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Очевидно, что подходы исследователей к «Шведской хронике» отчасти были обусловлены школами, направлениями научной мысли. Например, Л. Ставенон являлся специалистом по истории шведской исторической науки. Не случайно он рассматривал «Шведскую хронику» как важный этап в развитии национальной историографии. Столь же закономерно он упрекал Олауса Петри в недостаточном внимании к развитию общества. Другой исследователь — Вестин — принадлежал к «Лундской школе», главным методом которой являлся сравнительно-критический анализ источников. И именно в этом контексте Вестина интересовали «Шведская хроника» и ее автор. Наконец, для Ферма — историка новейшего времени — хроника интересна как дискурс, текст, принадлежащий некоей традиции. Сам Олаус привлекает Ферма в тех аспектах, которые сближают его с современными историками: научный скепсис, критика стереотипов и внимание к причинно-следственным связям, к контексту событий.

§ 3. Публикации и источниковедческие исследования

Наши представления о «Шведской хронике» будут далеко не полными и, более того, весьма односторонними, если мы не учтем источниковедческих нюансов данного произведения, не посвятим себя, хотя бы до некоторой степени, их изучению и анализу. В этой связи важны и палеографические особенности рукописей «Шведской хроники», и история публикаций памятника, и результаты источниковедческих штудий ведущих специалистов и, наконец, собственный опыт работы автора этих строк как с манускриптами, так и с изданиями труда.

Хроника «местера Улофа» долго оставалась неопубликованной. Первое печатное издание вышло в свет только в 1818 г.⁴⁴ Оно обладало множеством недостатков. Крайне несовершенным являлся метод публикации памятника⁴⁵. Издатель — Й.Х. Скрёдер — основывался на весьма позднем манускрипте. Притом печатный текст отнюдь не соответствовал тексту этой рукописи, был составлен из вариантов, присутствующих в разных списках хроники⁴⁶. Опубликованный текст являлся смешан-

⁴⁴ *Scriptores rerum Suecicarum medii aevi* / Ed. E.M. Fant et al. (Далее: SRS). Uppsala, 1818. Vol. I. P. 216—348.

⁴⁵ *Leffler L.F. Om den fornsvenska hednalagen // Kongl. vitterhets historie och antiquitets akademiska månadsblad*. Stockholm, 1879. Årg. 8. S. 103—104.

⁴⁶ И даже другого источника — хроники Лаврентиуса Петри. Именно в его редакции дан рассказ о походе короля Магнуса Эрикссона на Русь (1348 г.).

ным, не основанным на какой-либо одной рукописи; в случае разночтений вариант выбирался произвольно. Язык памятника подвергся значительной (и неоправданной) модернизации.

На гораздо более высоком уровне было выполнено следующее издание «Шведской хроники», увидевшее свет в 1860 г. Осуществил публикацию опытный библиограф и источниковед Г.Э. Клемминг⁴⁷. Исследовав рукописи, содержащие «Шведскую хронику», Клемминг предположил, что «древнейшим» и «лучшим»⁴⁸ является список D 407, хранящийся в Королевской библиотеке (Стокгольм). Он включает текст, который, уже после переписки набело, подвергся основательной правке. Клемминг предположил, что список выполнен и заново отредактирован по заказу автора и под его контролем. Таким образом, по Клеммингу, список D 407 для исследования хроники имеет то же значение, какое имел бы автограф.

Готовя публикацию, Клемминг сделал ряд источниковедческих наблюдений. Он обратил внимание на еще один список (возможно, еще более древний, чем D 407) — т.н. “Codex Sernsköldianus”, хранящийся в городе Вестеросе⁴⁹. Сравнение списков навело ученого на мысль, что “Codex Sernsköldianus” содержит более раннюю редакцию хроники. Различия между списками Клемминг привел в приложении к публикации.

Издание, осуществленное Клеммингом, стимулировало источниковедческие исследования «Шведской хроники». С интересной работой выступил профессор Упсальского университета, филолог Л.Ф. Леффлер⁵⁰. Темой явился т.н. «языческий закон» — древнее установление о поединках, включенное в «Шведскую хронику». Изучение списков хроники (и других древнескандинавских источников) позволило уточнить текст «языческого закона», сделать выверенный перевод, сформулировать гипотезу относительно происхождения памятника.

Затем последовали другие находки и гипотезы. На сей раз они были связаны с новой публикацией хроники, которую осуществил филолог Й. Сальгрэн⁵¹. Как и Клемминг, он использовал манускрипт D 407. Но выводы Сальгрена отличались от наблюдений Клемминга. Сальгрэн констатировал: список, содержащийся в кодексе D 407, составлен не одним писцом, а двумя. Первому («рука А») принадлежат начальные две трети

⁴⁷ *Olaus Petri. Svenska krönika / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1860.*

⁴⁸ Т.е. дающим наилучшее представление о памятнике и наиболее подходящим для публикации.

⁴⁹ Ныне — в Вестеросской городской библиотеке.

⁵⁰ *Leffler L.F. Om den fornsvenska hednalagen // Idem. Smärre uppsatser i svensk språkforskning. Uppsala, 1880.*

⁵¹ *En Svensk krönika af Olaus Petri / Utg. J. Sahlgren. Uppsala, 1917.* Издание было воспроизведено в собрании сочинений Олауса Петри: OPPS IV. S. 1—298.

текста. Второй («рука В») внес изменения и добавления на полях и на вклеенных листках бумаги, а также дописал оставшуюся треть хроники.

Сальгрэн обратил внимание на несколько записей, имеющих значение для датировки текста, написанного «рукой В». К таким записям относится упоминание о том, что в 1553 г. со времени смерти короля Карла Кнутссона исполнилось 84 года⁵². Той же рукой вписаны сведения об императоре Карле V, который упомянут как здравствующий государь. Таким образом, работа над списком, вероятно, была закончена до 1558 г., т.е. до смерти Карла V. Возможно, «писец В» начал работу во второй половине 1540-х г., о чем свидетельствуют исправления. В рассказе об основании Стокгольма изначально присутствовала фраза: «где ныне находится монастырь черных братьев (ther nw är swartmunka kloster)». В редакции «писца В» фраза стала звучать так: «где находился монастырь черных братьев». Известно, что стокгольмский доминиканский монастырь, о котором идет речь, был в связи с Реформацией закрыт и в 1547 г. разрушен. Сальгрэн заключил: достаточно вероятно, что «писец В» включился в работу около середины 1540-х, а закончил труд уже после смерти Олауса Петри. При этом оба писца — и «А», и «В» — работали, не взаимодействуя с автором. Об этом свидетельствуют описки, которых могло не быть, если бы процесс контролировал Олаус Петри⁵³.

Спустя некоторое время в дискуссию вступил историк и источниковед Л. Шёдин. Он продолжил исследования Клемминга и Сальгрэна и, отчасти, подвел им итог⁵⁴. Вывод Шёдина таков: хроника существует в двух редакциях — краткой (более ранней) и пространной (более поздней). Повествование краткой редакции доведено до сообщения о смерти регента Сванте Стуре (1512); пространная редакция оканчивается рассказом о «Стокгольмской кровавой бане» (1520). Краткая редакция, по Шёдину, была завершена к концу 1530-х гг.: именно она упоминалась в обвинениях, предъявленных Олаусу Петри в связи с судебным процессом⁵⁵. Относительно авторства «Шведской хроники» Шёдин был убежден: и ранняя, и пространная редакции этого произведения — плод работы Олауса Петри.

Несколько отличались выводы другого исследователя — филолога Э. Лундмарка. Он предпринял палеографическое изучение большого числа рукописей (около 120), чтобы определить прототипы, к которым восходят те или иные группы списков⁵⁶.

⁵² OPSS IV S. V. Карл Кнутссон умер в мае 1470 г.

⁵³ Ibid. S. VI—VII.

⁵⁴ *Sjödin L. Tillkomsten av Olaus Petri Krönika // Historisk tidskrift. Stockholm, 1921. Bd. 41. S. 48—68.*

⁵⁵ Ibid. S. 49, 53—58.

⁵⁶ *Lundmark E. Redaktionerna av Olavus Petris svenska krönika // Vetenskaps-Societets i Lund Årsbok. Lund, 1940. S. 13—76.*

Лундмарк выявил несколько редакций хроники. К редакции I относятся древнейшие списки, оканчивающиеся известием о смерти Сванте Стуре. Редакция II возникла вследствие правки: был изменен рассказ о священных рощах (опущено упоминание о захоронениях в них), менее «крамольным» стал фрагмент, где обыгрывается прозвище короля Магнуса Биргерссона — «Амбарный замок». К редакции II, в частности, принадлежит текст рукописи D 407, созданный «писцом А». Редакция II, по мнению Лундмарка, увидела свет в 1540-е гг.: в ней была учтена критика, высказанная Густавом Васой в конце 1530-х гг.⁵⁷

Выпады со стороны короля, по гипотезе Лундмарка, вызваны появлением новой редакции — ранней пространной (по Лундмарку, редакция III). Она была создана к началу 1550-х гг.: в принадлежащем к этой редакции списке D 409 присутствует дата 1 июля 1552 г., записанная той же рукой, что и основной текст. В этой редакции повествование расширено, доведено до «Стокгольмской кровавой бани»; в рассказ о второй половине XV в. внесены изменения. Именно в этой версии появилось описание выборов регента в Арбоге: бондов напоили пивом, и те отдали голоса за тех, кто угостил.

Лундмарк обратил внимание на обстоятельство, упомянутое в письмах короля: Густаву Васе стало известно, что по части переписки, хранения и распространения хроники «местеру Улофу» содействовали епископ Ботвид, капеллан Петрус Эрици и архиепископ Лаврентиус Петри. Лундмарк предположил, что при подготовке новой версии хроники автору помогали другие лица. Вероятно, они не только хранили и переписывали рукопись, но и редактировали, дорабатывали ее. Возможно, такими ассистентами стали упомянутые Петрус Эрици, Лаврентиус Петри и епископ Ботвид⁵⁸. Также не исключено, что те же люди внесли в хронику добавления после смерти Олауса. Возможно, именно так было сделано дополнение к предисловию (исторические труды пишутся для живых, а не для мертвых; если правитель хочет, чтобы о нем написали «добрую хронику», он должен творить добро). Это дополнение в таком случае явилось ответом на обвинения со стороны Густава Васы. Поскольку король подробно изложил их в письме Лаврентиусу Петри, не исключено, что получатель послания и внес упомянутые дополнения.

Так, по Лундмарку, возникла следующая версия хроники — редакция IV. Она включала в себя еще несколько новых фрагментов — например, «языческий закон». На более поздней стадии в хронику были

⁵⁷ *Lundmark E.* Op. cit. S. 21—37.

⁵⁸ *Ibid.* S. 37—48.

внесены изменения второстепенного характера; группу списков, содержащих эти изменения, Лундмарк обозначил как редакцию V⁵⁹.

Выводы Лундмарка, проследившего сложную историю создания и доработки хроники Олауса Петри, представляют большую ценность. Вместе с тем наблюдения ученого были приняты не всеми. Г. Вестин в отношении манускриптов хроники придерживался более простых взглядов: считал, что существуют только две редакции «Шведской хроники» и обе они созданы Олаусом Петри без участия каких-либо помощников⁶⁰. Таким образом, Вестин вернулся к более ранней концепции — в том виде, в котором ее сформулировал Л. Шёдин.

Итак, исследователи «Шведской хроники» проделали большую, плодотворную работу. Вместе с тем некоторые вопросы остаются спорными. Например, о редакциях хроники. Было ли их пять или только две? В какой последовательности, в какое время создавались версии «Шведской хроники»? Дописывали ли ее другие люди? Можно ли что-то выяснить относительно подготовительной работы, проделанной до создания? В этой связи важно обратиться к рукописям — тем более что четыре списка хроники имеются в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

§ 4. Рукописи «Шведской хроники»

Исследования и дискуссии историков, филологов, источниковедов, безусловно, интересны и важны сами по себе. Однако в данном случае у автора настоящей монографии есть редкий и важный шанс сопоставить результаты предшественников с итогами собственных исследований, что-то уточнить и добавить новое. Это стало возможным благодаря научной работе автора в шведских рукописных собраниях (Королевской библиотеке, библиотеке Упсальского университета, Государственном архиве Швеции), а также в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Прежде всего, следует отметить, что для источниковедческих исследований «Шведской хроники» по-прежнему важнейшим является стокгольмский список D 407. Наряду с еще несколькими древними списками, он дает представление о том, как выглядела «Шведская хроника» в рукописи, как она исправлялась и дорабатывалась. Ниже излагаются наблюдения автора при работе с этим списком, отчасти сопоставленные с построениями предшественников.

⁵⁹ Ibid. S. 72.

⁶⁰ Westin G.T. Op. cit. S. 6—11.

Список D 407 — объемный том in folio, в обложке из пергаменного листа средневековой литургической книги — миссалия. В начале рукописи⁶¹, перед текстом хроники имеется несколько записей на шведском (раннем новошведском) и латинском языках. Так, писец, который доводил до конца и правил хронику («рука В»), внес биографические заметки об императоре Карле V и его сыне, короле Филиппе. На следующей странице — стихотворение на латинском языке. Там присутствует зашифрованная дата: прописные латинские буквы одновременно являются римскими цифрами, которые в сумме дают число 1533. Очевидно, что дата относится не к завершению работы над рукописью, но могла по ошибке быть принята за дату создания манускрипта.

Текст хроники в D 407 имеет заглавие: «Хроника на шведском языке» (“Chrönekon påå Swensko”). Название работы, таким образом, сформулировано иначе, чем во многих списках, именованных «Шведская хроника»⁶². Перед повествованием приведена знаменитая цитата из Цицерона: “Historia est testis temporum, lux veritatis, magistra vitae...” («История — свидетельница времен, свет истины, учительница жизни...»). Эпиграф словно задает тон, вводит в атмосферу сюжета произведения; мы вновь убеждаемся, как важны были для авторов XVI в. древние классики с их трудами, взглядами и идеалами.

Уже на первых страницах мы видим исправления — внесенные ранней рукой (А) и поздней (В). Правка включена даже в приветствие — обращение к читателю. В первоначальном варианте автор — Олаус Петри — желал читателю знания истины (“sanheetennes kundtskap”). Затем слово “sanheetennes” было исправлено на похожее, но совсем другое слово: “saligheetennes” — «спасения», «блаженства». Приветствие обрело четко выраженный религиозный смысл: читателю желают не знания истины, а спасения души⁶³.

Некоторые коррективы не столь принципиальны: например, слово “förfädher” («предки») исправлено на “fädher” («отцы»). Но в источниковедческом отношении и эти варианты подчас представляют интерес⁶⁴. Далее, в ряде случаев правка является стилистической. Так, во фразе “then eene segher epter then andra” («один повторяет за другим») предлог “epter” исправлен на предлог “för”. Фраза слегка изменилась: «Один пересказывает другому».

Большая часть принципиальной правки принадлежит «писцу В». Например, во фразе «схожим образом немцы заселили эти три коро-

⁶¹ Листы манускрипта не пронумерованы.

⁶² Из древнейших списков см. например: KB D23; UUB N 142.

⁶³ KB D407 F.[1]. Ср.: *Lundmark E. Redaktionenrna...* S. 28.

⁶⁴ Ср.: *Щеглов А.Д. Шведское Средневековье и XVI век в отделе рукописей Российской национальной библиотеки* // СВ. М., 2007. Вып. 68 (2). С. 131—135.

левства» «писец В» уточнил: речь идет о «саксонских немцах» — “Saxiske Tydskar”. В тексте «руки А» сообщается: «Начальники сотенных округов у древних свеев назывались хундарихёвдинги». «Писец В» в этой связи приводит латинский, древнеримский термин: “centurio” (центурион, сотник). К рассуждениям о готах и вендах «писец В» добавил замечание: «Некоторые считают, что вандалы <...> не были тем же народом, что и современные венды». К полемическим сентенциям о том, стоит ли прославлять «доблесть готов», рукой «писца В» добавлен еще один аргумент: готы нанесли ущерб «латинскому языку и книгам ученых». Рукой «писца А» написано: «Еще в середине XIII в. шведские конунги называли себя только королями Швеции (aleenast kalla sich Sweriges konungar) и не именовали себя королями ётов». «Писец В» уточнил: конунги называли себя, как правило, (aldramest) королями Швеции и изредка (sellan) королями ётов».

Иногда «писец В» вычеркивал информацию, которая устарела или утратила актуальность. В ранней версии («рука А») после упоминания английских денег — стерлингов — следует замечание автора, Олауса Петри: он признается, что не знает, какого достоинства были эти деньги (“Men huru stort thet war, weet jach jcke”). «Писец В» вычеркнул оговорку, возможно, потому что счел ее ненужной, а может быть, по причине получения сведений относительно упомянутых денег.

И далее во многих случаях правка, внесенная «рукой В», является принципиальной. Например, дата крещения короля Олафа Шётконунга (по ранней версии «Шведской хроники», 980 г.) «писцом В» исправлена на 989 г. Отдельной вклейкой добавлен «языческий закон» — “Hednalagen”. Из исправлений можно заключить: «писец В» вносил в текст качественную правку, считая, что имеет право. При этом он явно пользовался какими-то материалами, по всей видимости, черновыми записями Олауса Петри. Вероятно, такой характер правки вызван тем, что хроника дорабатывалась в последние годы жизни «местера Улофа», а может быть, и после его смерти. Частично правка основана на материалах и идеях автора, и все-таки не полностью согласована с ним. Какие последствия это имело для хроники?

Знакомство с дополнениями и исправлениями, внесенными «рукой В» показывает: они не всегда органично вписываются в основной текст. В сущности, это именно добавления; многие из них записаны на полях. Но в ряде позднейших списков, а также в публикациях они включены в основной текст. В некоторых случаях это привело к ухудшению текста, нарушению логики повествования.

Так, латинская глосса к слову “hundarihövding” — “centurio”, вставленная на полях рукописи, логично смотрится именно на полях, как комментарий, аннотация. Подобным образом, например, напротив

«языческого закона» в некоторых манускриптах приведены записи вроде “de duello” («о поединке»). В некоторых списках хроники напротив рассуждений Олауса о том, что в древности король «сам являлся законом», стоит латинская поговорка: “Rex est lex” («Царь — закон»). Дополнение “centurio” — того же типа, непосредственно в тексте оно выглядит неудачным, излишним.

Ниже следует упомянутое добавление «саксонские немцы». Само по себе оно является интересным в связи с рассуждениями хрониста о немцах. Но логику текста это дополнение отчасти нарушает, ведь речь идет о немцах вообще. Аналогичным образом обстоит дело с добавлением относительно вандалов и вендов. Оно ценно как уточнение, примечание; но став частью текста, привело к «сбою» в логике повествования.

Далее мы встречаем еще немало примеров, когда дополнения, принадлежащие «руке В», будучи внесены в хронику, нарушают последовательность и цельность. К таким дополнениям относится вставка в начале хроники о том, что в древней Швеции были одновременно два конунга. Не вполне логично пояснение к рассуждениям о королях XIII в. — Эрике и Биргере⁶⁵. Небольшие сбои логики имеют место в повествовании о правительнице Маргрете⁶⁶. Иногда дополнения, хоть и вписываются в текст, но все же приводят к несколько неожиданным переходам. Пример тому — концовка предисловия. На протяжении предисловия главная тема — польза и истина. В конце же звучит строгая отповедь тем, кому может прийти не по душе суровая правда истории. Концовка явно добавлена, написана на злобу дня, остро полемична, контрастирует с остальным текстом, имеющим более дидактический, отвлеченный характер.

Экскурсами являются некоторые вставки о древнем праве — о «языческом законе» и о человеке, продавшем всю землю — “allsälla”. Этим дополнениям отведена роль отступлений от основного повествования.

К противоречию привело добавление, касающееся формулы “Litureisi”, которая (в различном написании) часто встречается на рунических камнях. К изначально ошибочным рассуждениям добавлена правильная трактовка. Но прежнюю версию писец не удалил. Две интерпретации — неправильная и правильная — стали сосуществовать в одном тексте.

Есть и пример, когда дополнение, внесенное «рукой В», привело к неточности. У Олауса есть ссылка на некую «Вендскую хронику». «Рукой В» вписано пояснение: речь идет о хронике Гельмольда. На самом деле, Олаус сослался не на Гельмольда, а на другого историка — Альберта Кранца.

⁶⁵ Ср.: OPSS IV S. 102, строки 6—9.

⁶⁶ Ср.: Ibid. S. 128, строки 30—31; Ibid. S. 141, строка 24.

Дополнения, внесенные в список D 407 «рукой В», интегрированы в текст лишь частично. Во многих случаях они выступают в качестве уточнений, примечаний. Не исключено, что правка внесена при участии Лаврентиуса Петри. Он упомянут Густавом Васой в числе лиц, которые оказывали «местеру Улофу» помощь в переписке и распространении хроники. К Лаврентиусу обращены письма короля с критикой «Шведской хроники». К тому же Лаврентиус был единомышленником брата и притом главой шведской церкви. Это придавало ему авторитет и налагало ответственность за судьбу произведения, которому надлежало просвещать людей.

Очевидно, что сотрудничество Лаврентиуса Петри и Олауса Петри распространялось на исторические штудии. Об этом свидетельствует один из документов шведской Реформации — комментарий Лаврентиуса Петри к Вестеросским резолюциям 1527 г. Там Лаврентиус упомянул некие памятники канонического права, на которые ссылался и Олаус Петри. В том же комментарии приведены рассуждения о древней истории Швеции, близкие по тематике и духу к «Шведской хронике» и сходные с высказываниями Густава Васы (советником которого по исторической части, вероятно, был Олаус Петри). Очевидно, Олаус и Лаврентиус обменивались суждениями, идеями; возможно, пользовались одними и теми же источниками.

Лаврентиус, в числе прочего, использовал древние памятники в историко-геральдических штудиях. В конце правления Густава Васы вспыхнул конфликт между Швецией и Данией из-за прав на герб «Три короны». Датчане считали этот символ своим; гербом Швеции, по их мнению, являлся «лев Фолькунгов». Шведы возражали: «Три короны» — исконно шведский герб, а герб Дании, как известно, — три льва.

В связи с этим спором Лаврентиус Петри написал сочинение, в котором обосновал права Швеции на «Три короны». Оно сохранилось в нескольких списках (один из них — в Российской национальной библиотеке). Лаврентиус, ссылаясь на древние памятники, в частности, на труд Саксона Грамматика, доказывал, что в древности Швеция состояла из двух стран — свейского и ётского королевств. Герб ётского королевства — лев, герб свейского — три короны. Лаврентиус указал: «Три короны» использовались как шведский герб задолго до Кальмарской унии⁶⁷. В контексте полемики о «Трех коронах» актуальность приобрели сведения об историческом прошлом Шведского королевства — особенно о его древнем дуализме.

При чтении «Шведской хроники» можно убедиться: некоторые дополнения «руки В» перекликаются с аргументами трактата о «Трех ко-

⁶⁷ ОР РНБ Швед. Ф. IV. 2. С. 481—486.

ронах». Обращает на себя внимание начало хроники, где упоминаются конунг свеев Альрик и конунг ётов Гестиблинд. «Писец В» внес дополнение: «Таким образом, в королевстве, которое ныне едино, было два короля»⁶⁸. В контексте геральдической полемики имели значение и сведения о том, что свейское королевство (по версии шведов, обладатель прав на «Три короны») являлось главным королевством шведов. Возможно, поэтому «рукой В» были внесены соответствующие добавления⁶⁹. В рассказе о событиях середины XIII в. «рукой В» включены уточнения: с коронацией Вальдемара Биргерссона (1250) закончилась распря между родом Сверкера и родом Эрика Святого. Так переписчик и фактический редактор хроники еще раз подчеркнул дуалистический характер древнего шведского государства⁷⁰.

Знакомство с другими списками хроники в свою очередь позволяет сделать ряд ценных наблюдений. Прежде всего, подтверждаются выводы Лундмарка относительно приветствия автора. Согласно древнейшему варианту приветствия, автор желает читателям «знания истины» — “*sanhetenes kundskap*”⁷¹. Только в результате сделанного в 1550-е гг. исправления (возможно, ошибочного) появилось пожелание «знания о спасении» (“*salighetenes kundskap*”)⁷². Но во множестве списков посвящение сохранило более ранний вид: читателю желают «знания истины»⁷³.

Обращают на себя внимание различия между древними (краткими) и пространными (поздними) списками хроники. Не все эти различия отмечены издателями и исследователями. К числу таковых относится, например, упомянутое выше различие: “*then ene segher epter / för then andra*”. По рукописям видно, что именно “*epter*” — древнейший вариант. Он характерен для изначальной, краткой версии хроники⁷⁴. Мы также видим, что в некоторых случаях варианты, присутствующие в списке D 407, оказались случайными; позднейшими писцами они были проигнорированы. Таков, например, неудачный оборот, присутствующий в описании священных рощ. Подавляющее большинство списков в этом фрагменте содержит более ранний, правильный вариант⁷⁵.

За некоторыми исключениями, подтверждаются выводы Лундмарка о делении списков на группы; достаточно четко определяются крите-

⁶⁸ OPSS IV. S. 17.

⁶⁹ Ibid. S. 13.

⁷⁰ Ibid. S. 66.

⁷¹ KB D409, D17, D407b; UUB N142, W251 и др. В ряде рукописей слово “*sanhet*” («истина») приняло более привычный для новшведского языка вид: “*sanning*”; смысл приветствия остался тот же.

⁷² Помимо KB 407 см., например: KB D 410; UUB E7.

⁷³ См., например: UUB E5, E6, E8, E9; N141; N725a, и др.

⁷⁴ KB D17, D23, D409; UUB N141, N142.

⁷⁵ KB D17, D23, D409, D410; UUB E5, E6, E7, E8, и др.

рии (как отмеченные Лундмарком, так и дополнительные), по которым список логично отнести к той или иной редакции. Также видно, что в позднейших списках могут присутствовать добавления, которых нет в списке D 407 (и, соответственно, в публикациях хроники). В некоторых случаях такие добавления представляют интерес для историка.

Основываясь на перечисленных наблюдениях, уместно дать источниковедческую характеристику петербургских списков «Шведской хроники», определить типы, к которым они относятся.

Рукопись Швед. F.IV.1 содержит краткую исправленную версию «Шведской хроники» (по Лундмарку, редакция II), дополненную с использованием пространного списка (редакция IV). Над манускриптом трудились два писца: первый довел повествование до рассказа о захвате Готланда королем Вальдемаром Аттердагом (середина XIV в.), второй дописал текст до конца краткой редакции (1512) и далее — до конца пространной (1520). В рукописи указана дата начала и окончания работы над списком хроники: 20 марта 1576 г. и 28 января 1580 г. Обращение к читателю приведено в древнем, изначальном варианте: “sanheetennes kunskaaр”.

Большая часть хроники — и предисловие, и основное повествование (кроме заключительного фрагмента) — содержит характерные признаки ранней версии (в данном случае, редакции II⁷⁶). Например, отсутствует латинская глосса “centurio”. Нет добавления о различии вандалов и вендов, нет упоминаний об ущербе, нанесенном «латинскому языку и книгам ученых». Опущена полемическая концовка предисловия. В начале хроники нет вывода о том, что в древней Швеции одновременно правили два короля. Отсутствует «языческий закон». Повествование о второй половине XV в. не подверглось доработке. Все это характерно для древнейших версий хроники. О том, что это именно редакция II (а не редакция I), свидетельствует повествование о короле Магнусе «Амбарном замке», которое приведено в характерном для данной редакции измененном виде.

Текст иного типа мы видим в манускрипте Швед. F. IV. 4. Приветствие дано в поздней редакции: “salighetennes kunskap”. К поздней же редакции (редакция IV, по Лундмарку) принадлежит текст хроники. Присутствуют характерные признаки этой редакции: дополнение о вандалах и вендах, добавление к предисловию, «языческий закон» и др. Вместе с тем имеются отклонения от «нормы». Так, отсутствует фраза о двух королях в начале хроники. Предисловие, несмотря на дополнения и исправления, свойственные для редакции IV, является кратким, что в свою очередь характерно для редакций I—III. Итак, список Швед. F.IV.4 отчасти является, так сказать, смешанным: в основном он соответствует редакции IV, но имеет и черты более древних версий.

⁷⁶ По классификации Лундмарка.

К иному типу относятся списки Швед. F.IV.2 и Швед. F.IV.3. В обеих рукописях читателю желают «знания истины». Текст хроники в обоих случаях относится к дополненной пространной редакции. Налицо признаки этой редакции: «языческий закон», дополнения к предисловию, доработка повествования о второй половине XV в. и т.д. Вместе с тем отдельные варианты текста в указанных списках восходят к более ранним версиям: “den ene efter den andra” вместо “den ene för den andra”, “allenast” вместо “allramest”. Причина, очевидно, заключается в том, что изготовители списков пользовались разными редакциями хроники, и подчас заимствовали вариант из другой более ранней или более поздней редакции⁷⁷.

Есть в манускриптах Швед. F.IV.2 — Швед. F.IV.3 и изменения другого рода: добавления, которых нет в списке D 407 и его аналогах. А именно — отсутствует комментарий к закону, созданному королем Анундом Углежогом⁷⁸. Немало списков с подобными добавлениями имеется в библиотеке Уппсальского университета⁷⁹.

Итак, петербургские списки «Шведской хроники» содержат интересный материал. В ряде случаев он имеет аналоги в рукописях, хранящихся в зарубежных, по большей части шведских, собраниях. Однако в петербургских списках есть и записи, являющиеся уникальными. Одна из них представлена в манускрипте F.IV.2: “Medh min egen Hånd skreffven och til tryckit förfärdigat. O.P.P.S.” («Мною собственноручно написано и подготовлено к печати. О.П.П.С.»). Другая запись — перед текстом «Шведской хроники» в рукописи Швед. F.IV.3: “Mag. Olai Petri Phases, fordom Kyrkjoherde wed Stockholms stads stora Kyrckja Swenska Chrönica, sammanskrifwen åhr efter Christi Börd 1534” («Шведская хроника магистра Олауса Петри Фасе, в прошлом — настоятеля Большой церкви города Стокгольма»). Ни одна из этих записей не встречена в других рукописях «Шведской хроники».

Известно, что шведский ученый начала XVIII в., биограф Олауса и Лаврентиуса Петри Й.Г. Халльман утверждал: «Шведская хроника» была завершена Олаусом Петри в 1534 г. Доказательств в пользу своей гипотезы Халльман не привел. Впоследствии, при публикации «Шведской хроники» никаких аргументов в поддержку данной версии не было обнаружено, и утверждение Халльмана признали голословным⁸⁰. Однако, как мы видим, в петербургской рукописи Швед. F.IV.2 указана именно эта дата создания хроники: 1534. Конечно, она не могла от-

⁷⁷ Ср.: *Lundmark E.* Op. cit. S. 17.

⁷⁸ Примеры таких дополнений см. в статье: *Щеглов А.Д.* Шведское Средневековье... С. 133.

⁷⁹ UUB E6, E8, E9, E11, E13, E18, W250.

⁸⁰ Ср.: *OPSS IV.* S. IX.

носиться к пространной редакции хроники, но способна указывать на время завершения работы над ранней, краткой редакцией.

Долгое время — вплоть до 1990-х гг. — петербургские списки «Шведской хроники» российскими учеными не исследовались. Шведские специалисты заинтересовались петербургскими списками примерно в середине XIX столетия — по-видимому, в связи с тем, что Г.Э. Клемминг готовил публикацию хроники. Из Стокгольма в Петербург был направлен запрос, на который поступило обстоятельное разъяснение. Копия ответа, написанного на французском языке, хранится в Стокгольме, в Королевской библиотеке⁸¹.

В ответе сообщается следующее. Императорская публичная библиотека располагает четырьмя списками хроники Олауса Петри, которые перешли к библиотеке из собрания П.К. Сухтелена. Сохранность всех списков очень хорошая. Древнейший из них — IV.F.3, судя по палеографическим признакам, создан около середины XVI в.

Далее процитирована запись “Mag. Olai Petri <...> 1534”. Автор справки признал запись позднейшей, выполненной в XVII столетии, а заодно указал, что список IV.F.3 не является автографом. Об этом свидетельствуют два обстоятельства: 1) рукопись создана несколькими писцами; 2) почерк этих писцов не соответствует почерку Олауса Петри, образец которого прислан из Стокгольма. Особенно различается написание букв “d”, “h” и “s”. Относительно остальных списков сообщается: во втором списке (IV.F.1) указано время создания (20 марта 1576 г.—28 января 1580 г.); третий список (IV.F.4) создан около 1600 г. Четвертый (IV.F.2) относится к концу XVI—началу XVII в. Он, по-видимому, подготовлен к печати, о чем свидетельствует запись “Medh min egen <...> O.P.P.S.”.

Как видно из документа, шведских ученых интересовало, имеется ли в Петербурге автограф «Шведской хроники». Вероятно, убедившись, что автографа в российской столице нет, шведы на время утратили интерес к петербургским рукописям. Вновь вопрос об этих манускриптах был поднят в 30-е—40-е гг. XX в. В те годы (перед Второй мировой войной и во время нее) получить доступ к материалам советских рукописных фондов было крайне трудно, и шведским ученым Э. Лундмарку и Х. Ульссону пришлось, рассуждая о петербургских списках, основывать свои выводы на упомянутой справке.

Э. Лундмарк, исходя из имеющихся сведений, констатировал: формулировка и орфография надписи на титульном листе манускрипта Швед. F.IV.3 вызывают сомнения, характерны для более поздней эпо-

⁸¹ В т.н. «Реальном каталоге», где наряду с шифрами и описаниями приведены сведения об исследованиях и публикациях. К сожалению, в тексте не указана дата создания документа и имя его автора.

хи, нежели середина XVI в. Вместе с тем Лундмарк не исключал, что запись основана на достоверных сведениях. Также, по мнению ученого, она могла явиться результатом ошибки: переписчик мог неправильно прочесть нечетко записанные цифры MDXXXIX (1539) — вероятную дату создания первой редакции «Шведской хроники» и принять эту дату за MDXXXIV, т.е. 1534. Лундмарк выдвинул еще одну гипотезу: запись сделана в XVIII в., т.е. после публикации книги Халльмана: владелец рукописи решил дополнить манускрипт, внося в него указанную Халльманом дату. Лундмарк полагал, что, возможно, от Халльмана и его окружения исходит и запись в Швед. F.IV.2, где сообщается о собственноручной подготовке к печати. Запись, в таком случае, внесена в F.IV.2 значительно позже, чем создан основной текст манускрипта⁸².

Другого специалиста — Х. Ульссона — данные петербургских рукописей «Шведской хроники» заинтересовали в связи с иным произведением, историческим трудом “*Scondia illustrate*”, который создал шведский ученый раннего Нового времени, сочинитель и педагог Юханнес Мессениус. Ульссон обратил внимание на то, что Мессениус привел странные и притом разные даты создания хроники Олауса Петри. Так, в предисловии к “*Scondia illustrate*” Мессениус упомянул «Шведскую хронику» в числе своих источников, указав, что она создана Олаусом Петри в 1535 г. Та же дата написания «Шведской хроники» — 1535 г. — обнаружена в одном из черновиков Мессениуса; вдобавок там указано, что у Олауса имелся соавтор — некий Ботвид. Наконец, в одном из разделов “*Scondia illustrate*” Мессениус привел иную дату создания «Шведской хроники» — 1534. При этом Мессениус сообщил: соавтором Олауса Петри являлся священнослужитель Ботвид, член Линчёпингского соборного капитула⁸³.

Ульссон обратил внимание, что такая же дата присутствует в одной из петербургских рукописей. Ученый счел дату недостоверной. По его мнению, она почерпнута из труда Халльмана, который основывался на предположении Мессениуса. Эту гипотезу Ульссон считал беспочвенной⁸⁴.

Итак, достоверность обеих записей шведскими исследователями была поставлена под сомнение. Однако воочию указанные ученые их не видели. Что можно сказать об этих записях, ознакомившись с ними непосредственно? Действительно, обе имеют спорный характер. Запись в кодексе Швед. F.IV.2, судя по письму, создана скорее в середине XVII в., а не в XVIII столетии. Таким образом, она могла появиться под влиянием труда Мессениуса, но не по следам книги Халльмана. Абревиатура

⁸² *Lundmark E. Redaktionerna...* S. 58—59, 64.

⁸³ *Olsson H. Johannes Messenius Scondia Illustrata.* Lund, 1944. S. 210—211.

⁸⁴ *Ibid.* S. 215—216.

O.P.P.S. скорее всего означает: “Olaus Petri, predikant i Stockholm” — «Олаус Петри, стокгольмский проповедник». И здесь многое неясно. С одной стороны, Олаус Петри вряд ли мог подготовить к печати «Шведскую хронику» в той редакции, которая представлена списком Швед. F.IV.2. С другой стороны, очевидно: «местер Улоф» предназначал свой труд для печати. Запись в петербургском списке указывает на достоверные обстоятельства.

Бросается в глаза сходство лексики, употребленной Халльманом, Мессениусом и автором записи в кодексе Швед. F.IV.2. И в книге Халльмана, и в петербургской рукописи сказано: Олаус подготовил (“förfärdigade”) хронику. У Мессениуса — тоже «подготовил» (лат. “concinnavit”). Употребленный Мессениусом латинский глагол — эквивалент шведского глагола “förfärdiga”. Связь между источниками почти очевидна. Но что послужило причиной взаимосвязи — достоверные сведения, фальсификация или ошибка — сказать трудно.

Сложно обстоит дело и с титульным листом рукописи Швед. F.IV.3. На первый взгляд, он создан около середины XVII в. Но часть букв, в том числе почти все прописные, выглядит как более поздняя (конец XVII—середина XVIII в.). Итак, вполне вероятно, что мы имеем дело с записью, сделанной в XVIII в. и стилизованной под старину.

В этой связи важна фактическая сторона вопроса: когда, в какие сроки создавались ранние версии хроники? Есть ли какая-то реальная основа у даты, приведенной в трудах Мессениуса и Халльмана, а также в петербургской рукописи?

Из дополненных пространных списков (редакция IV) самым древним является D 407, созданный около середины 1550-х гг. Другие древние списки этой группы относятся ко второй половине 1550-х—1560-е гг. К ним принадлежит и петербургский список F.IV.3. Более ранняя версия пространной редакции (редакция III) старше на несколько лет. Ее древнейшие списки датируются началом 1550-х гг. Один из списков этой группы был, по-видимому, собственноручно изготовлен финским реформатором, создателем финской письменности Михаэлем Агриколой. Данный список (KB D 409) выполнен для аристократки Анны Бьельке. Агрикола являлся учителем ее сына — Хогеншильда Бьельке, впоследствии крупного государственного деятеля, ученого, библиофила.

«Шведская хроника» повлияла на творчество Агриколы: он использовал произведение, работая над предисловием к финскому переводу Нового Завета. Там Агрикола вкратце изложил историю обращения финнов в христианство; как доказали исследователи, финский реформатор основывался преимущественно на «Шведской хронике» Олауса Петри. Финский перевод Нового Завета вышел в свет в 1548 г. Таким образом, уже около середины 1540-х гг. Агрикола был знаком со «Швед-

ской хроникой». К сожалению, нельзя установить, какой версией пользовался в данном случае Агрикола: фрагменты, на которые он опирался, одинаковы в различных редакциях «Шведской хроники».

Древнейшая версия хроники — редакция I — была, по всей видимости, завершена до конца 1530-х гг. Об этом свидетельствуют обвинения, прозвучавшие на судебном процессе в 1539 г. Вполне возможно, что между созданием ранней версии хроники и судом над Олаусом Петри прошло несколько лет. Поэтому даты, приведенные Мессениусом, Халльманом и неизвестными писцами, оставившими записи в манускриптах, хранящихся ныне в Петербурге, выглядят довольно правдоподобно.

Нет прямых сведений о том, как Олаус Петри работал над первой версией «Шведской хроники». Но есть косвенные данные, позволяющие сделать вывод о том, каковы были научные интересы Олауса Петри уже в 1520-е гг. Такая информация представлена в комментарии реформатора к городскому уложению — Стадслагу.

Указанный текст является, прежде всего, правоведческим. Но многие из комментариев содержат идеи и данные, которые приведены в «Шведской хронике». Так, высказана мысль, что в старину правитель «являлся законом»⁸⁵. Приведены сведения из истории шведских торговых городов⁸⁶. Прокомментирован (в том же духе, что и в «Шведской хронике») запрет на поклонение языческим богам⁸⁷. Объяснен обычай ордалий⁸⁸. Отмечено, что “hundari” — древнее название сотенного округа⁸⁹. Прокомментированы старинные термины “ey man thes batter”, “ogilder”, “liuta”, известные, в частности, по тексту «Языческого закона»⁹⁰. Над комментарием к Стадслагу Олаус Петри трудился, когда был городским секретарем: работа, вероятно, начата около середины 1520-х и завершена в конце 1520-х гг. Таким образом, уже в 1520-е гг. Олаус совершенствовал свои исторические познания, копил материал для хроники. Очевидно, это помогло закончить работу над первой редакцией исторического труда в 1530-е гг.

Итак, указания на даты создания хроники «1534» и «1535» отнюдь не бессмысленны. В тоже время, конечно, они могли быть и следствием ошибки. Возможно, даты в рукописи D 407 (или каком-то другом манускрипте), не являющиеся датами создания хроники, были приняты за даты завершения работы над произведением: затем ошибку воспроизвели — в том числе в петербургской рукописи.

⁸⁵ OPSS IV. S. 315.

⁸⁶ Ibid. S. 316.

⁸⁷ Ibid. S. 344.

⁸⁸ Ibid. S. 336.

⁸⁹ Ibid. S. 344.

⁹⁰ Ibid. S. 320, 342, 345.

В стокгольмской Королевской библиотеке хранится еще один памятник, важный для датировки «Шведской хроники» и уточнения обстоятельств ее создания. Он представлен двумя манускриптами: D 25 (40-е гг. XVI в.) и D 439 (XVII в.). Второй из списков — D 439 — по каталогу Королевской библиотеки числится как самостоятельное произведение, основанное преимущественно на «Шведской хронике» Олауса Петри. В действительности, D 439 — позднейший список источника, представленного манускриптом D 25, и самостоятельного значения для дискуссии о «Шведской хронике» почти не имеет.

Зато принципиально важен манускрипт D 25. Это книжка in quarto, озаглавленная “En lithen krönika vtdraghen påå swensko” — «Маленькая хроника, составленная на шведском языке». Текст, включая заглавие, выполнен одним писцом, который являлся и владельцем рукописи. Он указал свое имя — Педер Йонсон, дату создания манускрипта — 1546 г., и место — Стренгнес⁹¹.

Исследователи не обошли вниманием этот источник. Э. Лундмарк считал, что D 25 — это краткая выжимка (“ett kortfattat utdrag”) из хроники Олауса Петри в ее древнейшей версии — редакции 1⁹². До Лундмарка на кодекс D 25 обратил внимание Г.Э. Клемминг. Он также отметил сходство с древнейшей редакцией хроники. Клемминг высказал осторожное предположение: текст D 25, похоже, содержит выдержки из некой черновой версии хроники⁹³. Ни Клемминг, ни Лундмарк не оставили подробного анализа D 25. Между тем необходимо уяснить, что это за текст.

При знакомстве с памятником видно, что он состоит из лаконичных заметок — выписок, лишь частично систематизированных, а нередко обрывочных. По содержанию они близки к хронике Олауса Петри. Своеобразна орфография: на письме, возможно, отразилось диалектальное произношение⁹⁴.

Заметно, что D 25 имеет и существенные отличия от «Шведской хроники». Они касаются компоновки материала, полноты сведений, стиля изложения. Различия видны уже в начале манускрипта, где рассказывается о языческих верованиях. В основном приведены те же данные, что и в «Шведской хронике». Но в D 25 нет характерных для «Шведской хроники» параллелей с верованиями жителей Германии, отсутствуют ссылки на древние законы, упоминания о том, что священные рощи сохранились

⁹¹ KB D 25. S. 1, 111.

⁹² Lundmark E. Redaktionerna... S. 16, 74.

⁹³ KB D25, внутренняя сторона обложки, запись, сделанная Клеммингом.

⁹⁴ Частое употребление “t” вместо “d” или “th”: “te” (“de”), “tessa” (“dessa”), “teras” (“deras”), “ter” (“där”); частое употребление “i” вместо “y”: “besinnerligh” (“besynnerligh”), “ippersta” (“yppersta”), “sister” (“syster”).

вплоть до времени, когда жил автор. Нет комментариев по поводу утверждений Саксона Грамматика об Одине и ссылок на «Английскую хронику». Текст сухой, конспективный, невыразительный; с ним контрастирует живое, увлекательное повествование Олауса Петри. Не найдем мы и поправок, оговорок типа «по всей видимости», «вероятно»: вся информация подана как полностью достоверная. Короче говоря, в D 25 нет многого из того, что составляет авторский стиль, творческий почерк Олауса Петри.

Далее видно, что материал в D 25 подан отчасти в виде неких тематических блоков, отчасти — коротких, обрывочных сообщений. Так, после «блока» сведений о языческих верованиях следует «блок» информации о готах. Данные примерно соответствуют материалам, содержащимся в «Шведской хронике». Но в D 25 известия о готах представлены компактно, а в «Шведской хронике» — распространены по тексту, в соответствии с хронологией и общим планом повествования.

Следующим крупным «блоком» в D 25 дан рассказ о введении христианства в Швеции. Вновь информация в значительной степени совпадает со сведениями «Шведской хроники». Но есть и различия. Так, в D 25 в иной последовательности рассказано о деятельности миссионеров Стафана и Адальварда. Сначала полностью описана деятельность Стафана, вплоть до его смерти и захоронения, затем так же компактно приведены сведения о деяниях Адальварда. А в «Шведской хронике» Олауса Петри рассказ начинается с описания деятельности Стафана, затем сообщается об Адальварде, а после — вновь о Стафане. О том, что король Стенкиль направил гонцов с просьбой прислать миссионеров, сказано утвердительно. А в «Шведской хронике» эта информация не преподносится как абсолютно достоверная: сделана оговорка — “*som en part mena*” («как некоторые полагают»). В повествовании D 25 о крещении короля Улофа Шётконунга нет отступления, в котором Олаус Петри объясняет, что нельзя было в короткие сроки обратить в христианство такую обширную страну. Нет в D 25 и уточнения прозвища короля Олофа — этимологии слова “*Skötkonung*”.

Далее в D 25 следует «блок» о древних городах — Бирке, Скаре и Сигтуне. Вновь мы видим характерную деталь: информация, которая у Олауса Петри дана с оговорками, в D 25 преподносится как абсолютно достоверная. У Олауса сказано, что Бирка, по-видимому, древнейший город, а по D 25 — однозначно древнейший. Компоновка сведений вновь иная, чем в «Шведской хронике»: от рассказа о трех древнейших городах D 25 переходит к повествованию о торговых местечках — чёпингах — и о ввозимых в Швецию иноземных товарах.

Затем следуют краткие, конспективные сведения, порядок изложения вновь иной, чем в «Шведской хронике». Сначала упомянут приход к власти датского короля св. Кнута (1080), после приведена дата гибели норвежского конунга — св. Олафа (1028). Затем — скачок вперед во

времени: помещены сведения об основании монастыря Альвастра королем Сверкером и об убийстве этого государя.

Далее — новые скачки вперед и назад: видимо, на сей раз они связаны с тем, что в D 25 подряд излагаются сведения разных лет из истории балтийских городов — Любека, Штральзунда, Висмара, Ревеля. К «блоку» об этих городах примыкает сообщение об основании Стокгольма. И снова скачок во времени: назад, а потом вперед. Вызван он тем, что в один «блок» объединены сведения об убийстве короля Эрика Святого (1160) и о значительно более позднем событии — перенесении мощей этого короля в Новую Уппсалу из Старой Уппсалы (1273).

Далее по тексту D 25 мы видим те же отличия от «Шведской хроники»: изложение конспективно, обрывочно, не отредактировано, хронологически непоследовательно; сведения не интегрированы в единое повествование. Отсутствуют оговорки типа «судя по всему», «как некоторые полагают». Опущены многие рассуждения, характерные для Олауса Петри. Нет большинства ссылок на законы и другие источники, упомянутые в «Шведской хронике».

В рукописных собраниях Швеции имеется немало манускриптов, содержащих выписки, извлечения из хроники Олауса Петри. Но кодекс D 25 не похож на эти компендиумы. Весьма вероятно, что рукопись D 25 относится к подготовительной стадии работы над «Шведской хроникой». Указанный манускрипт в таком случае соответствует не редакции I, а, так сказать, «редакции 0» — черновой версии хроники.

Сложен вопрос о том, как выглядела эта черновая версия целиком. Являла ли она в своем роде законченный текст? Или представлена лишь текстами того же типа, что D 25? И может быть, автор D 25 — не Петри, а, например, некий стренгнесский клирик, чей материал Олаус «разобрал» на части и интегрировал в свою хронику? Так или иначе, D 25 отражает ранний этап в создании «Шведской хроники» и, судя по всему, содержит более архаичный текст, чем известные ранние версии памятника.

§ 5. Древнейшая история Швеции и введение христианства в этой стране по хронике Олауса Петри

Ниже пойдет речь об освещении Олаусом Петри ранней истории Швеции и, особенно, христианизации страны. Как указывалось выше, данная проблематика представлялась важной сторонникам и противникам Реформации в Скандинавских странах: и те, и другие рассматривали Реформацию

как продолжение или завершение событий, начавшихся в раннее Средневековье в связи с деятельностью первых миссионеров.

Один из вопросов, разбираемых Олаусом в хронике, связан с происхождением шведов — и, как следствие, деяниями их предполагаемых предков, т.е. готов.

Ко времени написания «Шведской хроники» среди шведской интеллектуальной и политической элиты имелось немало сторонников теории, которую ныне принято называть гетицистской. Согласно этой теории, шведы были потомками древних завоевателей, готов, покоривших Европу, и потому превосходили другие народы.

Самым знаменитым памятником шведского гетицизма стала произнесенная в 1434 г. речь епископа (впоследствии — архиепископа) Николауса Рагвальди на Базельском соборе. Ссылаясь на сведения о готах, почерпнутые у древних авторов — Аблавия, Дионисия, Иордана, он обосновал мысль, что Швеция — прародина готов — древняя и почтенная страна.

В начале 1440-х гг. гетицистская идея закрепились в законодательстве. Теперь законы страны предварялись рассуждением о том, что Шведское королевство было в древности образовано из земель свеев и готов (ётов), само государство — родина готов, название этого народа происходит из Швеции и только там сохранилось. Таким образом, к середине XV в. гетицизм стал законодательно утвержденной идеологией.

С этого времени гетицистская идея зазвучала в исторических произведениях. Ярким памятником подобной историографии стала «Прозаическая хроника». Хронист собрал сведения о «деяниях особого народа, который именовался гетами, затем получил название гёты или готы, а ныне зовется шведами». Автор объяснил его происхождение:

«От Иафета произошли скифы и геты (sithe och gethe); геты потом назывались гётами или готами, а ныне зовутся шведами. Скифов хронист отождествлял со свеями — жителями Верхней Швеции, а готов — с гётами (йетами), жителями нижнешведских областей. В дополнении к хронике указано: геты получили название от Гога — сына Магога, который приходился сыном Иафету. Об этом, указывается в хронике, сообщают Исидор Севильский и Магистр [сентенций], т.е. Петр Ломбард».

Упомянут в «Прозаической хронике» и «благой мудрый учитель, прозываемый епископ Ардан». Речь идет об Иордане; ссылаясь на него, хронист указывает, что первый король гётов именовался Эрик. Он впервые заселил край, что зовется Сконе. Затем готы захватили близлежащие острова.

После смерти Эрика королем стал его сын Годерик, которого называют Теодорихом. Он завоевал Кимврию — т.е., разъясняет хронист, Ютландию, Фризию и Голштинию. Затем он покорил Германию, Италию и мно-

гие другие страны. Было это, утверждает хронист, во времена Серуха — прадеда патриарха Авраама. Сын Годерика звался Филимер Великий. Он «вторгся в Скифию, сиречь в Швецию⁹⁵ и подчинил жителей северо-востока страны». Затем покорил «Алеманнию и все земли до Дуная», переправился через Дунай, завоевал Фракию и Мезию, перешел «через горы, что зовутся Альпы» в Македонию и захватил эту страну, а также «Грецию, Понт, Азию и Иллирию» и 15 лет удерживал подчиненные края. Готы покорили также Армению, Скифию и еще несколько стран.

Упомянут в «Прозаической хронике» и еще один авторитет — испанец Родерикус Толетанус (Родриго Хименес). Ссылаясь на него, шведский хронист уверяет:

«Доблесть готов столь велика, что невозможно восхвалить ее в полной мере. Готы обратили в бегство Дария и Ксеркса, сражались с Александром Македонским и другими властителями⁹⁶. Темарис⁹⁷, царица готов, своими руками убила великого царя Пирра. Готы завоевали Испанию, Францию, Англию, Шотландию и другие страны. И явили еще немало доблестей: например, первыми научились натягивать на луках тетивы из жил. Готы были столь искусны в сражениях, что, говорят, от них произошел Марс — языческий бог войны».

Цель подобных гетицистских построений заключалась в том, чтобы прославить Швецию, создать красивый миф о ее происхождении, доказать превосходство над другими странами. Вместе с тем гетицистская теория служила геополитическим интересам шведской знати. В «Прозаической хронике» утверждается, что Швеции принадлежат права на Готланд — остров, который являлся предметом споров между ней и Данией. А сообщение о том, что король Эрик I первым «заселил» Сконе, в позднее Средневековье рассматривалось как доказательство прав Швеции на эту область, которая входила в состав Дании.

«Прозаическая хроника» принадлежала гетицистской мысли, являлась ее программным произведением. Большинство современных ученых полагало (и не без оснований), что ту же традицию продолжала и хроника Эрикуса Олаи. Но в середине XX в. историк С. Арнольдссон обратил внимание, что Эрикус Олаи не проявлял слишком большого энтузиазма по поводу рассказов о завоеваниях и доблестях готов. По мнению Арнольдссона, нельзя причислять Эрикуса Олаи к гетицистам: он был, напротив, антигетицистом — предшественником Олауса Петри как критика официально-патриотической теории.

⁹⁵ Здесь: выступил из Ёталанда в поход на Свеаланд.

⁹⁶ Т.е. с царем Александром Македонским, царем Пирром и Юлием Цезарем.

⁹⁷ Томирис.

Повествование Олаи о готах отличается от «Прозаической хроники». Эрикус не увлекается восхвалением деяний готов за пределами Швеции, а лишь коротко упоминает о них. Правда, «доктор Эрик» с уважением отзывается о подвигах готов. Но сведения о свершениях, заявляет Эрикус Олаи, не имеют отношения к предмету хроники — ведь в ней надлежит поведать о королях, которые правили Швецией.

Завоевательные походы готов, по Эрикусу Олаи, пагубно отразились на их родине — Швеции. Королям некогда было заниматься внутренними делами; следствием чего стали раздоры, смуты, иноземные нашествия. Эрикус Олаи оспорил некоторые утверждения автора «Прозаической хроники»: король Эрик I не мог быть современником авраамова прадеда; короля Годерика нельзя отождествлять с предводителем готов Теодорихом.

Вместе с тем Эрикус Олаи отдавал дань гетицизму. Об этом свидетельствует и название его труда — “*Chronica regni gothorum*”. «Доктор Эрик» объясняет, что королевство, которое ранее именовалось королевством готов, ныне называется Швеция. Он сообщает, что готы разделились: часть осталась на родине, остальные устремились покорять другие народы. Родина готов — Швеция — получила свое название следующим образом. Готы, т.е. потомки Иафета, переселившись в Северную Европу, нарекли новую родину «Скифия» в честь прежней родины. Со временем, вследствие языковых изменений, слово «Скифия» превратилось в слово «Швеция».

Итак, в концепции С. Арнольдссона содержится преувеличение: Эрикус Олаи, конечно, принадлежал к гетицистской традиции. «Доктор Эрик» выступил и как критик этой традиции: отмежевался от некоторых «мифов», не стал восхвалять завоевательные походы готов, поскольку многие из них не имели отношения к шведской истории.

С рассказами о готах, содержащимися в хронике Эрикуса Олаи, в «Прозаической хронике» и в трудах других шведских авторов хорошо знаком Олаус Петри. Были «местеру Улофу» известны и труды античных историков, писавших о готах, и повествования зарубежных средневековых хронистов на ту же тему. Таким образом, в распоряжении «местера Улофа» имелся объемный и притом противоречивый материал, где история оказалась перемешана с преданиями и откровенным вымыслом. Как поступил со столь пестрой информацией автор «Шведской хроники»?

Прежде всего, Олаус подчеркнул, что о древнейшей истории Швеции (до прихода христианства) почти нет сведений: «...Наши предки либо писали об этом мало, либо вообще ничего не писали». Для Олауса очевидно — в Скандинавии, как и во многих краях, жили «грубые и не-

разумные люди», которые «начали учиться вежливости и хорошему обхождению только после того, как стали христианами».

По мнению Олауса, историю шведов нельзя отождествлять с историей готов; древние готы — не то же, что современные автору гёты (ёты) — жители Нижней Швеции:

«...Древние готы (если вообще они, действительно, такие древние, как некоторые полагают) — те, кто первыми назывались “Göthe”, жили там, где сейчас находится Венгрия либо еще дальше; и в то время, скорее всего, в Швеции еще никто не жил».

Олаус, основываясь отчасти на идеях немецких ученых-современников, отчасти на собственных наблюдениях, указал: немцы, шведы, датчане и норвежцы некогда составляли единый народ. Свидетельством тому языковая общность германских народов и сходство их социального устройства. Олаус полагал: шведы, датчане и норвежцы — потомки переселенцев из Германии.

Версия о том, что древние готы являлись выходцами из Скандинавии для Олауса — не более чем «древнее предание». Во всяком случае, подчеркнул он, готы говорили на германском наречии. Неверно, по мнению Олауса, и утверждение, будто готы осуществили свое переселение во времена Авраама: «Такое утверждение совершенно неверно; если упомянутый исход и имел место, то намного позже». Олаус подчеркнул: не стоит восхвалять доблесть готов. Ведь они творили насилие, лишили жизни множество людей.

Итак, рассуждения Петри о готах носят самостоятельный и притом полемический характер. Олаус критикует гетицистскую теорию, аргументирует версию о происхождении скандинавов от общегерманского народа. Вместе с тем он не отвергает начисто идею, что готы — выходцы из Скандинавии, предоставляя о том «судить другим». Кроме того, он высказывает соображения относительно времени переселения готов. Петри не стал бы этого делать, если бы наверняка был убежден, что указанное переселение не имело места.

Во всяком случае, Олаус отдал дань традиции и поведал о деяниях готов. Но он не стал повторять рассуждения шведских предшественников, а привел сведения, заимствованные у немецкого историка Иоханна Кариона и у древнего классика Иордана. Так в «Шведскую хронику» вошли сообщения о вторжении готов в Грецию, об убийстве императоров Валента и Деция, походах в Италию, деяниях Теодориха и Тотилы.

Таким образом, в разработке Олаусом «готского» сюжета было уже много от историографии Нового времени. Это и сомнения в достоверности сведений о готах, и критика источников, и опора на историков-

гуманистов, и свойственный гуманизму ученый интерес к античным авторам. Вместе с тем Олаус не отвергал начисто традиционные представления о готах, не являлся абсолютно последовательным «антигеттицистом».

Следующая крупная тема, которую затрагивает Олаус Петри в «Шведской хронике», — языческие верования древних жителей Швеции. Основой повествования о язычестве в данном случае является рассказ об Упсальском языческом храме. Рассказ этот, как известно, впервые был приведен Адамом Бременским.

Согласно Адаму, Упсальское святилище было украшено золотом. Внутри находились статуи богов — Тора, Водана (Одина) и Фриккона (Фрея). Тор «управляет громами и молниями, ясной погодой и урожаями». Водан «ведет войны и дает человеку смелость перед лицом врагов». Фриккон «дарит смертным мир и наслаждение». Идол Фриккона снабжен огромным фаллосом; Водана представляют вооруженным, подобно Марсу; Тор скипетром подражает Юпитеру. Возле святилища растет вечнозеленое дерево. Под ним находится источник, где язычники совершают жертвоприношения. Святилище опоясывает золотая цепь. К богам приставлены жрецы, которые приносят жертвы. Если грозит мор и голод, умоляют Тора, если война — Водана, если свадьба — Фриккона. Каждые девять лет устраивается всеобщее празднество свеев. В жертву богам приносят девять голов из живности мужского пола; кровью умоляют богов, тела развешивают в роще рядом со святилищем. Вместе с людьми там висят собаки и лошади. Один христианин поведал Адаму, что видел 72 тела, висевшие вперемежку.

Первым из известных шведских исторических сочинений, где цитируется рассказ Адама Бременского об Упсальском храме, является «Прозаическая хроника». Ее автор ссылается на «мудрого учителя по имени Адам»⁹⁸ и в ряде случаев близко следует его повествованию. Вместе с тем в «Прозаической хронике» присутствуют отличия от хроники Адама Бременского.

Пример подобного сходства и различия — сообщение «Прозаической хроники» о боге Торе. Рассказ следует описанию, приведенному Адамом. Но «Прозаическая хроника» добавляет и другие сведения: Тора якобы изображают голым ребенком — “nakit barn”, который сидит на повозке и держит в руке семь звезд. Добавлено, что в честь Тора назван четверг — “Torsdagen”. Хронист указывает местонахождение святилища: гора Домберъет («Соборная гора»). Зато в «Прозаической хронике» нет упоминания о скипетре Тора; отсутствует уподобление Тора Юпитеру. Сообщения об Одине и Фрикконе (по «Прозаической хронике» — Фригг) близки к рассказу Адама, но добавлено, что в честь богов названы среда (“odensdagh”) и пятни-

⁹⁸ SRS I. P. 240.

ца (“friggedaghr”). Хронист верно следует Адаму в описании храма, рощи и жертвоприношений. Место рощи в свою очередь четко определено: «Где ныне находится уппсальская Крестьянская церковь». Есть отличие в сообщении о христианине, который видел тела принесенных в жертву существ: согласно «Прозаической хронике», их было 77, а не 72.

О том же святилище, о тех же богах сообщает в своей хронике и Эрикус Олаи. Основным образцом послужила «Прозаическая хроника»: Эрикус Олаи довольно точно воспроизвел многие фрагменты, которые восходят к тексту Адама⁹⁹. Впрочем, имеются любопытные различия. Так, у Эрикуса Олаи бог Тор наделен скипетром: эта деталь присутствует у Адама, но отсутствует в «Прозаической хронике». По «доктору Эрику», языческие боги были расположены в святилище в виде триклиния. Такая подробность имеется в произведении Адама, но в «Прозаической хронике» не приводится¹⁰⁰. В то же время, по Эрикусу, Тор держит в руке семь звезд: эта деталь, напротив, обнаруживается в «Прозаической хронике», но отсутствует у Адама. Одину, согласно Эрикусу Олаи, поклонялись не только ради военных успехов, но также и для того, чтобы обрести мир и покой; по хронике Адама и по «Прозаической хронике» — только ради военных успехов. В повествовании «доктора Эрика» о жертвоприношениях нет упоминания о том, что приносимые в жертву существа — только мужского пола. Нет и сообщения о 72 или 77 трупах, которые видел некий христианин¹⁰¹.

Олаус Петри был знаком с рассказом о священной роще и языческих богах в нескольких версиях — в том числе по «Прозаической хронике» и труду Эрикуса Олаи¹⁰². Он комбинировал сведения, почерпнутые из источников и дополнял их. Так, в рассказе о Торе мы видим упоминание о повозке, скипетре, семи звездах. Объяснено, что по имени Тора назван четверг. Присутствует отождествление Тора и Юпитера, Одина и Меркурия. Фригг из мужского божества превратился в женское — Фриггу. Эта Фригга отождествлена с Венерой. Добавлены описания других богов: Сатурна (Кроде), Нептуна (Водяного), Ядута. Проигнорировано сообщение

⁹⁹ Ср.: *Nyrin-Heuman E. Källkritiska, textkritiska och språkliga studier till Ericus Olai Chronica gothorum.* Lund, 1944. S. 36.

¹⁰⁰ Подробно см.: *Scheglov A. Ericus Olai och Adam av Bremen // Historisk tidskrift.* Stockholm, 2014. Bd. 133. Hft. 4. S. 145—169.

¹⁰¹ Таким образом, очевидно: Эрикус Олаи свел воедино две версии рассказа об Уппсальском святилище: 1) некую версию, близкую к тексту Адама (или непосредственно текст Адама) и 2) версию «Прозаической хроники», являющуюся более вольной переработкой повествования Адама. Эрикус Олаи внес в рассказ дополнения и другие изменения. Подробно см.: *Scheglov A. Ericus Olai och Adam av Bremen...*

¹⁰² Но, судя по всему, не был знаком с первоисточником — хроникой Адама Бременского.

Эрикуса Олаи о том, что Тору поклоняются «ради мира и спокойствия». По Олаусу, Тора почитали только ради военных успехов. В отличие от «доктора Эрика», Петри упомянул, что жертвы приносились лишь мужского пола. По мере редактирования хроники был добавлен вывод, что боги у скандинавов — «те же, что у немцев». В качестве источников, содержащих сведения о язычестве, Олаус использовал шведские законы и зарубежные хроники. Привлек он и устный материал: «клятвы» крестьян, пословицы и поговорки. Привнесена любопытная полемика: возражая Саксону Грамматику, Олаус доказывает, что Один — не шведский колдун, а германский языческий бог.

Итак, Олаус Петри усовершенствовал традиционный для шведских хронистов сюжет об Упсальском святилище и о языческих верованиях. Он сделал этот рассказ более информативным, ученым, дискуссионным. Даже при указанных усовершенствованиях, описание языческих верований, в ряде черт, осталось традиционным, а кроме того — неполным. Не использованы данные топонимики, исландско-норвежские источники — саги, скальдические висы, эддическая поэзия. Данный пробел восполнили ученые последующих поколений.

В повествовании о введении христианства в Швеции Олаус Петри также опирался на традицию, в основе которой лежат древние памятники: «Житие Ансгария», «Хроника» Адама Бременского. К «Житию Ансгария» восходит рассказ о миссии этого святого. Согласно агиографическому памятнику, к императору Людовику Благочестивому прибыли посланники шведов и попросили направить в их страну проповедников. Император поручил Ансгарию, монаху монастыря Корби, возглавить эту миссию. Ансгарий и его спутники прибыли в город свеев Бирку, где их принял король Бьёрн. Миссионеры провели в Бирке полтора года и обратили в христианство множество людей. Однако после отъезда Ансгария свеи вернулись к языческим обычаям. Повторный приезд Ансгария в Бирку вновь привел лишь к временному торжеству христианства в тамошних краях.

О последующих событиях, связанных с проповедью христианства в Швеции, сообщает Адам Бременский. В Бирку, спустя 70 лет после смерти Ансгария, прибыл Гамбург-Бременский епископ Унни. Он стал вновь обращать местных жителей в христианство. Умер он в Бирке, где и был похоронен. Адам приводит множество других сведений о крещении Швеции — в частности, о принятии христианства королем Олафом Шетконунгом, о миссии английского проповедника Волфреда, о деяниях и смерти миссионера Адальварда.

Шведские хронисты, повествуя о проповеди христианства, пользовались и рассказами о других святых-миссионерах: Сигфриде, Эскиле, Давиде. Подробно об этих святых рассказано в житиях. Что касается хроники Адама Бременского, то роль главного посредника между ней

и шведскими историческими произведениями сыграла опять же «Прозаическая хроника». Впрочем, автор «Прозаической хроники» и здесь следует Адаму не во всем.

Так, по Адаму, первым шведским королем, принявшим христианство, стал конунг Эрик Победоносный, крестившийся в Дании. А «Прозаическая хроника» ничего не сообщает о крещении Эрика Победоносного. Согласно хронике, первый христианский король Швеции — сын Эрика Победоносного Стенкиль по прозвищу Урожайный. В этой связи «Прозаическая хроника» воспроизводит легенду, впервые поведенную Адамом. Так, один из жрецов Упсальского святилища, совершая языческие жертвоприношения, ослеп. Во сне ему явилась Дева Мария и убедила принять христианство. Тот принял крещение, прозрел и, возрадовавшись, стал проповедовать христианскую веру.

Далее повествование «Прозаической хроники» следует рассказу Адама, но с изменениями. Король Стенкиль направил гонцов к св. Ансарию (по данной хронике — архиепископу Гамбургскому), прося прислать проповедников. Ансарий, вняв словам государя, отправил в Швецию мужественных и мудрых людей, которых рукоположил в епископы; одного звали Стафан, другого Адальвард. Они прибыли в Сигтуну и стали возвещать христианскую веру. Их проповедь имела успех: уже на первом богослужении Адальварда было пожертвовано 70 марок серебра. Затем Адальвард разрушил языческих идолов в Упсале. Стафан же направился в Хельсингланд и там проповедовал, обратив множество людей в христианскую веру, а впоследствии был убит. В Упсале же народ возмутился тем, что низвергнуты идолы. Разгневанные местные жители убили Адальварда и отошли от христианской веры. Отрекся от веры и король Стенкиль, чтобы спасти себе жизнь; но все равно его убили в Упсале его же люди.

Затем «Прозаическая хроника» упоминает об Олафе Шётконунге. По хронике, он приходился сыном королю Стенкилю. Сюжет о крещении короля Олафа, судя по всему, восходит к древней вестъетской хронике. Указано, что король был крещен 15 февраля 1108 г. миссионером Сигфридом. Тогда же вся Швеция обратилась в христианство. Рассказ о конунге Бьерне и о прибытии Ансария в Бирку (воспроизведенный Адамом по «Житию Ансария»), равно как и некоторые другие важные фрагменты из хроники Адама, в «Прозаической хронике» отсутствуют.

На повествование «Прозаической хроники» о крещении Швеции в свою очередь опирался Эрикус Олаи. Как и в «Прозаической хронике», первым шведским королем, принявшим христианство, в хронике Эрикуса Олаи назван сын Эрика Победоносного — Эрик (или Стенкиль) Эрикссон. Хронист уточняет: некоторые именуют этого короля Эриком Урожайным, другие же называют Стенкилем I. Ближе к тексту «Прозаической хроники» Эрикус Олаи излагает предание об ослеплении и про-

зрении языческого жреца. Расхождения с «Прозаической хроникой» присутствуют в сообщении о том, как в Швецию были направлены проповедники. В «Прозаической хронике» сказано: после чудесного выздоровления жреца король Стенкиль просил св. Ангария, епископа Гамбургского, прислать проповедников. В произведении Эрикуса Олаи эта информация скорректирована: проповедников послал архиепископ Бременский (“metropolitanus Bremensis”), который в хронике Эрикуса Олаи (в отличие от «Прозаической хроники») не отождествляется с Ангарием. При этом Эрикус Олаи приводит альтернативную версию мотивов архиепископа: он направил проповедников то ли по просьбе посланников короля, то ли по собственному разумению, заботясь о спасении душ.

Похоже, что, внося поправки, Эрикус Олаи и в данном случае опирался на хронику Адама Бременского (или какие-то выдержки из нее). Именно у Адама говорится, что гамбург-бременский архиепископ по собственной инициативе направил миссионеров во владения Стенкиля. В то же время у Адама сказано, что кафедра в Сигтуне была основана при помощи посланников короля Стенкиля. Очевидно, Эрикус Олаи попытался согласовать эти сведения с данными «Прозаической хроники». Ясно, что рассказы Эрикуса Олаи о язычестве и о введении христианства — не простая компиляция из «Прозаической хроники», а текст более сложного происхождения¹⁰³.

Далее мы видим, что повествование Эрикуса о проповедниках Стафане и Адальварде в основном повторяет фрагмент «Прозаической хроники». Но упоминая о смерти Адальварда, Эрикус приводит две версии: 1) Адальварда убили жители Упланда за то, что он низверг идолов; 2) этот проповедник прожил долгую жизнь и был похоронен в Бирке. Возможно, считает Эрикус Олаи, Адальвард претерпел гонения в Уппсале и бежал в Бирку, где впоследствии умер.

О другом проповеднике — Стафане — «доктор Эрик» сообщает в основном то же, что и автор «Прозаической хроники»: что он отправился на север страны, где обратил множество людей в христианство и где, «как некоторые полагают», принял мученический венец. Далее Эрикус Олаи сообщает: «согласно житию св. Эскиля, упомянутое отпадение от веры имело место после прибытия в Швецию св. Сигфрида со св. Эскилем и после правления Олафа Шётконунга, в которое, как говорят, все королевство было обращено в христианство». Это сообщение противоречит предшествующему изложению. Эрикус Олаи стремится его разрешить: возможно, указывает он, известия о короле Стенкиле-Эрике относятся к другому Стенкилю — правителю Швеции, племяннику Олафа Шётконунга. В таком случае, заключает Эрикус Олаи, либо в правление

¹⁰³Ср. заключительные разделы статьи автора: Scheglov A. Ericus Olai och Adam av Bremen...

короля Олафа не вся Швеция была обращена в христианство, либо шведы, приняв крещение, затем отпали от веры.

В хронике Эрикуса Олаи есть еще несколько сообщений (отчасти разрозненных), которые касаются проповеди христианства. Это упоминание о проповедниках Поппоне и Бернарде, обративших в христианство датского короля Свена и норвежского короля Олава Трюгтвасона. Приводит Эрикус Олаи и сообщение о том, что Бернард крестил короля Олафа Шётконунга, дав ему имя Якоб: «Так — согласно Датской хронике». Параллельно Эрикус воспроизводит и другую версию: согласно «древней шведской хронике», упомянутый проповедник крестил сына Олафа — Анунда, и нарек его Якобом. Вообще, в сведениях о христианизации у Эрикуса Олаи присутствуют и противоречия, и обрывочные, лапидарные сообщения. Упомянут конунг Эрик Эрикссон, «которого крестил Анстариус», и который умер христианином, в то время как в Швеции сохранялось идолопоклонство. Вне этой связи упомянут король Бьерн (лат. “Bero”).

После этих сообщений следует пространное рассуждение: «сумерки сгущаются перед рассветом»; схожим образом, перед утверждением христианства в Швеции, этой страной правили язычники — «короли лишь по названию». Затем сообщается: по общему мнению, первый христианский король Швеции — это Олаф Шётконунг (поскольку отец Олафа, крестившись, затем отпал от веры). Около 845 г. некоторые жители страны обратились в христианство. Но полностью население Швеции стало христианским только при Олафе Шётконунге. Ниже Эрикус Олаи указывает: согласно «некоторым хроникам, а также выдержкам из хроник», Олаф Шётконунг принял крещение в 1108 г. Эту заведомо ошибочную дату «доктор Эрик» справедливо счел неправдоподобной. По его мнению, упомянутое крещение произошло в середине X в.

Вернемся к нашему главному автору — Олаусу Петри. Создавая свою историческую версию крещения Швеции, он имел в распоряжении труды Саксона Грамматика и Эрикуса Олаи, «Прозаическую хронику», рифмованные хроники, перечни королей, анналы, жития¹⁰⁴.

¹⁰⁴Сложным остается вопрос — в каком объеме Олаус пользовался агиографическими текстами? Во всяком случае, он задействовал «Житие Эскиля» и «Житие Анстариуса». Не ясно, на какую версию “Vita Anskarii” опирался Петри. Скорее всего, это не среднешведский перевод жития: лексика, употребленная Олаусом, значительно отличается от лексики, содержащейся в соответствующих фрагментах перевода. Неясно, использовал ли Олаус пространный латинский текст Римберта. Слишком значительны расхождения «Шведской хроники» с этим памятником: например, Петри игнорирует сообщение о том, что Анстариус являлся монахом Корби. По всей видимости, Олаус использовал краткую версию, вероятно, приведенную в богослужебной книге — бревиарии. Также неясно, работал ли Олаус с житием Сигфрида. Приведенная им информация об этом святом — крайне скудна. Возможно, она почерпнута из других источников — хроник, перечней королей.

Очевидно, что ему пришлось работать с трудными, не вполне надежными и подчас противоречивыми источниками. Как распорядился «мистер Улоф» этим материалом?

Прежде всего, мы видим, что изложение истории христианизации у Олауса компактно, организовано, логично. Нет пространных отступлений, вроде сентенций Эрикуса Олаи о том, что «сумерки сгущаются перед рассветом». В центре внимания Олауса Петри — сама христианизация Швеции. О введении христианства в других странах рассказано в той мере, в какой это имеет отношение к шведской истории. Нет историй о чудесах; опущен расхожий сюжет — ослепление и прозрение языческого жреца. Язычники не так радикально, как у Эрикуса Олаи, противопоставлены христианам. Нет интенсивной полемики: данные источников как бы классифицируются по степени достоверности; если у автора возникли сомнения, то сведения приводятся с оговоркой: «вероятно», и т.д. Повествование содержит концепцию: Швеция обратилась в христианство медленно, постепенно, а не одновременно, в правление какого-то одного короля.

Вот как это выглядит на конкретных примерах. В числе раннесредневековых шведских королей Олаус упоминает короля Бьерна. Повествуя о нем, Олаус следовал агиографической традиции: именно этот король правил в Швеции, когда туда прибыл Ангарий. Но Олаус знал, что в хрониках содержатся иные версии. Поэтому он сделал оговорку: этот Бьерн, *по видимому*, был королем, когда в Швецию явился св. Ангарий.

Далее версия жития представляется Олаусу предпочтительной: посланцев к императору направил, несомненно, упомянутый Бьерн. Впрочем, дата прибытия Ангария в Бирку дана в соответствии со шведской нарративной традицией — 845 г. Ангарий, по Олаусу, пробыл в Бирке полтора года: срок нахождения указан тот же, что и в житии. Рассказ о миссии Ангария Олаус Петри завершает сообщением о ее конечной неудаче — даже при том что миссией была охвачена небольшая часть страны. Вся же Швеция, подчеркивает Олаус, настолько обширна, что ее было невозможно обратить в христианство усилиями нескольких человек.

Следующий сюжет, связанный с христианизацией, — повествование о миссионерах Стафане и Адальварде, прибывших в Швецию при короле — сыне Эрика Победоносного. Перед Олаусом Петри стояла задача идентифицировать этого короля. Олаус объясняет: некоторые называют его Эрик Урожайный, но, как правило, его именуют: «Добросердечный король Стенкиль». Далее — новые вопросы: по чьей инициативе были посланы проповедники, и каким епископом? Олаус объединил имеющиеся сведения, не высказываясь определенно: король, *как некоторые полагают*, направил гонцов к епископу Гамбургскому или Бре-

енскому, и попросил прислать в Швецию проповедников¹⁰⁵. Далее автор использует сюжет гибели Стафана и Адальварда для иллюстрации своих идей: 1) идолов нужно было сперва изъять из сердца, а затем уже извергнуть с алтаря; 2) Швецию — обширную страну — невозможно было обратить в христианство в краткие сроки усилиями всего лишь нескольких проповедников.

Затем Олаус переходит к рассказу о крещении Олафа Шётконунга. Также и тут сведения о генеалогии короля противоречивы. И вновь Олаус не вступает в дискуссию, а сообщает, что Олаф был «сын, или, как некоторые полагают, брат» короля Стенкиля. Олаф послал гонцов в Англию к королю Милдреду, прося прислать людей, которые могут наставлять других в христианской вере. Тот направил в Швецию Сигфрида, Эскиля и других проповедников. Обстоятельства крещения описаны с опорой на шведские хроники: короля крестили в «источнике Сигфрида» близ Хусабу в Вестерьётланде. Но даты крещения, приведенные в шведских источниках, Олаус не устроили. Он предпочел рассуждать самостоятельно: зная, что Милдред отождествляется с английским королем Этельредом, сделал вывод, будто события произошли после прихода указанного короля к власти, т.е. после 978 г. Отсюда — приведенная Олаусом дата: 980 г. или немногим позже¹⁰⁶.

Далее Олаус, отдавая дань традиции, сообщил, что Олаф Шётконунг читается первым христианским королем Швеции (поскольку Стенкиль отпал от веры) и в его правление проповедь христианства была дозволена по всей стране. Но еще одно утверждение предшественников — якобы при короле Олафе вся Швеция обратилась в христианство — вызвало у Олауса возражения. Невозможно, утверждал Петри, чтобы королевство полностью стало христианским в правление указанного короля: на искоренение язычества потребовалось несколько столетий. В доказательство Олаус сослался на церковный раздел Упландслага, созданный «вне сомнения, через несколько столетий после крещения Олафа Шётконунга». В этом церковном разделе, объясняет Олаус, говорится: нельзя «верить в рощи и тому подобное»¹⁰⁷.

Итак, Олаус Петри, рассказывая о христианизации Швеции, предпринял, пожалуй, лучшее, что мог сделать скандинавский ученый при тогдашнем уровне исторических знаний. Он неплохо разобрался в противоречивых нарративных источниках, добился убедительности и последовательности, уточнил хронологию, использовал, в дополнение к нарративным памятникам, законы. При этом он не стал выяснять, ког-

¹⁰⁵Ср.: Scheglov A. Ericus Olai och Adam av Bremen...

¹⁰⁶Westin G. T. Historieskrivaren... S. 29—30.

¹⁰⁷Т.е. в священные рощи, камни, источники, а также другие места и предметы, почитаемые язычниками.

да именно была крещена Швеция, а сделал логичный вывод: христианизация являлась длительным процессом.

Некоторые выводы Олауса о христианизации Швеции совпадают с представлениями современных ученых. Прежде всего, это идея о том, что христианство вводилось постепенно, а пережитки язычества сохранялись в течение нескольких столетий. Современные гипотезы относительно времени крещения Олафа Шётконунга (конец X в.) тоже совпадают с предположениями Олауса Петри.

В то же время повествование Олауса о христианизации — это все-таки не исследование, а именно рассказ. В нем нет сравнительно-исторического анализа; в частности, автору не известны близкие по содержанию исландско-норвежские источники. Хронист не изучал христианизацию как общественно-исторический феномен. Так, он не обратил внимание на то, что проповедь миссионеров находила отклик у разных социальных групп — знати, купцов, рабов¹⁰⁸. Односторонним явилось понимание причин распространения христианства: не уделено внимания политическим и экономическим мотивам конунгов, знати и торговцев.

К повествованию о принятии новой веры примыкают сообщения о первых христианских королях. Некоторые из сообщений любопытны и представляют интерес для характеристики Олауса Петри как историка.

Таково упоминание о короле Амунде Углежогге (Амунде Якобе). В «Прозаической хронике» объяснено его прозвище: по распоряжению короля сжигались жилища преступников; размер того, что предавалось огню, зависел от тяжести преступления. Эти сведения привел и Эрикус Олаи, который считал упомянутый порядок неразумным. «Доктор Эрик» был убежден: со временем король Амунд ввел более разумные законы. Олаус Петри, напротив, полагал, что у обычая имелись основания: король, сжигая дома, наносил вред тем, кто нанес вред людям; государь не взимал штрафов в свою пользу и благодаря этому не впадал в соблазн злоупотребления судебной властью ради выгоды. Из «Комментария к Стадслагу» видно, что Олауса Петри вообще интересовали подобные юридические нормы — т.н. “leges talionis” — «законы воздаяния» (равносильного совершенному преступлению). Примеры таких юридических норм Олаус находил и в Библии (законы Моисея), и в римском праве, и в шведских законах.

По-своему интересно сообщение о преемнике Амунда Углежогга — Амунде Мерзком (он же Эмунд Старый). Основа сюжета заимствована из «Прозаической хроники»: король Амунд, размежевав границу между

¹⁰⁸См.: *Hallencreutz C.F. Reformatorn Olaus Petri som missionhistoriker // Kyrkohistorisk årsskrift. Årg. 83. Uppsala, 1983. S. 11—20. Ср.: Idem. Ansgar: visionär och politiker. Uppsala, 1980. S. 13.*

Швецией и областью Сконе, потерял эту область; затем, пытаясь отвоювать Сконе, потерпел поражение и погиб.

В средневековых памятниках образ Эмунда Старого являлся негативным. Только в XVI в. шведские хронисты попытались его переосмыслить. В этой связи интересно, что Олаус в данном случае не выступил новатором, придерживаясь устоявшейся традиции.

Как известно, время примерно с VIII по XI в. — не только период христианизации. Это эпоха взаимосвязанных изменений: материально-технического прогресса, военных усовершенствований, социальной дифференциации, создания ранних государств, начала формирования права. Это и время расцвета древнейших торгово-ремесленных поселений. Наконец, как известно, — эра викингов. Что пишет обо всем этом Олаус Петри?

Социально-исторические перемены, происшедшие в шведском обществе «эпохи викингов», в хронике Олауса Петри отражены, конечно, далеко не во всей совокупности; он лишь коснулся некоторых из них, сделав отступление от основного повествования. Но и это для тогдашней шведской историографии было шагом вперед: ни автор «Прозаической хроники», ни Эрикус Олаи, ни какой-либо другой шведский хронист до Олауса Петри не касался подобных проблем. Они уделяли внимание преимущественно политической и, отчасти, церковной истории. Как правило, рассказывая о древнейшей истории Швеции, сосредотачивались на деяниях королей — в основном легендарных или полуполулегендарных.

Олаус Петри правильно полагал, что сведения о скандинавской истории первых веков новой эры мало достоверны. Эту мысль он, в частности, высказал в предисловии. Сообщения предшественников «местер Улоф» в данном случае пересказал кратко, подчас выражая сомнения или внося коррективы.

Например, в начале хроники Петри подверг сомнению упоминание предшественников о том, что первый король шведов Эрик I заселил датские земли. Кратко излагая сведения о легендарных королях, Олаус делал поправки и приводил комментарии, высказывал сомнения относительно достоверности сведений. Но вот хроника доходит до сообщения о короле Фроде, и повествование как бы оживает: Олаус высказывает доверие приводимым известиям, вставляет пространный комментарий. Отчасти причина заключается в положительной репутации короля Фроде. Олаус был убежден: если о человеке осталась добрая слава, значит, он ее заслужил. Кроме того, «местеру Улофу» была известна поговорка: "Frode frid" — «мир Фроде». Олаус полагал, что пословицы заключают в себе частицу божественной мудрости — а потому заслуживают доверия и внимания.

После рассказа о нескольких королях следует нечто вроде промежуточного итога: по тому, какой конец постигал многих тогдашних госу-

дарей, видно, как обстояли дела в Швеции: неизменны были распри, волнения, перевороты. Настоящая — документированная, достоверная — история у Олауса начинается примерно с рассказа о миссии Ангария. Вслед за этим сюжетом (и в связи с ним) в «Шведской хронике» приведен экскурс о норманнах. Само по себе это — тоже новшество по сравнению с историческими трудами шведских предшественников¹⁰⁹.

Все же представления Олауса о викингах значительно отличаются от современных. Прежде всего, эта экспансия для Олауса — не содержание эпохи, а кратковременное явление, эпизод. Сообщается о завоеваниях викингов и о разрушениях, которые они учинили. Но не сказано о других аспектах экспансии — торговле, военной службе, открытии и освоении новых земель. Нет у Олауса и интереса к взаимосвязям походов викингов и преобразований в Северной Европе. Образ викингов у Петри односторонний.

Зато следующее ниже описание древнейших шведских городов — несомненная удача Олауса Петри. Отправным пунктом послужили краткие упоминания хронистов-предшественников о Бирке, Сигтуне и Скаре. Вместо подобных лаконичных справок Олаус привел небольшой обзор истории древнейших городов. Прежде всего, он объяснил, что в Швеции (как и в других странах) в древности люди — несведущи, невежественны, мало общались с иноземцами. Поэтому у них не было крупных торговых городов. Вместо этого имелись торговые местечки-чёпинги (Олаус объяснил, что сведения о них почерпнуты из древних законов). В чёпингах бонды совершали обмен, получая товар за товар. Иноземных товаров в Швеции того времени — мало; не много и купцов, и торговых городов. Не было чрезмерной роскоши; бонды носили одежду, которую сами изготавливали. При обмене, совершаемом в чёпингах, товар измерялся в марках, эре и эртугах. Городов же, которые более или менее можно считать торговыми, было три: Бирка, Сигтуна и Скара. Олаус считал, что Бирка древнее других городов, ведь от нее остальные получили древнейшее городское право — Бьёркёарэттен. Крупнейшим же городом была Скара; тому, указывал Олаус, имеется множество доказательств.

Далее хронист привел интересные сведения из истории монетного дела. Древнейшая шведская монета, объяснил он, отличалась высоким содержанием серебра. Основная единица — марка пеннингов по содержанию белого металла была равноценна марке лёдёсского веса (марке чистого серебра). В монете большего достоинства примесей еще меньше. В ходу были

¹⁰⁹Именно шведских, но не зарубежных — например, исландско-норвежских, английских, датских, французских, которые, как известно, много писали о походах и нашествиях викингов.

и английские деньги — стерлинги: об этом свидетельствуют «древние грамоты и регистры». Со временем шведская монета начала ухудшаться: в нее стали добавлять медь. В конечном счете такая монета настолько обесценилась, что ее называли «нарицательной», отличая от древней полновесной монеты — марки серебром. Возможно, пишет Олаус, именно эти два вида монеты подразумевались в древних законах, где говорится о двух разновидностях шведской марки — “mark köpgill” и “mark karlgill”.

Весь упомянутый экскурс очень ценен. Он свидетельствует о компетентности и мастерстве Олауса Петри как историка, о новаторстве и серьезности его исторических изысканий. Олаус был первым шведским историком, который поведал о древних торговых местечках — чёпингах, обратил внимание на натуральный характер хозяйства, осветил натуральный обмен, что совершался в старину. Правильным является его представление о древних торгово-ремесленных поселениях. Современные историки подчас называют такие центры «протогородами», отличая их от городов в полном смысле слова. Предшественники Олауса именовали их городами (лат. “civitates”; швед. “städer”). Олаус же делает различие между этими поселениями и торговыми городами. Близки к мнениям современных историков и рассуждения Олауса о том, что древнейшее городское право Швеции — Бьёркёарэттен — произошло из Бирки. Сообщения Олауса Петри об истории шведской монетной чеканки ценны и хорошо обоснованы. В основном они подтверждаются выводами современных специалистов.

* * *

Из приведенного материала следуют два взаимосвязанных полемических вывода:

1) Как говорилось выше, в современной историографии была принята попытка (У. Ферм) представить хрониста Олауса Петри принципиальным новатором, историком нового типа, преодолевшим традиции средневековой хронистики. Действительно, проанализированный нами материал показывает, что Олаус Петри в некоторых случаях выступил новатором, отмежевался от общепринятых воззрений (как в случае с гетицизмом), ввел новые материал и темы — такие, как древнейшая история шведских городов. В то же время, из нашего анализа следует, что Олаус Петри во многом опирался на средневековую традицию, продолжал и развивал ее. В этом отношении вывод Ферма нуждается в корректировке.

2) В научной литературе (Г. фон дер Ропп, Г. Вестин, У. Ферм) неоднократно делались попытки представить Олауса именно как протестантского историка: особенности хроники объяснялись убеждениями автора-реформатора. Однако приведенный материал показывает, что

на самом деле Олаус практически не использовал сведения о средневековой церкви или какой-либо иной материал для проповеди идей Реформации (и это — несмотря на актуальность темы для полемики относительно реформационных идей). Петри в данном случае проявил толерантность по отношению к средневековой церкви, не критиковал ее заблуждения, использовал нейтральные формулировки. Итак, в своей «Шведской хронике» Олаус предстает не столько как реформатор, сколько как историк, для которого главная цель — правдивый и полезный рассказ о прошлом.

§ 6. Олаус Петри о Швеции зрелого и позднего Средневековья

Повествование Олауса Петри о зрелом и позднем Средневековье существенно отличается от рассказа о раннем периоде шведской истории. Оно более объемно, насыщено, построено на широком круге источников. Освещая этот период, Олаус многое заимствовал у Эрикуса Олаи, но в дополнение к основному источнику использовал другие нарративные памятники — особенно рифмованные хроники, а кроме того, акты и древние законы.

В становлении средневековой цивилизации в Швеции особую роль играли XIII—XIV вв. Именно тогда в Шведском королевстве было построено множество замков, оформилась система замковых ленов, сложилось военно-служилое сословие — светское фрельсе с его привилегиями, обязанностями (прежде всего, военной службой) и земельными владениями. Окончательно оформилось и церковное фрельсе — духовенство с его владениями, привилегиями, иерархической организацией. Был основан ряд монастырей. Возникали и росли города, складывался рынок, набирало силу бюргерство, оформилось городское право, были записаны областные законы. Произошли важные изменения в области права; многие из них отразились в областных законах и в статутах правителей Швеции.

В то же время указанный период не был мирным. Речь идет о времени междоусобных войн, почти непрерывной борьбы за власть. Во многих конфликтах, помимо шведских правителей (и вообще знати), участвовали иноземные государи — короли Дании и Норвегии, голштинские графы, мекленбургские герцоги.

В этой связи интересно, какие стороны национальной истории осветил Олаус Петри, какие сюжеты его интересовали, в чем он следовал традициям, а в чем — являлся новатором.

Прежде всего, легко убедиться, что некоторые сведения и оценки совпадают у Петри и его предшественников. Особенно много почерпнуто у Эрикуса Олаи¹¹⁰.

Преимственность хроник видна и в других фрагментах — например, в отрывках, где говорится о сестрах короля Эрика. Одно из отличий хроник Эрикуса Олаи и Олауса Петри от «Хроники Эрика» касается датировки событий. В списках «Хроники Эрика» либо нет, либо почти нет дат. В хрониках Эрикуса Олаи и Олауса Петри датированы многие события — например, битва при Оластрёме. Другое отличие заключается в том, что изложение фактов у Эрикуса Олаи и Олауса Петри более сжато, чем в «Хронике Эрика»: опущены подробности, красочные описания.

Мы видим также, что в ряде случаев Олаус отошел от традиции, ввел новый материал. Так, в «Хронике Эрика» после рассказов о женитьбе ярла Биргера на сестре Эрика Шепелявого — Ингеборг — дано описание крестового на Тавастланд¹¹¹. Эрикус Олаи следует той же схеме. Олаус Петри нарушил этот порядок, вставив сведения из церковной (и не только церковной) истории страны. «Местер Улоф» сообщил о приезде в Швецию папского легата Вильгельма Сабинского, который произвел множество преобразований, касающихся духовенства и, в частности, запретил клирикам вступать в брак. До этого, указал хронист-реформатор, шведские священники имели право жениться. В доказательство Олаус Петри процитировал древний закон: наследство епископов и священников-шведов доставалось их детям, наследство клириков-иноземцев отходило епархии. Олаус процитировал и фрагмент законов Эстеръетланда, где говорится о детях — наследниках епископа, а также собственное заявление Вильгельма Сабинского: шведские священники состоят в браке и не скрывают этого.

Далее Олаус, приведя еще ряд интересных сведений, вернулся к основному повествованию и сообщил о походе в Тавастланд. И вновь — характерное отличие. Если в «Хронике Эрика» рассказ о походе подробный, увлекательный, то в хрониках Эрикуса Олаи и Олауса Петри просто перечислены факты: победа над тавастами, пощада тем, кто пожелал обратиться в христианство, строительство крепости Тавастеборг. Коротко Олаус рассказывает и о конфликте клана Фолькунгов с ярлом Биргером; вскользь (даже по сравнению с Эрикусом Олаи) упоминает о гибели одного из Фолькунгов, крестоносца Карла.

В «Хронике Эрика» далее рассказано о женитьбе короля Вальдемара на принцессе Софии. Красочно описаны выбор невесты, сватовство и

¹¹⁰Редакция «Хроники Эрика», которой пользовался Эрикус Олаи, отличается от редакции, положенной в основу публикаций хроники и ее русского перевода. Различие присутствует в начале хроники. См.: SMRK I. S. 163—166; ср. Ibid. S. 1—3.

¹¹¹SMRK I. S. 3—6.

сама свадьба. Эрикус Олаи упоминает об этой женитьбе кратко — возможно, по идейным соображениям: ведь невеста являлась дочерью датского короля. Так или иначе, Олаус Петри уделил событию еще меньше внимания: в его хронике сообщение о браке Софии и Вальдемара уместилось в одну фразу. Зато Олаус обогатил — и по сравнению с «Хроникой Эрика», и по сравнению с трудом Эрикуса Олаи — рассказ о правовых реформах ярла Биргера. Опорой «местеру Улофу» послужили областные законы, где описываются юридические нововведения ярла¹¹².

Рассказ о возникновении Стокгольма у упомянутых хронистов совпадает в том, что касается причин основания города: требовалось преградить карелам, инграм и русским вход в озеро Меларен, чтобы защитить внутренние области Швеции от разбойных набегов. «Хроника Эрика» упоминает: во время одного из набегов карелы сожгли Сигтуну. Основание Стокгольма данная хроника приписывает ярлу Биргеру. Эрикус Олаи вкратце пересказал указанный фрагмент «Хроники Эрика». Олаус Петри, воспроизводя эпизод, внес поправки. В числе тех, кто совершал набеги на Швецию, «местер Улоф» упоминает эстов. Именно эсты, по версии Олауса, предали огню Сигтуну. Добавил Олаус и сведения о древнем облике Стокгольма. «Местер Улоф» показал, что город рос, развивался спонтанно. В этом отношении Олаус пошел дальше предшественников, для которых возникновение Стокгольма сводилось к основанию этого города ярлом.

Различия между хрониками заметны и в эпизоде, где описан приезд в Швецию датской принцессы Юты — сестры королевы Софии. В «Хронике Эрика» фрагмент выдержан в традициях куртуазного романа. Иная трактовка — у Эрикуса Олаи: Юта приехала, подстрекаемая дьяволом, чтобы ввести короля в грех. Олаус Петри не упомянул о происках нечистого, привел иную мораль: приезд Юты и ее любовь с Вальдемаром — кара свыше, наказание, которое заслужила королева София; тот, кто насмехается над другими, часто, в конце концов, сам оказывается в жалком положении.

Далее «Хроника Эрика» описывает встречу между сыновьями ярла Биргера. Что касается Эрикуса Олаи и Олауса Петри, то они, прежде чем рассказать о встрече, отступают от темы. Эрикус Олаи сообщает о пожаре Уппсалы, о смерти уппсальского архиепископа Лаврентиуса и о перенесении мощей св. Эрика в Новую Уппсалу. Отступление, таким образом, посвящено Уппсале — духовному центру страны. Олаус Петри в своем экскурсе воспроизводит упомянутые сведения. Но они в данном случае еще и являются поводом, чтобы поведать о старинных церквах, древних захоронениях и рунических камнях. Экскурс «месте-

¹¹²SMRK I. S. 16; *Ericus Olai. Chronica* S. 78; OPSS IV. S. 68—69.

ра Улофа» посвящен истории Швеции, а не только истории Уппсальского архиепископства.

Также и далее в «Шведской хронике» имеются отличия от хроники Эрикуса Олаи. Так, рассказывая о встрече в Трэнонесе между королем и его братом-соперником, Эрикус Олаи основывался на «Хронике Эрика». При этом он подчеркивал, что в роли миротворцев выступили епископы, и особенно брат соперников — епископ Бенгт. Но их усилия оказались недостаточны, чтобы противостоять козням сатаны, который поссорил братьев. Олаус Петри внес изменения: не упомянул о кознях дьявола; называл Бенгта Биргерссона светским титулом — герцог Бенгт.

Критически подошел «местер Улоф» и к рассказу предшественника о коронации Магнуса Биргерссона. Эрикус Олаи привел две версии: согласно одной, Магнус Биргерссон короновался сразу после военной победы; по другой версии (восходящей к «Хронике Эрика») — несколько позже. Олаус Петри также упомянул обе версии, но отдал предпочтение той, которая присутствует в «Хронике Эрика».

Иногда расхождения вызваны различными оценками фактов. Например, в «Хронике Эрика» сказано, что Магнус Биргерссон благоволил иноземцам. Эрикусу Олаи не по душе, что правитель отдавал чужеземцам предпочтение перед шведами. А Олаус Петри не видит зазорного в том, что ко двору Магнуса, наряду со шведскими господами, устремлялась иноземная знать.

Вот пример расхождений иного характера: объяснение причин развода герцога Вальдемара с женой — дочерью Торгильса Кунтссона, регента Швеции. Автор «Хроники Эрика» намекает, что причин было несколько; все эти причины он назвать не может (“*jak kan them ey nw pätrna all*”). Хронист уверяет: супруги расстались не из-за ссор или неприязни (“*jak weyt at the ey skyldoss aat/fore osämyo eller ond laa*”). Развелись они по причине духовного родства: отец невесты оказался крестным отцом жениха. Эрикуса Олаи явно не удовлетворило такое объяснение. «Доктор Эрик» изменил порядок изложения: сначала сообщил о взятии марска под стражу, а потом уже — о расторжении брака герцога и дочери марска, и таким образом намекнул на связь этих событий. Олаус Петри сохранил порядок и логику и в открытую оспорил версию «Хроники Эрика». Развода, утверждает «местер Улоф», не было бы, если бы не имелось иных причин, кроме духовного родства.

Но коррективы в повествование Эрикуса Олаи «местер Улоф» вносил не всегда. Многие пассажи «Шведской хроники», повторим, воспроизводят сведения, приведенные предшественником. Это касается, например, описания женитьбы герцога Магнуса; изложения битвы при Этаке; примирения Магнуса Биргера с датским королем; назначения Торгильса Кнутссона опекуном-регентом; свадьбы короля Биргера; шведско-нор-

вежского конфликта; «Хотунской забавы» (пленения короля Биргера Магнуссона братьями-герцогами). В некоторых случаях Олаус не только пересказывал факты, но и разделял позицию предшественника. Так, в «Хронике Эрика» говорится: во время паломничества в Германию герцог Вальдемар навербовал 800 конных воинов. Эрикус Олаи, воспроизводя сообщение, иронизирует: хорош, мол, благочестивый паломник! Та же ирония присутствует в «Шведской хронике» Олауса Петри.

В ряде случаев «местер Улоф» привел сведения Эрикуса Олаи в сокращении. Так, рассказ о детях короля Вальдемара Эрикусом Олаи дан близко к тексту «Хроники Эрика». Олаус Петри передает его гораздо короче, одной фразой. Сокращениям в «Шведской хронике» подверглись и упоминания о некоторых других событиях — походе в Карелию и основании Выборга, коронации Биргера Магнуссона, походе герцога Эрика в Норвегию. В числе эпизодов, пересказанных Олаусом сжато, — рассказ о «Нючёпингском званом пире» (“Nyköpings gästabod”) — кульминации «Хроники Эрика».

Есть еще достаточно случаев, когда Олаус делает добавления к текстам хронистов-предшественников. Это мы видим, например, в описании конфликта герцога Магнуса и датского короля Эрика. По рифмованной хронике, причина ссоры — неуплата денег, обещанных датскому королю за военную помощь¹¹³. Эрикус Олаи называет ту же причину. Олаус Петри принимает версию, но высказывает еще одно предположение: датские воины короля Магнуса, возможно, были недовольны платой и в отместку предали Швецию разорению.

Вот другой пример. В «Хронике Эрика» дана краткая характеристика Магнуса Биргерссона как правителя и законодателя: он создал хорошие законы, укрепил мир и порядок¹¹⁴. Олаус Петри раскрывает тему, опираясь на дополнительные источники — сборники законов и статуты.

Дополнения могли возникать и оттого, что Олаус развивал мысль, высказанную Эрикусом Олаи. Автор «Хроники Эрика» с восхищением описал роскошь герцогов — сыновей Магнуса Биргерссона. Эрикус Олаи указал, какой ценой досталась роскошь: на крестьян были наложены тяжелые поборы. Олаус Петри, развивая тему, подробно рассказал о налогах короля Биргера — и, в связи с этим, о крестьянских восстаниях, как ответе на них.

В нескольких случаях Олаус использовал сведения, восходящие к «Хронике Эрика», чтобы привести назидательную мораль. Например, упоминая о конфликте Магнуса Биргерссона с датским королем, Олаус

¹¹³“Konung erik ok han the woro osatte/foret han kraffde thz sölf han honom atte” // SMRK I. S. 43.

¹¹⁴“Han gaff godhan rät i sina liffdagha/mykin frid ok starkan agha” // Ibid.

рассуждает, сколь ненадежны союзы. Пересказывая историю о том, как рыцарь Педер Порсе взял в плен короля, Олаус делает вывод: государь должен проявлять осторожность, направляясь к кому бы то ни было. Рассказывая о монастырях, основанных Магнусом Биргерссоном, Олаус хвалит правителя, но и делает оговорку: благочестие, которое проявляли государи, было подчас сопряжено с заблуждениями.

В ряде случаев Олаус опустил подробности. Например, он не разъясняет, как была расторгнута помолвка герцога Эрика и дочери норвежского короля Хакона. Не проявил он интерес и к рассказу «Хроники Эрика» о строительстве палат для праздничных торжеств в городе Лёдесе.

Итак, материал, задействованный Эрикусом Олаи и Олаусом Петри при описании событий XIII—начала XIV в., в основном восходит к «Хронике Эрика». Эрикус Олаи использовал эту хронику напрямую, Олаус Петри — по большей части опосредованно. Вместе с тем Олаус обращался и непосредственно к рифмованной хронике. Это следует из содержания «Шведской хроники», а также из лексики Олауса Петри. Но все же прямые заимствования носят второстепенный характер. Главный источник для «местера Улофа» в данном случае — хроника Эрикуса Олаи. Даже сами слова, употребленные «местером Улофом», — во многих случаях эквиваленты латинских терминов, использованных «доктором Эриком».

И Эрикус Олаи, и Олаус Петри вносили коррективы в материал, почерпнутый из «Хроники Эрика», делали вставки. Так, у Эрикуса Олаи мы видим критику источников, цитирование документальных памятников, дополнительные сведения. Изменения, внесенные «местером Улофом», еще более интересны. Благодаря его экскурсам видно, как менялось общество, обычаи, право, города. Наконец, присутствуют элементы историографии уже в современном смысле слова.

Вместе с тем в хрониках Эрикуса Олаи и Олауса сведены к минимуму или опущены многие красочные подробности, характерные для «Хроники Эрика»: например, куртуазные сцены, описание быта и нравов аристократии. С точки зрения Эрикуса Олаи и Олауса Петри, эти подробности представлялись излишними, не совпадали с их представлениями о задаче хроник и не соответствовали идеалу скромности.

Различия между хрониками Олауса Петри и Эрикуса Олаи обусловлены не тождественными причинами. Подчас «местер Улоф» обращался к другим источникам; иногда — принципиально отказывался от некоторых мотивов — например, от рассуждения о происках дьявола. Нередко описание событий у Олауса Петри короче, чем у Эрикуса Олаи — в частности, при изложении событий за пределами Швеции: Олаус в основном интересуется внутренней историей.

«Хроника Эрика», как известно, оканчивается выразительным эпизодом избрания на трон короля Магнуса Эрикссона. Далее повествование об этом короле ведет другая рифмованная хроника — т.н. «Связующая поэма». И Эрикус Олаи, и Олаус Петри были знакомы с данным памятником, использовали его, привлекая в то же время дополнительный материал и внося изменения в повествование.

Рассказ о короле Магнусе Эрикссоне — один из самых насыщенных фрагментов «Шведской хроники». В нем присутствует лучшее, что отличает хронику Олауса Петри: солидная источниковая база, внимание к традиции и, в то же время, критика стереотипов, хороший слог, едкая ирония, жизненная мудрость.

В средневековых памятниках образ короля Магнуса часто был противоречивым, либо негативным. Один из памятников такого рода — откровения св. Биргитты, обнародованные еще при жизни короля. Многие из этих откровений выражали интересы шведской аристократии, к которой принадлежала и сама Биргитта. Критика, коей Биргитта подвергла Магнуса Эрикссона, была в первую очередь вызвана тем, что монарх не оправдал чаяний магнатов, не стал орудием в их руках, пытался править самостоятельно.

Нападкам подверглись и политика короля, и его моральный облик. Биргитта обвинила монарха в тяжких грехах — распутстве и содомии. Король, уверяла Биргитта, прекратил супружескую жизнь с королевой; ходит слух, что он вступает в противоестественные сношения с мужчинами. И, похоже, прибавляла Биргитта, слух этот верен: король больше любит мужчин, чем Бога, душу и жену.

Биргитта утверждала: король неразумно правит, потерпел бесславное поражение, затеяв поход в Ингерманланд, опустошил казну, разорил жителей королевства, отдал Дании область Сконе, ранее отошедшую к Швеции. Пренебрег обязанностями государя: блюсти право, защищать справедливость. Совершил преступление против церкви: будучи отлучен, посещал церковную службу. Все эти проступки, уверяла Биргитта, начались, когда король отказался от услуг мудрых советников и заменил их любимцами — молодыми незнатными людьми. В отсутствие умудренных советников из высшей знати некому было оградить государя от соблазнов: он впал в гордыню, стал вести суетную, беспутную жизнь.

Обвинения впоследствии были воспроизведены во многих источниках. Древнейший из них — памфлет «Книжица о короле Магнусе Эрикссоне» — начинается с рассказа о первых годах правления Магнуса Эрикссона. В памфлете говорится: пока король был несовершеннолетним, страна благоденствовала — ведь ею управляли мудрые опекуны. Достигнув совершеннолетия, король стал править сам, но слушался советников, и в стране все обстояло благополучно. Однако

Бог наказал шведов за грехи: послал зло, воплотившееся в женщине. Король Магнус женился на красавице — графине Бланке (т.е. Бланш Намюрской). Она дурно влияла на государя, который предался содомии, окружил себя дурными советниками, обобрал народ, впал в легкомыслие и гордыню.

«Книжица» была, несомненно, создана в том же кругу, от которого исходили обвинения, высказанные Биргиттой. Памфлет повторил обвинения; виновницей перемен, случившихся с Магнусом Эрикссоном, посчитали королеву Бланку.

Следующее значительное произведение, содержащее критику Магнуса Эрикссона, появилось столетие спустя — около середины XV в. Это упомянутая выше рифмованная хроника, которую ныне именуют «Связующей поэмой»¹¹⁵.

Хроника начинается описанием благоденствия, царившего, когда у власти находился Матс Кетильмундсон — регент при малолетнем короле. В то время как Швеция процветала, Дания, напротив, была разорена войнами. Чтобы покрыть расходы, датчане отдали в залог земли — в том числе Сконе и Блекинге. Пойдя навстречу датскому королю Вальдемару IV Аттердагу, шведский риксрод выкупил вышеназванные земли, присоединив их к владениям шведской короны.

Ниже хронист упоминает женитьбу Магнуса Эрикссона на графине Бланке. Невеста, сообщает автор, была высокородна, красива, умна. Несчастья, по мысли хрониста, вызваны не женитьбой короля, а смертью Матса Кетильмундсона. Королю, объясняет хронист, пришлось править самостоятельно. Ему следовало прислушаться к советам, которые Бог и Дева Мария давали через св. Биргитту, но государь не придавал этим словам значения. Так, Дева Мария советовала королю взять в поход против русских только служилых людей из шведов, и не брать иноземцев. Но «глупец», как именует короля хронист, поступил иначе — взял в поход немцев и датчан. Одержав победу над русскими, король последовал совету союзников-немцев и освободил русских за выкуп. Король «окрестил» русских, сбрил им бороды и отпустил восвояси. Те вернулись с огромным войском и окружили короля. Тому еле удалось спастись. И поскольку воины-иноземцы требовали плату, королю пришлось отдать земли в залог и обременить народ податями.

Этим беды не ограничились. Король возвысил некоего «своего человека» над остальными людьми. Воля этого человека исполнялась беспрекословно; пользуясь этим, он безнаказанно творил произвол. Король

¹¹⁵Название связано с тем, что эта хроника заполнила лакуну между «Хроникой Эрика» и «Хроникой Энгельбректа». Отечественные историки обращались к «Связующей поэме» как источнику по истории крестового похода Магнуса Эрикссона в Ингерманланд

же нарушал вольности церкви; папа предал монарха отлучению, но тот, не обращая на это внимания, входил в церковь и срывал службу. Мало того: король отказался от сожителства с супругой, стал вести себя «хуже неразумной твари», прегрешая против природы. Члены риксрода требовали, чтобы король исправился; монарх остался глух к этим прошениям. Советники Магнуса Эрикссона избрали государями его сыновей: Эрика — королем Швеции, Хакона — королем Норвегии.

Тогда, продолжает хронист, король с королевой помирились. Сговорившись с супругом, королева отравила сына — короля Швеции Эрика. Королевство вновь присягнуло на верность Магнусу Эрикссону. Затем государь, в нарушение договоренности с зятем — герцогом Альбрехтом Мекленбургским, за спиной советников сосватал сыну, королю Норвегии Хакону, дочь датского короля Вальдемара — Маргарету. В связи с договоренностью о браке король Магнус, к позору для себя, отдал королю Вальдемару области Сконе и Халланд, а также грамоты на владение указанными землями. Началась распря; герцог Альбрехт вторгся в Сконе. Члены шведского риксрода обвинили короля в том, что Сконе отдана вопреки их воле. В ответ король объявил вне закона лучших людей королевства. Некоторые из них, числом 12, обрели убежище у мекленбургского герцога.

Между тем, сообщает далее хроника, «король Вальдемар с благословения короля Магнуса вторгся на Готланд, истребил множество людей, разорил город (Висбю — А.Щ.) и сельскую округу. Тем временем герцог Мекленбургский и изгнанники-шведы обратились к королю Магнусу с просьбами: явить милость изгнанникам, править страной достойно и вернуть Сконе». Король не внял просьбам; тогда шведские аристократы присягнули сыну герцога Альбрехта. Началась война; короля Магнуса взяли под стражу. Впоследствии он был освобожден и уехал в Норвегию, где провел остаток жизни.

Об этих событиях рассказывает и хроника Эрикуса Олаи, созданная примерно в 1460-е гг. — т.е. спустя небольшое время после «Связующей поэмы». Работая над хроникой, Эрикус Олаи использовал «Связующую поэму», откровения Биргитты и «Книжицу о короле Магнусе Эрикссоне». «Доктор Эрик» присоединился к критике монарха, но сделал ряд оговорок. Магнус Эрикссон имел в глазах «доктора Эрика» определенные достоинства: это был король-швед — а значит, все-таки лучше, чем иноземец. Не случайно хронист подробно воспроизвел описание выборов короля, почерпнутое из «Хроники Эрика» и подчеркнул, что избрание было единодушным. По средневековым представлениям, это свидетельствовало о том, что через собравшихся действовал Святой Дух. Король Магнус был, таким образом, избранником Божьим.

Все же правление и нравственный облик этого короля Эрикус Олаи описал, используя негативные характеристики. Хронист воспроизвел

прозвище короля, данное св. Биргиттой: «Коронованный осел». «Доктор Эрик» присоединился к обвинениям в мужеложстве и предположил: вероятно, в противоестественную связь с королем вступали высшие духовные лица.

Эрикус Олаи осудил политику, которая привела к территориальным потерям и разорению страны. Осуждению подверглись и отношения с магнатами. Король Магнус, по версии «доктора Эрика», ненавидел советников, вступил в сговор с королем Вальдемаром, чтобы истребить государственных советников и в Швеции, и в Дании.

Как и автор «Связующей поэмы», Эрикус Олаи заключил: король Магнус пренебрег даром Божьим и потому сбился с пути. Вину Эрикус Олаи возложил на датского монарха — Вальдемара Аттердага: этот король уподобился развратнице, соблазнившей неопытного юношу. Посулами, угрозами, лестью он выманил Сконе у короля Магнуса.

Таковы основные описания Магнуса Эрикссона, присутствующие в шведских источниках¹¹⁶. Хроники меньшего объема — «Прозаическая хроника», «Малая рифмованная хроника» — почти ничего не добавляют к этим портретам — разве что хлесткую фразу: король Магнус «пропил Сконе».

Олаус Петри, повествуя о Магнусе Эрикссоне, опирался на хронику Эрикуса Олаи, но принял во внимание и описания упомянутого короля в «Связующей поэме», «Книжице», «Откровениях св. Биргитты», малых хрониках, законах, актовом материале.

Об избрании Магнуса на трон Олаус отозвался кратко. Ни пространные (и несколько двусмысленные) дифирамбы «Хроники Эрика», ни рассуждения Эрикуса Олаи о том, что избрание короля было даром с небес, «Шведская хроника» не воспроизводит. Отмечено, что покуда король оставался несовершеннолетним, страной управлял регент — герр Магс. Упомянул хронист и о том, что в правлении участвовала герцогиня — мать короля. Рассказано об истории временного перехода Сконе под власть шведской короны; подробно (в том числе — по документам) сообщено о выплаченных суммах и об условиях передачи Сконе.

¹¹⁶Как известно, существует также древнерусский памятник XV в., содержащий любопытные дополнения к образу Магнуса Эрикссона — апокрифическое «Рукописание короля Магнуша». Король Магнус (якобы постригшийся в монахи православного монастыря) напоминает соотечественникам-шведам о поражении ярла Биргера, марска Торгильса и самого короля Магнуса, выступивших в поход на Русь в нарушение крестного целования (которым скреплялись договоры). Король предупреждает: «Не наступайте на Русь на целование, занеже нам не пособляется». «Рукописание» обрело популярность в русской и, до какой-то степени, в немецкой среде (сохранился немецкий перевод). Но в Швеции оно, по-видимому, не было известно. Подробно об этом памятнике: *Накадзава А.* Рукописание короля Магнуша. Исследования и тексты. СПб., 2003.

Как и предшественники, Олаус сообщает (впрочем, кратко), что покуда правил герр Матс Кеттильмундссон, в Швеции все обстояло благополучно. Упомянул хронист и о женитьбе короля на Бланш Намюрской — и тоже без комментариев. Далее перечислены деяния короля Магнуса: основание доминиканского монастыря, правовые нововведения. Затем, продолжает Олаус, государь возмужал и стал править самостоятельно; со временем положение в стране ухудшилось. Причина, объясняет Олаус, заключалась в том, что король стал благоволять молодежи и пренебрегать стариками, чего делать не следует: у стариков есть опыт, которого юнцы не имеют.

Рассказывая о крестовом походе Магнуса Эрикссона против русских, Олаус воспроизвел эпизод, содержащийся в хронике Эрикуса Олаи и в «Связующей поэме». Однако хронист-реформатор разошелся с этими источниками в оценке откровений Биргитты, которая объясняла, как осуществить поход. Олаус считал: Магнус Эрикссон поступил справедливо, сочтя эти откровения за пустую болтовню, бабьи бредни (“löst qwinno snack”). После рассказа о походе и о его неудаче приведены сведения о заключении русско-шведского договора, о дошедшей до Швеции эпидемии чумы, о реформе торговых пошлин.

Затем Олаус вернулся к вопросу о правлении Магнуса Эрикссона. Он сообщил, что король по слухам стал вести себя непотребно. Сведения о том, что король не желал исправиться, Олаус также привел с оговоркой: так сообщают хроники. Короля Магнуса, пишет «местер Улоф», обвиняли во всевозможных злодеяниях; но как было на самом деле — «то видит Бог, который им всем судья». Олаус перечислил обвинения св. Биргитты в адрес Магнуса Эрикссона, но не высказал доверия. Хронист был убежден: чем больше по этой части старалась св. Биргитта, тем меньше верится в справедливость обвинений.

Но следовало понять, почему эти обвинения возникли. Олаус рассудил: одна из причин заключалась в том, что король притеснял духовенство — взыскал в свою пользу налог, отчисляемый римской курии, взял под стражу епископа, посещал богослужения, будучи отлучен от церкви. Главная же причина, указывает Олаус, такова: король пренебрег знатью и старыми людьми, приблизил молодых низкого происхождения, вызвав гнев риксрода и иных влиятельных особ.

Рассказ Олауса Петри о Магнусе Эрикссоне подробно проанализирован современными историками Г. Вестином и У. Фермом. Вестин обратил внимание: Олаус Петри не разделял представления Эрикуса Олаи о богоизбранности Магнуса. Над королем, по мнению «местера Улофа», тяготело проклятие, которое заслужили предшественники — герцоги, шедшие к власти по трупам противников. Отчасти поэтому Олаус так кратко описал избрание короля.

Вестин отметил, что Эрикус Олаи и Олаус Петри по-разному относились к откровениям Биргитты. Эрикус Олаи доверял откровениям, использовал их как источник, а Олаус, внимательно их изучив, решительно от них отмежевался¹¹⁷. Вестин подчеркнул, что Олаус Петри видел причину обвинений, возводимых на Магнуса Эрикссона, в конфликте короля с магнатами. Этот конфликт, по мнению «местера Улофа», побудил государя искать союзника в лице датского монарха — что привело к потере Сконе. Итак, Олаус преодолел традиционное для его времени представление о Магнусе Эрикссоне как о легкомысленном, безвольном короле: действия монарха получили разумное объяснение. Все же ни король, ни его противники не являлись в глазах хрониста положительными героями. Над всеми этими людьми, по мысли «местера Улофа», тяготело проклятие — возмездие за совершенные злодеяния¹¹⁸.

Если Вестина интересовали методы и заключения Олауса Петри как историка, то Ферма занимала, прежде всего, его позиция, принципы. По Ферму, Олаус Петри, осмыслив позднесредневековые сочинения, критически отнесся к материалу, рассмотрел источники с новых позиций. Олаус пришел к выводу, что критика Биргитты предвзята, обусловлена неприязнью к королю. Петри показал: государь имел основания, чтобы не прислушиваться к советам: в истинности откровений сомневались многие, поскольку Биргитта еще не была канонизирована; к тому же некоторые ученые мужи воспротивились и расценили откровения как бред. По мнению Ферма, рассказ «местера Улофа» о Магнусе Эрикссоне показывает, что «Шведская хроника» — произведение, каких в Швеции ранее не было.

Все же заключение Ферма (применительно к данному отрывку и к хронике вообще) можно принять лишь с оговорками¹¹⁹. Фрагмент, повествующий о правлении Магнуса Эрикссона, показывает, что Олаус Петри находился на полпути от средневековой хронистики к научной историографии. В самом деле, некоторые утверждения предшественников Олаус воспроизвел, следуя традиционным представлениям. Так, он принял на веру суждение, что Швеция благоденствовала в правление регента Матса Кеттильмундссона — хотя это утверждение все-таки носило пропагандистский характер. Другой пример: пусть характеристика датского короля Вальдемара Аттердага Олаусом Петри несколько смягчена, но все же в основном повторяет характеристику, данную Эрикусом Олаи.

¹¹⁷ Westin G. T. *Historieskrivaren*, S. 51—5, 277—280.

¹¹⁸ Ibid. S. 54—56.

¹¹⁹ Относительно моей полемики с Фермом по данному вопросу см. статью: Scheglov A. "Såsom han hade itt skröplighet lifvuerne": Beskrivningen av kung Magnus Eriksson i Olaus Petris krönika och i de medeltida källorna // *Historisk tidskrift för Finland*. Helsingfors, 2013. Årg. 98. № 3. S. 374—405.

Бесспорно, Олаус обогатил, расширил представления о Магнусе Эрикссоне, используя актовый материал. Вместе с тем обнаружив противоречия между нарративными и документальными памятниками, Олаус попытался согласовать, объединить сведения. Такой подход к материалу был еще далек от критики источников в современном смысле слова.

Даже выступив с критикой традиции, Олаус отдал ей известную дань. Действительно, рассуждая о моральном облике короля, автор «Шведской хроники» отметил, что критика монарха носила предвзятый характер, а сведения о его нравственности противоречивы. Но все же Олаус допускал, что негативные представления о государе отчасти справедливы. Более того, он разделял подобные представления о короле Магнусе. Подводя итог жизни государя, Олаус замечает: «Нелепо он жил, нелепо и умер».

Следует отметить и деталь, которую Ферм явно упустил из виду. В ранних редакциях «Шведской хроники» описание прегрешений Магнуса Эрикссона дано в более традиционной форме, без оговорок и критических суждений, известных из поздней, пространной версии хроники. Согласно ранней версии, король предался распутной жизни, бросил супругу, довел себя до непотребства, о котором неприлично упоминать. Итак, мы вновь убеждаемся: Олаус Петри, при всем его новаторстве, был не чужд старых представлений об истории. И к качественно новым выводам Олаус пришел не только благодаря новым взглядам на историю, но, прежде всего, — за счет работы над текстом и накопления опыта. Совершенствуя произведение, он внимательно изучил источники и внес коррективы в свое повествование и в традиционные представления.

* * *

В 1397 г. произошло важнейшее событие в позднесредневековой истории Скандинавских стран. В Кальмаре в связи с коронацией на шведский и датский престол юного монарха Эрика Померанского была создана уния трех королевств — Дании, Швеции и Норвегии. Сегодня этот факт воспринимается как очевидный. Но многим современникам унии (и их ближайшим потомкам) он был мало известен, или не совсем понятен. Соглашение о вечной унии трех королевств заключили при не вполне ясных обстоятельствах; оно не было оформлено надлежащим образом, не всеми одобрено. Думается, не случайно нарративные памятники, созданные в Скандинавских странах со времени заключения унии до начала XVI в., как правило, не сообщали о вечном союзе скандинавских королевств. В этом отношении Олаус Петри стал новатором — первым историком, подробно рассказавшим в своей хронике о документально оформленной унии трех скандинавских государств. Уже поэтому «Шведская хроника» представляет интерес как уникальный источник.

Как известно, Кальмарская уния была отнюдь не только формальным союзом; прежде всего, она являлась фактическим объединением. О реальном союзе скандинавских королевств предшественники сообщали немало. Олаус Петри взял лучшее, что было у писавших до него, но добавил важное усовершенствование. Он изменил представление об унии, отказался от стереотипов, идеологических штампов, по сути предвосхитив достижения новейшей историографии и, одновременно, повлияв на нее.

Впрочем, и в данном случае Олаус многое позаимствовал у Эрикуса Олаи. Так, «Шведская хроника» воспроизводит сведения «доктора Эрика» о том, как король Альбрехт притеснял шведов, наводнил страну немцами, раздал им шведские замки, выдал замуж за них видных невест. Но опять же «местер Улоф» использовал дополнительные источники. Например, описывая переговоры магнатов с королем, Олаус обращался к «Связующей поэме». Далее, рассказывая о налогах, введенных королем Альбрехтом, автор «Шведской хроники» привел новые сведения, не встречающиеся у предыдущих хронистов.

В общей оценке короля Альбрехта у Олауса Петри много общего с Эрикусом Олаи. Король-иноземец изображен в «Шведской хронике» угнетателем, который радел о соотечественниках-немцах, а шведам причинял страдания. Но негативные характеристики личности короля, которые приводит Эрикус Олаи, у Олауса Петри смягчены. Логика Олауса более исторична, рациональна: он считал, что вообще плохо находиться под властью чужестранца, поскольку тот приводит иноземцев, приносит чужие обычаи, благоволит землякам, а не уроженцам подвластной страны.

Традиции и новшества присутствуют в «Шведской хронике» и в изображении основательницы унии — Маргареты. Олаус подчеркивает, что Маргарета воспользовалась трудностями шведов. Но он не воспроизводит расхожую мысль о том, что Маргарета коварно завлекла шведов в свои сети.

Рассказывая о правлении Маргареты I, Олаус продолжает ту же линию: использует материал Эрикуса Олаи и других предшественников, но корректирует и дополняет его. Олаус критикует Маргарету, соглашается, что она хотела истощить Швецию, навек подчинить страну датчанам. Но в эпизоде, где говорится об избрании преемника, обнаруживается новшество «местера Улофа». По Эрикусу Олаи, Маргарета возвела на трон Эрика Померанского, чтобы увековечить рабство шведов. Олаус Петри не разделяет такую точку зрения: по его версии, Маргарета просто подыскала преемника.

Различия присутствуют и в изображении Маргареты как личности и правительницы. Эрикус Олаи в своей хронике стусил краски: датчане, дескать, почитают Маргарету как святую, а по мнению шведов, ей над-

лежит гореть в аду. Олаус Петри выражается более сдержанно: датчане прославляют Маргарету, но шведам ее не за что хвалить. И словно присоединяясь к авторам рифмованных хроник, Олаус отдает должное уму Маргареты. Так, благодаря удачной редактуре, сдержанности характеристик, обращению к разнообразным источникам, Олаус достигает убедительности: описание Маргареты в его хронике не вызывает принципиальных возражений и с точки зрения современных историков.

Итак, Петри первым из хронистов рассказал о создании Кальмарской унии. Содержание союзного договора Олаус изложил не вполне точно. Но ряд условий унии «Шведская хроника» передала верно: должен быть общий король, совместно избираемый представителями трех стран; каждое королевство сохраняет свое название, законы и обычаи; между государствами заключается военный союз. Цель унии, пояснил Олаус, состоит в том, чтобы установить прочный мир и согласие между королевствами. Но надежды, отметил хронист, оказались тщетными: условия унии не были полностью соблюдены, союз оказался неравноправным, приносил выгоду лишь датчанам.

Эрика Померанского шведские хронисты — и Эрикус Олаи, и Олаус Петри — изобразили в своих сочинениях как истинного преемника Маргареты, продолжателя ее политики. Но и здесь акценты различаются. Согласно Эрикусу Олаи, цель короля Эрика состояла в том, чтобы погубить шведов, причинить им зло. А по версии Олауса Петри, действия Эрика Померанского — это, скорее, закономерная политика короля унии, выгодной для датчан и невыгодной для шведов. Олаус опустил ряд уничтожительных характеристик, данных королю Эрикусу Олаи. Не разделял «местер Улоф» и мнение предшественника о том, что Эрик Померанский вел внешние войны, дабы известить свое войско. По версии Олауса, пагубность политики короля Эрика была следствием неравноправной унии.

«Местер Улоф» пересмотрел и традиционный для шведских хроник героический образ Энгельбректа Энгельбректссона — вождя народного восстания. Правда, сам материал не нов: изложение истории восстания компилятивно, основано на хронике Эрикуса Олаи и, отчасти, на рифмованной «Хронике Энгельбректа». Новаторство заключалось в оценке движения и его вождя. Олаус, внося в текст, казалось бы, небольшие поправки, изменил образ Энгельбректа, лишил его героического ореола. Энгельбрект предстает в «Шведской хронике» как бунтовщик, мятежник, действия которого нельзя оправдать. Трагическая смерть Энгельбректа являлась, по мысли хрониста, справедливым воздаянием за мятеж против законных властей.

Противоречив у Олауса Петри и образ Карла Кнутссона — регента, а затем короля Швеции. Впрочем, многое тут заимствовано у Эрикуса Олаи. Именно он первым подчеркнул, что Карл Кнутссон оказал покро-

вительство убийце Энгельбректа, запретил наказывать убийцу. Именно Эрикус Олаи подверг резкой критике внутреннюю политику Карла Кнутссона: тот добился могущества, собрав под своим началом служилых людей, которых переманил у магнатов; спровоцировал недовольство рыцарей, не получивших земли и лены; вероломно расправился с бывшими соратниками. Вместе с тем Эрикус Олаи отметил и достоинства Карла Кнутссона: он был умен, находчив, искусен в речах.

Эти характеристики воспроизведены в «Шведской хронике» Олауса Петри. Политический портрет Карла Кнутссона в «Шведской хронике» в основном тот же, что в хронике Эрикуса Олаи: правитель забрал лучшие лены, учил рыцарей «не вытягивать ног дальше, чем хватает шкуры», переманивал чужих людей, убрал с дороги противников. Приведены и положительные характеристики, которые дал Карлу Кнутссону Эрикус Олаи. Наконец, встречается и мотив из рифмованной хроники: судьба Карла Кнутссона показывает, как переменчиво счастье. Критика Карла Кнутссона у Олауса Петри более жестока, чем у предшественников. По «Шведской хронике», все правление Карла Кнутссона было временем усобиц; Швеция страдала вдвойне — и от внешних войн, и от внутренних.

Нетрадиционными, новаторскими являются у Олауса Петри рассуждения о судьбе унии. Рассказав о создании союзной монархии, автор хроники объяснил и причины ее распада. Он показал, что Эриком Померанским было недовольно не только шведское, но и датское рыцарство: ведь монарх хотел отдать Данию под власть своего кузена — померанского герцога, отобрал у датских магнатов замки и отдал в лен немцам. Эрика Померанского низложили во всех трех странах. Тогда встал вопрос о возобновлении унии¹²⁰. Шведы, указывает Олаус, не возражали против союза, но не хотели иметь общего короля с датчанами и норвежцами. Причина, объясняет «местер Улоф», заключалась в политике датских правителей, которые не считали себя связанными договором, хотели свободы действий¹²¹.

Олаус объясняет, на каких условиях шведы соглашались признать своим королем нового государя — Кристофера. Должны соблюдаться законы, привилегии и обычаи страны. Замки и лены следует давать шведам (и то лишь с согласия Государственного совета Швеции). Верховные права на замки не должны принадлежать узкой группе высших лиц страны¹²². Когда король пребывает в Швеции, его придворными должны являться шведы. Налоги следует взимать товарами; излишки надлежит передавать в ведение особых должностных лиц¹²³.

¹²⁰OPSS IV. S. 174.

¹²¹Ibid. S. 178.

¹²²Как официальным лицам, представляющим королевство.

¹²³Ibid. S. 181—182.

Правление короля Кристофера Олаус, вслед за Эрикусом Олаи, оценивает как пагубное для Швеции: государь наложил непомерный побор; ставил немцев выше шведов и датчан; лены то и дело переходили из рук в руки; в Швеции царил голод, много людей умерло¹²⁴. В то же время и в данном случае в «Шведской хронике» присутствуют новые черты. Так, в поле зрения хрониста — преимущественно шведская история; пассажи, касающиеся внешней политики (которых много у Эрикуса Олаи), у Олауса Петри сведены к минимуму. Негативные характеристики короля Кристофера, которыми изобилует хроника «доктора Эрика», у Олауса подчас смягчены, а местами опущены.

Правда, Олаус воспроизвел традиционные обвинения касательно морального облика короля: он вел порочную жизнь; за грехи монарха Бог покарал подданных, послав неурожай. Однако автор «Шведской хроники» не уверен, что обвинение справедливо. В любом случае, заявляет «местер Улоф», люди в свою очередь заслужили кару, которую послал Бог¹²⁵. По-новому Олаус объяснил, почему оказалось пагубным правление короля Кристофера. По Эрикусу Олаи, беда заключалась в том, что на трон взошел иноземец, датчанин. По Олаусу Петри, бедствия шведов вызвала неравноправная уния.

Тему унии Олаус затрагивает и далее. Он упоминает о «съезде господ», который состоялся в Стокгольме после смерти короля Кристофера. Часть магнатов, сообщает «местер Улоф», настаивала на том, чтобы совместно с датчанами и норвежцами избрать общего короля — в соответствии с соглашением об унии. Другие участники встречи (включая Карла Кнутссона) считали, что союз сам собой распался: ведь он оказался выгоден только одной из стран-участниц и вреден для двух других королевств¹²⁶. Упоминает Олаус и о том, что часть шведских аристократов вступили в стовор с королем Кристианом I, стремясь возродить единую монархию на условиях, изложенных в договоре об унии¹²⁷. Таким образом, Олаус Петри показал: позднесредневековая аристократия Швеции не являлась единой, была расколота на сторонников и противников унии. Из текста «Шведской хроники» следует, что единства не было и среди простых людей. Так, во время вторжения Кристиана I в юго-западную Швецию на сторону указанного короля перешли не только фрельсисманы-ленники, но и простой народ: местные жители устали от притеснений фогдов Карла Кнутссона¹²⁸.

Еще один крупный сюжет, рассмотренный в «Шведской хронике», — внутренняя политическая борьба между шведскими аристократами

¹²⁴OPSS IV. S. 184—185.

¹²⁵Ibid. S. 185.

¹²⁶Ibid. S. 186—187.

¹²⁷Ibid. S. 191.

¹²⁸Ibid. S. 192.

в середине XV в. В «Шведской хронике» показано, как аристократы в борьбе друг с другом старались опереться на народные массы, соперничали в политической демагогии — так, что простые люди не знали, кому и верить. Мы видим, что аристократы, извлекая выгоду из народного недовольства, использовали простых людей в качестве военной силы. Вследствие этого движения народных масс проходили под руководством магнатов, служили в первую очередь их целям.

Борьба за замки и лены, за земельные владения и другие богатства, за привилегии и свободы продолжилась в «эпоху Стуре». Изображение ее в хронике Олауса Петри интересно и, в значительной степени, самостоятельно. Хроника Эрикуса Олаи события «эпохи Стуре» не затрагивает. Поэтому у «местера Улофа» в данном случае не было опорного текста первостепенной важности. Правда, часть материала «местер Улоф» позаимствовал из «хроник Стуре». Но во многом концовка хроники самостоятельна. Подчас это повествование содержало дерзкий вызов властям и господствующей идеологии. Один из ярких примеров — упомянутое описание выборов Стена Стуре старшего: герр Стен устроил собрание с участием бюргеров и бондов, щедро угостил бондов пивом и таким образом добился, что его избрали правителем.

Историчным, близким к жизни стало в «Шведской хронике» изображение битвы при Брункеберге¹²⁹. По сравнению с ее описанием в «Хрониках Стуре» повествование Олауса просто, реалистично, свободно от пафоса, от упоминаний о вмешательстве внешних сил. Подчеркнут факт, на котором много лет спустя, в XX веке, заостряли внимание историки: на стороне датского короля сражались не только датчане и другие иноземцы, но и шведы. Битва стала вехой в борьбе двух скандинавских коалиций.

Олаус Петри уделил внимание и программному документу позднесредневековой аристократии — Кальмарскому рецессу 1483 г. Хронист указывает: шведы убедились, что короли-иноземцы не выполняют обещания. Поэтому шведы потребовали, чтобы король официально принял на себя множество обязательств. Примечательно, как Олаус трактовал историю создания Рецесса. Как известно, по договоренности магнатов, короля Ханса надлежало провозгласить шведским и норвежским королем на встрече в Хальмстаде. Стен Стуре старший направился на встречу, но по дороге у него (по официальной версии) случился приступ глазной болезни. Шведский регент на встречу не явился, и вопрос о признании Ханса был отложен. Олаус Петри усомнился в правдивости версии. Возможно, считал хронист, приступ был просто отговоркой¹³⁰. Как бы то ни было, показателен скепсис «местера Улофа», его сомнения по поводу официальных объяснений.

¹²⁹OPSS IV. S. 240—243.

¹³⁰Ibid. S. 244—245.

Олаус хорошо разбирался в «эпохе Стуре», прежде всего — в присущих ей механизмах власти. В «Шведской хронике» мы видим: регенты Стуре опирались на дворян-ленников и бюргеров (особенно Стокгольма), а также на бондов. В этом контексте, без прикрас, трактует «Шведская хроника» приход к власти последнего из регентов той эпохи — Стена Стуре младшего.

«Шведская хроника» завершается рассказом о «Стокгольмской кровавой бане» — расправе короля Кристиана II над шведскими оппозиционерами. Хроника содержит ценные сведения: обстоятельства, при которых был вынесен приговор, описание казни, перечень казненных дворян и бюргеров. Изложил Олаус и предысторию «Стокгольмской кровавой бани»: конфликт архиепископа Густава Тролле и регента Стена Стуре младшего, вторжение в Швецию датского короля Кристиана II. И вновь мы видим присущее автору «Шведской хроники» стремление к объективности. Так, Олаус отказался от традиционного изображения Густава Тролле как изверга, запретившего хоронить шведских воинов по христианскому обряду. Присутствуют и элементы научного анализа. Так, вывод о том, что за несколько лет до «Стокгольмской кровавой бани» раздавались многочисленные призывы к примирению Густава Тролле и Стена Стуре, сделан на основании обширных эпистолярных источников.

Мнение автора «Шведской хроники» относительно причин «Стокгольмской кровавой бани» в целом таково. Ноябрьские события 1520 г. были отчасти вызваны враждой правителя и архиепископа, не пожелавших пойти на примирение. Но главным виновником трагедии являлся король Кристиан II. При помощи вероломных обещаний он овладел Стокгольмом и всей Швецией, а затем, используя в качестве предлога жалобу архиепископа (добивавшегося возмещения понесенного ущерба), казнил множество людей, в том числе ни в чем не повинных.

Описание «Стокгольмской кровавой бани» у Олауса не только подробно, но и убедительно. Не случайно многие историки Нового времени отдавали должное рассказу «местера Улофа», соглашались с ним в оценке событий. По сути, «Шведская хроника» — главный источник по истории стокгольмской трагедии 1520 г.

* * *

Итак, в той части «Шведской хроники», которая посвящена зрелому и позднему Средневековью, наблюдается относительное единообразие основных источников, задействованных Олаусом Петри; к ним относятся «Хроника» Эрикуса Олаи и рифмованные хроники. При работе над своим произведением Олаус по-разному использовал эти источники. Иногда он без изменений или с незначительными коррективами

воспроизводил материал Эрикуса Олаи. Нередко же уточнял информацию с опорой на рифмованные хроники. В ряде случаев в работу включались дополнительные источники, в том числе документальные.

Совершенно очевидно, что и в данном случае Олаус Петри как хронист не был и не мог быть ни абсолютным новатором, ни, так сказать, абсолютным консерватором, верным последователем средневековых хронистов. В его историческом творчестве сочетались традиции и новации. Характер последних при этом мог различаться: новизна порой достигалась благодаря привлечению дополнительных источников и радикальному пересмотру существующих взглядов. Порой же, как в случае с рассказом о восстании Энгельбректа, новый взгляд просто отражал свежую интерпретацию старых, хорошо известных сведений.

Что касается убеждений Олауса Петри как реформатора, то они и в данном случае не играют принципиальной роли. Перед нами вновь не столько реформатор, сколько историк.

§ 7. Идеи «Шведской хроники»

Рассмотрев вопрос о том, как в «Шведской хронике» Олауса Петри представлены периоды, события, личности, уместно перейти к вопросу о «сквозных» темах, ключевых мотивах и общих идеях памятника. Данный вопрос автор осветит на основе собственных исследований. Также будут рассмотрены и прокомментированы (а в случае необходимости — оспорены или уточнены) выводы предшественников, в той или иной степени изучавших указанную тему.

Рассмотрим, прежде всего, вопрос о том, как сам хронист расценивал собственное произведение. Бросается в глаза, что «Местер Улоф» считал свой труд весьма скромным. «Но вот и я занялся составлением одной небольшой хроники из других», — писал он во введении¹³¹. Легко убедиться, что эта «небольшая» хроника на самом деле — произведение весьма крупное. Определение “liten” («небольшая», «малая») в данном случае не следует понимать буквально. Именовать свои труды «малыми», «скромными», использовать уменьшительные формы «книжечка», «произведеньице» было принято еще в глубокой древности. Так поступали и многие средневековые авторы, в частности, Эрикус Олаи: он называл свою книгу небольшим трудом, «произведеньицем» (лат. “opusculum”). Лютер, который был для Олауса учителем и образцом, несколько собственных сочинений назвал «книжечками». Конечно, Олаус Петри в данном случае просто следовал традиции.

¹³¹OPSS IV. S. 2.

Сложнее обстоит дело с утверждением Олауса о том, что он составил свою хронику из других — т.е. создал компиляцию. В действительности, как мы уже убедились, хроника «местера Улофа» лишь отчасти компилятивна; отчасти это — самостоятельное произведение. Интересно, что Эрикус Олаи также оценивал свою хронику как “compendium” — компендиум, свод¹³².

Как уже неоднократно отмечалось, Олаус следовал предшественникам, но привнес и много нового. При этом, в отличие от «доктора Эрика», Петри считал себя не только последователем других авторов, но и новатором. «Местер Улоф» стремился писать по-новому; прежде всего — беспристрастно, ведь цель историка — истина. Символично, что в ранней редакции хроники, в посвящении «местер Улоф» желает читателям именно «знания истины» — “sanningens kunskap”.

«История — учительница жизни...». Широкую известность эта мысль получила благодаря крылатым словам Цицерона. Но о том, что историк должен дать читателю полезные поучения, писали и другие классики — Фукидид, Полибий, Тит Ливий. Усвоили ее и ренессансные сочинители. Нередко эта идея присутствовала и в трудах средневековых хронистов.

Для образованных шведов середины XVI в. принцип “Historia — magistra vitae” был уже привычен. Эпиграф в кодексе D 407, где содержится важнейший список «Шведской хроники», может служить тому подтверждением. Король Густав Васа заявил в одном из писем, что цель хрониста — полезное поучение. Показательно, что в 40-е—50-е гг. XVI в. библиотека королевской семьи пополнилась множеством исторических произведений и ученых трудов. В частности, были закуплены книги Иосифа Флавия, Плутарха, Птолемея, Светония, собрание сочинений Цицерона.

Но для шведской историографии принцип дидактизма, провозглашенный Олаусом, был еще новшеством; в средневековых хрониках Швеции он не выдвигался в качестве программного. Написанная в XIV в. «Хроника Эрика» была, по словам хрониста, создана, дабы повесть о государях (“herra och första”), их деяниях и судьбах, и заодно развлечься. Рифмованные хроники XV в. составлялись, чтобы сообщить о политической борьбе — в особенности, против датских государей. Эрикус Олаи считал своей задачей изложить историю архиепископов и правителей, возвеличить церковь и страну. Автор «Прозаической хроники» полагал, что его цель — написать о древних готах и их потомках. Дидактический принцип, как программный, в шведской историографии впервые выдвинул Олаус Петри. Как он пришел к этому принципу, кто на него повлиял?

¹³²Схожую оценку дал своему труду автор «Прозаической хроники». См.: SRS I. S. 240.

Г. Вестин в своей фундаментальной монографии специально не рассматривал этот вопрос, но попутно показал, что некоторые фрагменты «Шведской хроники» могли быть написаны под влиянием древних авторов: Тацита (с комментариями Меланхтона), Плутарха, Тита Ливия. В более поздней работе Вестин дал общую оценку Олауса Петри как хрониста: «историк-реформатор, испытавший влияние гуманизма».

Принципы Олауса как историка специально рассмотрены в монографии У. Ферма. Он причисляет хронику «местера Улофа» к т.н. «прагматической историографии», для которой характерны следующие признаки: 1) историк разъясняет мотивы, которыми руководствовались исторические деятели; 2) историк пишет, чтобы труд был полезен современникам и потомкам¹³³.

Хроника Олауса Петри соответствует указанным критериям. Это видно уже из вступления:

«Бог <...> устроил так, что жизнь и правление тех, кто некогда жил в этом мире, надлежит описывать, ради исправления и предостережения их потомков, дабы те могли узнать, какие начинания сопровождаются успехом, а какие — неудачны и ведут к дурному исходу»¹³⁴.

Для Олауса важны причинно-следственные связи:

«...Истории, сиречь хроники, следует писать так, чтобы в них <...> излагалось, от каких причин произошли беспорядки и войны, и каким образом был сохранен мир и покой...»¹³⁵.

Польза «прагматической» истории основана на том, что человеческая природа неизменна, впрочем, как и все общество: «мир не меняется». Эта мысль была распространенной: похожие идеи высказывал, например, Макиавелли.

Польза, рассуждает Олаус, возможна только если историк беспристрастен. В трудах предшественников, по мнению «местера Улофа», дело обстоит иначе:

«...Многое было написано людьми пристрастными. Такие люди возвышали тех, чьей стороны держались, и как можно более принижали их противников; истина же <...> оказывалась в пренебрежении»¹³⁶.

¹³³ *Ferm O. Olaus Petri och den heliga Birgitta. S. 37.*

¹³⁴ *Олаус Петри. Предисловие к «Шведской хронике» / Пер., вступ. ст., коммент. А.Д. Щеглова // СЕ. М., 2007. Вып. 6. С. 275—276.*

¹³⁵ Там же. С. 276.

¹³⁶ Там же.

И Полибий, и Олаус Петри считали: историку следует быть беспристрастным. Оба отличались строгостью по части отбора источников, отказывались использовать древние сказания как исторический материал¹⁴⁰.

Ферм не уверен, что образцом для Олауса являлся именно Полибий: подобные мысли высказывались, опять же, и другими историками. Кроме того, Петри мог заимствовать идеи не только у античных и ренессансных историков. Пример тому — цитата из Нового Завета: «Все, что писано было прежде, написано нам в наставление».

Многие доводы, приведенные Фермом, представляются убедительными. В то же время с отдельными утверждениями шведского историка можно не согласиться. Это, в частности, касается выводов, сделанных автором в первой главе монографии. Так, по Ферму, Олаус Петри требует, чтобы действия исторических лиц оценивались в категориях той эпохи, когда они жили¹⁴¹. Получается, будто «мистер Улоф» рассматривал прошлое с позиций, характерных для многих историков нашего времени. Это, конечно, неверно. Другое дело, что Олаус в ряде случаев порывал со стереотипами или тенденциозными построениями, стремился проникнуть в прошлое глубже¹⁴². Неудачно и высказывание Ферма о том, что Олаус требовал «эмпирических доказательств». Как правило, в спорных, сложных случаях Олаус просто отдавал предпочтение версии, которую считал наиболее правдоподобной.

Некоторые возражения возникают при знакомстве с рассуждениями Ферма о том, как в Олаусе Петри сочетается историк и реформатор. В богословском творчестве Олауса Петри подчас присутствовали исторические аргументы. Впрочем, было ли важно для «Шведской хроники» то, что автор — реформатор? Вестин и Ферм ответили на этот вопрос утвердительно¹⁴³. Однако в данном случае они не привели веских аргументов. В своей главной монографии Вестин вообще не касался указанного вопроса. В поздних, менее фундаментальных работах ученый подчеркнул, что хроника Олауса Петри — произведение религиозного новатора, но не привел серьезных доказательств этого тезиса. Ферм, с одной стороны, ссылается на мнения Вестина, а с другой, — основывается на соображениях общего характера. Кроме того, он указывает на образ короля Магнуса Эрикссона в «Шведской хронике»: историк-реформатор порвал со средневековой традицией. Наконец, оба специалиста — Вестин и Ферм — обращают внимание на посвящение в хронике: Олаус желает читателю «знания о спасении» — “salighetens kunskap”¹⁴⁴.

¹⁴⁰Ibid. S. 120—128.

¹⁴¹Ferm O. Op. cit. S. 32.

¹⁴²Ср: Ibid. S. 116.

¹⁴³См.: например: Ferm O. Op. cit. S. 78—79, 82—83, 103.

¹⁴⁴Ibid. S. 82.

В этой связи уместно вспомнить, что один из первых читателей «Шведской хроники» — король Густав Васа — рассудил иначе: по его мнению, хронике, напротив, не хватило «истинного евангельского духа». Если сравнить «Шведскую хронику» с другими произведениями Олауса, легко убедиться, что хроника существенно отличается от трудов, созданных «местером Улофом» для духовных целей. В религиозных штудиях «местера Улофа» мы видим проповедь идей, заимствованных, прежде всего, у Лютера; в «Шведской хронике» этой проповеди почти нет. Олаус в данном случае ничего не пишет об оправдании и спасении. Тема Реформации затронута (да и то косвенно) только в рассуждении об основателях монастырей. Но и там, как верно заметил король Густав I, Олаус скорее оправдывает древние представления о благочестии, нежели осуждает их.

В религиозных трудах Олаус Петри постоянно обращается к Библии. А в «Шведской хронике» библейских цитат почти нет; небольшая, хотя и важная отсылка к Библии в конце предисловия и еще одна цитата в основном тексте — это, в сущности, все, что есть на сей счет в историческом труде «местера Улофа».

Обращение к читателю тоже не может служить «ключом» к хронике — ведь словосочетание “salighetens kunskap” — результат исправления, возможно, ошибки. К тому же подобные посвящения в трудах Олауса Петри носят отвлеченный характер и подчас не вполне связаны с произведением. Так, полемические «Ответы» Паулюсу Элиэ предварены посвящениями, в которых Олаус желает читателю «мира и покоя». Сами же «Ответы» очень эмоциональны, в них присутствует бурная полемика, хлесткие выражения, язвительные реплики.

Показательно, что и Ферм, сравнивая Олауса-историка с Меланхтоном-историком, пришел к выводу, что Петри относится к истории менее предвзято; история у «местера Улофа» — не служанка религиозной пропаганды. Олаус мог бы использовать исторические события, чтобы иллюстрировать свои религиозные взгляды. «Местер Улоф» этого почти не делает.

В «Шведской хронике», конечно, есть рассуждения на религиозные темы — прежде всего, промысла Божьего и воздаяния по заслугам. Темы эти — традиционные, общераспространенные, вопрос в том, как они раскрыты в данном случае. Ферм утверждает, что, по «местеру Улофу», Бог *иногда* вмешивается в ход земных событий. Это неверно: если бы Олаус так рассуждал, он не был бы реформатором и последователем Лютера. Представления «местера Улофа» являлись иными: Бог творит все. На свете все совершается по воле Господа. Но Божественный разум намного превосходит разум человеческий; воля Бога труднопостижима. Человеку остается уповать на Бога, и, поступая так, стараться жить праведно. С этим связана идея чуда. Пути Бога неисповедимы, Его деяния чудесны.

Ферм обращает внимание на этот мотив в «Шведской хронике», но трактует его спорным образом. Олаус пишет, что промысел Божий чуден (“underlig”). Ферм переводит это понятие современным шведским термином “fögrunderlig” («удивительный») и считает, что в определении заключена ирония: Олаус, мол, смеется над теми, кто буквально толкует библейское речение «неисповедимы пути Господни». По мнению Ферма, Олаус Петри считал, что Божий промысел подчас вполне постижим.

Приведенное рассуждение представляется искусственным и, в сущности, неверным. Олаус был убежден, что пути Господни неисповедимы: он писал об этом в богословских трудах, и о том же говорит в «Шведской хронике». «Местер Улоф» не позволил бы себе острить по такому поводу: он был противником опошления богословских тем. Употребленный Олаусом термин “underlig” — не совсем то же самое, что “fögrunderlig”. Слово “underlig” — более возвышенное, поэтическое: у него тот же смысл, что у русского «чудный», или у английского “wondrous”. Да и вообще трактовка, предложенная Фермом, просто не нужна — ведь мысль Олауса простая, часто встречающаяся у других авторов: Божий промысел чуден; в конце концов, неким непостижимым образом торжествует справедливость.

У данной проблемы есть интересный аспект: тема чуда в средневековой историографии и культуре. Мотив «чудесного», как известно, характерен для европейской культуры всего Средневековья и, в значительной степени, раннего Нового времени. Но для шведской исторической мысли этот мотив — в основном продукт позднего Средневековья.

Если внимательно прочесть «Хронику Эрика» — произведение, созданное в первой половине XIV в. (т.е. до эпидемии чумы — «Черной смерти», до военно-политических конфликтов противников и сторонников Альбрехта Мекленбургского, до хозяйственных неурядиц, связанных с т.н. «аграрным кризисом»), то можно, в числе прочего, убедиться, что в ней все как бы на месте, все происходит не чудесным образом, а естественным путем. Рыцари, как им положено, отважны, дамы — прекрасны, старики — мудры. Герои пируют, влюбляются, женятся, воюют, гибнут. Повествование и события драматичны, но вполне натуральны; о сверхъестественном почти не говорится.

Иная картина представлена в более поздних хрониках — «Хронике Энгельбректа», «Хронике Карла», «Хронике Стуре». Там важные события выдаются за сверхъестественные, чудесные. Как чудо, преподносится в «Хронике Энгельбректа» борьба шведов против Эрика Померанского. Посредством чудесного вмешательства Бог, Дева Мария и святые помогают шведам в борьбе, карают недругов. В «Хронике Карла» регент Карл Кнутссон дважды слышит чудесное пророчество: быть ему королем. Особенно много говорится о чудесах и удивительных событиях в «Хрониках

Стуре». Как удивительные преподносятся политические события: борьба магнатов из рода Уксеншерна против короля Карла Кнутссона, противостояние фракций магнатов внутри риксрода. Удивительным назван слух о том, что король Ханс хочет захватить власть в Швеции. «Чудом» (“under”) может быть примечательное событие: такое, как появление кита у берегов Швеции. Чудом могли являться и бедствия, обрушившиеся в конце XV века: сильные ветры, пожары, бури, чума и «козни русских». Внимание к удивительным событиям, чудесам (и употребление самого понятия «чудо») было отчасти обусловлено нестабильностью жизни, а также пропагандой религиозных идей. Богословы учили, что мир делится на естественный и сверхъестественный; все, относящееся к Богу, выходит за пределы естественного. В доступном виде — через проповеди и нравоучительные сочинения — такие идеи доносились до сознания мирян. Вот почему, например, для создателей хроник было важно преподнести победы шведов как чудо: это доказывало, что им помогает Бог.

Что позаимствовал Олаус Петри из подобных представлений о сверхъестественном, чудесном, и от чего он отказался? Мы видим, что в отличие, например, от авторов «Хроник Стуре», Олаус не столь часто употребляет понятие «чудо». Чудом для него является промысел Божий. Чудесным образом Господь воздаёт по заслугам: высокомерным государям посылает строптивых подданных; правителей из рода Фолькунгов заставил расплачиваться за злодеяния предков¹⁴⁵.

Олаус, как и многие предшественники и современники, считал чудесными необычные природные явления: «кровавый дождь» (дождь, окрашенный вулканическим пеплом), вставшие реки. В традициях своего времени «местер Улоф» рассматривал такие феномены как знамения. Вспомним, какую роль одно из подобных явлений — «ложные солнца» над Стокгольмом — сыграло в жизни Олауса Петри. Все же в «Шведской хронике» Олаус строго подходит к отбору того, что можно считать чудесами. Так, он не включил в свою хронику сведения о знамении, ниспосланном перед битвой при Брункеберге: во время богослужения из распятия в чашу упала капля крови¹⁴⁶. Олаус скептически относился к подобным происшествиям; знал случаи, когда клирики обманывали прихожан.

Другие сочинения Олауса дополняют представления о том, что автор «Шведской хроники» считал чудом. В проповеди по поводу коронации Густава I Олаус пишет: Бог, послав шведам короля-шведа, поступил, если вдуматься (“om man rätt tilseer”), весьма чудесным образом (“ganska underliga”). Противники короля пытались его свергнуть, но Бог, опять же

¹⁴⁵OPSS IV. S. 51, 138.

¹⁴⁶SMR III. S. 164.

весьма чудесным образом, свел на нет их происки. Рассуждения Олауса в данном случае весьма традиционны; схожие построения присутствовали у авторов XV в., писавших о восстании Энгельбректа.

В одном из трудов Олауса содержится любопытное высказывание. Оказывается, чудом для «местера Улофа» являлся и сам человек — прежде всего, его духовная сущность, но также и сам организм. Петри поражает сложность тела: сердце, легкие, желудок, печень, почки совершают работу в человеке удивительным образом: ее трудно даже в полной мере описать. Многие ученые люди пытались исследовать органы человека, их деятельность и возможности. Для этих целей они вскрыли множество трупов, и все же не смогли выявить все, чем Бог наполнил тело. Но, тем не менее, обнаружили столь много, что стали называть человека «малым миром». Кто хочет узреть чудесное, тому не обязательно странствовать в поисках диаволин; достаточно обратить внимание на себя, на свой «малый мир» — и увидишь столько чудесного, сколько не сможешь даже осмыслить.

Эти рассуждения «местера Улофа» выдержаны в духе ренессансной культуры, причем ее светской традиции. В «Шведской хронике» таких построений, правда, нет. Но отнюдь не исключено, что представления о человеке как «малом мире»-микрокосме повлияли на осмысление «местером Улофом» индивида, личности в истории. В целом же мы видим, что в воззрениях на чудесное у Олауса Петри присутствуют и консервативные элементы, и передовые идеи.

С концепцией чуда отчасти связана другая средневековая концепция — постоянства и непостоянства — лат.: “*stabilitas*”/“*instabilitas*”; ср.-швед.: “*stadighet*”/“*ostadighet*”. Согласно средневековым представлениям, мир неустойчив, шаток — “*instabilis*”. Устойчивым, непреходящим (“*stabilis*”) является Бог. Человек должен осознать бренность мира, оставить суетные помыслы. Такие рассуждения были распространены во всей Европе; в Швеции они являлись немаловажным мотивом в откровениях св. Биргитты.

С идеей непостоянства связан образ колеса фортуны, которое то возносит человека вверх, то сбрасывает вниз. Образ, как известно, получил распространение во многих странах; в Швеции он присутствовал в нарративных памятниках (позднесредневековые хроники) и в визуальных (росписи церквей). Тут Олаус не изобрел ничего нового, привел средневековую концепцию в чистом виде. В «Шведской хронике» содержатся типично средневековые рассуждения о «колесе счастья» и бренности мира сего.

И многие другие религиозные идеи в «Шведской хронике» столь же просты и традиционны. Дьявол, по Олаусу, князь мира сего¹⁴⁷, но Господь сильнее нечистого. Бог чудесным образом карает зло и вознаграждает добро.

¹⁴⁷См. например: OPSS III. S. 473.

С этим связаны размышления о судьбах народов, в первую очередь шведского. По Олаусу, бедствия, которые претерпели шведы — кара от Бога за грехи правителей и их подданных. В трудах шведских предшественников Олауса — позднесредневековых хронистов — подобные мысли высказывались редко. Чаще виновниками бедствий, постигших Швецию, объявляли внешних врагов — датчан, немцев, русских, или же изменников из числа шведов.

У Олауса, конечно, имелись зарубежные образцы — в том числе древние историки. В богословских трудах «местера Улофа» обнаруживаются ссылки на Евсевия Кесарийского, Филона Александрийского, Иосифа Флавия. И, конечно, как и для многих других хронистов, источником представлений об истории для Олауса являлась Библия.

Для Олауса Петри история Швеции — это, в значительной степени, история взаимоотношений народа и правителя. Одна из ключевых идей «Шведской хроники»: государь и подданные связаны взаимными обязательствами.

В идеологии и политике того времени присутствовали, как хорошо известно, две основные концепции: монархическая и конституционная. Согласно монархической концепции, власть государя даруется «сверху», от Бога; правитель никому не подотчетен в своих действиях. По конституционной — власть правителя делегируется «снизу», жителями страны; правитель несет обязательства перед народом и отвечает за свои действия по закону. Особенность взглядов Олауса Петри — в том, что у него названные концепции объединены в одну: власть государя — от Бога, но при этом (и, в сущности, в силу этого) правитель и подданные связаны обязательствами друг перед другом. Очевидно, политические идеи Олауса Петри сформировались под влиянием различных представлений. Как реформатор, человек нового времени и поборник сильной национальной монархии, он был сторонником монархической концепции, но как носитель и исследователь старинных традиций, Олаус являлся приверженцем конституционной.

Эта «смешанная» конституционно-монархическая идея присутствует у Олауса и в проповеди на коронации Густава Васы, и в «Шведской хронике». В первом случае она вызвала одобрение монарха, во втором — гнев. Дело в том, что между указанными произведениями существует разница в акцентах. Проповедь на коронации оптимистична, проникнута верой в монарха, его добродетель и высокое предназначение. «Шведская хроника» скептична, строга, содержит немало упреков государям. Кроме того, между коронацией Густава I (1528) и временем, когда монарх подробно ознакомился со «Шведской хроникой» (1554), прошло четверть века. В представлениях короля о власти идея сильной наследственной монархии стала преобладать. Если в 1520-е гг. само собой раз-

умелось, что шведский государь имеет обязательства перед подданными, то в 1550-е королю хотелось, чтобы его забота о жителях страны воспринималась как благодеяние, милость. Поэтому политические идеи «Шведской хроники» монарх воспринял как крамольные.

Между тем «Шведская хроника» отнюдь не политический памфлет; цели «местера Улофа» — сугубо просветительские. Прежде всего, там содержатся примеры того, каким должен быть достойный, добродетельный монарх. Примеры заимствованы как из недавнего прошлого, так и из древнейшей, подчас легендарной истории.

Самый древний пример благочестивого короля — языческий конунг Фроде. Он сурово наказывал за произвол, при нем никто не осмеливался присвоить чужое добро. При таких правителях страны процветают; древние называли подобных государей “*patres patriae*” — «отцы отечества». Христианам должно быть стыдно, что язычники порой обладали добродетелями, которых часто нет у них¹⁴⁸. Мудрый государь — дар Божий. Пример такого властителя — конунг Инге: он правил справедливо. Его брат Хальстен тоже был достойный правитель: при нем царили мир и согласие; когда он умер, подданные скорбели о нем, как о родном отце¹⁴⁹.

Олаус приводит еще несколько подобных примеров. Инге младший: при нем царили мир и справедливость. Карл Сверкерссон: правил миролюбиво, не воевал с Данией. Сверкер Карлссон: был мудрым государем; при нем долго сохранялся мир. Эрик Шепелявый: был добродетелен, добился, чтобы блюлись закон и право¹⁵⁰. Немало положительных черт Олаус видит у Магнуса Биргерссона. Этот король, подчеркивает «местер Улоф», был умен, искусен по части правления, упражнял подданных в военном деле, чтобы в случае опасности дать отпор врагу; ввел хорошие законы, защитив бондов от произвола¹⁵¹. Достойным регентом, по Олаусу, был Торгильтс Кнутссон — умный человек, сделавший много добра¹⁵².

Итак, Олаус Петри более всего ценил в правителях добродетель, ум, справедливость, заботу о подданных, миролюбие. Один из образцов монарха для «местера Улофа» — святой король Эрик (Эрик Йедвардссон), небесный покровитель Швеции. Описывая его, Олаус опирался на «Житие св. Эрика» и на хроники предшественников — прежде всего, на «Хронику», написанную Эрикусом Олаи. Но образ святого короля Олаус изменил, по-иному расставив акценты.

¹⁴⁸OPSS IV, S. 20.

¹⁴⁹Ibid. S. 48—50.

¹⁵⁰Ibid. S. 50—51, 57, 59, 62.

¹⁵¹Ibid. S. 69—86.

¹⁵²Ibid. S. 86, 96.

В житиях подчеркивается: св. Эрик происходил из знати; в его жилах текла королевская кровь. Когда Швеция осталась без монарха, магнаты и народ единодушно избрали Эрика королем за его кроткий нрав и добродетельную жизнь. Король строил церкви и радел о богослужении, мудро правил, создал разумные законы, боролся с врагами веры и королевства. Совершал добрые дела: примирял враждующих, освобождал угнетенных, наставлял заблудших. Был аскетом: умерщвлял плоть, неустанно молился. Сострадал несчастным, раздавал щедрую милостыню. Носил власяницу, подолгу воздерживался от супружеской жизни; усмиряя желания, совершал омовение в холодной воде.

Эрикус Олаи, описывая деяния св. Эрика, черпал материал из жития. Он воспроизвел сведения о том, что св. Эрик был кроток и добродетелен, и за эти качества его избрали королем магнаты и весь народ; в его жилах текла кровь королей и знати; он усердно молился, бодрствовал, постился, раздавал милостыню, носил вретище, омывался ледяной водой¹⁵³.

Два момента в жизни св. Эрика интересовали Эрикуса Олаи особо. Первый — обстоятельства избрания Эрика Йедварссона королем. В них, по мнению хрониста, проявился чудесный промысел Божий; «молодым людям это может быть непонятно, и потому нужно пояснить, о чем идет речь». Трудные времена таят в себе особый смысл: в конце концов Бог посылает людям достойного правителя. Не случайно избрание короля состоялось в круглом, «юбилейном» году: такие годы — особенно счастливые¹⁵⁴.

Второй вопрос, который занимает «доктора Эрика», касается происхождения святого короля. Хронисту была известна иная версия: отцом Эрика Йедварссона был «добрый богатый бонд» (“en godher ryker bonde”); бонды и избрали его королем (“bönder walde honom til konung”)¹⁵⁵. Строго говоря, из упомянутого отрывка не следует, что король происходил из крестьянского рода. Слово «бонд» можно интерпретировать как «домохозяин», «муж». Но Эрикус Олаи считал, что речь идет именно о плебейском происхождении короля.

«Доктор Эрик» взялся опровергнуть эту версию. Он указывает: о знатном происхождении короля Эрика сказано в житиях и в литургических гимнах. Церковь не может ошибаться в вопросах, связанных с верой; следовательно, Эрик Йедварссон — человек высокого происхождения. Какой смысл был для прелатов в том, чтобы обманывать людей относительно предков святого? Ведь если бы упомянутый король-мученик действительно происходил из низкого рода, то тем большая ему подобала бы хвала за

¹⁵³Ericus Olai. Chronica. S. 67—68.

¹⁵⁴Ibid. S. 67.

¹⁵⁵См.: SRS I. S. 246.

то, что он столь возвысился. Тогда всем было бы ясно, что его восхождение на престол — необычайное происшествие, чудо. Но допустим, когда-нибудь докажут, что этот святой король — незнатного происхождения; что ж, про любого властелина можно сказать, что он выходец из простого люда: ведь людей на знатных и незнатных делит не природа, а судьба. И пусть иные, споря о происхождении короля, утверждают, что его отец — крестьянин: разве это исключает возможность происхождения из королевского рода? Ведь, может быть, к королевскому роду принадлежала мать св. Эрика. И вообще к чему эти споры о происхождении? Все мы, — резюмирует Олаи, — приходим от одного отца. Также и в Ветхом Завете содержатся сведения о достойных людях, которые были рождены от слуганок¹⁵⁶.

Очевидно, что суждения Эрикуса Олаи по данному вопросу — весьма традиционные, типично средневековые. В них есть «демократические» ноты, но преобладает аристократическая идеология. Для Эрикуса Олаи важно, что Эрик Святой являлся выходцем из знатного рода. Мы также видим, что спор о предках св. Эрика хрониста интересует не только сам по себе, но и как повод для упражнения в логике и риторике. В своих рассуждениях «доктор Эрик» изобретателен и остроумен. Но все же он порой отклоняется от основного вопроса: из какого рода происходил король — небесный покровитель Швеции?

Совсем по-другому рассуждает о св. Эрике Петри. Риторические фигуры присутствуют и в рассказе Олауса об Эрике Святом. Но они играют в данном случае служебную роль; сами по себе они для «местера Улофа» не столь важны, его интересует суть. Он приводит обе версии относительно происхождения св. Эрика и замечает: не имеет значения, из какого рода происходил Эрик Йедвардссон. Если он был сыном крестьянина, это его нисколько не позорит. Напротив, честь ему и хвала: исходя из низкого рода, заслужил такое уважение, что его избрали королем. Благородным (“*adhela*”) делает человека добродетель (“*dygden*”), независимо от происхождения.

Здесь налицо хорошо известный мотив, присутствующий у многих авторов эпохи Возрождения. Гуманисты (которые сами зачастую были выходцами из незнатных семей) утверждали, что благородным человека делает добродетель, а не происхождение. Олаус Петри — сын кузнеца, уроженец небольшого города, пробившийся наверх благодаря способностям, удаче и труду, проповедовал те же идеи, что и его современники-гуманисты в разных странах Европы.

Мы видим, что Олаус Петри, как и Эрикус Олаи, восхищен Эриком Святым. Но поводом в данном случае является не аскетическая жизнь,

¹⁵⁶Ibid. S. 68—69.

а забота о подданных. Олаусу понравилось, что король Эрик отказался в пользу подданных от части доходов, «которые по праву мог требовать». Сравнивая хронику Олауса с различными версиями «Жития св. Эрика», можно убедиться, что Олаус несколько исказил и вообще не вполне правильно понял отрывок. В житиях говорится следующее: подданные предложили, чтобы король истратил на себя долю судебных штрафов, поступающую в казну. Государь отказался, заявив: этих денег, возможно, недосчитаются потомки; ему же достаточно того, что положено по закону. Здесь та же логика, что в общешведском законоуложении — Ландслаге: король должен довольствоваться доходами, положенными ему по закону, а равно и сберечь казну для потомков. Несомненно, что и в житии, и в Ландслаге отражены интересы одной и той же социальной группы: шведских магнатов. Итак, Олаус как историк на сей раз оказался не на высоте; его рассуждения носят поверхностный характер.

В хронике Олауса Петри приведены примеры того, каким не должен быть монарх. Таков Амунд Мерзкий (Эмунд Старый): по неразумению он уступил датчанам область Сконе, а затем потерпел поражение и потерял множество воинов, пытаясь вернуть упущенное¹⁵⁷. Таков конунг Рагвальд: обуреваем пороком, не хотел прислушиваться к чужим советам и поплатился за гордыню¹⁵⁸. В «Шведской хронике» содержится много упреков в адрес государей-иностранцев. Суть этих обвинений такова: правители-иностранцы не любили своих подданных-шведов, правили для себя и своих земляков¹⁵⁹.

Итак, правители бывают хорошие и плохие, но подданные, считал Олаус, обязаны хранить верность любому законному государю, каким бы он ни был. Восстание недопустимо, даже если правитель нарушает свои обязательства по отношению к подданным.

В «Шведской хронике» приведено немало примеров того, что восстания пагубны для самих восставших. Таков, например, мятеж против короля Эрика Шепелявого: выступление было подавлено, вождь Хольгер Кнутссон обезглавлен. Ходил слух, что у могилы Хольгера Кнутссона свершилось знамение; стало быть, этот человек — святой. Олаус этому не очень-то верит: для него Хольгер — мятежник, изменник, обнаживший меч против законного государя¹⁶⁰. Петри убежден: мятежники, восстающие против законного государя, обычно кончают плохо. Так было с мятежниками, восставшими против короля Магну-

¹⁵⁷OPSS IV. S. 48—49.

¹⁵⁸Ibid. S. 51—52.

¹⁵⁹См. например: Ibid. S. 130—132, 137—138.

¹⁶⁰Ibid. S. 63.

са Биргерссона, и с бондами, выступившими против короля Биргера¹⁶¹, так было с Энгельбректом и его соратниками. Нередко восстания вызывались тиранией со стороны государей. Но даже в таких случаях, считал Олаус, подданные не должны обнажать оружие против государя; мятеж может привести к еще большим бедствиям.

«Шведская хроника» содержит любопытный материал и по части типологии средневековых восстаний; во всяком случае, она показывает, как причины, движущие силы и цели таких выступлений воспринимались автором XVI в. Мы видим, что главной причиной подобных движений являлись страдания народа, гнет со стороны властей; таким образом, по Олаусу, выступления — проявления народной борьбы. В то же время, из хроники следует, что часто не было четкой грани между народными восстаниями и мятежами знати: фрельсисманы-оппозиционеры, пользуясь недовольством подданных, поднимали простых людей (как правило, бондов) на борьбу, возглавляли движения и использовали их в собственных целях.

В отдельных случаях Олаус мог недооценивать роль пропаганды и агитации со стороны фрельсе. Так, цитируя в XIV в. письмо жителей Верхней Швеции, в котором содержится призыв к борьбе с королем Альбрехтом Мекленбургским, Петри явно верит, что послание составили простые люди по собственной инициативе. А между тем этот документ, скорее всего, написан под диктовку шведских магнатов — противников Альбрехта Мекленбургского. Мы знаем, что именно так обстояло дело с аналогичными позднейшими воззваниями, созданными в XV—XVI вв., выдаваемыми за заявления, исходящие от народа.

Итак, «Шведская хроника» — исторический труд, в котором выражены достаточно четкие политические взгляды. «Местер Улоф» выполнил обещание рассказать о том, как обстояли дела при правителях-иноземцах и правителях-шведах, о том, как властвовали короли и регенты, о том, какие беспорядки, смуты и распри довелось пережить предкам¹⁶².

Рассуждая о государях, Олаус употребляет шведскую терминологию, апеллирует к местным реалиям. Но его мысли были весьма типичны для позднесредневековой Европы: государь должен править не для себя, а для общего блага. Мы видим также, что политические взгляды Олауса достаточно консервативны: по существу, его идеалом является сословная монархия. Кроме того, очевидно, что Петри — сторонник единого, централизованного государства. Деление Швеции на герцогства, существовавшее в XIII—начале XIV в., он осуждает. Олаус описывает, сколь пагубной оказалась вражда между королями и герцогами — потомками ярла

¹⁶¹ OPSS IV. S. 81—82, 86.

¹⁶² Ibid. S. 3. Ср.: Олаус Петри. Предисловие к «Шведской хронике» / Пер., вступ. ст., коммент. А.Д. Щеглова // Северная Европа. М., 2007. Вып. 6. С. 277.

Биргера, и как она ослабила страну, причем особенно страдал простой народ¹⁶³. Позиция Петри по этому вопросу не могла устраивать Густава Васу, который, стремясь укрепить основанную им династию, снова учредил герцогства. И построения «местера Улофа», в сущности, оказались пророческими: раздел королевства привел к многолетней кровопролитной борьбе между сыновьями Густава Васы.

Наконец, мы видим, что Олаус Петри — сторонник монархии: страной должен править король, а не регент. «Местер Улоф» объясняет: когда в Швеции не было короля, а имелся лишь регент, отсутствовала управа на магнатов: никто не хотел уступить, никто не хотел повиноваться. Следствие этого — распри и междоусобные войны¹⁶⁴.

Если взгляды «местера Улофа» на политический строй Швеции достаточно консервативны, то его мнения по поводу народов и отношений между ними — новаторские, оригинальные для того времени. Олаус справедливо полагал, что его предшественники — датские и шведские хронисты — далеки от объективности:

«Датчане похваляются великими деяниями, которые их государи совершили в Швеции, а шведы высоко ставят свои подвиги, совершенные в Дании. Поэтому ныне тот, кто захочет узнать истину, вряд ли извлечет ее из датских и шведских хроник <...> Издревле (исправи Боже) существует скрытая и отчасти естественная взаимная ненависть между датчанами и шведами, ибо обе стороны ценят себя очень высоко, и ни одна не хочет уступать другой. Оттого-то и хроники, которыми мы ныне располагаем, таковы, каковы были мысли тех, кто их писал. И в силу этого шведские хроники не согласуются с датскими и ни одна из сторон не пишет ничего хорошего о другой; поэтому крайне трудно почерпнуть в этих произведениях сколь-либо ценные сведения»¹⁶⁵.

Такие взгляды Олауса шли вразрез с господствовавшей официально-патриотической идеологией. Высказывания шведских авторов о соседях — датчанах и русских — нередко являлись крайне негативными. Характерный пример тому — созданная в начале XVI в. «Речь против датчан», приписываемая шведскому сочинителю, прелату, военачальнику и политику Хеммингу Гадду. Автор рисует жителей Дании в самых черных красках, всячески понося и издеваясь. Датчане, якобы, разговаривают, неестественно искривляя рот и коверкая слова. Шведы 13 раз покоряли Данию и однажды дали ее жителям в короли собаку. Дания

¹⁶³OPSS IV. S. 103—109.

¹⁶⁴Ibid. S. 177.

¹⁶⁵Ibid. S. 2.

все необходимое ввозит из-за границы, в то время как Швеция сама обеспечивает себя всем, что ей нужно; датский народ в противоположность свободолюбивому и вольному шведскому пребывает в постоянном рабстве; страной правят тираны. Датские странствующие студенты, посещающие Швецию, — шпионы; датские воины на шведской службе — жестоки и вероломны; датские монахи выведывают у шведов на исповеди важные тайны; датские проститутки развращают шведских дворян и молодежь. Датчане вообще вероломны и лживы. С ними не следует иметь никаких дел¹⁶⁶.

Сходный образ соседа содержится в главах, посвященных русским, в «Истории северных народов», созданной Олаусом Магнусом. «Московиты» коварны, жестоки, вероломны, алчны. Используя в качестве предлога территориальные споры, русские часто вторгаются в Шведское королевство, главным образом для получения добычи. Они ввозят в Швецию фальшивую монету. Странствуя по стране под видом путешественников или бродячих скоморохов, русские на деле осуществляют деятельность, вредную для Швеции. Русские раболепствуют перед своими царями. Споры у них решаются не столько посредством судебного разбирательства (которое само по себе неизменно предвзято), сколько в поединках. При этом русские уверяют, что их государство (хотя его никоим образом нельзя назвать таковым) управляется наилучшим образом¹⁶⁷.

Позиция автора «Шведской хроники» резко контрастировала с этими (и многими другими) высказываниями шведских авторов о народах-соседах. Сами шведы, по Олаусу, в старину были «грубым и неразумным народом»; данная мысль в хронике повторяется неоднократно¹⁶⁸. Вместе с тем шведы, по мнению Олауса, доблестны и смелы, не любят, когда их унижают.

Следуя принципу объективности, Петри рисует картину взаимоотношений шведов и датчан. Очень любопытно первое упоминание о датчанах. Олаус пишет, что было много хронистов — «как шведских и датских, так и иноземных»¹⁶⁹. Таким образом, автор как бы объединяет шведов и датчан, противопоставляя их иноземцам. Но далее, по всему тексту хроники Олаус все же дает понять, что это два разных народа. Их интересы нередко сталкивались. Описывая территориальные споры и связанные с ними конфликты, Олаус в отличие от многих современников и предшественников был достаточно беспристрастен¹⁷⁰. Из «Шведской хроники»

¹⁶⁶[*Gadh Hemming*] En sanfärdig Oration och trogen förmaning.

¹⁶⁷Подробно см.: *Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983, С. 62—87; *Щеглов А.Д.* Олаус Магнус о России и русских. С. 230—238.

¹⁶⁸OPSS IV. S. 4, 37, 82.

¹⁶⁹Ibid. S. 2.

¹⁷⁰См., особенно: Ibid. S. 13, 48, 110—125.

мы узнаем, что Швеция и Дания много воевали, причем борьба шла с переменным успехом¹⁷¹. Олаус выразил сомнение и в достоверности мифа о том, что шведы посадили на датский трон собаку¹⁷².

Подобная взвешенность и объективность присутствует в «Шведской хронике» и при изображении русских. Так, упоминая о том, что у русских споры решаются поединком, Олаус Петри не противопоставляет шведов русским, а проводит между ними параллель: споры у русских решаются поединком, как в древности у жителей Швеции¹⁷³.

Для шведской элиты (короны, духовенства, рыцарства) позднего Средневековья—раннего Нового времени была актуальна идеология крестовых походов на восток, которая оправдывала экспансию шведов в направлении восточной Карелии и Северо-западной Руси. В контексте этой идеологии русские и православные восточные карелы отождествлялись с язычниками. Такое представление о православном населении Олаусу Петри было чуждо. В его интерпретации упоминаемые в источниках язычники времен шведских крестовых походов — это именно язычники — т.е. еще не принявшие христианство эсты и карелы, а также пруссы и полабские славяне-венды. Православных русских Олаус к язычникам не причисляет¹⁷⁴.

Средневековые конфликты русских со шведами нередко отличались жестокостью, проявляемой с обеих сторон. Олаус Петри затрагивает данную тему, но не осуждает в связи с этим русских, что нередко делали его предшественники и современники. Например, в описании крестового похода, возглавленного Торгильсом Кнутссоном, у Олауса отсутствует мотив морального осуждения русских, присутствующий в «Хронике Эрика», которую «местер Улоф» использовал в качестве одного из источников¹⁷⁵. Тот же нейтральный тон (в отличие от заведомо предвзятого тона нескольких других позднесредневековых источников) присутствует в фрагментах «Шведской хроники», посвященных русско-шведским конфликтам конца XV—начала XVI в. Вот показательный пример:

«В год Господень 1477 архиепископ Якоб основал в Уппсале университет; а два года спустя герр Эрик Аксельссон вторгся в русские земли, углубившись на двадцать или тридцать миль, и нанес там огромный ущерб,

¹⁷¹OPSS IV. S. 22, 29, 32, 35—36, 80—81.

¹⁷²Ibid. S. 36.

¹⁷³Ibid. S. 44.

¹⁷⁴Ibid. S. 61. В «Шведской хронике», правда, присутствует одно упоминание о русских как «врагах христианства» (Ibid. S. 200). Но это — процитированное высказывание короля Кристиана I, а не собственное суждение хрониста.

¹⁷⁵Ibid. S. 69, 89.

убивая тысячами скот и людей, мужчин и женщин, молодых и старых. Раннее и русские нанесли огромный ущерб в Финляндии»¹⁷⁶.

Одной из серьезнейших проблем в отношениях Швеции с Русью (сначала Новгородской, а с конца XV в. — Московской) являлся спор о правах на крупные территории в восточной Карелии. Олаус Петри и здесь не принимает чьей-либо стороны. Он просто констатирует, что территориальные споры имели место, и русские, ссылаясь на заключенный в правление короля Магнуса русско-шведский договор, стремились отторгнуть от Шведского королевства значительные части Карелии¹⁷⁷.

Рассуждения Олауса Петри о шведах и их исторических соседях интересны как сами по себе, так и в контексте историографии русско-шведской проблематики. Современные зарубежные специалисты, занимавшиеся проблемой исторического образа русских в Швеции раннего Нового времени, — К. Таркиайнен и Л. Тенгстрём, констатировали, что этот образ носил негативный характер. Сочинение Олауса Петри в качестве источника Таркиайнен и Тенгстрём не привлекали. Между тем «Шведская хроника» — пример того, что отношение шведов XVI в. к соседям-иностранцам не обязательно было отрицательным. Нередко восприятие соседей являлось конструктивно-нейтральным. Многие здесь зависело от личности и позиции автора, а также от контекста повествования.

* * *

Мы убедились, что «Шведская хроника» — богатое, насыщенное идеями произведение. Некоторые из них — например, представление о бренности (швед. “ostadighet”) мира — являлись к моменту создания памятника весьма старыми; эти идеи можно по праву отнести к средневековым. Некоторые же представления — например, о том, что благородным человека делает добродетель (швед. “dygd”) — принято относить к гуманистическим, хотя нередко они присутствовали уже в доренессансной, средневековой культуре. Между «старой», средневековой, и «новой», гуманистической культурами существовала, таким образом, известная преемственность. В этом можно убедиться и на примере сочинения Олауса Петри.

Характерно, что идеи Реформации в целом не играют в «Шведской хронике» первостепенной роли и присутствуют в небольшом объеме. Историк Олаус Петри предстает несколько иным автором, чем реформатор Олаус Петри. т.е. более нейтральным и толерантным, широким, почти абстрагировавшимся от конфессиональной полемики.

¹⁷⁶OPSS IV. S. 243. Ср.: Ibid. S. 250—251, 254—255.

¹⁷⁷Ibid. S. 114.

Заключение

«Общество на переломе» — одна из важнейших тем в исторической науке. В этой связи огромную важность для историков представляют события, когда в считанные дни решалась судьба страны. Для Швеции одним из таких знаковых явлений был Вестеросский риксдаг 1527 г. Особый интерес Вестеросский риксдаг представляет в связи с тем, что в Швеции имела место Реформация «сверху» — своеобразный и интересный феномен. Реформа церкви оказалась связана с политическими преобразованиями, сыграла важную роль в становлении и развитии национальной монархии.

В шведской Реформации выделяется ранний этап: 1520-е—1530-е гг — время подготовки Вестеросского риксдага и воплощения его резолюций. Церковь утратила привилегии, была обложена налогом, ее земли отторгли в пользу короны и дворянства. Реформационное вероучение получило официальное признание, на соборах духовенства (конец 1520-х—1530-е гг.) приняли постановления о преобразованиях богослужения. Усилиями лидеров Реформации — Олауса Петри и Лаврентиуса Андреэ — была создана и опубликована религиозная литература на шведском языке.

В главе I показано, что накануне Реформации борьба шведов против датской монархии превратилась в движение за государственную самостоятельность Швеции. В начале 1520-х гг. борьбу против датского владычества возглавил Густав Эрикссон (Васа). Начавшаяся освободительная война против датчан шла успешно для шведов. Датский монарх Кристиан II был свергнут с шведского престола. Густава Васу объявили королем в Стренгнесе в июне 1523 г., что ознаменовало конец Кальмарской унии.

Таким образом, в начале 1520-х гг. Швеция окончательно вышла из унии и добилась независимости. В стране сложились предпосылки формирования централизованного государства с сильной королевской властью. Такому государству требовалась национальная церковь, независимая от папской власти. Именно реформаторы, как отмечалось выше, взялись создать церковь, отвечающую новым религиозным устремлениям.

Далее в монографии показано, что за несколько лет до указанных событий в Швецию начали проникать сведения об учении Лютера. Име-

ются данные о начале сотрудничества Густава Васы с реформаторами — Олаусом Петри и Лаврентиусом Андреэ. Источники позволяют сделать вывод, что с осени 1523 г. монарх начал проводить политику, во многом основанную на идеях Лютера, и стал симпатизировать клирикам-реформаторам. Тогда же, около середины 1523 г. обозначились и те социальные силы, на которые мог опереться Густав Васа. Это были верные королю дворяне, города и их бюргерство, часть духовенства.

В событиях, связанных с борьбой вокруг лютеранских идей в Швеции, одним из центральных персонажей являлся Ханс Браск. Около 1523 г. епископ начал антиреформационную пропаганду. В частности, он утверждал, что реформационное вероучение имеет в своей основе «заблуждения русских», т.е. православную веру. Следствием позиции Браска явился конфликт с Густавом Васой. Противостояние было в значительной степени спровоцировано королем, который выдвигал требования, шедшие вразрез с интересами Браска и с привилегиями церкви. Очевидно, что государь включился в принципиальный спор, будучи вооруженным новой, реформационной идеологией; хотя отчасти столкновение носило традиционный средневековый характер, участники ссылались на древние документы и привилегии.

Король предпринимал последовательные шаги по направлению к церковной реформе. О том, какова была позиция монарха в отношении вероучения, свидетельствует ряд документов, особенно — письмо Густава I одному из королевских управляющих: «...Намерение у нас одно: поддерживать евангелическое учение и карать тех, кто не желает следовать Слову Божьему...». Одновременно король создал значимый прецедент, отобрав у картезианского монастыря замок, ранее пожертвованный регентом Стеном Стуре младшим. Стремясь положить предел антилютеранской пропаганде Браска, король запретил иерарху переводить и публиковать сочинения, направленные против Лютера.

Итак, Густав Васа уже в середине 1520-х гг. являлся королем-реформатором, был вооружен учением Лютера. В то же время любопытно, что и король, и его главный идейный противник Ханс Браск обращались в своей полемике к средневековым источникам и историческим реалиям. Опора на традицию, в сочетании с новшествами, была характерна для ранней шведской Реформации.

В заключительном разделе главы I показано, что политика короля вызвала ряд вспышек народного недовольства. Восстания проходили под антиреформационными лозунгами. Густав I старался успокоить повстанцев, объясняя, что не вводит лютеранства, а лишь дозволяет проповедовать Евангелие. Таким образом, положение в Швеции являлось напряженным. При этом общественные и идейные противоречия в стране находились в связи с борьбой вокруг реформационных идей.

В этих условиях от короля требовались меры, направленные на выход из кризиса. Для их принятия был созван в 1527 г. риксдаг в Вестеросе, вошедший в историю как реформационный. У этого риксдага имелись зарубежные предшественники — собрания сословий в Дании и Пруссии, на них приняли постановления о секуляризации церковных владений и налогообложении церкви.

Итак, уже в первой половине 1520-х гг. Швеция оказалась охваченной процессами, которые принято называть реформационными: распространение идей Реформации, проповеди реформаторов-последователей Лютера, полемика вокруг Реформации, политика короля, ориентированная на подготовку соответствующих преобразований. Таким образом, трудно согласиться с тезисом М. Ньюмана о том, что в Швеции не было Реформации вплоть до 1540-х гг. В то же время дебаты и борьба вокруг реформационных идей в Швеции порой оценивались в средневековых категориях, рассматривались как продолжение борьбы вокруг «свободы церкви».

Глава II посвящена ключевому событию ранней шведской Реформации — Вестеросскому риксдагу 1527 г. Риксдаг был тщательно подготовлен. В 1525—начале 1527 г. король и его сподвижники создали открытые письма, вызванные пропагандистскими соображениями и стремлением смягчить народное недовольство. Послания разъясняли позицию Густава Васы относительно лютеранского вероучения и опровергали слухи о том, что король вводит новую веру. При этом государь не только поддерживал пропаганду, но и изучал общественное мнение. Так король и его советники-реформаторы создавали почву для реформ.

Далее подробно освещен ход риксдага по важнейшему нарративному памятнику — хронике Педера Сварта и документальным источникам. Автор этих строк указывает, что сценарий риксдага был, по всей видимости, проработан заранее. В одном из нарративных памятников — «Хронике» Пера Брахе — сказано, что Густав I до риксдага тайно известил рыцарство и представителей народа, какие выгоды сулит принятие учения М. Лютера и связанное с этим отчуждение церковной собственности. Так король подготовил почву для реформ.

Дворяне представили монарху ответ, в котором настаивали на редукации церковных замков в пользу короны и ограничении вооруженных свит епископов. Поскольку епископам не потребуется содержать много воинов, высвободившиеся средства будут поступать государю на военные нужды. Сумму отчислений королю необходимо согласовать с высшим духовенством. Такие же отчисления должны поступать от кафедральных соборов и каноников. Монастыри следует отдавать в ленное держание опекунам из числа «добрых рыцарей». Дворяне также высказали пожелание, чтобы Слово Божье проповедовалось повсеместно

«в соответствии с заветом Бога, а не по неясным знамениям и человеческим небылицам и басням». Бюргеры и горняки добавили собственные требования: епископы не должны посылать деньги в Рим за конфирмацию; следует, чтобы монахи нищенствующих орденов покидали обитель для сбора милостыни только дважды в год. В целом в ответах участников риксдага отразились интересы и менталитет социальных слоев Швеции. Вместе с тем делегаты стремились предложить меры, угодные королю.

На основании речи короля и ответов сословий выработали заключительный документ риксдага — Вестеросский рецесс. Было постановлено: доходы короны должны быть восполнены за счет рент епископов, кафедральных соборов и каноников. В монастыри, содержащиеся за счет ренты, государь назначит опекунами добрых рыцарей, которые будут отдавать ему излишки доходов. От епископов к светским опекунам должно перейти право взимания церковных штрафов и повинности постоянного кормления — «йестнинга». Далее следовала резолюция о возвращении земель, пожалованных, проданных и отданных в заклад духовенству.

Заключительная резолюция касалась вероучения. Участники риксдага заявили, что заслушали проповеди тех, кого обвиняют в попытках ввести новую веру. Выяснилось, что эти люди «проповедуют не что иное, как Слово Божье». Поэтому делегаты пообещали королю бороться с обвинениями в его адрес. Собравшиеся пожелали, чтобы «Слово Божье везде по стране чисто проповедовалось».

В главе III автор приводит результаты собственного историко-источниковедческого анализа Вестеросских ордонансов — одного из наиболее дискуссионных памятников в историографии шведского позднего Средневековья и раннего Нового времени. В начале главы я цитирую и комментирую текст Вестеросских ордонансов, а также привожу выполненный мной перевод этого памятника.

Далее показываю, что у Вестеросских ордонансов имелись предпосылки и в развитии общества и права самой Швеции. Многие из вопросов, рассматриваемых в Ордонансах, ранее регулировались шведскими областными законами — в особенности, разделами о церкви, которые продолжали действовать и после принятия общешведского законоуложения — Ландслага. Я демонстрирую, что у Вестеросских ордонансов имелось и тематическое сходство с позднесредневековыми шведскими синодальными статутами, принятыми на съездах духовенства с конца XIII по начало XVI в.

В Ордонансах отразилась связанная с правовыми отношениями социальная практика, примеры которой можно найти в документах той эпохи — особенно в текстах из канцелярии Ханса Браска. На основании собственных исследований я делаю заключение, что вопросы, рассмотренные в Вестеросских ордонансах 1527 г., являлись для Швеции

актуальными в правовой и общественной практике. Таким образом, и на материале данного документа видно взаимодействие импульсов извне (лютеранские идеи, зарубежные правовые реформы) и, в значительной степени, национальной среды и традиции.

Часть главы III посвящена историко-источниковедческому анализу памятника. Прежде всего, я освещаю дискуссию о Вестеросских ордонансах, привожу и комментирую важнейшие памятники. В том числе, цитирую важнейшие тексты, во многих случаях уточняя публикации и комментарии предшественников, а в некоторых — публикуя впервые.

Далее приведена концепция, разработанная автором этих строк, и посвященная истории создания Вестеросских ордонансов. Формулируя предположение, я руководствовался следующими соображениями. 1) Учитывая принятую в Швеции практику того времени, резонно допустить, что Ордонансы, которые исходили от короля и риксрода, были записаны на шведском языке. 2) Языковое своеобразие, на которое обращали внимание специалисты, — на самом деле результат не перевода с латыни, а итог некоторой намеренной архаизации текста. 3) Неверно признавать краткий шведский список «Регистратуры» аутентичной официальной версией. 4) Чёллерстрём считал, что заключительные статьи были отсечены. Но в таком случае они изначально оказались расположены слишком «удобно» для такой редакции — в конце текста, вне связи с другими статьями. Поэтому логично предположить, что краткая редакция Ордонансов предшествует пространной, а не наоборот.

Для уточнения источниковедческой картины я предпринял анализ разночтений между списками Ордонансов. Кроме того, транскрибировал и интерпретировал найденный мною еще один пространный список Вестеросских ордонансов.

Анализ показал, что делать заключение о соотношении редакций на основании только двух списков — «Кодекса Боргезе» и «Регистратуры» (как это сделал Чёллерстрём) — не вполне корректно. Краткие позднейшие списки Ордонансов содержат материал, имеющий отношение к рассматриваемой проблеме. Весьма вероятно, что краткие списки Ордонансов были использованы при составлении пространной шведской редакции.

Вопрос о соотношении редакций Ордонансов, таким образом, можно снова считать открытым. Именно поэтому я счел логичным выдвинуть гипотезу происхождения данного документа, которая заключается следующем. Сначала была создана краткая, «официальная» шведская редакция Ордонансов. Ее списки, возможно, уже вскоре после принятия Ордонансов включали разночтения — в результате редактирования и, отчасти, ошибок. После риксдага в канцелярию Браска попали разные краткие версии Ордонансов. С них секретари епископа сдела-

ли списки, дополнив Ордонансы содержанием других постановлений, формулировок Рецесса и вопросов, обсуждавшихся на риксдаге. Ханс Спегельберг перевел расширенный список, основная часть которого была близка редакции королевской регистратуры. Петрус Бенедикти выполнил сокращенный перевод текста, основная часть которого соответствовала «редакции А». Сокращая текст, переводчик, видимо, хотел исключить статьи, которые были злободневны для шведов — независимо от отношения к богословским новшествам. Поэтому, очевидно, редакция Петруса Бенедикти являлась результатом частичной фальсификации Ордонансов. В этой версии документ носит характер сугубо антикатолического постановления, а не резолюции о комплексе умеренных преобразований.

В непосредственной связи с Вестеросским риксдагом были созданы и другие содержательные документы, представляющие значительный исследовательский интерес; данным документам посвящена глава IV.

К ним относится открытое письмо риксрода жителям страны о решениях Вестеросского риксдага. Письмо содержало отдельные положения как Рецесса, так и Ордонансов. Притом оно не полностью излагало постановления риксдага и было, очевидно, создано, дабы успокоить население, недовольное политикой короля. Вместе с тем документ интересен в источниковедческом отношении. Он сохранился в нескольких списках, между которыми имеются разночтения, нередко существенные. Проведенный источниковедческий анализ позволил выявить множество расхождений между списками, многие из которых ранее не отмечались исследователями. Если суммировать все эти разночтения, выясняется: существуют два «полюса», два основных типа списков. Что касается общей истории документа, то полную картину на данном материале восстановить вряд ли возможно. Некоторые разночтения, наверное, вызваны ошибками или правкой копий документа, рассылаемых по областям; другие отличия могли появляться в процессе позднейшего копирования.

Спустя несколько лет после принятия Вестеросских резолюций, в начале 1530-х гг. архиепископ Лаврентиус Петри — брат Олауса Петри, первый шведский архиепископ из числа реформаторов — написал комментарий к Вестеросскому рецессу и Вестеросским ордонансам.

В целом комментарий Лаврентиуса Петри очень ценен: по нему можно судить, какой смысл вкладывали реформаторы в постановления риксдага. Очевидна связь комментария с лютеровским учением о разделении полномочий между светской властью и церковью. В качестве основы нововведений рассматривается Слово Божье. Постановления риксдага в восприятии комментатора предстают как реформационные: преобразования церкви — следствие резолюции о проповеди Слова Божьего.

Автор приводит в пример зарубежные реалии, в то же время сохраняя интерес к национальной исторической специфике. В комментариях отражена забота о духовенстве, а в отдельных случаях подчеркивается преемственность реформ по отношению к католической традиции.

Глава V посвящена последствиям Вестеросского риксдага и конкретным шагам шведских реформаторов в богословской, церковно-институциональной, административной сферах.

После Вестеросского риксдага шведскому духовенству, сохранившему лояльность королю, требовалось найти общий язык, выработать совместную позицию. Первый шаг был сделан на церковном соборе 1529 г. в городе Эребру, созванном по инициативе короля (что было новшеством). Резолюция собора, вероятно, являлась компромиссом, достигнутым после дебатов. Она состояла из двух частей: 1) само постановление; 2) «разъяснительная» часть, излагающая смысл духовных таинств.

Первая из этих частей близка постановлениям Вестеросского риксдага, и особенно — Вестеросским ордонансам. Другая, большая по объему часть резолюции содержала разъяснение церковных таинств и практик. Общий смысл сводился к следующему: эти таинства и практики носят символический характер. Очевидно, что ряд статей (о праздниках, пасхальных церемониях, паломнических путешествиях) вполне соответствовал антиримскому, лютеранскому взгляду на спорные вопросы. Текст резолюции смелый, реформаторский; «разъяснение» носит характер требования, предъявленного к духовенству. Существует мнение, что постановление собора в Эребру представляло собой временный компромисс. Тем не менее, он был этапом Реформации, т.к. позволил избежать конфронтации духовенства и в то же время был использован реформаторами.

Также и административно-экономические постановления риксдага начали выполняться незамедлительно. Конфисковывались епископские замки; духовенству предписывалась лояльность королю; от клириков требовались отчеты о доходах. В соответствии с отчетами определялась сумма налога, уплачиваемая духовенством короне. К монарху перешло право сбора епископских штрафов. Началась редукция церковных владений.

Епископы и духовенство кафедральных соборов в административно-финансовом отношении становились чем-то вроде управляющих либо держателей ленов, жалуемых на условия регулярных отчислений в пользу короны. Спустя некоторое время были упразднены и формальные различия между фискальными обязательствами духовенства и светских ленников. К середине 1540-х гг. заключаемые с клириками контракты о налогах стали называться контрактами о ленных пожалованиях.

Редукция церковных земель привела к консолидации древнего «ядра» королевских владений. В итоге Густав Васа не только лишил епископов части их владений, но и занял сильную позицию по отношению к дворянству, поскольку имел значительные территории под своим управлением и контролем. Часть конфискованных земель была роздана в лены. Но при этом монарх стремился поставить ленников, независимо от характера держания, под контроль короны. Эта политика еще более способствовала централизации управления.

Изменения затронули не только аграрный сектор, но и города, особенно, конечно, Стокгольм. В монографии я показываю, что хотя формально постановления о секуляризации действовали лишь в отношении дворян и не распространялись на бюргеров, тем не менее, они активно участвовали в отчуждении церковной недвижимости. Сотрудничая с короной, шведское бюргерство участвовало в Реформации и редукции церковных владений. Реформационная активность бюргеров в Швеции была, однако, ниже, чем во многих городах Германии или Швейцарии. Здесь, на севере Европы, наблюдались лишь отдельные проявления того, что можно назвать «бюргерской Реформацией» — и то в основном в Стокгольме. Но, тем не менее, бюргерство и здесь выступило в качестве социальной базы «королевской Реформации», проявило интерес к ее материальным результатам. В этом отношении его роль оказалась типичной для тех регионов Европы, в которых Реформация добилась успехов.

Глава VI монографии посвящена т.н. «Восстанию вестьётских господ» — мощному народному движению в южных областях Швеции, которое в значительной степени явилось реакцией на Вестеросский риксдаг и на реализацию его постановлений.

Хронист Педер Сварт изобразил восстание 1529 г. как мятеж представителей вестьётского фрельсе, сумевших привлечь на свою сторону представителей народа. Источники отчасти подтверждают рассказ Сварта, но содержат дополнения и уточнения. Документы показывают, что восстание явно было инициировано дворянами-оппозиционерами, но при этом приняло характер широкого народного движения. Решительно действуя и применяя тонкие пропагандистские маневры, Густав Васа сумел нейтрализовать выступление и одержать верх над повстанцами.

В главе VII затронуты проблемы, связанные с богословским творчеством лидера шведских реформаторов. В работах, посвященных Олаусу Петри, немало говорится о его относительной терпимости к католицизму. Специалисты объясняют этот феномен наличием «нелютеровских» влияний на позицию Олауса. Однако несомненно, что его умеренность и терпимость по крайней мере отчасти продиктованы практическими

соображениями и основаны на знании местных условий. В своей деятельности Петри проводил в жизнь идеи, почерпнутые у немецких теологов, прежде всего, лютеровскую концепцию оправдания одной верой. Вместе с тем он соотносил их с реалиями и потребностями своей страны — Швеции.

В свете дискуссии о том, в какой степени Олаус Петри был последователем Лютера, представляет интерес полемическое произведение, в котором «местер Улоф» высказал отношение к личности и учению основоположника Реформации — «Ответ на нехристианское письмо», направленный против датского богослова Паулюса Элиэ. В целом «Ответ» Олауса Петри — апология учения Лютера, прежде всего, учения об оправдании одной верой. К учению о вере, разработанному Лютером, «местер Улоф» прибегал неоднократно, в частности, в «Малой постилле» — самостоятельном труде, созданном для приходских священников.

Анализ содержания проповедей Олауса Петри, предпринятый в монографии, показал: их наполнение являлось реформационным, новаторским по отношению к средневековым проповедям. Но есть и то, в чем Олаус Петри близок и, можно сказать, преемственен по отношению к средневековой традиции, а именно — язык и стиль проповеди. Этот язык пасторской беседы — простой, доходчивый — значительно отличается от языка лютеровской постиллы, но зато схож с языком позднесредневековых католических проповедей.

Важным формальным показателем является объем проповеди. Мой подсчет показал, что Олаус привержен традиционному объему (в среднем около 2000 слов). Объем лютеровской проповеди значительно больше (до 9800 слов) и сильно варьирует. Итак, при реформационном содержании своих проповедей, Олаус обращался к консервативной форме; идейное новаторство взаимодействовало с местной традицией.

Глава VIII посвящена оригинальному и интересному аспекту деятельности лидера реформаторов Олауса Петри. Речь идет о его труде как историка.

Уже в первых сочинениях Петри (около середины 1520-х гг.) проявились исторические интересы. Историческая тематика затронута в разных работах Олауса — богословско-полемических трактатах, правовых комментариях, проповедях.

Рассмотренный в монографии материал имеет важное значение для дискуссии о личности Петри. Ученые определяли Олауса, прежде всего, как богослова, и уже в этой связи, во вторую очередь — историка. Однако, как я показал, интерес к историческим штудиям сопутствовал мыслителю всю жизнь. Олаус Петри был и историком, и реформатором. Оба аспекта личности «местера Улофа» — равноправны и взаимно дополняли друг друга.

В книге далее освещены исторические исследования Нового времени, посвященные «Шведской хронике». Уже в первых трудах (XVIII—XIX в.) оценено стремление Олауса Петри к объективности, отказ от официального ура-патриотизма. Вместе с тем ученые отмечали ошибки и другие недочеты. Кроме того, все специалисты, писавшие о «Шведской хронике», отмечали как новаторство Олауса Петри, так и его преемственность по отношению к предшественникам — особенно к хронисту XV в. Эрикусу Олаи.

В монографии рассмотрена история публикаций «Шведской хроники», освещены дискуссии, касающиеся рукописей произведения. Прослежено формирование и аргументация гипотезы о двух редакциях хроники (Г.Э. Клемминг, Л. Ставенон, Л. Шёдин), приведены результаты анализа списков, проделанного филологом Э. Лундмарком.

Благодаря работе в шведских рукописных собраниях, а также в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ, Санкт-Петербург) я получил возможность сопоставить результаты предшественников с итогами собственных исследований, сделал уточнения и дополнения.

Так, при изучении важнейшего списка — кодекса D407 Королевской библиотеки — автор этих строк сопоставил тексты т.н. «руки А» и «руки В». Анализ показал: правка, внесенная «рукой В», принципиальна. Вероятно, хроника дорабатывалась в последние годы жизни «местера Улофа», а может быть, и после его смерти. Отчасти правка основана на материалах и идеях автора, и все-таки не полностью согласована с ним. Дополнения, внесенные в список D407 «рукой В», интегрированы в текст частично. Во многих случаях они носят характер уточнений, примечаний. В монографии аргументирована гипотеза, что правка внесена при участии Лаврентиуса Петри — брата и единомышленника Олауса Петри.

Знакомство с другими списками позволяет сделать ряд наблюдений. Так, в основном подтверждаются выводы Э. Лундмарка о делении списков на группы. В дополнение к построениям ученого я выявил различия между списками, ранее не отмеченные специалистами.

Основываясь на этих наблюдениях, я дал источниковедческую характеристику петербургских списков «Шведской хроники». Рукопись Швед. F.IV.1 содержит краткую исправленную версию «Шведской хроники» (по Лундмарку, редакция II), дополненную с использованием пространного списка (редакция IV). Текст другого типа мы видим в манускрипте Швед. F.IV.4. Текст хроники принадлежит к поздней редакции (редакция IV — по Лундмарку). Вместе с тем список имеет и черты более древних версий.

К иному типу относятся списки Швед. F.IV.2 и Швед. F.IV.3. Текст в обоих случаях принадлежит к дополненной пространной редакции.

Отдельные варианты текста восходят к ранним версиям. Есть в манускриптах Швед. F.IV.2 — Швед. F.IV.3 и добавления, которых нет в списке D 407 и его аналогах.

В кодексах F.IV.2 и F.IV.3 имеются уникальные записи, касающиеся обстоятельств и времени создания хроники. Однако знакомство автора с этими записями показало, что их значение не следует преувеличивать. Они носят позднейший характер, и приведенные в них данные ненадежны, хотя и могут указывать на реальные факты.

В стокгольмской Королевской библиотеке хранится еще один памятник, важный для датировки «Шведской хроники» и уточнения обстоятельств ее создания. Он представлен манускриптами D25 (40-е гг. XVI в.) и D439 (XVII в.). Памятник состоит из лаконичных заметок, частично систематизированных, нередко обрывочных. По содержанию заметки близки к хронике Олауса Петри, но имеют отличия от «Шведской хроники»: изложение конспективно, обрывочно, непоследовательно; сведения не интегрированы в единое повествование.

Вероятно, манускрипт D25 относится к подготовительной стадии работы над «Шведской хроникой». Рукопись в таком случае соответствует не редакции I, а черновой версии хроники.

В монографии далее проанализировано историческое содержание хроники Петри. Один из вопросов, которые рассматривает Олаус, касается происхождения шведов — и, в связи с этим, деяния их предполагаемых предков — готов.

Рассуждения реформатора о готах носят полемический характер. Олаус критикует т.н. гетицистскую теорию, и в противовес ей аргументирует версию о происхождении скандинавов от общегерманского народа. В разработке Петри «готского» сюжета было уже много от историографии Нового времени. Это и ученый скепсис, и критика источников, и опора на историков-гуманистов, и интерес к античным авторам. Олаус не отвергал начисто традиционные представления о готах, не являлся, как уже неоднократно отмечалось, абсолютно последовательным «антигетицистом».

Следующая крупная тема, которую затрагивает Петри, — это языческие верования жителей Швеции. Олаус усовершенствовал традиционный для шведских хронистов рассказ об Уппсальском святилище и о языческих верованиях. Он сделал повествование более информативным, ученым, дискуссионным. Вместе с тем описание языческих верований, в ряде черт, осталось традиционным, а кроме того — неполным.

В части о введении христианства в Швеции Петри также опирался на традицию, в основе которой — древние памятники: «Житие Ансгария», «Хроника» Адама Бременского. Олаус разобрался в противоречивых источниках, добился убедительности и последовательности, уточ-

нил хронологию. При этом он сделал логичный вывод: христианизация являлась длительным процессом.

В целом хроника Олауса Петри содержит как новый для своего времени корпус наблюдений, так и традиционные суждения и построения.

Таким образом, уже на данном материале можно сделать два взаимосвязанных полемических вывода:

1) В современной историографии предпринята попытка (У. Ферм) представить Олауса Петри принципиальным новатором, преодолевшим традиции средневековой хронистики. Проанализированный мною материал показывает, что Олаус Петри в некоторых случаях действительно выступил новатором, отмежевался от общепринятых воззрений, ввел новые источники и темы. Из анализа следует, что Олаус Петри опирался на средневековую традицию, продолжал и развивал ее. В этом отношении вывод Ферма нуждается в корректировке.

2) В научной литературе (Г. Вестин, У. Ферм) делались попытки изобразить Олауса Петри как протестантского историка: особенности хроники объяснялись убеждениями мыслителя-реформатора. Однако приведенный материал показывает, что Олаус предстает не столько как реформатор, сколько как историк, для которого главная цель — правдивый и полезный рассказ о прошлом.

Далее в работе рассмотрено повествование Петри о зрелом и позднем Средневековье. Отмечено, что многие сведения и оценки совпадают у Олауса и его предшественников. Дополнения и изменения, внесенные «местером Улофом», весьма интересны. Благодаря экскурсам видно, как менялось общество, обычаи, право, города. В ретроспективных обзорах присутствуют элементы историографии уже в современном смысле слова.

Один из самых насыщенных фрагментов «Шведской хроники» — рассказ о короле Магнусе Эрикссоне. В средневековых памятниках образ этого государя часто был противоречивым или негативным.

Олаус Петри, повествуя о Магнусе Эрикссоне, использовал широкий круг источников. Опираясь на них, он частично пересмотрел образ короля, подверг сомнению справедливость критических выпадов в его адрес. Современным шведским специалистам это дало повод увидеть в «Шведской хронике» произведение, каких раньше в Швеции не было. Новаторство Олауса Петри объясняется как результат его убеждений, связанных с Реформацией.

В книге показано, что данное заключение (применительно к отрывку и к хронике вообще) можно принять лишь с оговорками. Петри находился на полпути от средневековой хронистики к научной историографии. Некоторые утверждения предшественников Олаус воспроизвел, следуя укоренившимся представлениям.

Даже выступив с критикой традиции, Олаус отдал ей дань, допустив, что негативное восприятие Магнуса Эрикссона отчасти справедливо. Далее отмечено, что в ранних редакциях «Шведской хроники» описание Магнуса Эрикссона дано в традиционной форме, без оговорок и критических суждений, известных из поздней версии. И так, Олаус Петри, при всем его новаторстве, был не чужд старых представлений об истории. К новым выводам он пришел во многом благодаря работе над текстом, накоплению опыта. Совершенствуя произведение, он изучил источники и внес коррективы в устоявшееся восприятие событий.

Далее показано, что Петри стал первым историком, подробно рассказавшим о документально оформленной унии трех скандинавских государств. В отношении же фактического союза Олаус взял лучшее, что было у предшественников, но изменил представления об унии, отказался от стереотипов, идеологических штампов, предвосхитил достижения последующей историографии. Хотя Олаус многое усвоил от предшественников, он отредактировал, уточнил и обогатил заимствованные сведения. В его историческом творчестве вновь сочетались традиции и новации. Что касается убеждений Олауса Петри как реформатора, то они и в данном случае не играют принципиальной роли. Перед нами не столько реформатор, сколько историк.

Заключительный раздел главы посвящен «сквозным» темам, мотивам и идеям «Шведской хроники».

Петри назвал свой труд «скромным», следуя древней традиции. В действительности, хроника «местера Улофа» лишь отчасти компилятивна, а отчасти — самостоятельна. Характерно, что Олаус считал себя не только последователем других авторов, но и новатором. Он стремился писать по-новому; прежде всего — беспристрастно, ведь цель историка — истина. Символично, что в ранней редакции хроники, в посвящении «местер Улоф» желает читателям «знания истины» — “sanningens kunskap”.

Олаус Петри воплотил принцип «история — учительница жизни». Для шведской историографии подобный дидактизм был еще новшеством. Как показал У. Ферм, на Олауса в этом отношении могли повлиять античные историки, например, Полибий, а также современники — Филипп Меланхтон.

Многие доводы, приведенные Фермом, убедительны. В то же время с отдельными его утверждениями можно не согласиться. Так, по Ферму, Олаус Петри требует, чтобы действия исторических лиц оценивались в категориях той эпохи, когда они жили. На самом деле материал хроники не подтверждает это мнение. Неудачно и высказывание Ферма о том, что Олаус требовал «эмпирических доказательств». Как правило, в

спорных случаях Петри просто отдавал предпочтение версии, которую считал правдоподобной.

Возникают возражения и при знакомстве с рассуждениями Ферма и Вестина о том, как в Олаусе Петри сочетается историк и реформатор. В действительности, как уже говорилось, в «Шведской хронике» почти нет проповеди идей Реформации.

В «Шведской хронике», впрочем, присутствуют рассуждения на религиозные темы. Так, интересна топка «чудесного», трактовка которой в данном случае традиционна для средневековой хронистики, но испытала и влияние Ренессанса. С концепцией чуда отчасти связана идея постоянства и непостоянства мира. Также и она в «Шведской хронике» вполне традиционна.

Далее, для Олауса история Швеции — это, в значительной степени, история взаимоотношений народа и правителя. По Петри, власть государя — от Бога, но при этом (и в силу этого) правитель и подданные связаны обязательствами друг перед другом.

В хронике много внимания уделено вопросу, каким должен быть правитель. Особенно интересны рассуждения относительно Эрика Святого — согласно традиции, подвижника и мученика. В «Шведской хронике» налицо мотив, присутствующий у многих авторов эпохи Ренессанса: благородным делает добродетель, а не происхождение. Олаус Петри восхищен Эриком Святым. Но поводом для подобного почтения является не аскетическая жизнь (как у средневековых авторов), а забота о подданных.

«Шведская хроника» содержит любопытный материал относительно различных социальных явлений, в частности, средневековых восстаний. Причиной выступлений, согласно Петри, являлись страдания народа, гнет со стороны властей. В то же время, из хроники следует, что часто не было четкой грани между народными восстаниями и мятежами знати: фрельсисманы-оппозиционеры, пользуясь массовым недовольством, поднимали простых людей на борьбу, возглавляли движения и использовали их в собственных целях.

Если взгляды «местера Улофа» на политический строй Швеции достаточно консервативны, то его мнения по поводу народов и отношений между ними — новаторские, оригинальные для того времени. Они шли вразрез с господствовавшей официально-патриотической идеологией: ведь высказывания шведских авторов о соседях шведов — датчанах и русских — нередко являлись крайне негативными.

Позиция автора «Шведской хроники» контрастировала с этими суждениями. Следуя принципу объективности, Олаус Петри рисует картину взаимоотношений шведов и датчан. Описывая территориальные споры и связанные с ними конфликты, он в отличие от многих совре-

менников и предшественников достаточно беспристрастен. Взвешенность и объективность присутствует в «Шведской хронике» и при изображении русских.

Рассуждения Олауса Петри о шведах и их исторических соседях интересны как сами по себе, так и в контексте русско-шведской проблематики. Зарубежные специалисты, занимавшиеся изучением образа русских в Швеции раннего Нового времени, — К. Таркиайнен и Л. Тенгстрём, — констатировали, что он носил негативный характер. Между тем «Шведская хроника» — пример того, что отношение шведов XVI в. к соседям-иноземцам не обязательно являлось отрицательным. Нередко восприятие соседей было конструктивно-нейтральным. Многое зависело от личности и позиции автора, от контекста повествования.

В заключение отметим: «Шведская хроника» — яркое, насыщенное идеями произведение. Некоторые из них являлись к моменту создания памятника весьма древними; данные идеи, рассмотренные выше, можно по праву отнести к средневековым. Отдельные же представления — например, о том, что благородным человека делает добродетель — связывать с гуманистической традицией, хотя они присутствовали уже в доренессансной, средневековой культуре. Между «старой», средневековой, и «новой», гуманистической культурами существовала, таким образом, известная преемственность. В этом можно убедиться и на примере хроники Олауса Петри.

Примечательно, что идеи Реформации не играют в «Шведской хронике» первостепенной роли и присутствуют в очень небольшом объеме. Историк Олаус Петри предстает несколько иным автором, чем реформатор Олаус Петри, — более нейтральным и толерантным, широким, почти абстрагировавшимся от конфессиональной полемики.

Приложения

Документы
Вестеросского
риксдага

I.
Вестеросские ордонансы.
Краткая редакция (версия «Регистратуры» Густава I)¹

Ordinantia som giordis j vesteras j herredagen anno Mdxvij tempore johannis baptiste

Biscopana besörgie soknakirkior thå the löse ære doch huar the besörgia them med the clerker som obequemme ære manslagare drinkare eller the som icke kwnna eller vela predica gudz ord kan thå konungen noghon annan bespörgie som beqwemmare ær Haffue wåld driffua then obequemma vthåff och besörgia kirkiona med then som bequem ær

Ther swag gæld ære kan tha tilfelle vara att leggja tw gæld vtj eth må thet vel ske Doch så ath ther med icke niderlægges gudz ord ath thet icke tess myndre predicat varder

Biscopana skola låtha vår nadugista herra få registren på alla theris rentho e huad thet helst ær j affrad tiende peninga smör jærn etc Sedhan skal hans nade settia them före huru mykit the skola giffua honum til Cronones besta

Sammalundha ske och om domkirkiones och Canicanes rentho på thet hans nade må kwnna forslå huad hans del ther åff vardha kan epter handelen som nw her j vesteras giord ær

Vppenbåra scriff settias så her epter som her til dags, och för peningana som tagas j inledningen göres konunge rækenskap

Fför the peninga som plæger böthes för bandzmål göres konunge rækenskap och vare icke biscoppen eller hans embitsmen alth forlæth til ath brucha ban för ringa saker som her til dagx mykit skedt ær

Om gifftermalzsaker hanla biscoppen som ær² huad reth egthaskap ær epter gudz lag eller ey, och om åthskilnad ma skee emellom folk eller ey faller ther nogon saköre ther göres konunge rækenskap före

Brwdhapæningar kirkiogångxpæningar ligstool etc tages epter kirkiobalken och icke ther vthöffuer, Oc borthlegges then seden ath nogot mer tages en kirkiobalken innehåller

Epter handelen inneholler ath konung skal tagha al saköre och icke biscooper må prouestenar her effter resa och fulfylgia samma saker som biscoppar plæga handla och göra konunge rækenskap aff sakören

Doch for helgedags bruth tage inga peninga för thet nogon ærbetar om helgedagar j andtimar och fiskelek ey heller för thet ath han skiuther sig en fogel j skogen, Doch för slagh böthe som vant ær

¹ Текст воспроизведен по: GIR IV, S. 241—243. Сверен с микрофильмом подлинника: Riksregistraturet. Vol. 2. 1525—1529. Fol. 245v—246v. и с публикацией Тегеля.

² Tegel: som weet.

Prester sökie ting oc stempne ep̄ter sin rett både på kirkiones vegna och sina j verldzliga saker som ær om jorda trætto slag, velle köpslagan och böthe konunge så som andre³ Men huar noyer haffuer clagemal til prest j andelig saker, som ær ath han icke redeliga vpholler honum thet prestaembete til hörer som ær ath han icke predicar gudz ord messar döper barn forswmmar soknabudh thet clagas och retthes för biscope

Ther prester eller legman slå huan annan vare icke then ene mer j ban en then andre ep̄ter gudh haffuer så vel forbudit then ena slå som then andra vthan böthe huar för sin sak ep̄ter landzlagen

Effter j sanningene finnes ath tyggemunkar och stätare föra kringom landit mykit bedregerj och lygn ther före skola fogtanar tagha ther vara vppa och haffua agha med them och mvnkanar bliffue icke længer vthe j terminum en j v vekor vijd olsmesso tijd om sommeren och v vekor vijd kymdersmesso tijd om vintheren och tage breff åff fogtenom eller borgemestarenom nær han vthgår och presentera siig honum nær han igen kommer

Munker som rentho haffua gånge inthet vth ath tyggia

Och afflegges then sedhen ath nær prester dör tager biscop̄en hans ægedeler rettha arffwinger til forfonng och giffue icke prester annerlwnda testamente æn ep̄ter lagbokene som andre dandemen

Hender festerman legra sina pige eller lagfesta hustru böthe ther inthet före effter emellan them ær rett egthaskap för gudj och må icke⁴ åthskilias vijd henne offuergiffuer han henne straffas ep̄ter lagen

Jcke skal eller⁵ noget siugkt folk twingas åff prestenar til noget testamente emoth theris frij vilia

Ingen vphålle sacramenthet for nogrom om påska eller annan tijd antigen för gæld eller annat vthan sökie prester och kirkior sin rett på ting oc stempno som för berördt ær

för hor lönskelæge jomfrucrenkning böthes konunge oc icke biscope

J skola stwghor læses ep̄ter thenna dagh Ewangelium j bland andra lectzor ep̄ter thet ær jw cristeliga scolar

biscop̄en vigie ingen til prester vthan then som kan predica för folkit gudz ordh

Prelatwrer Canonier och prebender skulla ey forsedz med myndre konunge bliffuer åthspord eller then hans nade ther til skickandis varder

³ Tegel: såsom andra Män.

⁴ Tegel: och må han icke.

⁵ Tegel: heller.

II.

Вестеросские ордонансы.
 Пространная линчэпингская редакция
 («Список Спегельберга»)⁶

Constitutiones regis Svetie Gostavi contra ecclesiasticam libertatem anno Domini 1527 xxiiij junii facte.

Primo providebunt episcopi parochialibus ecclesiis vacantibus. Si tamen providerint de personis inabilibus, homicidis, ebriosis aut talibus, qui nesciunt aut nolunt predicare verbum Dei, et rex possit explorare abiliorem, habeat extunc auctoritatem ejiciendi et privandi inabilem ac alium intrudendi magis abilem et aptum.

Item prelature, canonie ac prebende non conferantur sine requisitione regis vel illius, quem ad hoc deputaverit.

Item ubi beneficia inveniuntur exilia et occasio fuerit unioni per connexionem duorum, poterit⁷ hoc fieri, dummodo non eo minus fieret predicatio verbi Dei.

Item episcopi assignabunt regie Maiestati registrum omnium suorum reddituum ac obventionum, in quibuscunque consistant, etiam colonario, decimis, pecunia, butiro, ferro etc. Et ex post rex determinabit illis quantum retinebunt ex illis ac regi dabunt pro utilitate corone.

Item similiter fiet de redditibus ecclesiarum cathedralium ac canonicorum, ut sua Maiestas considerare possit, quantum sibi ex illis debeatur juxta hanc constitutionem.

Item publica penitentia imponenda est deinceps, sicut hactenus⁸. Sed pro emenda pecuniaria ex delicto ac introductione provenienti fiat regi racionium.

Item pro pecunia, que consuevit in emendam dari pro incurta excommunicatione, fiat regi racionium. Et caveant episcopi et eorum commissarii, ne sint faciles ad ferendam excommunicationem pro modica causa, prout hactenus pluries actum est.

Item episcopi pertractent, ubi dubitatur de vero matrimonio, juxta divinam legem et an possit intervenire divortium inter personas vel ne. Sed si in

⁶ Текст воспроизведен по публикации в монографии Тунберга; сверен автором (и в отдельных случаях исправлен) по фотокопии подлинника в Государственном архиве Швеции.

⁷ У Тунберга: paterit.

⁸ У Тунберга: hac tenus.

huiusmodi pertractatione intervenerit aliqua emenda jurisdictionalis, de illa fiat ratiocinium regie Maiestati.

Item benedictiones nubentium, funeralia ac oblationes introentium post partum capiantur juxta tytulum ecclesiasticum alias per laicos editum, nec illum transgrediantur.

Item ex quo presens constitucio continet regem recepturum omnem emendam, etiam jurisdictionem ecclesiasticam, et non episcopi, possunt offitiales et prepositi episcoporum suscitare ac prosequi causas ad jurisdictionem episcopalem ut hactenus spectantes, quas episcopi consueverunt pertractare, et facere ex hiis ratiocinium regie Maiestati de emendis.

Item pro violacione dierum solennium nulla recipiatur emenda ab hiis, qui laborant in eisdem in agris vel piscatura aut aucupatione avium. Sed pro vulneratione ac injectione manuum violentarum mutuo solvantur emenda consueta.

Item sacerdotes subsint placitis ac iudicio rusticorum tam in suis causis quam ecclesie, ubi agitur de terris ac possessionibus litigiosis, vulneratione, violentia, contractibus mercancie, et solvant regi pro emenda, quemadmodum alii layci. Sed si quis actionem habet contra clericum, quasi ille non rationabiliter adimplet debitum ecclesiasticum suo offitio congruens, puta quod fuerit negligens predicare verbum Dei, celebrare, baptizare aut ministrare infirmis ecclesiastica sacramenta, desuper fiet querela episcopo.

Item⁹ ex[quo] religiosi mendicantes et alii elemosinarii deprehenduntur in veritate dispergere plures falsas relationes in communitate, mentientes, tenebuntur prefecti contractarum illos castigare et punire ac desuper intendere. Et quod religiosi non circueant terminando ultra quinque ebdomadas in estate circa ad vincula Petri et ad quinque ebdomadas circa purificationis in hyeme. Et huiusmodi terminarii mendicantes recipiant litteras questus a prefectis et oppidorum proconsolibus in suo exitu et reditu, quibus se presentare teneantur. Alii vero religiosi non mendicantes nullo modo exeant questum mendicare.

Item ubicunque sacerdotes et laici inferunt sibi mutuo manus violentas, non erit unus plus altero excommunicatus, ex quo Deus eque bene inhibuerat invasionem unius sicut alterius, sed eorum quilibet solvat emendam suam juxta constituciones laicales ac leges municipales domino regi.

Item abroganda est consuetudo, per quam episcopi, clerico ab intestato decedente, recipiunt partem bonorum per eum relictorum cum prejudicio heredum, nec liceat presbitero testari aliter quam juxta constituciones laicorum ac municipalia regni more aliorum laicorum.

Item si desponsatus condormierit sibi desponsatam per verba de futuro, nichil emendet propter legitimum inter eos contractum matrimonium coram Deo, neque divortetur ab ea.

⁹ Этот и следующий параграфы в шведских публикациях поменяли местами.

Item nullus egrotus compellatur per clericum ad testandum pro anima sua invitus contra suam meram ac liberam voluntatem.

Item nullus sacerdos aliquem laycum suspendat a sacra communione tempore paschali aut alio tempore pro debito aut quacunque alia causa, sed prosequatur presbiter vel ecclesia actionem suam in placito rusticorum coram laicis, ut premittitur.

Item emende solvende pro adulterio simplici, fornicatione et virginum defloratione solvantur deinceps regi et non episcopis.

Item in scolis puerorum expost legatur evangelium inter alias lectiones, cum sint scole christiane.

Item episcopi nullum ordinent ad sacerdotium non scientem predicare verbum Dei.

Item pecunia romskott, alias camere apostolice debita, vulgariter pecunia sancti Petri dicta, non mittatur expost ad urbem Ro[mam], sed rex eam sibi usurpet pro augmento corone.

Item similiter fiat de pensione illa, quam monasteria consueverunt mittere superioribus sui ordinis.

Item episcopi et alii prelati deinceps non mittant aliquid ad urbem Ro[mam] pro eorum confirmatio, sed sufficit quod assumantur ad hoc de consensu regis, quod deinceps observandum erit.

Item omnia predia¹⁰ et possessiones hactenus ecclesiis cathedralibus, monasteriis, ecclesiis parochialibus vel prebendis collata, recipiantur per militiam illius generationis, unde ecclesiis provenerant. Et si quid ultra hoc residuum fuerit, conferatur per regem cuicunque voluerit in feudum pro sue libito voluntatis.

Item bona immobilia, ecclesiis vendita vel inpignerata, redimantur ab ecclesiis et monasteriis, et defalcetur tantum in summa capitali quantum ex ipsis terris provenerat.

Item pro emendatione corone debent ipsi episcopi, ecclesie cathedrales et canonici dare domino regi unam summam, secundum quam poterint cum sua Maiestate concordare.

Conclusiones quas voluit rex defendi in sua ac communitatis presentia.

1 conclusio. Papa cum suis falsis indulgentiis dolose exactionauerat communitatem sua pecunia.

2 conclusio. Episcopi deseruerunt eorum verum offitium et cum eorum adherentibus eleuauerunt se pro dominis.

3 conclusio. Nullus homo potest condere aliquam legem secundum quam anima nostra se possit aut novit regulare.

¹⁰ У Тунберга: prædia; в подлиннике же соблюдена характерная средневековая орфография.

III.

Вестеросские ордонансы.

Пространная латинская редакция Петруса Бенедикти («список Поссевино»)¹¹

Constitutiones Sueticæ in publicis comitijs regnorum Sueciæ et Gothiæ factæ anno Domini Millesimo quingentesimo vigesimo septimo circa Dominicam Trinitatis in ciuitate Arosiensi per Gostauum eorundem Regnorum Regem et eius proceres ad subuertendam in illis terris omnem catholicæ ecclesiæ et Sanctæ Sedis Apostolicæ auctoritatem.

Episcopi prouideant Ecclesijs parochialibus dum uacauerint. Verumtamen ubi id fiat per inhabiles personas, puta homicidas, ebriosos <...> et ignorantes, seu nolentes prædicare uerbum Dei, si tunc Rex habilio rem inuenerit, poterit ipse irritare factum Episcopi, et prouidere Ecclesiæ de habili. Prælaturæ, canonicatus, præbendæ et simplias¹² non dentur, seu conferantur sine regis consensu.

Episcopi consignent Regi vnum indubitatum Regestum super omnibus quibuscunq[ue] eorum redditibus. Postea ipse eis præscribet, quantum pro eorum sustentatione¹³ retineatur, et quantum Regi ex eis tribuetur.

Similiter fiat de redditibus Ecclesiarum cathedralium et canonicatum, vt Rex intelligat, quantum sibi inde prouenire poterit.

Publica poenitentia anno¹⁴ solito iniungentur peccantibus, sed Regi soluantur emenda pecuniaria ind[e] proueniri solita.

Similiter fiat de emendis solui solitis per excommunicationem. Et nemo excommunicetur, nisi qui alio modo se uoluerit emendare.

In causis matrimonialibus tractetur per Episcopos, videlicet. An sit uerum matrimonium, an non, iu[xta] legem Diuinam et si diuortium potest fieri an non, omniusq[ue] emenda pecuniaria, si qua inde uenerit, soluatur regi.

Quia graue est subesse duplici dominio scilicet spirituali et temporali, capiat amodo in pos[terum] Rex omnem iurisdictionem, et Episcopus nullam. Et ideo

¹¹ Текст воспроизводится по подлиннику: UUB К 23. Для сверки выбрана позднейшая публикация в монографии Тунберга.

¹² Так в тексте. У Тунберга: et simplices (букв.: «и простые»), но такое толкование не только не соответствует подлиннику, но и не дает смысла. В действительности, неудобоваримый вариант подлинника — несомненный результат описки. В исходном документе должно было присутствовать что-нибудь вроде «et similes» («и тому подобные [вакансии]»). Ср. обнаруженный нами шведский перевод XVII в.: “Prosterij, Canickedöme, Prebender och andre sådanne schole inthet giffwas...” // UUB, Nord. Saml., 160, F. 44.

¹³ Так в подлиннике. У Тунберга неточно: sustantatione.

¹⁴ Ошибка переписчика. Следовало: modo.

poterunt præpositi rurales, siue illi quibus Rex id commiserit se intromittere de causis episcopalibus, et reddere Regi earum emendas. et [nec — ?] inde capiatur pro uiolatione festorum, si laboretur in agricultura, et eundo piscatum. Nec si quis sagittando ceperit auem in siluis <...> nisi per hoc negligatur audit[io] prædicationis, aut alterius cultus Diuini. verumtamen pro lesionibus aut uulnerationibus¹⁵ soluatur Regi, et non Episcopo, iuxta consuetum.

Ex quo sacerdotes nimium fidunt in illa immunitate, quod qui eos leserit, incurrat excommunicationem ipse facto, censeatur posthac secularis non magis excommunicatus, dum leserit sacerdotem quam e converso, dum sacerdos leserit sæcularem¹⁶, eo quod Dominus æqualiter et uniuersaliter prohibuerit omnibus, alterum ledere, sed soluat uterque iuxta leges patriæ.

Monachi ordinis mendicantium non exeant ad mendicandum, nisi in præfixo tempore anni, uidelicet usque ad quinque hebdomadas in æstate circa finem Augusti, et quinque in hyeme tempore purificationis, nec habeant domos, aut propria supellectilem in rure, et desuper intendant Regii præfecti. Et debent fratres mendicantes recipere litteras a præfectis regis, seu burgimastris in eorum exitu, secundum quas Regii præfecti rurales agant cum eis. Monachi uero habentes redditus non mendicent.

Ex quo inter sponsum et sponsam corruptam seu uirginem est uerum matrimonium coram Deo¹⁷ nec poterunt separari, si concumbant ante benedictionem solemnem, nihil soluant, verumtamen si eam repudiauerit, procedatur contra eas iuxta leges patriæ, prout contra eum qui legitimam uxorem dimisit.

Denarius Petri non mittatur Romam, sed recipiatur a Rege pro Regni utilitate. similiter fiat de pecunijs solitis emitti de monasterijs eorum superioribus.

Episcopi et alij Prælati nihil amodo mittant in posterum ad Romam pro eorum confirmatione, sed sufficit, quod assumantur per consensum Regis, et hoc semper posthac fieri debet.

Pro adulterio, fornicatione, aut stupro soluatur Regi, et non Episcopo. Episcopi neminem ordinent sacerdotem, nisi qui idoneus sit prædicare uerbum Dei, et legaliter exequatur officium sacerdotale.

Item omnia prædia donata Ecclesijs, aut Monasterijs, ecclesijs ruralibus, præbendis etc. recipiat¹⁸ ordo militaris suo jure hæreditario, et quod superest, conferat Rex, cui magis placet.

Item prædia uendita, seu impignorata Ecclesijs, seu monasterijs, redimantur, et defalcetur de fructibus perceptis.

¹⁵ Это слово вписано по-видимому той же рукой, но другими чернилами; изначально в тексте, таким образом, была лакуна.

¹⁶ У Тунберга: *secularem*.

¹⁷ Исправление в тексте. Вместо заключительной части слова *coram* было что-то другое; вместо *Deo* — возможно, *Deum*.

¹⁸ В рукописи было начато: *recipian[tur]*, исправлено на *recipiat*.

Item pro melioratione coronæ teneantur Episcopi, Canonici et Ecclesiæ cathedrales dare Regi vnam summam, de qua per eum fuerit cum eis concordatum.

Et ego Petrus benedicti clericus diocesis Lincopensis, Apostolica auctoritate notarius præmissos decem et octo articulos a Gostauo Suecorum Gottorumque Rege, et a Proceribus eius Anno Domini M.D.xxvij intra octavas S. Joannis Baptistæ, in ciuitate Vastenensi¹⁹ Regni Sueciæ decretvs, et per totum eius Principatum uulgari sermone postmodum publicatus, in linguam latinam ad præceptum Reverendissimi Domini mei Joannis Magni, Gothi, archiepiscopi Vpsalensis fideli interpretatione conuerti, signumque et nomen meum prout moris est, adhibere curauj.

IV.

Вестеросские Ордонансы. Пространная шведская редакция («Список Боргезе»)²⁰

Konung Göstafzz ordinantia som giordis²¹ i Wästrårs²² Anno Dominj²³ 1527 tempore Joannis Baptistae.

Bisperne besörija sochnene tåå the ähra lösa, doch huar²⁴ the besörija them medh kleriker som obequemda ähra manslagare, drinkare eller the icke kunna eller willija föra Gudz ord, kann tåå konungen någon annan besörija som bekuemare, hafwi²⁵ wåld till att fördrifwa thenn obequemda utaf och sörija kjrkiann medh thenn som bekwämare ähr.

¹⁹ Т.е. в городе Вадстене. Следовало: in ciuitate Arosiensi — в городе Вестеросе. Возможно, ошибка вызвана тем, что в подлиннике, с которого сделан список, название города стояло не в латинской, а в шведской транскрипции, которая была неточно прочтена переписчиком.

²⁰ Текст впервые полностью опубликован в монографии автора: *Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг...* С. 192—195. Воспроизводится по негативной фотоконии, хранящейся в Государственном архиве Швеции. Параграфы, процитированные в статье С. Чёллерстрёма (см. ниже) сверены с транскрипциями этого автора.

²¹ В цитате Чёллерстрёма — giordes, но в тексте спорная буква больше похожа на “i”.

²² В цитате Чёллерстрёма — Wästerårs.

²³ В цитате Чёллерстрёма — Domini. Далее подобные орфографические разночтения оговариваются лишь в наиболее принципиальных случаях.

²⁴ В тексте изначально стояло какое-то слово, исправленное (ошибочно — ?) на другое, по-видимому, на “icke” («не»). Это последнее слово в свою очередь частично замазано и исправлено на “huar” (здесь: «если», «когда»). Таким образом эта часть текста после правки стала соответствовать аналогичному фрагменту текста “Регистратуры”.

²⁵ У Чёллерстрёма — hafwe.

Prelaturer canonier prebender skulla icke förses medh mindre enn konungen blifwer åtspörder eller thenn som hanns Nådh tillskikkandes warder.

Thär swagh gäll ähr kann tåå tillfålle wara att²⁶ læggia tw gäll udi et måå thådth wål skee doch såå att thär medh icke nederlegges gudz ord att tåå²⁷ icke thes mindre fordradt warder.

Biskoppar skulla låta fåå wår Nådigsta herre register påå alles ränta ehwadth thådth hälst ähr afradt tijende pänningar smör jern Seddan skall hans Nådh sättija them före hwadh the skulle haffwa thär af och hwru mykkidt the honnom giffwa skulla till Cronones besta.

Sammaledes skee och domkyrkiones och canikernes ränta påå thådth hans Nådh kunde förslåå hwadh hans deel thär af warda kann eftär handelen nw här i Wästärårs giord ähr.

Wppenbara skrift sætta så wål här eftär som här till dagz, och pänningerna som tagas för inledningen göras konungen räkenskap.

För the pänningar som plägär bötas för Båntzmål göras konungen räkenskaap. och ware icke biskoppen²⁸ eller theras ämbåtmån förlåtidt till att bruka bånd för ringa saak som här till dagz mykkidt skeett ähr.

Om gifftårmåls saaker handla biskoparna som ähr hwadh rätt åktenskap ähr eftär gudz lagh eller eij, faller thär någån saakörer thär göras konungens räkenskap utaf.

Brude pänningar, lijkstol, kyrkgåns pänningar tage eftär kyrke balken och icke thär vthöfwer och bort lægijas thenn seden att någen meer tager ähnn kyrkbalken innehaller.

Efter hanndlingen inne haller att kongen skall taga alla saakörer och icke biskopen må²⁹ prosten här eftär resa och fullföllija samma saak som bisperna pläga handla och göra kongen räkenskap om saakerna

Doch för helije dagars brått tages inga peningar för thedh någån arbetar om heliedågarnar ander, fiskeleek eij eller för thedh mann skiuter sikh een fogel i skogen, doch för slagh böter mann som wandt ähr.

Præster sökia ting och stemna efter sinn rätt både på kyrkiones wågna och sina saaker som ahr omm jorda träta slagh welle köpslagan och böta kongen som andra mann³⁰. Menn hwar någår³¹ hafwer klagemål till prester i andeliga saaker som ähr att hann icke redeliga vppehåller honnom thedh præste embete tillhörer, som ähr om han icke prediker Gudz ord Meszar, döper barnn, försummar sokna budh thedh klagas och rättas för biskopen.

²⁶ Это слово явно изначально пропущено и вставлено позднее.

²⁷ Это слово могло быть опиской — вместо thedh, «оно».

²⁸ Далее зачеркнуто: förlåtidt.

²⁹ На это слово исправлено: må.

³⁰ Последнее слово вставлено сверху.

³¹ В рукописи описка: последние два слова повторены дважды.

Eftär i sanningen finnes att tigge munkar och <...> föra kring om landett mijkidt bedregerij och lögn therföre skulla fogterna taga wara thär upå och hafwa aga medh them och munkarna blifwa icke lengre uthe i thermin ään i fem wikor widh korssmesse tidh om Januarii³² och fem wikor vnder kijnn-derssmesso om winteren och taga bref af fogten eller bormesternom när han uthgår och presentera sigh honom när hann inkommer.

Thär präster eller lechmenn³³ slåå hwar annan ware icke mere thenn ene i band enn then andra, för gudh haffuer så wäl förbudidt thenn eena somm thann andra vthan hwar böte för sin³⁴ saak eftär landz lagh.

Munkar som ränta hafwa gonge icke vth och tiggija.

Ithem afläggias thenn seden att när präster dör tager biskoper hans egodelar, rätta arfwinge till förfång och giffwe icke prester annorlunda testamentt ähnn efter lagboken som andra dande menn.

Hender fester mann liggia när sin lagh gifta hustru eller piga [böthe] thär inthedh förr efter emellann them ähr rätt Ektenskap för gudi och icke äthskillijas widh henne, öffergifwer hann hene strafas³⁵ efter lagen.

Ithem icke skall någån siukt folk twinga[s] af prästerne till någodt testamente moth theras frij willija.

Ithem ingen skall uphålla sakramentet för någån om påska eller annan tidh antigen för gell eller någäntt uthan sökia prester och kyrkyor sinn rett på ting och stemna som för berördt ähr

Ithem för hoor lönnzkleger jungfrukrenkning bötas kongen och icke biskopen

Ithem i skolstufur läsass eftär thenna dagh ewangelium bland andra lexor, efter thedh ähr nw Christna skolor

Biskoparna wije ingen till prest uthan then som kan³⁶ predika för fölkedt Gudz ord.

Romskott eller sancte peders penning sendes icke lengre till Room vthann tagedt kongen till rijksentz besta.

Sammaledes the penningar som plägar sendas vthann lantz af klöstrom till theras öfwerstom.

Bisper och andra prälater sende intheth här eftär till Room efter theres confirmation vthann är nogh, att thee annames ther till medh kongens samptjike, thädh här eftär alltidh³⁷ skee skall.

³² Несомненная ошибка переписчика. Следовало: om sommaren («летом»).

³³ На это слово исправлено, по-видимому, то же существительное, но в другой орфографии.

³⁴ Исправление. Изначально было: sigh (далее какое-то замазанное слово).

³⁵ Далее замазанное слово, по-видимому: han.

³⁶ Перед этим зачеркнуто: sk... — очевидно, skall.

³⁷ Вставлено вверху строки.

Ithem all thedh godz gifwidt ähr till kyrkior och klöster lantz kirkior och prebendor anname³⁸ riddarskapedt sin börd igen för klöster och kyrkior och sloss af sumone såå mijkkidt som godzen³⁹ homo⁴⁰ ränta.

Ithem till Cronones förbättring skulla bijskopnar munkar och domkyrki-
or gifwa vår nådige herre eena suma som thee kunna medh hans nådh öfwer
eens wara.

Påwen medh sitt falska hafwer bedrägäliga beskattadt them menige mann
sina pänningar aff. Biskoperna hafwa öffergifitt sitt rätta embete, och häffue
widt sigh vpför thenna tve conclusiones förswaradt konung göstaf in presen-
tia communitatis såå att catholici wordo inthedh hörda sed Dominus Lin-
kopensis captivatus propter resistantiam

Ingen menskija prester medh theras anfang kann sättia oss the lagh före
thär war siel skall rätta sigh efftarh⁴¹.

V.

Вестеросские ордонансы. Шведский перевод с латыни (XVII в.)⁴²

Swenske stadgar uthi Swerige gjorde Anno 1527 på helge Trefaldigheetz
söndagh i Westerås af konungh Gustaf och hans Rijks Rådih, till at förtryck-

³⁸ В цитате Чёллерстрёма: annames.

³⁹ Вставлено вверх строки.

⁴⁰ Бессмысленное в данном контексте слово. Следовало: hufwud.

⁴¹ Данное дополнение к тексту Ордонансов является пересказом (на ранненошведском языке) богословских тезисов, обсуждавшихся на риксдаге (см. выше). В тексте — неточность, обусловленная ошибкой переписчика: слово *prester* (священник), неудобоваримое в данном контексте, по-видимому явилось результатом неверного прочтения латинского глагола “*potest*” («может»). Таким образом, по крайней мере богословские тезисы изначально существовали в латинской, а не в шведской редакции.

Интересно вставленное в текст добавление к тезисам (на смеси латинского и шведского языков): диспут был проведен таким образом, что «католики не были услышаны»; епископ Браск был взят под стражу за сопротивление. Это, несомненно, ценное дополнение к сведениям о том, что творилось в ходе риксдаговских дебатов.

⁴² UUB N 160: Nordinska Samlingen. Historica Suecana. Historia Regum. Gustavus I^{mus}. F. 39—45. Текст воспроизводится по второму (более качественному) из списков: F. 44—45. Впервые опубликован в монографии автора: Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг... С. 195—197.

ie och utrota i the Landzänndar then Catholiske Kyrkiones och Apostolishe Stols myndigheet.

Bisperne skole försee Sochnekyrkiorinna när de löse äre, doch likwell huar thet skeer genom oskicklige Personer, nempligen, dråpare, drinkare och oförståndige, eller dem som icke willia predika Gudz ordh. Om thå konungen een skickeligare finner, kan han rygga och till inthet göre thet Bispen ordineret haffuer, och försee Kyrkiønn medh een skickeligare.

Prosterij, Canickedöme, Prebender och andre sådanne schole inthet giffwas eller Utdeeles, Uthan Konungens samptyckie.

Bisperna skole giffue Konungen ett wist Register öffuer alle deres Inkomster ehuar the ware kunne. Seden skall han dem förskrifue huru myket för deres uppehålle behollas skall, och huru myket Konungen der af skall gifuas.

Sammaledes skall thet skee om domkyrkiornes inkomst och canikernnes, på thet Konungen kan förstå, huru myket han ther af kan sikh tillägne

Uppenbara penitenz och syndaboot såsom skee pläger, skall påläggias the som Synda, Menn Pänninga booten skall betalas konungenom såsom ther af plägar gifuas.

Sammalunda skall thet skee med then boot såsom betalas pläger för Banlysande, och ingen skall banlysas, uthan han sikh i annor måtte will förbättre.

Uthi echteskaps saaker skall thet handlas genom Bispernar nämplig om thet är ett wist Echtenskap eller icke, effter Gudz Lagh, och om the skole kunna åthskillias eller icke, och alle Peninga boot then ther af komma kan skall betalas Konungenom.

Effter thet swårt är att wara undergiffuen tuägga herradöme, Nämlige, thet Andelige och Wärldzlige, skall nu här effter Konungen annamma all Jurisdiction och Bispen alzingenn. Och therföre skole Bonde Prästernne eller the såsom Konungen thet befaler sikh kunna ingiffua uthi Bispe saakerne, och giffue konungen theres boot.

Skall thet och böthas för helgedagarnas ohälgelse, om man medh⁴³ skitande tager foglar i skogen, så framptt ther igenom icke förssummas Gudz ordz hörande, eller annor Gudz tjänst, Doch likuell för hugg och skade skall betalas Konungenom och icke bisperne såsom sedwane ähr.

Effter thet Prästernna alt förmyket drista sikh på sine frijheeter at then såsom them skadar, ther uthinnan faller uthi banlysning, skall här effter then Wärldzlige icke mehr hollas för banlyst, när han skadar Prästen, än såsom twert emot att Präster skadar then Wärldzlige, effter thet wår herre Uthi lijka måtto och gemeenligen hafwer förbudit allom androm skada, Uthan böte både effter wårt fäderneslandz rätt.

⁴³ В рукописи описка: часть фразы по ошибке продублирована.

Munkar af the ordningar såsom tiggia, skole icke begiffue sigh uth till at tiggia, uthan i föresatt Åhrsens tijdh, Nemligen till fem Wekur om Sommeren, wedh ändan på Augusti Månadt, och fem om Winteren S. Marie Kyrkegåns tijdh, och skole the icke hafue någon Huus eller någon egen boohagh på Bygdenn, Och ther opå skole Konungernes fougter gifua acht. Och skole tiggiebröderna annamma brief af fougternne eller Borgmesternna i theres Utgångh, effter hwilke Landz männen sig skole rätte, och med them handla, Men the Munkar såsom haffue inkomsten skole inthet tiggia.

Sådan såsom Bruden af Brudgummen är förkränkt är ett wist Echteskap för Gudhi, och icke kunna åthskillias, om the liggia hoos huar annan för Uppenbara Wyelsses dagan, skola the inthet b[ota]⁴⁴ Doch likuell om han hånne föriager, skall thet handlas emot them efte[r] vårt fädernes landzrätt, Såsom emot then hwilken sin ächte Hustru fördriffuer.

S. Peders penningh skall inthet sändas till Room, Uthan skall annammes af Konungen till Rijkzens nytte. Sammalunde skall thet skee medh the Penningar som pläge sändas Uthi Clostrenne, till deres förmyndare och öffwerheet.

Bispermna och andre Prelater skole inthet sende till Rom här effter om deres Stadfästelsse, Uthan thet är nog at annammes medh konungens samtyckie, och thette skall altijdh här effter skee.

För Boolerij, Hoor och Jungfru kränkiande, skall böthas Konungenom och icke Bispenn. Bispermna skole ingen göre till Präst Uthan han finnes bequemdh till at Predica Gudz ordh, och Lagligen förestår Präste ämbetet.

Ithem alle galler och Hemman föriakade till doomkyrkionne Clöster, Bonndekyrkior och Prebänder, skall Ridderskapett medh sin Arffzrätt igen taga. Om thet såsom öffuerblifuer skall Konungen gifue, then honom hälst tänkes.

Ithem sålde Godz eller till Kyrkiornne Pantsatte eller Closterne skole igen lösas, och the opkompne frijheeter förminskas.

Ithem för Cronones förbättring skole Bispermne, domherrer och domkyrkior plichtige ware, att gifue Konungen een Summa, om huilken af honom medh them kan warda öffuer eens kommitt⁴⁵.

⁴⁴ Конец слова нечитаем (повреждена бумага).

⁴⁵ На обороте последнего листа помета на латыни: Constitutiones Gostaviane Arosiae factae.

VI.

Письмо риксрода жителям Швеции о постановлении Вестеросского риксдага 1527 г.⁴⁶

Rikisens radz breff til then meneman

Wij epterscriffne Johan med gudz nade greffue til högen brockenhusen etc höffuisman på viborgx slott Ture Jönson riddare vår nadigiste herris hoffmestare lars siggason marsk holger karson riddare axel påsse michel nilson lagman nilss olson på skofftaby Jffwar flæming axel anderson knwt anderson Nilss clauson tord bonde per hanson biörn clauson per ærlandson Sue- rigis rikis råd helse eder alla dandemen som byggia och bo vtj N kerliga med Gud: kære wenner giffue wij eder til kenne ath wij nw her forsamblade våre j vesteras med högmectig första vår .k. n. h. och med menige frelsit köpstadzmen bergxmen eders och alle landzenders fulmectigom, til ath sanfelth of- fueruæga om rikisens och alles thess inbyggiaris longliga bistånd beclagade samma vår nådigista herre för oss huruledis h. n. påfört var mange stadz j rikit ath han skwlle latha her indraga ena nya tro, ther före ath han lather predica gudz ordh och thet helga Ewangelium och huruledis vppe j Dalarna var en skalka hop som sig vpkastad haffde emot h. n. åther nw som ther förre eth år sedhan skedde med her pæder Cancellor och mester knwt, för huilka och manga andra dråpeliga saker hans nade var til sinnes ath offuergiffua rikisens regimente effter h. n. fornamp sådan ostadughet j landit, och wiste sig aldrig tryghet och rolighet vthan skulle altid venthe sig slige vendingar j rikit, thess inbyggia vthan twækan tijl fördörff thet h. n. nödogt såge att ske skulle effter han thet åff gudz tilhjelp hade kommit vtj rolighet igen vtthur k.[onung] C.[hristierns] hender, Huilke h. n. clagemål wij lagde på hiertadt och bespordom oss granneligan om for:ne ryckte med then nye tron och hördom tesligs tæris predican och disputacie som samma nya tro sagdes predica, och fwnnom doch j sanningen thet ryckte oredelige fört vara, och ath the icke predica annath en rena gudz ordh och then tro som the gode helge fæder her j rikit predicade nær christendomen hær först inkom som oss hoppes thenne dandemen eder senningebud eder vel vnderuisa skole hwarföre loffuade wij H. n. på alles våres eders och then menemandz vegne som heme våre ath affstillå sådant rykte och hielpa til ath straffua them som thet föra, Och vårom begærandis ath clara gudz ord motte bliiffua predicat kringom alth rikit Sammeledis loffuade wij h. n. på våra och alles eders vegne hielpa til ath

⁴⁶ Текст воспроизведен по публикации: GIR IV S. 252—256 и сверен с подлинником по микрофильму в Госархиве Швеции: Riksregistraturet. Vol. 1. 1523—1529. F. 27—28v.

åffueria och straffa med lifff och magt them som nogot obestånd stempla vela emott h. n. ee huad thet ær j Dalarna eller annerstadz ath h. n. vel skal nest gudz hielp ingen otryghet haffua på then motte, effter huilken vår lyffte h. n. för alles våre bön skyld bleff quar wijd regimentit och wil så her effther som her til dagx vetha rikisens och alles våres besta som gudh giffuer honom naden til huilkit wij eder dandemen allom giffue til kenne inthet twifflandis atj jw bliffua ther wijd på eder sido som åff oss och then meneman her vthloffuad ær Thernest ibland anner rikisens ærande öffueruoge wij hure rikit och thess inbyggjare haffua j fortiden offtha varith j stort obestånd, örlig skadha och fördörff, och som oftast ther vthåff ath biscopena och kyrkienes formen haffua varit formegtige, konungenom j rikit til stor skada och haffua dagliga her til dagx slagit vpunder sig, sommt med skinande och sielfdictade gudz thiænist then gudh aldrich budit haffuer, och somt elligis med theris listh oc ondha fwnder så ath Cronan ridderskapit och then meneman ther med haffua mykit til agthers kommit och manga stycker vpkommit som oskælig och then meneman odragelige ære Therföre haffue wij så alle med for:ne vår nådigista herra öffuer ens varit och endrectelig samfelth oss, ath effter Cronones renthe ær j for:ne och mange andre motte forsuagat ath forne vår .k. n. herre skal settia alla biscoper före med hure manga hester han them wijl haffua ridhandis, och ther epter skola the lydha, huad sedhan offuer ær j theris rentho thet tage konunge och tesligis theris slott besynnerliga til thess Cronnes slott vpbygd varda med huilkom konungen och rikit bliffuer vthan for:de fara aff biscoper och then meneman må lisa ath konungen icke skal så offtha behöffua hielp vthåff them som her til dagx skedt ær Sammalwnda skal och skee med domkyrkernes och Canicharnes rentha thå öffuerlagt ær hure mykit the effter redelighet behöffua til theris vphelle, Och effter clostren som åff landgodz liffua haffua vtj en long tijd haft eth klenth regimete åff ondha förståndare husen niderfallen och godzen lagd ödhe skal vår nådigista herre haffua fulla magt her effter öffuer samma closter, och insettia ther en god man som them före stånda skal latha closterfålkith fonga sijt redeliga vphelle ath gudz thiænist icke bliffuer niderlagd huad öffuer kan vara tage hans nade Crononne til hielp, Huad godz eller jord vnder kyrken kommit ær sedhan konung karls reffst stod gonga til bacha e huad thet ær skatt eller frelse och effter then meneman ær twngt vara vnder tw herskap haffue wij samtygt ath the som saka varda antingen med helgedagx brwth eller andra saker böthe effter thenna dagh konunge och icke biscope, och ingen progest eller prest haffue mact til ath vpholla våris herris lekamen för nogon som sig åff gudelighet beretta vil huarken för gæld eller andra slige saker vthan sökie prester och kyrkiennes förståndare ting och stemning effter theris rett så the som andre effter landzlag Skal ey her epter biscopen eller prester så lleteliga för ringa saker banlysa fatiga men som förre skeedt ær effter theris egiet sinne emot gudz lagh, ey heller vthgiffuas ligstol Hwuedtiende brudapæningar

påska altare och annad sådant, mera æn som kyrkiobalken vthuisar, vthan prester liffua vthåff sith prestabord tiende och offer Doch skal ingen thenna vår nådigista herris och vår skickelse vende oss til onde så formerkiandis som h. n. eller wij ville åffleggia ath inge biscooper skulle vara, vthan wij vele vel ath the skola vara Doch icke så megtige ath konungar eller rikit ingen fara skal haffua vthåff them The kwnna tesbætther skötha gudz ordh och see til ath ther om retteliga til går j theris stikt som theris embete tilseger ath the icke haffua brythes med manga hoffmen hwilkit en stor parth vthåff them och så bekent haffua och haffua thet så med vår nådigista herra och oss samtygt och beleffued, ey heller ær vår mening ath man kyrkioherrar forleggia vil ther med ath theris rentha bliffuer moderered och forminskad effter lagbochen ty huad them åffminskas j the motte skal them åther så mykit komma til lisa igen j ty ath biscopana icke skola effter thenne dag gesta them med så manga som her til dagx skedt ær, haffuer och vår nadigista herre loffuad tilsegia sina thiaenare ath tij j fodringen skola them skona thet besta the kwnna Och wil altid vara them til godho och beskerm så framt the ære h. n. hulle och tro huilkit wij eder dandemen alla giffua til kenna athj her åff mågen forstå atj haffuen en gunstelig herra som alles eders besta vil vetha Eder gudh befalendis etc

VII.

Письмо риксрода жителям Швеции о постановлениях Вестеросского риксдага 1527 г. (список из книги копий Эрика Спарре)⁴⁷

Wij effterschrefne Johan medh Gudz nådhe Greffwe till Höyen och Bråknhusen höffwidzman på Wijborg, Ture Jönson⁴⁸ Riddare, vår käreste nadigste Heres hoffmästare Lars Siggesson, Marsch, Holger Cärlson Riddare Michel Nilson, Axel Posse Nilss Olson på Skäfte by Iffwar flemming Axel Anderson Nilss Clawson, Tord Bonde, Peder Hanson, Biörn Claeson, Peder Erlandson, Hindrick Erlandson Sweriges Rijkes RådH Hälsa eder alla oss Elselighe frijborne Frälsemän Köpstadzmän Bergzmän och menighe almoge der byggie och boo i Närike och Rekarne kärligen medh Gudh Käre wänner wij giffwe eder tillkanna att wij nu her församblade woro uthi Wästeråhs medh

⁴⁷ Текст транскрибирован по книге копий Эрика Спарре (RA B8). Впервые опубликован в монографии автора: *Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг...* С. 200—203.

⁴⁸ В рукописи неточно: Jöenson.

högborne furste wår käreste Nådigste herre och menige Frälsett Köpstadz-män Bergzmän eders och alle Landzens fullmyndigom till att samfelt öfferwäga och⁴⁹ Rijkzsens och alla thes inbyggiares bestånd beklagade samma wår nådigste herre för oss huruledes H.N. påført war mångestädes i Rijket, att han skulle låtha indraga hijt i Rijket een nyan Lärdom Derföre att han låter predika Gudz ordh reent och Hg. Ewangelium och huruledes war Uppe i dalarne een skalka hoop som sigh upkastad hade emot H.N. åter nu som för tw åhr sedan skedde, medh her Peder Cantzler och Mr. Knut för huilka och många andra dräpelighe Saker H.N. war tilsinnes att öffwergiffwa Rijkzsens regemente Effter H.N. förnam sådana ostadigheet i Landet och wijste sigh aldrigh tryggheet eller rooligheet utan wänte sigh slijka wärringar i Rijket thes inbyggiare uthan tuikan till förderff, thet H.N. nödigt såghe, att så skee skulle effter thet han af Gudz tillhjälp hadhe kommet thed i rooligheet igen uthur Konung Christierns hender, Huilka H. Nådes klagamål wij låde på hiertatt och bespordom oss granneliga om förbenämbde rychte, om thennye lardom, och hördom theslijkest theras ordh och predikan, och funnom doch i sanning thet rychtet oredelighen fördt wara, och at the ey annat predikade, ähn reena Gudz ord, och then troo som the godhe helighe fäder her i Rijket predikade tå Christendomen först inkom som oss förhoppas at thenne danemän idre sennebudh eder wäl underwijst skole Huarföre loffwade wij H.N. på alles wåres Eders och then menige mans wägnar som her woro att afställa sådana rychte och hiälpa till att straffa them som obestånd stämpla wela emot Hans Nåde och slijcht rychte föra, och worom begärandes att klara Gudz ordh måtte kring om alt rijkedt bliffwa predikat och hållas godha gambla Christelighe Sedwanior Sammalunda loffwade wij H.N. på wåre och alles edres wägna hiälpa till afstyra medh Lijff och macht them som obestånd stämpla och upröre wele emot Hans Nåde Ehwar thet är i Dalarne eller annorstades, att H. Nåde wäl skal näst Gudz hiälp ingen otryggheet haffwa i then måtta effter hwilka wåre lyfte H.N. för alles wår böön skul blef åter wid Regimentett och will så hereffter som her till dagz weta Rijkzsens och alleswåres bästa, som Gudh giffwe honom nådhen till, huilket wij eder danemen alle giffwa tilkänna, inthet twiflndes att i iiw bliffwe widh på eder sidho thet som aff oss och then menighe man her uthloffwadt är.

Dhernast jbland andra Rijkzsens wårdnader ährender offerwogo wij hurw Rijket och thes Inbyggiare haffwa waridt ofta i förtijden i obestånd, örligh skada och förderff, och som oftast therutaf, att Biskopar och kyrkiones förmän haffwa warit för mächtige konungenom [och] Rijket till stor fahra och haffwe her tilldagz dagheligen slagit in under sigh, sampt medh skjinnande dichtat Gudztjänst, den Gudh aldrig budit haffwer, och sompt elliest medh

⁴⁹ Описка. Следовало: от.

theras list och onde funder Så at Cronan Ridderskapet och menige [almoge] thermedh haffwa myckit till achters kommet och många stycker upkommet som oskäligen och then menige man odrageligh äre påkomne Therföre äre wij medh wår nådigste herre öffwereens wordne och eendrechtelighen samtycht oss Att effter Cronones ränta är i förbenämbde och andra måtto förswagadt att förbenambde wår nådigste herre skulle sättia alla Bisper före medh huru många hästar han will haffwa theras Ridande, och thereffter skole the rijdha. Huadh sådan öffwer theras Ränta är thet tage konungen thesslijkest Sweriges slott Besynnerlighen till tess Cronones slott upbygde blifwe, medh huilka konungar i Rijket bliffwe uthan föreshrefne fahra af Biskopar af huilka och then menige man må lijsas att konungen icke skal så offta behoffwa hielpa them som her till dagz skeedt är Sammalunda skall thet och skee medh doomkyrkiones och Canikernes ränta, tå öffwerlagt ar hurru myckit the effter theras redheligheet behöffwa till theras uppehålle.

Och effter klöstren som af landgodz haffwe haft sitt uppehålle i lång tijdh haffwe haft ett kleent regemante och onda föreståndare therigenom husen äre nederfalne och godzen ödeliggir Så skal wår nådigste herre haffwa full macht hereffter utöffwer samma klöster, att insättia der een godh riddersman som thet förstånda skal, låtha klösterfolket få sitt eedeligha⁵⁰ uppehålle, att Gudz tiensten icke bliffwer niderlagd huad öffwer kan wara taghe H.N. Crönan till hiehp, huadh godz eller jordh under kyrkior kombne äre sådan konung Carls Räfst stodh gånga tillbaka huad thet är skatt eller frälse Och effter menighe man är tungt wara under twenne herskap, haffwe wij samtycht, at the som sakne warde antingen medh helge dagz brutt eller andre sakörer, tå böte alena konungen och icke biskopen, och ingen Präst eller Prost haffwe macht uppehålla wårs herress lekamen för någhon som sikh aff gudeligheet berättia will huaske för gäld eller andra slijka saker. Uthan sökie Proste och kyrkiones föreståndare ting och stambna effter theras rätt, så the som andra effter Landzen Lagh. Skal och icke Biskoper eller Prester så lättelighen och för så ringa saker baanlijse fattige män som skeedt är effter theras eget sinne emot Gudz Lagh Icke heller utgiffwes lijkstool, brudepänning, kyrkiegångzpänning, Påske altare eller annadt sådant mehr ähn som kyrriealken uthwijser, Uthan leffwe aff sitt prästebol Tijende och offer Doch skall ingen thenne wår nådigste herres och wår Skikelsse Så tage eller wände till onde, Så förmerkiandes, att H.N. eller wij wele, att inga Biskoper skole wara, Uthan wij wele de skole wäl wara, doch ey så mechtige att konungen eller Rijket skall någon fahra haffwa utaf dem The kuna thes bätter sökia Gudz ordh och see till att ther om redhelighen tillgåår i deres Stifft, som theras ämbete kräffwer, och att the ey haffwa behoff att brytas medh många hofmän, Huilket een stoor part aff them och så siälfwе bekändt haffwa, Och haffwa thet nu så medh

⁵⁰ Или: redeligha (как в GIR). В данной рукописи нечетко.

wår nådigste herre och oss loffwat och samtycht Ey häller är wår mening at man kyrkioherdar förläggia skal, medh thed theras ränta bliffwer minskadt och effter Laghen skickadt Ty huar them minskar i then måtto skal them åter komma till lijsa igen i tij at Bisperne icke skole effter thenne dagh gästa them medh så många hästar som her till dagz skeedt är Haffwer och wår Nådigste herre loffwat wela tillseya sijna tjänare at the i fordringerne skole them thet bästa the kunna skona Och will alletijdh wara them till godho och beskärma Så framt the äre H.N. hulla och trogne Huilket wij eder Danemän alle alt giffwe tillkänne, att i her aff måge förstå att i haffwe een gunstigh herre, then alles eder bästa will weta Eder hermedh Gudh befallandes Scriffwit uthi Wästeråhs Torsdaghen näst effter S. Johannis Baptista dagh Ahr 1527. Under wåre Insegel och signeter.

VIII.

Разночтения между списками письма риксрода
о решениях Вестеросского риксдага⁵¹

1.

GIR (=RR)	...greffue til högen brokenhusen etc höffuisman på viborgx slott ...
RA B8	...till Högen och Bråknuhusen (нет etc.) Höfvidzman på Wyborg (нет slott)
RA B7	Grefue till Höyen och Bråkenhuse[n] höfuidzman på Wyborch
UUB E 131—1	greffue till högenn (сверху вставлено och) Brochennhusenn, höffwitzmann på Wyborg
UUB E 131—2	grefwe thill höijen och Bråkenhuse hofwidzman på Wijborg
UUB E 131—3	grefwe till Hogenn (другой рукой вставлено och) Brokennhusenn höfwismann på Wiborg
RA R 4724—1	greffue till höyenn Brockenhusen etc. höffuitzman på Wibårg
RA R 4724—2	greffue till Högen, Bråkenhussen, höffuitzman på Vijborgh
Palmsk. 24	Grefwe till höijen, Brockenhusen, höfwitzman på Wijborgz slott
UUB K 28	Grefwe till Höyen, Brochkenhusen, hofwitzman på Wijborgz slott etc.
Tegel	Greffue til Höijen, Brockenhusen, Höffuidzman på Wijborgz Slott, etc.

⁵¹ Выявлены автором в ходе работы с рукописями в Государственном архиве Швеции и библиотеке Уппсальского университета. В сокращении опубликованы в монографии автора: *Щеглов А.Д.* Вестеросский риксдаг... С. 203—218.

2.

GIR	...per ærlandson (нет имени Хенрика Эрландссона)...
RA B 8	Peder Erlandson, Hindrick Erlandson ...
RA B 7	Peder Erlandson, Hindrich Erlandson
UUB E 131—1	Pedher Erlandson
UUB E 131—2	Päder Erlanson, Hindrich Erlanson
UUB E 131—3	peder Ärländsonn Hendrich Ärlänsson
RA R 4724—1	Peder Erlandson, Hindrich Erlandson
RA R 4724—2	Peder Erlandzson
Palmsk. 24	Peder Erlandsson
UUB K 28	Peder Erlandsson
Tegel	Peder Erlandson

3.

GIR	helse eder alla dandemen som byggia och bo vtj N kerliga med gudh
RA B8	Hälsa eder alla oss Elskliga fryborna frälsismän och menige almoghe som byggir och boo i Närike och Rekarne käriligen medh Gudh
RA B7	Helssa eder alle oss elskelige friborne frelsismän köpstadzmän bergzmän och menige almoge der byggie och boor i Närike och Rekarne kerlige medh Gudh
UUB E 131—1	helse edher alle dannemänn som byggie och boo i ånngermanelandh, och menige westerbåtnenn kärilige medh Gudh
UUB E 131—2	helse ider alle oss Elsklige frijborne frelse män köpstadzmen Bergzmen och menige almoge der Bygge och Boo i Nerike och Rekerna kerlige med gud
UUB E 131—3	helse eder alle åss Elskelige friborne frälsismänn köpstadzmann, Bergzmann och menige Almoge thee byggie och boo udi Närike och Rekerna kerliga med Gud
RA R 4724—1	helse eder alle fribårne frelssmen, köpstedzmen och menige almoge såm byggie oc bo wti <...> ⁵² kärilige med gud
RA R 4724—2	helse eder alle, oss elskelige, frijborne frälsismän, köpstadzmän, Bergzmän och menige almoge ther bygge och boo uthi Närke och rekerna kärliga medh gud
Palmsk. 24	helsa eder alla dannemänn, som byggia och boo j N. käriligen medh Gudh
UUB K28	Hällssa eder alla dannemänn som byggia och boo i N. kerligen medh Gudh
Tegel	Helsa edher alla Dannemän som byggia och boo i N. Käriligen medh Gudh.

4.

GIR	kære wenner giffue wij eder til kenne
RA B8	... wij giffuer ider tillkenne
RA B7	wy gifue eder tilkänna
UUB E 131—1	wij giffue edher tilkenne

⁵² В тексте оставлено пустое место.

UUB E 131—2	wij giffue ider thillkenne
UUB E 131—3	wij giffue eder tilkenne
RA R 4724—1	wy giffue eder til kenne
RA R 4724—2	wij giffue eder tilkenna
Palmsk. 24	wij gifue eder tillkäna
UUB K28	wij gifwe eder tillkenna
Tegel	wij giffue edher tilkenna

5.

GIR	ath wij nw her forsamblade våre j vesteras
RA B8	att wij nu her församblade woro uthi wästeråsz
RA B7	att wij nu her församblade wore uthi Westeråss
UUB E 131—1	att wy nu här församblade (отсутствует woro) i westeråss
UUB E 131—2	att wij nu her församblade woro wtij westerååss
UUB E 131—3	att wij nu her församblade waare udi Westerårs
RA R 4724—1	att wy nu her församblade wåre i Westerårs
RA R 4724—2	att wy nu här församblade wore wthi Westerårs
Palmsk. 24	at wij nu här församblade wore j Westerååss
UUB K28	att wij nu har församblade wore i Wästerååss

6.

GIR	och med menige frelsit köpstadzmen bergxmen
RA B8	(het «med»): och menige Frälsett Köpstadmän Bergzmän
RA B7	och menige frelsett, köpstadmän, bergzmän
UUB E 131—1	och medh menige frelsett, köpstadmenn, bergzmenn
UUB E 131—2	och menige frälsett, köpstadzmen, bergzmen
UUB E 131—3	och menige frällsit...
RA R 4724—1	oc med menige frelssitt...
RA R 4724—2	och menige frelsitt...
Palmsk. 24	och menige frälset...
UUB K28	och menige frallset...
Tegel	och meenighe frälset...

7.

GIR	eders och alle landzenders fulmectigom
RA B8	eders och alle Landzens fullmyndigom
RA B7	ederss och alle landzens fulmyndigom
UUB E 131—1	eders och alle landzens fulmechtigom
UUB E 131—2	iders och alla landsenz fullmyndigom
UUB E 131—3	<i>eders</i> och alle landsänders fulmyndigom
RA R 4724—1	eders och alle landzenders ffulmechtige senningebudt
RA R 4724—2	eders och alle landzenders fulmyndigom
Palmsk. 24	eders och alla landzändars fullmechtigom

UUB K28 ederss och alla landzändars fullmechtigom
Tegel edhers och alla landsändars fullmechtigom

8.

GIR ath han skwlle latha her indraga ena nya **tro**
RA B8 att han skulle låtha indraga hijt i Rijket een nyan **Lärdom**
RA B7 att han skulle låtha indraga hijt i Rykett en nyan lerdom
UUB E 131—1 att hann schulde indraga i Richett enn ny troo
UUB E 131—2 att han skulle låtha indraga hijt i Rijket en nyan Lerdom
UUB E 131—3 att hann skulle låte indraga her i Riikett enn nyann lärdom
RA R 4724—1 att han skulle indraga i Riikit ena nye tro
RA R 4724—2 at han skulle lata indraga i Rikett en nyan lärdom
Palmsk. 24 at han skulle låta här indraga i rijket en nyia tro
UUB K28 att han skulle låta indraga i Rijket een nya troo
Tegel at han skulle latha här i Rijket en nya Troo
Wilde quod novam fidem curet invehendam

9.

GIR ther före ath han lather predica gudz ordh och thet helga Ewangelium
RA B8 Derföre att han låther predica Gudz ordh **rent** och hg. Evangelium
RA B7 derföre han låther predica Gudz ord renth och helige Euangelium
UUB E 131—1 Dherföre ath hann lather predica gudz ordh och dhen helige Ewangelium
UUB E 131—2 Derfore han låther predica gudz ord och *thet* Helige Ewangelium
UUB E 131—3 therfore att hann låter predica Gudz ord rena och *thet* heliga Ewangelium
RA R 4724—1 ther fföre att han lather predica gudz ord och *thet* helge Ewangelium
RA R 4724—2 therföre at han lather predika guds ord rena, och *thet* helga Euangelium
Palmsk. 24 therföre at han låter predijka Gudz ordh och *thet* helga Ewangelium
UUB K28 therföre att han låter predijka Gudz Ordh och *thet* helga Ewangelium
Tegel Therföre at han later predica Gudz Ord oc *thet* helga Ewangelium
Wilde eo quod jussisset prædicare verbum DEi et S. Evangelium

10.

GIR som **ther** förre **eth** år sedhan skedde med her pæder Cancellor och
mester knwt
RA B8 som för **tw** åhr sedan skedde...
RA B7 som för 2 åår seden skedde...
UUB E 131—1 som dher för ett år sedhenn skedde...
UUB E 131—2 som för thw åår sedan skedde...
UUB E 131—3 att nu som for ij år seden skedde medh her päder Kantzelär och
mester Knut
RA R 4724—1 såm ther fför ett år sedan skädde med her peder cantzeler och mesther
Knut
RA R 4724—2 som för ij år sedan skedde med her Peder Canseler, och mestar Knutt
Palmsk. 24 som för ett åår sedhan skedde...

UUB K28 som ther för ett år sedan skedde...
 Wilde ut anno præterlapso cum Dn. Petro Cancellario et Magistro Canuto factum

11.

GIR sådan ostadughet
 RA B8 **sådana** ostadigheet
 RA B7 sådan[a-?] ostadigheet
 UUB E 131—1 sådanna ostadugheet
 UUB E 131—2 sådana ostadighet
 UUB E 131—3 sådane ostadigheet
 RA R 4724—1 sådan ostadighet
 RA R 4724—2 sådan ostadigheet
 Palmsk. 24 sådana ostadugheet
 UUB K28 sådana ostadigheet

12.

GIR och wiste sig aldrig tryghet **och** rolighet vthan **skulle alltid venthe** sig slige **vendingar** j rikit
 RA B8 och wjste sigh aldrig trijghert **eller** rolighet utan **wänte** sigh slika **warringar**...
 RA B7 och wiste sigh aldrig trygheet eller rooligheet, utan wenthe sigh slika wendingar I Rijkett
 UUB E 131—1 och wiste sech aldrig trygheet och roligheet, wtann schulle altidh wennthe segh sliche waningher i Richett
 UUB E 131—2 och wiste sig aldrig tryghett **eller** Roligheet wthan wente sig slika wendingar i Rijket
 UUB E 131—3 och wiste sig aldrig trygheet heller roligheet wtenn wänte sig slige wändinger i Riiket
 RA R 4724—1 och wiste seg aldrig trohett (!) och rolighet wtan skulle altiid wentta sig slika weningar i Riikitt
 RA R 4724—2 och wyste sigh aldrig trygheet eller roligheet, wthan wänthe sigh slika wändingar i rikett
 Palmsk. 24 och wiste sigh aldrig trygheet och Rooligheet, uthan skulle altijdh wänta sigh slika wendingar j rijket
 UUB K28 och wiste sig aldrig trijgheet och rooligheet uthan skulle altijdh wänta sigh slika wendingar i Rijket
 Wilde cum à seditionibus hujusmodi nunquam sibi securitatem et tranquillitatem, sed subinde conversiones regni expectet

13.

GIR att ske skulle
 RA B8 att **så** skee skulle
 RA B7 att så skee skulle
 UUB E 131—1 att skee schulle

UUB E 131—2 att så ske skulle
 UUB E 131—3 att så skeep schulle
 RA R 4724—1 att skä skulle
 RA R 4724—2 att så skeep skulle
 Palmsk. 24 at skeep skulle
 UUB K28 att skeep skulle

14.

GIR effter han thet åff gudz tilhielp hade kommit vtj roligheet igen vthur k.[onung] C[hristierns] hender
 RA B8 effter **thet han** af Gudz tilhiälp hadhe kommit **thid** i rooligheet igen uthur konung Christierns hender
 RA B7 efter tedh han af .Gudz tilhielp hade kommet tedh i Roligheet igen uthur konung Christierns händer
 UUB E 131—1 effter hann det aff gudz tilhielp hadhe komitt i roligheet igenn, wtur konung christierns hendher
 UUB E 131—2 efther thet han aff gudz thillhielp hade kommit thet wtij Roligheet igen wtur kong Cristierns hender
 UUB E 131—3 Effther thet hann wtaff gudz thillhielp hade komitt udj roligheet igen wtur kong Cristiernns händer
 RA R 4724—1 efftter han thet aff gudz till hielp hade kåmmit i rolighett igen wtaff konung Christierns hender
 RA R 4724—2 eftterch han aff gudz tilhielp hade kommit wti (“wti” исправлено той же рукой на “till”, или наоборот; неразборчиво) roligheet igen wtur konung Christierns hender
 Palmsk. 24 = GIR
 UUB K28 effter han thet af gudz tilhiälp hade kommit i roligheet igen uthur konung Cristierns händer
 Wilde qui adminiculante DEo patriæ à Christierni manibus libertatæ tranquillitatem restituisset

15.

GIR om for:ne ryckte **med** then nye **tron**
 RA B8 ...**om** thennya **lerdom**
 RA B7 om then nye lerdom
 UUB E 131—1 medh denn nye trohn
 UUB E 131—2 om then nya Lärdom
 UUB E 131—3 om thenn nye lärdom
 RA R 4724—1 åm fförne Rychtte (зачеркнуто “å”) med thenn nye **tronn och lärdom**
 RA R 4724—2 om forna Rychte om then Nya Lardom
 Palmsk. 24 medh then nya troon
 UUB K28 med then nya troon
 Wilde de nova religione

16.

GIR	och hördom tesligis tæris predican och disputacie
RA B8	...theras ordh och predikan
RA B7	theress ord och predican och i disputering
UUB E 131—1	...derez predican och disputatie
UUB E 131—2	deris ord, predican och Disputerning
UUB E 131—3	theris ordh predican och Disputerning
RA R 4724—1	theris predicann och disputatie
RA R 4724—2	deres ord predican och disputeringh
Palmsk. 24	och hördom thesslikess therass predijkan och disputatie
UUB K28	theras predijkan och disputatie
Tegel	=GIR
Wilde	auditaque concione ac disputatione eorum

17.

GIR	och ath the icke predica annat
RA B8	och at the ey annat predicade (порядок слов)
RA B7	och att the ey annadt predica
UUB E 131—1	och att dhe predica iche annat
UUB E 131—2	och att the ej annat predica
UUB E 131—3	och att the icke annat predica
RA R 4724—1	och att the icke predica annad
RA R 4724—2	och at the icke anned predika
Palmsk. 24	och at the icke predijka annat
UUB K28	och att the icke predijka annat

18.

GIR	her j rikit predicade
UUB E 131—1	... och Ricket predicade (явная описка); в остальных списках тот же вариант, что и в GIR.

19.

GIR	nær christendomen hær först inkom
RA B8	tå Christendomen först inkom
RA B7	thå Christendomen först inkom
UUB E 131—1	dhå Christendomen her först inkom
UUB E 131—2	Då cristendom[en] först inkom
UUB E 131—3	tå Cristenndomen her först inkom
RA R 4724—1	thå Christendomen her fförst inkâm
RA R 4724—2	thå Christendomen her förstt inkom
Palmsk. 24	tå Christendomen här först inkom
UUB K28	tå Christendomen här först inkom

20.

- GIR som oss hoppes thene dandemen eder senningebud eder vel vnderu-
isa skole
- RA B8 som oss förhoppes at thene danemän ider sennebudh eder wäl un-
derwijsa skole
- RA B7 Som oss hoppes att thenne dannemän ider sendebud eder wäll unde-
ruijse skole
- UUB E 131—1 som oss hoppes desse da[nnemän] eders sendingebudh edher wäll
wnderwisse schulle
- UUB E 131—2 som oss hoppas att thenne danemen ider seningabwd ede[r] well
wderwisa schole
- UUB E 131—3 som ås håppas att thenne danemänn eder senninga boodh eder wäll
wnderwisse schole
- RA R 4724—1 Säm åss hoppas thenne dannemen eder senningebud eder wel wnder
wise skole
- RA R 4724—2 som os håppes thenne dannemän eder säningebod eder wäll wnder-
wijsa skole
- Palmsk. 24 som oss hoppass these dannemänn, eders senningebudh edher wäl
underwijsa skola
- UUB K28 som oss håppas these dannemän ederss senningebudh eder wäl un-
derwijsa skola

21.

- GIR som heme wåre
- RA B8 som **her** woro (в остальных рукописях — вариант, аналогичный
версии GIR)

22.

- GIR ...til ath straffua them som thet föra, Och wårom begærandes ath
clara gudz ord motte bliffua predicat kringom alth rikit. **Sammeledis**
loffuade wij h.n. på våra och alles eders vegne hielpa til ath **åffueria**
och straffa med liff och magt them som nogot obestånd stempla vela
emott h.n.
- RA B8 **till att straffa them som obestånd stämple wela emot h. Nde. och**
slijcht rijchte föra, och worom begärandes att klara Gudz ordh
måtte kring om alt rikedt bliffua predikat **och hållad godha gamble**
Christelige sedwanie. Sammalunda loffwade wij H.N. på våra och
alles edres wägna hiälpa till **afstyra** medh liff och macht **them som**
obestånd stämpla och uprörr wele emot H. N.
- RA B7 ...them som obestånd stempla willie...
- ...them som obestånd stempla och upröre willie...
- UUB E 131—1 till att straffa dhem som dett föra, Och warom begäranndz ath klara
Gudz ordh motte bliffue predicatt kring um allt richett Sammalund-
he loffwade wij hans Nodhe på wåre och alles eders wegna hielpa
till att affwårie och straffe medh liff och macht dhem som obestån-
ndh welie emoth hans N:

- UUB E 131—2 them som obeståndh welia emoth hans N(ade) wp(tänckie) och hielpa till att strafua them som obestånd stempla we(lo) emot hans Nåde och slijgt Rijgte föra, och wårom begärandes att clara gudz ord motte blifwa predicat kring om alt Rickett, och holles goda gambla Cristeliga Sedwanier Sammalunda lofwade wij hans N. på wåre o(ch) alles iders wegna hielpa thill att afstyra med lif och magt the(m) som obestånd stempla och wprora wilia emott h(ans) n(ade)
- UUB E 131—3 thil att straffa them som obistånd stämple willie emoth h: Nåde och slijt rychte före Och worom begerenndez att Clara Gudz ord måtte bliffwe predicatt kring om alt riikett och hålles gode gamble Christelige sedwenier.
Sammelunde loffuande (sic) wij h:N på wåre och alles eders wågne hielpe thill att affstyre medh lif och macht them som obistånd st-imple och wprora willie emoth H.N.
- RA R 4724—1 att aff stilla sådantt Rijcktte och hielpa til att straffa thöm sãm thet fföra, och wåråm begerendis att clara gudz ord måtte bliffua predi-catt kringåm allt Riikitt och hålles gode gamla christelige sedweni-år, Sammalwnda låffwade wy h: Nåde på wåre och alles eders wegne hielpe til att affwårie och straffa mett lif och macktt them sãm obestånd stempla wilie emott h: Nåde
- RA R 4724—2 att afstella sådana rychte Och hielpa til att straffa them som obestånd stempla willia emott h: Nåde och slichtt Rijchte föra, och wårom be-gärandes at klara guds ord måtte bliffua predikatt kring om allt Rij-kett, och hålles gode gamla Christeliga sedwania, Samalunde lofuade wij h. Nåde på warå och alles edres wegna hieelpa att afstyra med lif och machtth them som obestånd stempla och wprora willie emott h. N.
- Palmsk. 24 ...them som något obeståndh wela emoot hans nådhe stämpla (в остр. = GIR)
- UUB K28 ...kringom alt riket etc.
...Sammaledes lofwade wij hans Nåde på wåra och alles edra wågna hielpa till att straffa och affwåria (NB порядок слов) både lif och macht them som nagot obeståndh welle emot hans Nåde stämpla
- Tegel ...Sammalunda (в остр. = GIR)

23.

- GIR ingen otryghet haffua på then motte...
- RA B8 ...i then måtta
- RA B7 i then motto
- UUB E 131—1 på denn mothenn
- UUB E 131—2 i then motto
- UUB E 131—3 i then måtte
- RA R 4724—1 ingen otrohett (!) haffua på thenn måtte
- RA R 4724—2 ingen otrygheedt hafua i then måtto
- Palmsk. 24 på then motton
- UUB K28 på then mätton
- Tegel på then motton

24.

GIR	bleff quar wijd regimentit
RA B8	blef âter wid Regementett
RA B7	blef quar... Правленный текст; в слове quar на а исправлена другая буква, возможно, «е». Не исключено, т.о., что в подлиннике, с которого снималась копия, было «âter».
UUB E 131—1	...quar...
UUB E 131—2	quar
UUB E 131—3	qwar
RA R 4724—1	quar
RA R 4724—2	quor
Palmsk. 24	qwarr
UUB K28	qwarr
Tegel	qwarr
Wilde	imperii clavum retinuit

25.

GIR	haffua vari formegtige, konungenom j rikit til stor skada ⁵³
RA B8	hafwa warit förmächtige konungenom Rijket till stor fahra
RA B7	...konungenom rijket till stoor fahre
UUB E 131—1	konungenom i Richet till stoor fara
UUB E 131—2	konungenom i Rijkett till stoor fhara
UUB E 131—3	...till stoor fare
RA R 4724—1	konungenom i Riikitt till stor ffara
RA R 4724—2	konungenom i Rikett till stor («skada» зачеркнуто той же рукой) fara
Palmsk. 24	...till stoor fahra
UUB K28	konungenom i Rijket till stor fahra
Tegel	til stoor fahra
Wilde	quidem plerumque eam ob causam, quod Episcopi et Antistites Ecclesiae nimium potentes Regibus fuerint formidandi

26.

GIR	och hafva dagliga her til dags slagit vpunder sig
RA B8	och haffwe her tilldagz dagheligen slagit er under sigh
RA B7	och hafue her till dagz dagligen slagedt in (или: ir-?) under sigh
UUB E 131—1	och haffuer dagliga her till dagz slagett wppunder sig (на wppunder исправлено что-то другое)
UUB E 131—2	och haffue her till dagz dageligenn slagit Irr under sigh

⁵³ См. однако ниже: med huilkom konungen och rikit bliffuer vthan for:de fara aff biscooper...

UUB E 131—3	och haffua her thill dagx dagelige slagit ni (или: er?) wnder sig
RA R 4724—1	och haffwa dagelige her till dag(x-?) slagitt åp wnder seg
RA R 4724—2	och hafua her till dagz dagliga slagett in wnder sig
Palmsk. 24	och hafwa dagelige här till dagz slaget upp under sigh
UUB K28	och hafwa daghliga här till dagz slaget uppunder sig

27.

GIR	sommt med skinande och sielffdictade gudz thiaenist
RA B8	sampt medh skjnande dichtet Gudztiänst
RA B7	sompt medh skinande dichtade Gudz tienst
UUB E 131—1	sompt med (skinnande или skummande-? исправлено другой рукой на: skjnande och sielff dichtandhe gudz tienst
UUB E 131—2	sompt med skinande sielf Digtade gudz thienst
UUB E 131—3	somt medh skinandhe sielff dictade gudz tienst
RA R 4724—1	såmptt med skinnande och sielff dictade gudz tienist
RA R 4724—2	sompt med skjnande sielff dichtede gudz tienist
Palmsk. 24	sompt medh skjnande och sielfdichtade Gudztienst
UUB K28	sompt medh skjnande och sielfdichtande Gudz tienst

28.

GIR	och then meneman odragelige ære
RA B8	... ære påkomne
RA B7	ære påkomne
UUB E 131—1	ære
UUB E 131—2	ähro påkomne
UUB E 131—3	äro på komne
RA R 4724—1	wårå
RA R 4724—2	äro på komna
Palmsk. 24	ære
UUB K28	ære

29.

GIR	Therföre haffue wij så alle med för:de vår nadigista herra öffuerens varit
RA B 8	Therföre äre wij medh vår nådigste herre öfwereens wordne
RA B 7	Therföre är wij m[ed] vår Nådigste herre öfuer enss wordne
UUB E 131—1	Therfore Så haffia wij alle medh för:de vår N: herre öffwer ens varit
UUB E 131—2	Derföre hafwe wij medh vår nådige herre öfwereens wordet
UUB E 131—3	Therföre haffue wy medh för:de vår nådigste herre öffwer eens waritt

RA R 4724—1	Therför haffue wij så alle med vår nådte herre öffwer ens wäriid
RA R 4724—2	Derfore hafue wij med forbede vår Nädigste herre offuer eens waritt
Palmsk. 24	= GIR
UUB K 28	= GIR
Wilde	Ideo cum Domino nostro Clementissimo ita universi convenimus

30.

GIR	och endrectelig samfelth oss
RA B 8	och eendrechtelighen samtijcht oss
RA B 7	och endrechtelige samtyckt oss
UUB E 131—1	och enndrechtelige samfältt oss
UUB E 131—2	och endregteliga samptygt oss
UUB E 131—3	och endrächtelige samptyckt ås
RA R 4724—1	och endrecttelige samffeltt oss
RA R 4724—2	och endrechteliga samtyckt oss
Palmsk. 24	och endrächtelige sampfältt oss
UUB K 28	och endrächtelige samfaltt oss
Tegel	och endrächtelige sampfältt oss
Wilde	et unanimiter conclusimus

31.

GIR	i förb:de och mange andre motte
RA B 8	i för:ne och andra motto
RA B 7	I för:de och andre motto
UUB E 131—1	i för:ne och i monge andre motte
UUB E 131—2	i för(ne-? трудночитаемо из-за переплета) och monga andra motto
UUB E 131—3	i för:ne och många andre motto
RA R 4724—1	i fför ^{ne} och många andre måtta
RA R 4724—2	i for ^{ne} och mange andre måtte
Palmsk. 24	j föreskrefne och j många andra måtto
UUB K 28	i förskrefne och i många andra måtto
Tegel	i föreskriffne och i monga andra motto
Wilde	modis jam descriptis et pluribus aliis

32.

GIR	ath forne vår .k. n. herre
RA B 8	...vår nådigste herre
RA B 7	vår Nädigste herre
UUB E 131—1	vår N. herre och hans efther[kommande] konungar
UUB E 131—2	vår nadigste herre och hans eftherkommande konungar
UUB E 131—3	war nådig ^{ste} herre och hans effther kommande konungar
RA R 4724—1	vår nåd ^{te} herre

RA R 4724—2	vår N ^o herre och hans efterkommande konungar
Palmsk. 24	...vår Nådige herre och hans effterkommande konungar
UUB K 28	vår nådige herre och hans effterkommande konungar
Tegel	vår nådighe Herre och hans effterkommande konungar
Wilde	â Rege nostro Clementissimo ejusque Successoribus

33.

GIR	och ther epter skola the lydha
RA B 8	och thereffter skole the rijdha
RA B 7	och ther eföhre (описка; возм., före переправлено на efter; третья буква написана нечетко)
UUB E 131—1	слово, похожее на ridha, но графически выглядещее скорее как бессмысленное ndha, исправлено другой рукой на lydha
UUB E 131—2	lyda
UUB E 131—3	lyda
RA R 4724—1	lyda
RA R 4724—2	lyda
Palmsk. 24	rijda
UUB K 28	rijda
Tegel	rijdha
Wilde	præfniendum esse omnibus Episcopis certum equitum numerum, quem alere debeant

34

GIR	konungen och riket
RA B 8	konungar i Rijket
RA B 7	konungar i rijket
UUB E 131—1	konungenn och richett
UUB E 131—2	konungar och Rijket
UUB E 131—3	konunge ⁿ och rikett
RA R 4724—1	konungen ⁿ och Riikiitt
RA R 4724—2	konungen och rikett
Palmsk. 24	konungen och rijket
UUB K 28	konungen och rijket
Wilde	Rex et regnum

35.

GIR	och then meneman må lissas
RA B 8	в остальных списках — menige man

36.

GIR	ath konungen icke skal så offtha behöffua hielp vthåff them som her till dagx skedt är
RA B 8	att konungen icke skal så offta behoffua hielpa them som her till dagz skeedt är
RA B 7	...hielp af them (f в конце страницы и читается нечетко; очевидно, отсюда hielpa в B8)
UUB E 131—1	...hielp wdaff dem
UUB E 131—2	hielp aff them
UUB E 131—3	hielp aff them
RA R 4724—1	hielp wtaff them
RA R 4724—2	hielp af them
Palmsk. 24	hielp uthaf them
UUB K 28	hielp uthaf them

37.

GIR	effter redelighet
RA B 8	effter theres redheligheet
RA B 7	effter theress redelighet
UUB E 131—1	effter redeligheet
UUB E 131—2	effther deris redeligheet
UUB E 131—3	effther theres redeligheet
RA R 4724—1	efftter redelighet
RA R 4724—2	effter theres redeligheet
Palmsk. 24	effter redeligheet
UUB K 28	effter redeligheet

38.

GIR	Och effter closteren som aff landgodz liffua
RA B 8	Och effter klöstren som af landgodz haffwe haft sitt uppehälle
RA B 7	Och efter Clostren, som af Landgodz hafue hafue (повтор в результате ошибки) nij (или: uti; нечетко) långan tijd haft...
UUB E 131—1	Och effter closter som aff landgodz leffwaf
UUB E 131—2	Och effther klostren som af landgodz lefwaf
UUB E 131—3	och effter clostrenn som aff landgodz bliffue (sic)
RA R 4724—1	och efftter clöstren (нет «som aff landgodz liffua»)
RA R 4724—2	Och efter Closteren som af landgodz leffua
Palmsk. 24	Och effter clöster, som af landz godz lefwaf
UUB K 28	Och effter Clöster, som af Landgodz lefwaf
Tegel	Och effter Clöster som aff Landgodz leffuet

39.

- GIR ...eth klenth regimente åff onda förståndare husen niderfallen och godzen lagd öde
- RA B 8 ett kleent regemente **och** onda förståndare **therigenom** husen **äre nedan falne** och godzen **ödeliggir**
- RA B 7 itt kleentt regementhe, och onda förståndere husen niderfallen och godzen ödeliggir
- UUB E 131—1 ett klennt Regemente aff onda förståndare, husenn niderfallen och godzenn lagde i ödhe
- UUB E 131—2 itt kleent Regemente och onda förståndare, husen niderfallen godzen ödeli(gger)
- UUB E 131—3 ett cloct (!) regemente aff onda förståndare husen niderfallen godzenn lagd öde
- RA R 4724—1 ett kleentt regimentte aff onda fförståndar, husen ärer niderfallen och godzen laggt öde
- RA R 4724—2 ett kleentt regemente af onda förståndare, hwsen nedfallen godzen lagdt öde
- Palmsk. 24 ett kllent regemene af onda föreståndare, huusen niderfalla och godzen lagde j ödhe
- UUB K 28 ett kleent regemente, af onda förståndare husen niderfallen och godzen lagde i öde

40.

- GIR och insettia ther en god man...
- RA B 8 att insättia der een godh **riddersman**
- RA B 7 att insättie der en (или: nu-?) godh riddersman
- UUB E 131—1 och insettie dher enn godh Mann
- UUB E 131—2 och insettia een (или: der en-?) god riddersman
- UUB E 131—3 och insättie ther enn godh riddenasmann
- RA R 4724—1 och in sätie ther en god man
- RA R 4724—2 och insättia ther en god riddmansman
- Palmsk. 24 och insättia ther en godh man
- UUB K 28 och insättia ther een godman
- Tegel och insettia ther en godh Man
- Wilde qui iis idoneum præficiant virum

41.

- GIR fonga sijt redelige vpphelle
- RA B 8 få sitt redeligha uppehalle
- RA B 7 få sitt redelige uppehalla
- UUB E 131—1 få sitt redelige wphälle
- UUB E 131—2 få sitt redeliga uppeholle
- UUB E 131—3 få sitt redelige wpehälle
- RA R 4724—1 få sitt redelige åphelle

RA R 4724—2	få sitt redeliga ophelle
Palmsk. 24	få sitt redelige uppehålle
UUB K 28	få sitt redelige uppehålle

42.

GIR	Huadh godz eller jord vnder kyrken kommit ær
RA B 8	...under kirkior kombne äre
RA B 7	komme[n] ähre
UUB E 131—1	komen ähr
UUB E 131—2	kompne ähre
UUB E 131—3	komitt är
RA R 4724—1	kåmitt är
RA R 4724—2	kommett är
Palmsk. 24	kommen är
UUB K 28	kommen är

43.

GIR	vthan sökie prester och kyrkionnes förståndare ting och stemning ...
RA B 8	Uthan söka Proste och kyrkiones förstondare ting och stambna effter theras rätt
RA B 7	uthan sökie prester och kyrkienes förståndar[e] thing och stempne
UUB E 131—1	Utann som prester och kirchennes förståndare tinnng och stempning
UUB E 131—2	wthan sökie prester och kyrkiones förståndare thing och stempne...
UUB E 131—3	wten sökie prester och kyrkiones förståndare ting och stämpne
RA R 4724—1	wtan sökie presther och kyrkers ffståndare ting och stemning
RA R 4724—2	wthan sake prester och kyrckernnes förståndare ting och stempna
Palmsk. 24	аналог. GIR
UUB K 28	аналог. GIR
Tegel	аналог. GIR
Wilde	sed Sacerdotibus et Antistitibus Ecclesiarum, non minus ac aliis, iuxta leges provinciales requirendum esse forum et citationem pro tuendo jure suo

44.

GIR	effter landzlag
RA B 8	effter Landzen Lagh
RA B 7	effter landzens lagh
UUB E 131—1	effter Lanndzlag
UUB E 131—2	effther lansenz lagh
UUB E 131—3	effther landzsensz lagh
RA R 4724—1	effter landz lag
RA R 4724—2	effter landzens lagh
Palmsk. 24	effter landzlagen

UUB K 28	effter landzlagen
Tegel	effter Landz Laghen
Wilde	см. пред. таблицу

45.

GIR	vthan prester liffua vthåff sith prestabord
RA B 8	uthan leffwe aff sitt prästabol
RA B 7	uthan lefue af sitt presteboll
UUB E 131—1	wtann prester leffue udaff sitt prestebordht
UUB E 131—2	wthan lefwe af sitt prestebooll
UUB E 131—3	wten leffwe aff sitt prestabool
RA R 4724—1	wtan prester liffue wtaff sitt preste bord
RA R 4724—2	uthan lefua af sitt prestabordh
Palmsk. 24	uthan präster lifwa uthaf sitt prästabordh
UUB K 28	uthan präster lefwa uthaf sitt prästabordt
Tegel	uthan Prester leffua vthaff sitt Prestebordt
Wilde	sed vivat sacerdos ex fructibus fundi sui sacerdotalis

46.

GIR	Doch skall ingen thenna vår nådigista herris och vår skickelse vende oss till ondhe , så formerkiandis som h.n. eller wij ville affleggia ath inge biscooper skulle vara, vthan wij vele vel ath the skola vara Doch icke så mechtige ath konungar eller riket ingen fara skall haffua vthaff them
RA B 8	Doch skall ingen thenne vår nådigste Herres och vår Skikelse så taga eller wända till onda , Så förmerkiandes, att H.N. eller wij wele , att inga Biscooper skole vara, uthan wij vele de skole wäl vara , doch ej så mechtige att konungen eller Rijket skall någon fahra haffua utaf dem
RA B 7	Doch skall ingen thenne wår nådigste herress och wår skickelse så tage eller wende till onde (зачеркнуто: lika) så förmerckiandess, att H.N. eller wij wele att inga Biskoper skole ware, utan wij wele de skole wäll vara doch ey så merckiende att konungen eller rijkett skall någon fahre hafue utaf dem
UUB E 131—1	Dog schall ingenn denne wår Nåd: ^{er} heres och wår skichelsse wenn-da oss till onnde, Så förmerkhiandz som hanss N: eller wy wille aff(другой рукой приписано)redhe att innge biscooper schulle vara wtann wy welle wdll att dhe scholle vara deg iche se mechtige att konungar eller richett schall nogenn fara haffa wdaff dem
UUB E 131—2	Doch skall ingen thenna wår nådigste herres och wår skickelse wed(a-?) thill onda, så förmerkiandes att h.n. el(ler) wij wele att inga biskoper skola vara, wthan att wij wele de schola well vara, doch ey så merkiande att konungar el ^{er} Rijkett skall någon fara hafua wthaf them
UUB E 131—3	Doch schall ingen thenne wår nådig ^{er} herres och wår schickellsse wända oss thil onda så förmärkiendes att h:n el ^{er} wij wele (замарано:) att inge Biscooper schole vara wten att wij wele att the schole wäll ware däch icke så merkiende att konungen el ^{er} rijkett schall någon fara haffua wtaff them

- RA R 4724—1 Doch skall ingen denne vår nåd^e herris och vår skickelse wenda ås till ondå, så fförmerkiandes såm h: Nåde eller wy will affleggie att inge biscopar skola wara, wtan wy wilie wel att the skule wara däch ecke så mectuge att konunger eller riikitt skall någon ffara haffua wtaff thöm
- RA R 4724—2 Doch skall ingen thenna vår N^e herres och vår skickellsse wenda os till onde, så formerkiendes at h.N. eller wii wille at inge biskopp skole wara, uthan at wij wele the skole wäll wara, doch eij så merkiende at konunger (och исправлено на:) eller rikett skall nogen fara hafua utaff them
- Palmsk. 24 аналог. GIR, но: nogon fahra
- UUB K 28 аналог. Palmsk. 24
- Tegel аналог. GIR

47.

- GIR The kwnna tesbætther **skötha** gudz ordh
- RA B 8 The kunna thes bättre **sökia** Gudz ordh
- RA B 7 the kunde thess better sökie Gudz ord
- UUB E 131—1 The kunna dess bättre schöte (t похоже на r; складывается впечатление, что изначально написанное r было затем исправлено на t)...
- UUB E 131—2 the kunna thess better sökia gudz ord
- UUB E 131—3 the kunne thesbättre sköte gudz ordh
- RA R 4724—1 the kwnne tess better skötta gudz ord
- RA R 4724—2 The kunna thes bätre sköta gudz ord
- Palmsk. 24 the kunna thes bättre skiöta Gudz ord
- UUB K 28 ...skiöta..
- Tegel аналог. GIR: sköta
- Wilde Tanto melius verbo dei vacare et providere possunt

48.

- GIR ath the icke haffua brythes...
- RA B 8 att the **eij haffwa behoff att brijtas** med många hoffmän
- RA B 7 och att the ey hafue behof att brytes medh många hofmän
- UUB E 131—1 att dhe icke haffwa (сверху, другой рукой: att) brytas
- UUB E 131—2 att the icke hafwa (далее вставлено сверху, видимо другой рукой: behoff at) brythas med många hoffmän
- UUB E 131—3 att the icke haffwe bruthes
- RA R 4724—1 att the ecke haffue brytas
- RA R 4724—2 att the icke haffua brothas
- Palmsk. 24 at the icke hafua brytas medh många hofmän
- UUB K 28 att the icke skola brytass medh många hoffmän
- Tegel =GIR
- Wilde quanto minus Equestrium turmarum cura distracti fuerint

49.

GIR	hwilkit en stor parth vthåff them och så bekent haffua
RA B 8	Huilket een stoor part aff them och så siälfwe bekändt haffua
RA B 7	huilkitt en stoor part af the[m] och så sielfue bekiendt hafue
UUB E 131—1	huilchett enn stoor partt aff dem och så siolffue bekennt haffa
UUB E 131—2	hwilket en stor part af them och så sielfua bekendt hafua
UUB E 131—3	hulkett enn stor part aff them och så sielffue bekent haffwe
RA R 4724—1	Huilkiit en stor partt aff thöm och så sielffue bekennt haffue
RA R 4724—2	huilcket en stor part af them och så sielffue bekiennt haffua
UUB K 28	och så sielfwe
Tegel	Hwilcket en stoor part aff them och så sielffue bekendt haffua

50.

GIR	samtygt och beleffued
RA B 8	loffwat och samticht
RA B 7	lofuet och samptycktt
UUB E 131—1	samtycht och beleffwat
UUB E 131—2	beleffuad och samticht
UUB E 131—3	samptycktt (6es belevat)
RA R 4724—1	samtycktt och beleffuadt
RA R 4724—2	lofuett och samtyktt
Palmsk. 24	samtyckt och belefwat

51.

GIR	ey heller ær vår mening ath man kyrkioherrar forleggja vil ther med ath theris rentha bliffuer moderered och forminskad effter lagbochen
RA B 8	Eij häller är vår mening at man kjirkoherdar förläggja skal medh thed theras ränta bliffwer minskadt och effter Lagen skickadt
RA B 7	minska[t]
UUB E 131—1	Ey heller är vår mening, ath mann kircheherra[r] förleggie wilie, dher medh att derez renntha bliffuer (испр. на modereret) och förminskatt, effter lagbochenn
UUB E 131—2	Ey heller ähr war mening att man kyrkoherrer förleggie wi[l] med thet thernes rentha blifuer minschat och efther lagen schickatt
UUB E 131—3	Ey ell ^{er} är vår mening att mann kyrkieherrer förläggie will, medh th ^{et} theris ränte bliffuer förminskett och effther lagenn förskickett
RA R 4724—1	Ey hellr är vår mening att man kyrckie herar fförleggie will ther med att theris renttä bliffuer skickadt effter lagboken
RA R 4724—2	Eij heller är vår mening at man kyrckoherrer förlägga will, med thett theres renta blifuer minskad och efter lagen forskickatt
Palmsk. 24	=GIR
UUB K 28	=GIR
Tegel	=GIR

GIR	biscopana icke skole effter thenne dag gesta them med så mange
RA B 8	...gästa them medh så många hästar
RA B 7	med så många häste
UUB E 131—1	biscopanna sschole effter denne dag iche gesta dem medh så monge
UUB E 131—2	med så monga hestar
UUB E 131—3	medh så många
RA R 4724—1	med så många
RA R 4724—2	med så många
Palmsk. 24	medh så många
UUB K 28	medh så många
Tegel	medh så monga
Wilde	quia Episcopis posthac cum comitatu tam numeroso loca et lautia ab iis exigere, ut hactenus factum nefas erit

Список сокращений

- ОР — Отдел рукописей
РНБ — Российская национальная библиотека
СЕ — Северная Европа
СВ — Средние века
СС — Скандинавский сборник
AST — Arboga stads tänkebok
FMU — Finlands medeltidsurkunder
GIR — Konung Gustav den Förtes registratur
HBB — Samling af Biskopen Hans Brasks Bref
HBLK — *Hans Brask*. Latinsk korrespondens
HSH — Handlingar till Skandinaviens historia
HT — Historisk tidskrift
JST — Jonköpings stads tänkebok
MEL — Magnus Erikssons landslag
OPSS — *Olaus Petri*. Samlade skrifter
RA — Riksarkivet
SKH — Svenska kyrkans historia
SL — Svenska länslagslagar
SMP — Svenska medeltidspostillor
SMR — Svenska medeltidens rimkrönikor
SRA — Svenska riksdagsakter
SRS — *Scriptores rerum svecicarum*
SST — Stockholms stads tänkeböcker
UL — Upplandslagen
UUB — Uppsala universitetsbibliotek
Ögl — Östgötalagen

Библиография

Источники

Неопубликованные

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Отдел рукописей.
Швед. F.IV.1, Швед. F.IV.2, Швед. F.IV.3, Швед. F.IV.4., Швед. F.IV.5, Швед. F.IV.6

Королевская библиотека, Стокгольм (Kungliga biblioteket, Stockholm)
D 17, D 23, D 25, D 407, D 407a, D 407b, D 409, D 410, D 439.

Государственный архив Швеции (Riksarkivet)

Рукописи

B7 (Erik Sparres kopiebok)

B8 (Erik Sparres kopiebok).

E 8656, E 8716, E 8723, E 8798, E 9070.

R 4724 (Riksdagsacta 1525—1546).

Микрофиши

Riksregistraturet. 1523—1529. Vol. 1.

Riksregistraturet. 1525—1529. Vol. 2.

Фотокопии

Vatikanhandskriften [och Linköpinghandskriften] av Västerås Ordinantia.

Библиотека Упсальского университета (Uppsala Universitetsbibliotek)

Рукописи

B 1; B 2; B 8; B 30; B 31; B 32; B 38; B 43; B 56; B 60; B 64; B 73; B 76; B 112; B113; B 114
B 117; B 119; B 125; B 126; B 140; B 190 d.

E 5, E 6, E 7, E 8, E 9, E 10, E 11, E 12, E 13, E 14, E 15, E 16.

E 131 (Hogenskild Bielkes Samling av handlingar till Sveriges historia. Bd. 1).

E 133

E 159o (*Huldt H.R. Avskrifter ur handlingar i Vatikanarkivet / Bibl. Borgh. III. 89a, 91b
91ab, åren 1527—1595 // Huldt H.R. Handlingar till Sveriges historia under nyare ti-
den i utländska, särskilt italienska arkiv och bibliotek. Avskrifter, excerpter och an-
teckningar*).

Ihre 116, Ihre 117.

K 23 (*Handlingar till Svenska kyrkans historia till 1644*).

N 16., N 39, N 140, N 141, N 142, N 143, N 144, N 145, N 146, N 147, N 148, N 149
N 160, N 725a, N 726.

Palmsk. 24 (*Ex collectione Palm skiold* <...> Acta ad Hist. R. Gustavi I^{mi}. Pars I^{ma}*).

W 250, W 251.

Опубликованные

Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы .
Сост., отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000.

- Мартин Лютер*. О рабстве воли // *Эразм Роттердамский*. Философские произведения. М., 1987.
- Олаус Петри*. Предисловие к «Шведской хронике» / Пер., вступ. ст., коммент. А.Д. Щеглова // Северная Европа. М., 2007. Вып. 6. С. 274—289.
- Олаус Петри*. Шведская хроника. / Пер., послесл., коммент. А.Д. Щеглова. М., 2012.
- Снорри Стурлусон*. Круг земной / Пер. А.Я. Гуревича, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкой, М.И. Стеблина-Каменского. М., 1980.
- Хроника Эрика* / Пер. А.Ю. Желтухина. Комм. А.Ю. Желтухина и А.А. Сванидзе. М., 1999.
- Хроника Энгельбректа* / Пер., послесл., коммент. А.Д. Щеглова. М., 2002.
- Швеция и шведы в средневековых источниках* / Пер., пред., коммент. А.Д. Щеглова, В.В. Рыбакова, А.Ю. Кузиной. М., 2007.
- Эразм Роттердамский*. Философские произведения. М., 1987.
- Acta et processus canonizacionis beate Birgitte*. Uppsala, 1924.
- Acta pontificum danica: Pavelige aktstykker vedrørende Danmark*. København, 1904—1943.
- Adam von Bremen*. Hamburgische Kirchengeschichte. Leipzig, [1888].
- Adam von Bremen*. Hamburgische Kirchengeschichte / Utg. B. Schmeidler. Hannover, Leipzig, 1917.
- Annales Suecici medii aevi: Svensk medeltidsannalistik* / Komm., utg. G. Paulsson. Lund, 1974.
- Arboga stads tänkebok* / Utg. E. Noreen, T. Wenningström. Uppsala, 1940. Bd. III.
- Arboga stads tänkebok* / Utg. E. Noreen. Uppsala, 1950. Bd. IV.
- Biskop Hans Brasks registratur* / Textutgåva med inledning av H. Gunneng. Uppsala, 2003.
- Brev av Gustav Vasa* / Ett urval av N. Edén. Stockholm, 1917.
- DelaGardiska arkivet eller Handlingar ur Greffl. DelaGardiska Bibliotheket pa Loberod*. Stockholm, 1831. D. 1.
- Den heliga Birgitta*. Revelaciones extrauagantes / Utg. L. Hellman. Uppsala, 1956.
- Den heliga Birgitta*. Himmelska uppenbarelser / Till svenska av Tr. Lundén. Malmö, 1958. Bd. I—IV.
- Engelbrektskrönikan* / Redig., inled., kommen. S.-B. Jansson. Stockholm, 1994.
- Den heliga Birgitta och den helige Petrus av Skänninge*. Officium parvum beate Marie virginis. Vår Frus tidegård / Utg., inledning, övers. T. Lundén. Lund, 1976. Bd. I—II.
- Ericus Olai Chronica regni Gothorum* / Textkritische Ausgabe von E. Heuman und J. Öberg. Stockholm, 1993. Bd. I—II.
- Finlands medeltidsrökunder* / Samlade och i tryck utgifna af Finlands stadsarkiv genom Reinh. Hausen. Helsingfors, 1935. Bd.VIII.
- Handlingar rörande Skandinaviens historia*. Stockholm, 1816—1860
- Handlingar till Sverges reformations- och kyrkohistoria under Konung Gustaf I*. Stockholm, 1841—1842. Bd. I—II.
- Handlingar till upplysning af Finlands häfder* / Utg. A.I. Arwidsson. Stockholm, 1846—1849. Bd. I—III.
- Hans Brask*. Latinsk korrespondens 1523 / Utg. H. Roll. Stockholm, 1973.
- Heliga Birgittas uppenbarelser* / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1861.
- Huitfeldt A*. Danmarks Riges Krønike. København, 1977.
- Jonköpings stads tänkebok*. 1456—1548 / Utg. C.M. Kjellberg. Jonköping 1915—1919.
- Konung Christoffers landslag* / Samling af Sveriges gamla lagar utg. af D.C.F. Schlyter. Lund, 1869. Vol. XII.
- Konung Gustav den Förstes Registratur* / Handlingar rörande Sveriges historia. Ser. I. Stockholm, 1861—1916. Bd. I—XXIX.
- Konung Magnus Erikssons Landslag* / Samling af Sveriges gamla lagar utg. af D.C.F. Schlyter. Lund, 1862. Vol. X.

- Lagus W.G.* Handlingar och uppsatser rörande Finlands kyrko-historia. Helsingfors, 1845.
- Långhundra härads dombok 1545—1570 / Utg. N. Edling, O. Svenonius. Uppsala, 1946.
- Magnus Erikssons lanslag enligt Cod. Ups. B 23 / Utg. P.-A. Wiktorsson. Uppsala, 1989.
- Magnus Erikssons stadslag i nusvensk tolkning av Åke Holmback och Elias Wessén. Lund, 1966.
- Messenius J.* En lustigh och trowärdigh chrönika om Stockholm // Historiskt bibliotek / Utg. C. Silfverstolpe. Stockholm, 1875. D. 1.
- Olaus Magnus.* Historia om de nordiska folken / Komm. J. Granlund. Stockholm, 1976
- Olai Petri.* Svenska krönika / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1860.
- Olaus Petri.* Samlade Skrifter. Uppsala, 1914—1917. Bd. I—IV.
- Östgötalagen // Samling af Sveriges Gamla Lagar / Utg. C.F. Schlyter. Stockholm, 1830. Bd. II.
- Particularia om Konung Gustaf I // Samlingar i svenska historien. Uppsala, 1798. Hft. I.
- Peder Månssons skrifter på svenska / Utg. R.Geete. Stockholm, 1913—1915.
- Peder Swart.* Konung Gustav I:s krönika / Utg. N. Eden. Stockholm. 1912.
- Peder Swart.* Konung Gustav I:s krönika / Utg. G. Westin. Stockholm, 1960.
- Per Brahe den Äldres fortsättning av Peder Svarts krönika / Utg. O. Ahnfelt. Lund, 1896.
- Petri Benedicti redaktion af beslut vid 1527 års riksdag i Vesterås // Tidskrift för teologi / Utg. O. Ahnfelt. Lund, 1891. Årg. 1. S. 339—351.
- Privilegier, resolutioner och förordningar för Sveriges städer / Utg. N.Herlitz. Stockholm, 1927. Bd. I—II.
- Prosadikter från Sveriges medeltid / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1887—1889.
- Rimbert.* Vita Anskarii. Hannover, 1884.
- Samling af Biskopen Hans Brasks Bref. Linköping, 1793—1795. D. I—II.
- Samlingar i svenska historien. Uppsala, 1798. Hft. 1.
- Sancta Birgitta.* Revelaciones. B. VIII / Red. H. Aili. Uppsala, 2002,
- Saxonis Gesta danorum / Ed. J. Olrik, H. Ræder. København, 1931. Bd. I—II.
- Scriptores rerum svecicarum medii aevi. Uppsala, 1818. Bd. I—III.
- Småstycken på fornsvenska / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1868.
- Södermanna-Lagen // Samling af Sveriges Gamla Lagar / Utg. C.F. Schlyter. Lund, 1838. Bd. IV.
- Stiernman A.* Alla riksdagens och mötens besluth. Stockholm, 1728.
- Stockholms stads tänkeböcker. 1544—1548 / Utg. J.A. Almquist. Stockholm, 1936.
- Stockholms stads tänkebok. 1524—1529 / Utg. L. Larsson. Lund, 1929—1940.
- Svenska folkvisor. Stockholm, 1880. Bd. I—IV.
- Svenska landskapslagar / Tolkade och förklarade för nutidens svenskar av Å. Holmbäck och E. Wessén. Stockholm, 1979. Bd. I.
- Svenska medeltidens rimkrönikor / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1865—1868. Bd. I—III.
- Svenska medeltids dikter och rim / Utg. G.E. Klemming. Stockholm, 1882.
- Svenska medeltidspostillor utg. af Svenska fornskrift-sällskapet. Stockholm, 1905—1910. Bd. IV—V.
- Svenska riksdagsakter jämte andra handlingar som höra till statsförfattningens historia. I serien. Stockholm, 1887—1938. Bd. I—II.
- Svenskt diplomatarium. Stockholm, 1829—2006.
- Sveriges traktater med främmande makter / Utg. O.-S. Rydberg. Stockholm, 1877—1895. Bd. I—III.
- Tegel E.J.* Then Stoormechtighe, Högborne Furstes och Christelighe herres, Her Gustaffs, Fordom Sweriges, Göthes, och Wendes Konungs etc. Historia. Stockholm, 1622.
- The Swenskes och Göthers historia / Verteradt på Swenska aff Joh. Sylvio. Stockholm, 1678.

- Uppländska häradsrättsdomböcker från 1500-talet / Utg. N. Edling. Uppsala, 1941.
 Uppländska konungsdomar / Utg. Nils Edling. Uppsala, 1933.
 Upplandslagen // Samling af Sveriges Gamla Lagar / Utg. C.F. Schlyter. Stockholm, 1834.
 Bd. III.
 Vadstenadiariet. Latinsk text med översättning och kommentarer / Utg. C. Gejrot. Stockholm, 1966.

Литература

- Антонов В.А. «Земский мир» 1360 г. и политическая жизнь Дании в правление короля Вальдемара IV Аттердага (1340—1375) // СЕ. М., 1995. С. 34—54.
 Антонов В.А. Датская геральдика XII—XVII вв. М., 2008.
 Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999—2000. Т. 1—4.
 Далин О. История шведского государства. СПб., 1807—1809. Ч. 2—3.
 Дементьев Г.А. Введение Реформации в Швеции. СПб., 1892.
 Дементьев Г.А. Введение Реформации в Дании. СПб., 1900.
 История Дании. М., 1996.
 История Норвегии. М., 1980.
 История Швеции. М., 1974.
 Майер В.Е. Pamфлеты эпохи великой крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992
 Мысливченко А.Г. Философская мысль в Швеции. Основные этапы и тенденции развития. М., 1969.
 Накадзава А. Рукописание короля Магнуша. Исследования и тексты. СПб., 2003.
 Рыбаков В.В. Известия о Скандинавии в хронике Адама Бременского // СВ. М., 2003. Вып. 64. С. 190—206.
 Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.
 Савельева Е.А. Олаус Магнус. Л., 1983.
 Сванидзе А.А. Швеция в период Кальмарской унии. Начало сословной монархии (конец XV—начало XVI в.) // История Швеции. М., 1974. С. 114—128.
 Сванидзе А.А. О движущих факторах общественного развития Швеции в эпоху Кальмарской унии (конец XIV—начало XVI в.) // СС. Таллин, 1975. Вып. 20.
 Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980.
 Сванидзе А.А. Социальная характеристика шведского бюргерства в XIV—XV вв. // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6.
 Сванидзе А.А. Эпоха уний в Северной Европе // СВ. М., 1987. Вып. 50. С. 91—112.
 Сванидзе А.А. Купеческая среда и средневековая балтийская общность. // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурные взаимосвязи на Балтике. СПб., 1992.
 Сванидзе А.А. Северная Европа в XII—XIV вв. // История Европы. М., 1992. Т. II. С. 405—430.
 Сванидзе А.А. Король и его подданные в «Хронике Эрика» // СЕ. М., 1995. С. 12—33.
 Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955.
 Смирин М.М. Геста Иоханнессон. Церковная реформация в северных странах // СВ. М., 1961. Вып. XX. С. 309—313 [О докладе шведского ученого на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме].

- Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962.
- Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV— XVI вв.). М., 1969.
- Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978.
- Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.
- Чернышева О.В. Церковь и демократия. Опыт Швеции. М., 1994.
- Шведы: сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008.
- Щеглов А.Д. Олаус Петри. Личность на рубеже эпох // СЕ. М., 1999. Вып. 3. С. 46—55.
- Щеглов А.Д. Бюргерская редукция церковных земель в Швеции. К вопросу о роли города и бюргерства в Реформации // СВ. М., 2000. Вып. 61. С. 112—128.
- Щеглов А.Д. Олаус Магнус о России и русских (К вопросу об интерпретации образа) // Древнейшие государства Восточной Европы. Восточная и Северная Европа в Средневековье. М., 2001. С. 230—239.
- Щеглов А.Д. Реформация и шведский суд в 20-е—40-е гг. XVI в. // Право в средневековом мире. М., 2001. С. 155—165.
- Щеглов А.Д. Договор 1397 г. о Кальмарской унии // СВ. М., 2003. Вып. 64. С. 271—292.
- Щеглов А.Д. Святая Биргитта // СВ. М., 2004. Вып. 65. С. 324—334.
- Щеглов А.Д. Шведское Средневековье и XVI век в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки // СВ. М., 2007. Вып. 68 (2). С. 111—142.
- Щеглов А.Д. Вестеросский риксдаг 1527 г. и начало Реформации в Швеции. М., 2008.
- Щеглов А.Д. Олаус Петри о Кальмарской унии // Реформация и «Новая идеология» в Европе XVI—XVII вв. / Пред. А.К. Гладкова. Под ред. П.Ю. Уварова. М., 2010. С. 254—376.
- Ahlberg B. Luther i Norden // Reformationen i Norden. Lund, 1973.
- Ahlgqvist A.G. Om oroligheterna i Småland och Västergötland år 1529. Uppsala, 1863.
- Ahnlund N. Svenskt och tyskt i Stockholms äldre historia // Historisk Tidskrift. Stockholm, 1929. Årg. 49. S. 1—34.
- Ahnlund N. Engelbrekt. Tal och uppsatser. Stockholm, 1934.
- Ahnlund N. Olaus Petri och Stockholm // Samfundet Sankt Eriks Årsbok. Stockholm, 1952.
- Ahnlund N. Stockholms historia före Gustav Vasa. Stockholm, 1952.
- Aili H. et al. Röster från svensk medeltid. Stockholm, 1990.
- Almqvist J.-E. Tvenne förut otryckta juridiska skrifter av Olavus Petri // Lychnos. 1937. S. 130—147.
- Almqvist J.-E. Dödsdomen över Olavus Petri. Stockholm, 1940.
- Almqvist J.-E. Häradstingsprotokollen före 1614. Stockholm, 1945.
- Almqvist J.-E. Strödda bidrag till civilrättens historia. Stockholm, 1953.
- Almqvist J.-E. Svensk rättshistoria. Stockholm, 1958. Bd. 1—3.
- Andersson I. Källstudier till Sveriges historia 1230—1436. Lund, 1928.
- Andersson I. A History of Sweden. L., 1956.
- Andersson L. Pilgrimsmärken och vallfart: Medeltida pilgrimskultur i Skandinavien. Stockholm, 1989.
- Andersson R. Postillor och predikan. En medeltida texttradition i filologisk och funktionell belysning. Stockholm, 1993.
- Andren C.-G. Bibelöversättningsarbete i det medeltida Sverige // Den svenska Bibeln. Ett 450 — års jubileum. Stockholm, 1991. S. 13—21.
- Anthoni E. Mikael Agricolas uppgifter om kristendomens införande och den svenska befolkningen i Finland // Historisk tidskrift för Finland. Helsingfors, 1945. Årg. 30. S. 32—35.
- Anthoni E. Finlands medeltida frälse och 1500-tals adel. Helsingfors, 1970.
- Arbman H., Norborg, L.-A. Jonköpings stads historia. Varnamo, 1963. D. I.

- Arnoldsson S.* Ericus Olai och periodindelningen i Sveriges historia. Göteborg, 1953.
- Askmark R.* Svensk prästutbildning fram till år 1700. Lund, 1993.
- Attius Sohlman M.* "Moscovitae fidem christianam sequuntur". Om synen på det medeltida ortodoxa Ryssland genom några samtida västeuropeiska resenärer. Umeå, 1994.
- Bagerius H., Ekholm C.* En olydig sodomit: Om Magnus Eriksson och det heteronormativa regentskapet // *Scandia*. 2008. S. 7—38
- Barnes R.B.* Astrology and Reformation. Oxford, 2016.
- Behre G., Larsson L.O., Österberg E.* Sveriges historia 1521—1809. Stockholm, 1985.
- Bendz G.* [Rec.:] Nurin-Heuman E. Källkritiska <...> studier till Ericus Olais Chronica Gothorum // *Scandia*. 1944.
- Berg G.* Bidrag till den inre statsförvaltningens historia under Gustav den förste. Stockholm, 1893.
- Bergendoff C.* Olavus Petri and the Ecclesiastical Transformation in Sweden. 1521—1552. Philadelphia, 1965.
- Berntson M.* "Västgötaherrarnas uppror" — Ett försök till nytolkning // *Kyrkohistorisk Årsskrift*. Uppsala, 2000. S. 97—116.
- Blom J.* Gustaf Eriksson Wasa såsom flyktning i Dalarna. 1520—1521. Falun, 1901.
- Blomqvist G.* Schacktavelslek och Sju vise mästare: Studier i medeltidens litteraturhistoria. Stockholm, 1941.
- Boye T.* "Sturekrøniken": Profiler i nordisk senmiddelalder og renaissance. Århus, 1983.
- Brendler G.* Martin Luther: Theologie und Revolution. Berlin, 1983.
- Brilioth Y.* Kyrkomötet i Örebro 1529 // *Tidskrift för kyrkomusik och svenskt gudstjänstliv*. 1929. Bd. IV. S. 49—53.
- Brilioth Y.* Den senare medeltiden. 1274—1521 // *Svenska kyrkans historia*. Uppsala, 1941.
- Brilioth Y.* Predikans historia. Lund, 1945.
- Brilioth Y.* Medeltiden // *Handbok i svensk kyrkohistoria* Stockholm, 1948. D. I.
- Brilkman K.* Undersåten som förstod: Den svenska reformatoriska samtalsordningen och den tidigmoderna integrationsprocessen. Helsingborg, 2013.
- Brilkman K.* Konfessionalisering, konfessionskonflikt och konfessionskultur under tidigmodern tid // *Scandia*. 2016. Bd. 82. Hft. 1. S. 93—106.
- Burger E.* Deutsche Kirchenmelodien in Schweden: Ein Beitrag zur Geschichte der Schwedischen Reformation. Uppsala, 1933.
- Carlsson G.* Gustav Vasas kröningsed // *Historisk Tidskrift*. Stockholm, 1946. Hft. 66. S. 321—332.
- Chadwick O.* The Reformation. Harmondsworth, 1973.
- Chess and Allegory in the Middle Ages: A Collection of Essays*. Stockholm, 2005.
- Christensen A.E.* Kalmarunionen og nordisk politik. Copenhagen, 1980.
- Christianity and Revolution. Radical Christian Testimonies / Ed. by H. Zuck.* Philadelphia, 1975.
- Cnattingius H.* Studies in the Order of St. Bridget of Sweden. Uppsala, 1963.
- Dahlbäck G.* I medeltidens Stockholm. Stockholm, 1988.
- Dalin O.* Svea rikets historia ifrån des begynnelse til våra tider. Stockholm, 1760. D. III. Bd. 1. Den svenska Bibeln. Ett 450-års jubileum. Stockholm, 1991.
- Den svenska litteraturen*. Stockholm, 1987. Bd. I.
- Dickens A.G., Tonkin J., Powell K.* The Reformation in Historical Thought. Cambridge (Mass.), 1985.
- Du Cange C.* Glossarium mediae et infirmae latinitatis. Graz, 1954.
- Edén N.* Om centralregeringens organisation under den äldre Vasatiden. Uppsala, 1899.
- Enemark P.* Fra Kalmarbrev til Stockholms blodbad. København, 1979.
- Engeström S.* Olavus Petri och den medeltida kristendomen // *Uppsala Universitetets Årsskrift*, 1941.

- Erik den helige: historia, kult, relikier. Stockholm, 1954.
- Etzler A.* Sancte Örjans gille // Med hammare och fackla: Årsbok utgiven av Sancte Örjans Gille. Stockholm, 1931.
- Fagerlund R., Jern K., Villstrand, N.-E.* Finlands historia, 2. Ekenäs, 1993.
- Falk A.* Gustaf Vasas utrikespolitik med afseende på handeln. Stockholm, 1907.
- Fant E.M.* Specimen academicum de episcopo Lincopiensi Johanne Brask, religionis romano-catholicae in Svecia hyperaspiste. Uppsala, [1790].
- Ferm O.* Frälsejordens fördelning och omfattning // Historisk tidskrift. Stockholm, 1987. Årg. 107.
- Ferm O.* Heliga Birgittas program för uppror mot Magnus Eriksson // Heliga Birgitta — budskapet och förebilden. Stockholm, 1993.
- Ferm O.* När och för vem skrev Ericus Olai sin Chronica regni gothorum? // Lychnos 1993. S. 151—153.
- Ferm O.* Olaus Petri och Heliga Birgitta. Synpunkter på ett nytt sätt att skriva historia i 1500-talets Sverige. Stockholm, 2007.
- Ferm O.* Kung Magnus och hans smädenamn Smek. Stockholm, 2009.
- Forsell H.* Sveriges inre historia från Gustaf I. Stockholm, 1877—1881.
- Fredriksson I.* Mikael Agricolas bibliska företal. Umeå, 1985.
- Fritz B.* Hus, land och län: Förvaltningen i Sverige 1250—1434. Stockholm, 1973.
- Fritz B.* Kung Magnus Erikssons planer för Vadstena klosterkyrka — och Birgittas // Kongsmenn og krossmenn: Festskrift till Grethe Authén Blom, Trondheim 1992. S. 115—129
- Ganssler H.-J.* Evangelium und weltliches Schwert. Wiesbaden, 1983.
- Gardemeister C.* Den suveräne Guden. En studie i Olavus Petris teologi. Lund, 1989.
- Geijer E.G.* Svenska folkets historia. Stockholm, 1926. Bd. II.
- Gillingstam H.* Ätterna Oxenstierna och Vasa under medeltiden. Stockholm, 1952.
- Goda exempel: värderingar och världsbild i tidigmodern sakprosa. Uppsala. 2010.
- Gray J.M.* Oaths and the English Reformation. Cambridge, 2013.
- Gummerus J.* Michael Agricola — der Reformator Finnlands. Helsinki, 1941.
- Gunneng H.* Biskopen som stiftsdomare // Kyrka i bruk: Meddelanden från Östergötlands länsmuseum. Linköping, 1996.
- Gustafson A.* Den svenska litteraturens historia. Stockholm, 1963. Bd. I.
- Hafström G.* De svenska rättskällornas historia. Lund, 1966.
- Hagnell K.* Sturekrönikan 1452—1496: Studier över en rimkrönikas tillkomst och sanningvärde. Lund, 1941
- Hallencreutz C.-F.* Ansgar: visionär och politiker. Uppsala, 1980.
- Hallencreutz C.-F.* Reformatorn Olaus Petri som missionshistoriker // Kyrkohistorisk årskrift Uppsala, 1983. Årg. 83. S. 11—20.
- Hallman J.G.* The twenne bröder och Nerikeboer som then Evangeliska läran införde uti Nordlanden. Stockholm, 1726.
- Hammar G.* Olaus Petri samhällssyn // *Hammar G.* Svenska bildningsvägar. Stockholm, 1947.
- Hammarström M.* Glossarium till Finlands och Sveriges latinska medeltidsurkunder. Helsingfors, 1925.
- Hammarström I.* Finansförvaltning och varuhandel. 1504—1540. Uppsala, 1956.
- Harrison D.* Karl Knutsson: En biografi. Lund, 2004.
- Heckscher E.-F.* Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Stockholm, 1932.
- Heckscher E.-F.* Svenskt arbete och liv. Stockholm, 1941.
- Hellström G.* Stockholms stads herdaminne från reformationen intill tillkomsten av Stockholms stift. Stockholm, 1951.
- Hennes röst skall horas. Om den heliga Birgitta. Uppsala, 1973.
- Hildebrand E.* Gustav Vasa. 1521—1560 // Sveriges historia intill tjugonde seklet. Stockholm, 1903. Bd. III.

- Hildebrand E. [Rec.:] Tunberg S. Västerås riksdag 1527 // Historisk tidskrift. Stockholm, 1915. Årg. 34.
- Hildeman K.-I. Politiska visor från Sveriges senmedeltid. Stockholm, 1950.
- Historia kring Stockholm: Vasatid och stormaktstid. Stockholm, 1952.
- Hjärne H. Ur det förgångna: Historia och politik. Stockholm, 1912.
- Hoffmann E. Die heiligen Könige bei den Angelsachsen und den skandinavischen Völkern. Neumünster, 1975.
- Holmquist H. Reformationstidevarvet 1521—1611 // Svenska kyrkans historia / Utg. av H. Holmquist och H. Pleijel. Uppsala, 1933. Bd. III.
- Holmquist H. Från reformationen till romantiken // Handbok i svensk kyrkohistoria. Stockholm, 1940. Bd. II.
- Holtmark A. Norrøn mytologi: Tro och myter i vikingtida. Oslo, 1989.
- Hägglund B. Grundtankar i Olavus Petris undervisning // Svensk teologisk kvartalskrift. 1960. Bd. 36. S. 48—59.
- Högman B. Heliga Birgittas originaltexter. Uppsala, 2002.
- Hørby K. Reformationens indførelse i Danmark. København, 1968.
- Hørby K., Venge M. Danmarks historie. København, 1980. Bd. 2.
- Ingebrand S. Olavus Petris reformatoriska åskådning. Uppsala, 1964.
- Inger G. Svensk rättshistoria. Lund, 1980.
- Ingers E. Bönder i svensk historia. Stockholm, 1949.
- Jacobsen G. Nordic Women and the Reformation // Women in Reformation and Counter-Reformation Europe. Bloomington, Indianapolis, 1989.
- Jansson S.-B. Medeltidens rimkrönikor: Studier i funktion, stoff, form. Stockholm, 1971.
- Johannesson K. Gotisk renässans: Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982.
- Johannesson K. Adam och hednatemplet i Uppsala // Adam av Bremen, Historien om Hamburgstiftet / Övers. Em. Svenberg. Stockholm, 1984.
- Johannesson K. En ny start för Sverige? Drömmar och visioner under Gustav Vasas tid. // 1593 — De vidare perspektiven. Uppsala, 1993.
- Jonson B. Bibelns historia efter reformationen // Den svenska Bibeln. Ett 450 — års jubileum. Stockholm, 1991. S. 22—46.
- Kan A.S. En avhandling om vasarnas heraldik, en kulturhistorisk antologi, en handbok i russofobi... // Historisk tidskrift för Finland. Helsingfors, 1998. Årg. 83. S. 590—594.
- Kan A.S. Sverige och Ryssland: Ett 1200-årigt förhållande. Stockholm, 1996.
- Katajala K. Uppror, resning och allians: Klubbekriget i senmedeltidens solnedgång // Historisk tidskrift för Finland. Helsingfors, 2000.
- Kaufmann T. Der Anfang der Reformation. Tübingen, 2012.
- Kellerman G. Jakob Ulvsson och den svenska kyrkan. Stockholm, 1935.
- Keralio [L.F.G.] Notice d'un manuscrit suédois de la Bibliothèque du roi. P., 1787.
- Keralio [L.F.G.] Chronicon regum sueciae scriptum ab Olao Petri / Nach einer schwedischen Handschrift herausgegeben. Hildburghausen, 1793.
- Kingdon R.M. Church and Society in Reformation Europe. L., 1985.
- Kjöllerström S. Kyrka och stat i Sverige efter reformationen // Svensk teologisk kvartalskrift. 1953. Bd. 29.
- Kjöllerström S. Guds och Sveriges lag under reformatiostiden. Lund, 1957.
- Kjöllerström S. Riksdagen i Västerås och "goda, gamla, kristliga sedvanor" // Historisk Tidskrift. Stockholm, 1960. Årg. 80.
- Kjöllerström S. Västerås Ordinantia // Scandia. 1960. Bd. 26.
- Kjöllerström S. Västgötaherrarnas uppror // Scandia. 1963. Bd. 29.
- Kjöllerström S. Kråkla och mitra. En undersökning om biskopsvigningar i Sverige under reformationstidevarvet. Lund, 1965.

- Kjöllerström S.* Kyrka och samhälle i Sverige efter reformationen. Promotionsföreläsning i Lunds domkyrka. Lund, [1967].
- Kjöllerström S.* Gustav Vasa och reformatorerna // *Scandia*. 1970. Bd. 35.
- Kjöllerström S.* Gustav Vasa, klockskatten och brytningen med Lubeck. Lund, 1971.
- Klockars B.* Birgittas värld. Uppsala, 1973.
- Klockars B.* I Nådens dal. Klosterfolk och andra c. 1440—1590. Helsingfors, 1979.
- Klockhoff A.* Danviks hospital. Dess rättsliga ställning. Uppsala, 1935.
- Kontinuität und Umbruch. Theologie und Frömmigkeit in Flugschriften und Kleinliteratur an der Wende vom 15 zum 16 Jahrhundert. Stuttgart, 1978.
- Kraft S.* En pamflett mot Magnus Eriksson i dess idépolitiska och litterära miljö // *Historisk tidskrift*. 1927.
- Kraft S.* Linköping under Hans Brasks tvekamp mot Gustav Vasa // *Linköpings historia*. Linköping, 1975. Bd. I. S. 287—350.
- Kristnandet i Sverige: Gamla källor och nya perspektiv. Uppsala, 1996.
- Krohn K.* Skandinavisk mytologi. Stockholm, 1922.
- Kroon S.* Det svenska prästmötet under medeltiden. Lund, 1948.
- Kumlien K.* Karl Knutssons politiska verksamhet 1434—1448, Stockholm, 1933.
- Kumlien K.* Karl Knutsson i Preussen: 1457—1464. Uppsala, 1940.
- Kumlien K.* Sverige och hanseaterna. Stockholm, 1953.
- Kumlien K.* Västerås till 1600-talets början // *Västerås genom tiderna*. Västerås, 1971.
- Kumlien K.* Historieskrivning och kungadöme i svensk medeltid. Stockholm, 1979.
- Kyrka och socken i medeltidens Sverige. Stockholm, 1991.
- Lagerquist L., Åberg N.* Gustav Eriksson (Vasa) i Dalarna, 1520—1521. Stockholm, 1988.
- Larsson L.J.* Reforming the North: The Kingdoms and Churches of Scandinavia 1520—1545. Cambridge, 2010.
- Larsson L.-O.* [Rec.:] Harrison D. Uppror och allianser // *Scandia*. 1996. Bd. 62. S. 287—289.
- Laurén C.* Predikanten som översättare. Mechtilds uppenbarelser i Jön Buddes fornsvenska version — handskrift och översättningsteknik. Borgå, 1972.
- Lauring P.* A History of the Kingdom of Denmark. Copenhagen, 1976.
- Leffler L.F.* Om den fornsvenska hednalagen // *Kongl. vitterhets historie och antikvitets akademiska månadsblad*. Stockholm, 1879. Årg. 8. S. 103—104.
- Lehikoinen L.* Suomea ennen ja nyt. Suomen kielen kehitys ja vaihtelu. [Helsinki], 1994.
- Lexikon für Theologie und Kirche. Freiburg, 1957.
- Liedgren E.* Svensk psalm och andlig visa. Stockholm, 1926.
- Liedgren J.* Riksarkivets samling av kopieböcker från medeltiden och senare avskriftssamlingar rörande samma tid. [Otryckt]. Stockholm, 1958.
- Lilja S.* Kalmar under Gustav Vasa och hans söner // *Kalmar stads historia*. Kalmar, 1982. Bd. II. S. 193—307.
- Lind J.H.* Magnus Eriksson som birgittinsk konge i lyset av russiske kilder // *Tore Nyberg, red., Birgitta, hendes værk og hendes klostre i Norden*. Odense, 1991.
- Lind J.H.* The Russian Testament of King Magnus Eriksson — a Hagiographic Text? // *Medieval Spirituality in Scandinavia and Europe*. Odense, 2001. S. 195—212.
- Lindhardt P.G.* Reformationen i Norden i komparativ belysning // *Reformationen i Norden*. Lund, 1973.
- Lindquist D.* Första-mässan i Stockholm. Stockholm, 1945.
- Lindström M.* Olavus Petri — en dogmhistorisk kontur // *Svensk teologisk kvartalskrift* 1952. Bd. 28.
- Ljung S.* Enköpings stads historia. Enköping, 1963. Bd I.
- Ljung S.* Norrköpings historia intill 1568 // *Norrköpings historia*. Stockholm, 1965. Bd. IV.
- Ljungberg B.* Ansgar och Björkö. Stockholm, 1945.

- Lundén T.* Svenska helgon. Stockholm, 1972.
- Lundén T.* Sveriges missionärer, helgon och kyrkogrundare. Storuman, 1983.
- Lundmark E.* Redaktionerna av Olavus Petris svenska krönika // Vetenskaps-Societeten i Lund Årsbok. Lund, 1940. S. 13—76.
- Lundquist S.* Gustav Vasa och Europa. Uppsala, 1960.
- Lönnroth E.* Sverige och Kalmarunionen. Göteborg, 1934.
- Lönnroth E.* Från svensk medeltid. Stockholm, 1959.
- Lönnroth L., Delblanc S.* Från forntid till frihetstid 800—1718 // Den Svenska litteraturen, 1987. Bd. I.
- Löw G.* Sveriges forntid i svensk historieskrivning. Stockholm, 1908.
- Magnusson L.* Sveriges ekonomiska historia. Stockholm, 1996.
- Maliniemi A.* Suomen keskiaikainen kirjallisuus // Suomen kirjallisuus. Helsinki, 1963. Bd. II.
- Malmstedt G.* Helgdagsreduktionerna. Övergången från ett medeltida till ett modernt år i Sverige 1500—1800. Göteborg, 1994.
- Master Golyas and Sweden: The Transformation of a Clerical Satire / Ed. by O. Ferm, B. Morris.* Stockholm, 1997. *McCulloch D.* All Things Made New: The Reformation and Its Legacy. Oxford, 2016.
- Mikael Agricolan kieli.* Helsinki, 1988.
- Montgomery I.* Värjostånd och lärostånd. Religion och politik i meningsutbytet mellan kungamakt och prästerskap i Sverige 1523—1594. Lund, 1952.
- Montgomery I.* La Réforme en Suède. P., 1983.
- Morris B.* Sources for a Swedish Satire // Scandinavian Studies. 1991. Vol. 63. № 2. S. 199—213.
- Munch P.A.* Om kilderne til Sveriges historie i den førkristelige tid // Annaler for nordisk oldkyndighed og historie. København, 1858.
- Munktell I.-M.* Gods, godsägare och landbor 1450—1520. Göteborg, 1982.
- Murray R.* Olavus Petri. Stockholm, 1952.
- Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976.
- Nilsson S.A.* Krona och frälse i Sverige 1523—1594. Lund, 1947.
- Nilsson S.A.* Kampen om de adliga privilegierna 1526—1594. Lund, 1952.
- Norborg L.-A.* Västgötherrarnas uppror // Scandia. 1961. Bd. 27. S. 235—295.
- Norborg L.-A.* Krona och stad i Sverige under äldre Vasatid // Historisk Tidskrift. Stockholm, 1963. Bd. 83.
- Norborg L.-A.* Källor till Sveriges historia. Lund, 1968.
- Nordberg M.* I kung Magnus tid: Norden under Magnus Eriksson 1317—1374. Stockholm, 1995.
- Noreen A.* Altnordische Grammatik. Halle, 1904. Bd. II.
- Noreen E.* Skämtan om abbotar // Svensk litteraturtidskrift. Stockholm, 1941. Bd. 4. S. 189—196.
- Nygren E.* Ericus Olai // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm, 1953. Vol. 14.
- Nyrin-Heuman E.* Källkritiska, textkritiska och språkliga studier till Ericus Olais Chronica gothorum. Lund, 1944.
- Oberman H.* Werden und Wertung der Reformation. Tübingen, 1979.
- Olaus Petri — den mångsidige svenske reformatorn.* Uppsala, 1994.
- Olsson G.* Stat och kyrka i Sverige vid medeltidens slut. Göteborg, 1997.
- Olsson H.* Johannes Messenius Scandia illustrata. Lund, 1944.
- Ozment S.* The Reformation in the Cities. Yale, 1975.
- Ozment S.* The Age of Reform, 1250—1550. L., 1980.
- Ozment S.* When Fathers Ruled: Family Life in Reformation Europe. Cambridge, 1983.
- Palme S.-U.* Sten Sture den äldre. Stockholm, 1950.

- Parvio M.* Mikael Agricola ja hänen Uusi testamenttinsa // Sananjalka. Turku, 1968. Bd. 10. S. 13—36.
- Petersson C.* Biskop Brask och glimtar från hans samtid. Klockvike, 1983.
- Peterzen I.* Studier rörande Stockholms historia under Gustav Vasa. Stockholm, 1959.
- Pirinen K.* Källorna till Stockholms blodbad i kanonistisk belysning // Historisk tidskrift. Stockholm, 1955. Årg. 75.
- Pirinen K.* Bibelhumanism och reformation // Reformationen i Norden. Lund, 1973.
- På Guds og Herskabs nåde // Danmarks historie.* København, 1989. Bd. 7.
- Rahner K.* Encyclopedia of Theology. The Concise Sacramentum Mundi. N.Y., 1975.
- Ranehök A.* Centralmakt och domsmakt. Studier kring den högsta rättskipningen i kung Magnus Erikssons länder 1319—1355. Uppsala, 1975.
- Rapola M.* Mikael Agricola ja suomenkielen proosan alku // Suomen kirjallisuus. Bd. II. Reform statt Reformation: Die Kirchenpolitik Herzog Georgs von Sachsen. Tübingen, 2008.
- Reformationen i Norden.* Lund, 1973.
- Reformationens konsolidering i de nordiska länderna.* Oslo, 1990.
- Reinholdsson P.* En förlorad historia: Kring ett försök till en ny tolkning av den svenska reformationen // Scandia. 1996. Bd. 62. S. 5—22.
- Reinholdsson P.* Uppror eller resningar? Samhällsorganisation och konflikt i senmedeltidens Sverige. Uppsala, 1998.
- Riising A.* Danmarks middelalderlige praedikener som kilder til samfundshistorien / II. Nordiska historikermötet // Historiallinen Arkisto. Helsingfors, 1968. Vol. 63.
- Riksrarkivets beståndsoversikt.* Stockholm, 1998. D. 2.
- Roberts M.* On Aristocratic Constitutionalism in Swedish History. 1520—1720. L., 1966.
- Roberts M.* The Early Vasas. A History of Sweden. Cambridge, 1968.
- Ropp G., von der.* Zur Deutsch-Skandinavischen Geschichte des XV Jahrhunderts. Leipzig, 1876.
- Rothlieb C.* Olavus Petris statsrättsliga ideer // Statsvetenskaplig tidskrift. 1951. Bd. 54.
- Runer J.* Huvudtionde, odal och prästgårdar // Historisk tidskrift. 2012. Bd. 132. S. 595—623.
- Rübner Jørgensen K.* Birgitta prophetans: The Use of St. Birgitta's Revelations in Early Sixteenth Century Controversies // Medieval Spirituality in Scandinavia and Europe. P. 295—307.
- Rydh H.* Olaus Petri: En levnadsteckning. Uppsala, 1917.
- Samuelsson S.* Om traditionen som källa för Gustaf Vasas äfventyr i Dalarna // Historiska studier tillägnade professor Harald Hjärne. Uppsala, 1908.
- Sawyer B., Sawyer P.* Medieval Scandinavia. Minneapolis, 1993.
- Scheglov A.* Bilden av Ryssland och ryssar i svenska källor fram till 1500-talet // Tankar om ursprung: Forntid och medeltid i nordisk historieanvändning. Stockholm, 2009. S. 67—79.
- Scheglov A.* [Rec.:] Stobaeus P. Hans Brask: En senmedeltida biskop och hans tankevärld // Kyrkohistorisk årsskrift. Uppsala, 2009. Årg. 109. S. 206—210.
- Scheglov A.* [Rec.:] Ågren H. Erik den helige — landsfader eller beläte? En rikspatrons öde i svensk historieskrivning från reformationen till och med upplysningen // Kyrkohistorisk Årsskrift. Uppsala, 2013. Årg. 113. S. 205—208.
- Scheglov A.* "Såsom han hade itt skröpelighet liffuerne": Beskrivningen av kung Magnus Eriksson i Olaus Petris krönika och i de medeltida källorna // Historisk tidskrift för Finland. Helsingfors, 2013. Årg. 98. № 3. S. 374—405.
- Scheglov A.* Till frågan om namnet "Smek" i det medeltida Sverige // Historisk tidskrift. Stockholm, 2013. Årg. 133. № 4. S. 673—675.
- Scheglov A.* Ericus Olai och Adam av Bremen // Historisk tidskrift. Stockholm, 2014. Bd. 133. Hft. 4. S. 145—169.
- Schmid T.* Sveriges kristnande: Från verklighet till dikt. Stockholm, 1934.

- Schmid T.* Birgitta och hennes uppenbarelser. Lund, 1940.
- Schmid T., Nygren E.* En bönbok från Vadstena kloster. Tvenne uppsatser om en år 1950 nyupptäckt handskrift. Stockholm, 1952.
- Schüick H.* Olavus Petri: Ett fyrahundraårsminne. Stockholm, 1893.
- Schüick H.* Olavus Petri. Stockholm, 1906.
- Schüick H.* Illustrerad svensk litteraturhistoria. Stockholm, 1926.
- Schüick H.* Ecclesia Lincopensis. Studier om Lincopingskyrkan under medeltiden och Gustav Vasa. Stockholm, 1959.
- Schüick H. et al.* Riksdagen genom tiderna. II. Uppl. [Stockholm], 1992.
- Silven-Garnett E., Söderlind I.* Ett annat Sverige: Dokument om folkets kamp 1200—1700. Stockholm, 1980.
- Sjödin L.* Tillkomsten av Olaus Petris krönika // Historisk tidskrift. Stockholm, 1921. Bd. 41. S. 48—68.
- Sjödin L.* Västerås möte 1527. Ett fyrahundraårsminne // Historisk tidskrift. Stockholm, 1928. Bd. 47.
- Skyum-Nielsen N.* Blodbadet i Stockholm og dets juridiske maskering. København, 1964.
- Smolinsky H.* Augustin von Alveltdt und Hieronymus Emser. Ein Untersuchung zur Kontroverstheologie der frühen Reformationzeit im Herzogtum Sachsen. Münster, 1983.
- Stavenow L.* Olaus Petri som historieskrivare. Göteborg, 1898.
- Stjerna K.* Erik den helige: en sagohistorisk studie. Lund, 1898.
- Stobaevus P.* Hans Brask: En senmedeltida biskop och hans tankevärld. Skellefteå, 2008.
- Stolt B.* Olaus Petri och Martin Luther. Vad säger översättningarna? // Olaus Petri — den mångsidige svenske reformatorn. Uppsala, 1994.
- Strindberg A.* Svenska folket. Stockholm, 1912.
- Ström F.* Nordisk hedendom: Tro och sed i förkristen tid. Göteborg, 1985.
- Sundmark S.F.* Sjukbesök och dödsberedelse. Sockenbudet i svensk medeltida och reformatorisk tradition. Skellefteå, 2008.
- Suomen historia. [Helsinki et al.], 1985. Bd. II.
- Suomen kirkkon historia / Toim. K. Pirinen. Porvoo, 1991.
- Svalenius I.* Gustav Vasa. Stockholm, 1963.
- Svanberg J.* Obscene and Blasphemous Motifs in Swedish Medieval Art // Master Golyas and Sweden. Stockholm, 1997. P. 453—499.
- Svanberg J., Qvarnström A.* Sankt Göran och draken. Stockholm, 1998.
- Svennung J.* Från senantik och medeltid. Lund 1969. Bd. I.
- Svensk predikan från reformationen till frihetstiden i urval av Albert Wilfstrand. Stockholm, 1960.
- Svenska kyrkans historia / Utg. H. Holmquist och H. Plejel. Stockholm, 1933. Bd. I—III.
- Svensson L.* Nordisk paleografi. Lund, 1974.
- Sveriges national-litteratur. Stockholm, 1912. Bd. I.
- Sveriges riksdag. Historisk och statsvetenskaplig framställning. Stockholm, 1931. Bd. 1—2.
- Söderwall K.F.* Ordbok över svenska medeltidsspråket. Supplement av K.F. Söderwall, W. Akerlund, K.G. Ljunggren, E. Wessén. Lund, 1925—1973.
- Tankar om ursprung. Forntiden och medeltiden i nordisk historieanvändning. Stockholm, 2009.
- Tanke och tro: Aspekter på medeltidens tankevärld och fromhetsliv. Stockholm, 1987.
- Tarkiainen K.* "Vår gamble arffinde ryssen". Synen på Ryssland i Sverige 1595—1621 och andra studier kring den svenska Rysslandsbilden från tidigare stormaktstid. Uppsala, 1974.
- Tarkiainen K.* Att vara på sin vakt när man brevväxlar med kungar och upprorsmän // Källor till den svenska historien. Årsbok för Riksarkivet och Landsarkiven. Stockholm, 1993. S. 60—64.
- Tarkiainen V., Tarkiainen K.* Mikael Agricola: Suomen uskonpuhdistaja. Helsinki, 1985.

- Tengström L.* "Muschoviten... turcken icke olijk". Ryssattribut och deras motbilder i svensk heraldik från Gustav Vasa till freden i Stolbova. Jyväskylä, 1997. Bd. I—II. The Scandinavian Reformation. Cambridge, 1995.
- Thompson J.C.* The Political Thought of Martin Luther. Brighton, 1984.
- Tjällén B.* Church and Nation. The Discourse on Authority in Ericus Olai's "Chronica regni Gothorum". Stockholm, 2007.
- Toldberg H.* Erikskrönikans omarbaidelse og fortsættelse // Arkiv för nordisk filologi. 1962.
- Torstendahl R.* Källkritik och vetenskapssyn i svensk historisk forskning. Uppsala, 1964.
- Tunberg S.* Västerås riksdag 1527. Några kritiska anmärkningar // Uppsala Universitetets årsskrift. Uppsala, 1913. Bd. 1.
- Tunberg S.* Äldre medeltiden. Stockholm, 1926.
- Uppsala stads historia. Uppsala, 1954.
- Wahlund P.-E.* Frändskaper. Stockholm, 1979.
- Vainio C.* Reformation och auktoritet. [Rec.:] Auktoritet i förvandling. Omförhandling av fromhet, lojalitet och makt i reformationens Sverige // Historisk tidskrift för Finland. Helsingfors, 2013. S. 406—408.
- Valda stycken av svenska författare. 1526—1732 / Utg. E. Noreen. Stockholm, 1967.
- Weibull L.* Stockholms blodbad // Scandia. 1928. Bd. 1.
- Weibull L.* Västerås riksdag 1527 // Scandia. 1937. Bd. 10.
- Werner Y.-M.* [Rec.:] Nyman M. Förlorarnas historia // Scandia. 1998. Bd. 68. S. 119—122.
- Wessén E.* De nordiska språken. Stockholm, 1989.
- Westerbergh U.* Glossarium till medeltidslatinet i Sverige. Stockholm, 1968.
- Westin G.T.* Historieskrivaren Olaus Petri. Svenska krönikans källor och krönikeförfattarens metod. Lund, 1946.
- Westin G.T.* Olaus Petri, Peder Svart och Gustav Vasa: Religion, politik och historieskrivning i början av 1500-talet. Stockholm, 2002.
- Westman K.-B.* Reformation och revolution: En Olavus Petristudie // Uppsala universitetets årsskrift, 1941.
- Vries J., de* Altgermanische Religionsgeschichte II. Berlin, 1957.
- Väst möter Öst: Norden och Ryssland genom historien. Stockholm, 1996.
- Yrving H.* Gustav Vasa, kröningfrågan och Västerås riksdag 1527. Lund, 1956.
- Zachrisson T.* [Rec.:] Auktoritet i förvandling. Omförhandling av fromhet, lojalitet och makt i reformationens Sverige // Scandia. 2013. S. 190—191.
- Zjeltuchin A.* Svenska handskrifter i St. Petersburg // Arkiv hemma och ute. Årsbok för Riksarkivet och Landsarkiven. Stockholm, 1995. S. 173—189.
- Zheltukhin A.* Orthographic Codes and Code-switching. A Study in XVI-th Century Swedish Orthography. Stockholm, 1996.
- Åberg A.* Läsnig av gamla handstilar. Stockholm, 1969.
- Ågren H.* Erik den helige — landsfader eller beläte? En rikspatrons öde i svensk historieskrivning från reformationen till och med upplysningen. Lund, 2012.
- Ågren M.* Gustav Vasas fogdar — centralmaktens förlängde arm. [Rec.:] Hallenberg M. Kungen, fogden och riket. Lokalförvaltning och statsbyggande under tidig Vasatid // Historisk tidskrift. 2003. S. 592—598.
- Öberg J.* Das Urkundenmaterial Skandinaviens. Opladen, 1977.
- Österberg E., Lindström D.* Crime and Social Control in Medieval Swedish Towns. Uppsala, 1988.

Указатель имен*

- Аблавий – 234.
Августин – 190.
Агрикола, Микаэль – 229.
Адалвард, миссионер – 232, 240–242, 244–245.
Адам Бременский – 203, 238–242, 298, 347.
Адриан VI, папа – 39, 41, 43, 101.
Аксель Андерссон – 34, 123.
Александр Македонский – 235.
Альбрехт Бранденбург-Ансбахский, герцог – 63.
Альквист, Альфред Густав – 169.
Альрик, легендарный конунг – 224.
Амунд Мерзкий (Эмунд Старый), король – 246, 282.
Андерс Симонссон – 162.
Андрен, Оке – 86.
Ангарий, миссионер – 201, 206, 210, 240–244, 248, 298.
Антоний – 201.
Анунд Якоб (Амунд Углежог), король – 226, 243, 246.
Анфельт, Отто – 104.
Арнольдссон, Сверкер – 235–236.
Бекер, Ламберт – 71.
Белленак, Йенс, епископ – 38.
Бенгт Биргерссон, епископ – 253.
Бергендофф, Конрад – 11, 194.
Бернард, миссионер – 243.
Бернтсон, Мартин – 173, 178
Бёкман, Ханс – 36.
Биргер, ярл – 251.
Биргитта, святая (Биргитта Биргерсдоттер) – 39, 49, 144, 214, 256–261, 277, 348.
Бланка (Бланш Намюрская), королева – 257.
Бобкова М.С. – 20.
Бомхоувер, Берендт – 31.
Ботвид, епископ – 206–207, 218, 228.
Бранд Готскалькссон – 36.
Браск, Ханс, епископ – 5, 16, 31, 34–35, 38–39, 42–58, 69–72, 75, 77, 88, 100–102, 109, 119–120, 141, 144, 147, 170, 172–173, 175, 289, 291–292, 315.
Брахе, Пер (старший) – 79, 90, 290.
Буцер, Мартин – 184.
Бьельке, Анна – 229.
Бьельке, Туре Эрикссон – 147.
Бьельке, Хогеншильд – 18–19, 127, 147, 229.
Бьёрн Клауссон – 34, 123.
Бьёрн, конунг – 240–241, 243–244.
Валент, император – 237.
Валла, Лоренцо – 200.
Вальдемар Аттердаг, король – 225, 257, 259, 261, 347.
Вальдемар Биргерссон, король – 224, 251–252, 254.
Вейбуль, Лауритц – 12–13, 78, 84, 97, 110.
Вернер, Ивонн-Мария – 86.
Вессен, Элиас – 94.
Вестман, Кнут Бернхард – 109.
Вильгельм Сабинский, папский легат – 200.
Волфред, миссионер – 240.
Гадд, Хемминг – 284.
Галле, Педер – 6, 43, 76, 181–182, 185, 200.
Гардемейстер, Кристер – 12, 194.
Гейер, Эрик Густав – 9–10, 13.
Гельмольд – 222.
Георг Саксонский, курфюрст – 45.
Гестиблинд, легендарный конунг – 224.
Гетинг, Эрик – 43.
Гладков А.К. – 20.
Глебов А.Г. – 20.
Годерик, легендарный конунг – 234.
Григорий VII, папа – 199.
Гус, Ян – 45.

Фамилия указывается перед именем. После имени приводится патроним (в том числе латинизированная форма), а также прозвище. В скобках даны варианты имен, а также родовые имена в тех случаях, когда они не употреблялись при жизни указанных лиц, но впоследствии получили распространение.

- Густав I Эрикссон (Васа), Густав Васа, король – 4–5, 8–10, 12–17, 23–24, 26–31, 33–43, 45–54, 58–62, 64, 67–74, 76–79, 82–83, 85, 89, 93, 101, 103–104, 123, 128, 130–131, 137, 140–148, 150, 153–167, 169–172, 176, 178, 181, 183, 185, 201, 203–204, 206–209, 211, 214, 218, 223, 268, 270, 274, 276, 278, 284, 288–290, 295, 305.
 Давид, миссионер – 240.
 Даке, Нильс – 174, 178.
 Далин, Улоф фон – 9, 347.
 Дальюнкер, самозванец – 60, 70, 171.
 Дарий – 235.
 Дементьев Г.А. – 11.
 Деций, император – 237.
 Джаксон Т.Н. – 20.
 Диоклетиан, император – 30.
 Дионисий Ареопagit – 200.
 Евсевий Кесарийский – 199, 278.
 Ермаченко И.О. – 20.
 Задворный В.Л. – 20.
 Ибсен, Хенрик – 60.
 Иероним – 199, 201.
 Ингебранд, Свен – 12, 184, 194.
 Ингер Отгесдоттер – 60.
 Иоанн Златоуст – 201.
 Иордан – 234.
 Иосиф Флавий – 270.
 Иоханнес (Иенс) Лаврентии – 37, 61.
 Иоханнес Магнус – 39–45, 101, 104–105.
 Ирвинг, Хуго – 13, 39, 85.
 Исидор Севильский – 234.
 Йенс Вестъёте – 143.
 Йерне, Харальд – 13, 77–78, 84.
 Карион, Иоханн – 237.
 Карл V, император – 53–54, 206, 217.
 Карл XI, король – 29.
 Карл Кнутссон (Бунде), король – 26, 38, 83, 142, 217, 264–266, 275.
 Карлссон, Готфрид – 13, 97, 110.
 Кассиан – 200.
 Каэтан, кардинал – 43.
 Керальо, Луи Феликс Гинеман де – 210–211.
 Кетгиль Карлссон (Васа) – 26.
 Кжицкий, Анджей – 55.
 Киндбу, Нильс (Николаус) Эстъёте – 44.
 Киприан – 199.
 Клемминг, Густав Эдвард – 216.
 Климент V, папа – 200.
 Климент VII, папа – 41.
 Книппердоллинг, Бенгт – 58.
 Кнут Андерссон – 34, 60, 123.
 Кнут Святой, король – 232.
 Кнут Эрикссон – 31.
 Кранц, Альберт – 222.
 Кристиан I, король – 26, 266, 286.
 Кристиан II, король – 26–32, 34–35, 37–39, 45, 59–61, 63, 69, 73, 76, 97, 123, 128, 130, 156, 158–159, 162, 167, 205, 208, 268, 288.
 Кристина Нильсдоттер (Юлленшерена) – 28.
 Кристофер Баварский, король – 265–266.
 Крумпе, Отте – 27.
 Ксеркс – 235.
 Кумлин, Челль – 111, 119, 142.
 Лаврентиус Андрес, реформатор, архидиакон – 8, 15, 33–34, 39–43, 49, 69, 71–72, 75, 77, 89, 137, 141, 148, 163, 171, 183, 186, 203–204, 288–289.
 Лаврентиус Петри, реформатор, архиепископ – 5, 8, 109, 130, 132, 134, 140, 169, 183, 206, 209, 215, 218, 223, 226, 293, 297.
 Лагус, Вильхельм Габриэль – 102.
 Ларс Сиггесон (Спарре) – 29, 34, 68, 123, 158, 183.
 Лев X, папа – 43.
 Лённрут, Эрик – 173.
 Леффлер, Леопольд Фредрик – 216.
 Лундмарк, Эфраим – 217–219, 224–225, 227–228, 231, 297.
 Лупандин И.В. – 20.
 Людовик Благодетельный, император – 240.
 Людовик Святой, король – 202.
 Люстров М.Ю. – 20.
 Люттер, Мартин – 6, 11–12, 15, 32–33, 39, 42–43, 45, 48–50, 53–54, 56, 58, 60, 64, 67–68, 72, 77, 87–89, 110, 138, 154, 181–184, 186–194, 198–199, 211, 269, 274, 288–290, 296, 345.
 Магнус Биргерссон (Магнус Амбарный Замок), король – 209, 218.
 Магнус Харальдссон, епископ – 41, 43–44, 137.
 Макиавелли – 271.
 Максимилиан, император – 30.
 Маргарета (Маргрета), правительница

- ца – 222, 258, 263–264.
 Маргарета Эриксдоттер, сестра Густава I – 47, 154, 158–159.
 Матс Кетильмундссон – 257.
 Маттиас Грегории, епископ – 33, 198.
 Меланхтон, Филипп – 33, 186, 197, 214, 271–272, 274, 300.
 Мелен, Беренд фон – 34, 59.
 Мельникова Е.А. – 20.
 Мессениус, Юханнес – 228–230.
 Микаэль Кристиерни – 61.
 Монс Брюнтессон – 153–157, 169, 171–172.
 Монтгомери, Ингун – 84.
 Мор, Томас – 55.
 Накадзава, Ацуо – 259.
 Николаус Рагвальди – 234.
 Нильс Арвидссон – 154.
 Норбу, Сёрен, военачальник – 50, 59.
 Норман, Георг – 8.
 Нурборг, Ларс-Арне – 165, 169–174.
 Ньюман, Магнус – 9, 14, 64, 85–86, 88, 290.
 Огрен, Мария – 20.
 Огрен, Хенрик – 20.
 Олав Энгельбректссон, архиепископ – 60.
 Олаус Магнус – 41, 285, 348.
 Олаус Петри, реформатор, историк – 4–6, 8, 11–12, 15, 17, 20, 33, 36, 42–45, 51–52, 58–59, 71, 76–77, 89, 130, 134, 137, 139–141, 143, 148, 156, 179, 181–287.
 Олаф Шётконунг, король – 184, 221, 232, 240–243, 245–246.
 Ориген – 199.
 Пальмблад, Кристер – 87.
 Паюлюс Элиэ (Пауль Хельгесен) – 6, 55, 185, 187–188, 198–199, 201, 274, 296.
 Педер (Пер) Ханссон – 34, 123.
 Педер Кнутссон (Сууп) – 147.
 Педер Монссон – см. Петрус Магни.
 Педер Эрици – 207.
 Педер Якобссон Суннанвэдер – 39, 60.
 Петр Ломбард – 234.
 Петрус Бенедикти – 104–108, 115–116, 119–120, 293, 310.
 Петрус Магни (Педер Монссон) – 32, 39, 137, 140, 183.
 Пирр – 235.
 Плэниус, Симон – 31.
 Плутарх – 270.
 Поленц, Георг, епископ – 63.
 Полибий – 214, 270, 272–273, 300.
 Поппон, миссионер – 243.
 Поссе, Аксель – 123.
 Поссевино, Антонио – 104, 116, 310.
 Потенца, Джованни Франческо де – 41.
 Прокопенко С.А. – 20.
 Пюхю, Конрад фон – 203.
 Рейнхолдссон, Петер – 86, 174–175.
 Робертс, Майкл – 13.
 Рогге, Курт – 197.
 Розен (Русен), Георг фон – 76.
 Ропп, Госвин, фон дер – 249.
 Савельева Е.А. – 285.
 Сальгрэн, Йеран – 216–217.
 Сассе, Стафан – 36.
 Сассе, Юхан (Иоханнес) – 37, 40, 43.
 Сванидзе А.А. – 11, 14, 25–26, 35, 125, 344–345, 347.
 Сванте Стуре, регент – 26, 217–218.
 Сварт, Педер, епископ, хронист – 6, 12, 17, 33, 58, 61–62, 71–72, 75–79, 81, 90, 153–156, 161, 169, 172, 175, 183, 290, 295.
 Свен Якоби – 141.
 Сверкер, король – 224, 233.
 Селин А.А. – 20.
 Серегина А.Ю. – 20.
 Сигфрид, миссионер – 185, 201, 206, 240–243, 245.
 Скрёдер, Иохан (Юхан) Хенрик – 215.
 Слагек, Дидрик – 38.
 Смирин М.М. – 347–348.
 Соммар, Магнус, епископ – 72, 76, 137.
 София, королева – 251–252.
 Спарре, Эрик – 18–19, 127–320.
 Спегельберг, Ханс – 102, 104–108, 111–112, 119–120, 293, 307.
 Стаке, Петрус – 101.
 Стафан, миссионер – 232, 241–242, 244–245.
 Стен Стуре младший (Стен Свантессон), регент – 26, 27–29, 33, 37, 39, 47, 52, 60, 74, 268, 289.
 Стен Стуре старший, регент – 26, 207, 209, 267.
 Стенкиль, король – 232, 241–242, 244–245.
 Стобеус, Пер – 20, 55–58, 87–88.
 Стуре, регенты – 26–27, 29, 32, 40, 147,

- 178, 267–268, 275–276. См. также: Стен Стуре старший, Стен Стуре младший, Сванте Стуре.
- Суре, Готтфрид – 144, 158–159.
- Сухтелен, Петр Корнильевич – 227.
- Сэркилак, Педер – 148.
- Таркиайнен, Кари – 287.
- Тегель, Эрик Йеранссон – 102, 127–129, 305.
- Тенгстрём, Лейф – 287.
- Теодорих – 234, 236–237.
- Тертуллиан – 199.
- Тит Ливий – 270.
- Торгильс Кнутссон – 253, 259, 279, 286.
- Тотила – 237.
- Тоштендаль-Салычева Т.А. – 20.
- Тролле, Густав, архиепископ – 27–29, 37–38, 40–41, 45, 69, 268.
- Тролле, Иоаким – 27.
- Тролле, Эрик – 27.
- Тунберг, Свен – 13, 84, 102, 104–110, 113, 116–119, 307, 309–311.
- Туре Йенссон – 34, 45, 47–48, 53, 71, 75–77, 123, 126, 153–155, 157–158, 163–166, 169, 171–173, 176, 183.
- Туре Эрикссон – 147, 153, 155, 157, 169.
- Уваров П.Ю. – 19–20, 348.
- Ульссон, Харальд – 228.
- Унни, епископ – 240.
- Успенский Ф.Б. – 20.
- Фабри, Иохан – 55.
- Ферм, Улле – 20, 23, 214–215, 249, 260–262, 271–275, 299–301.
- Филимер Великий – 235.
- Филипп II, король – 220.
- Филон Александрийский – 200, 278.
- Фишер, Джон – 55.
- Флеминг, Ивар – 34, 123, 126.
- Флеминг, Эрик – 34.
- Форсель, Ханс – 10, 146.
- Фредерик I, король – 32, 41, 63, 76.
- Фроде Миролюбивый, конунг – 247, 279.
- Фукидид – 214.
- Хакон Магнуссон, король – 258.
- Хаммарстрём, Ингрид – 10, 147.
- Ханс, король – 27, 267, 276.
- Хекшер, Эли Ф. – 10, 23.
- Хермансон, Ларс – 20.
- Хильдебранд, Эмиль – 13, 102, 105, 109–110, 113, 127–128..
- Хименес, Родриго – 235.
- Хольгер Карлссон (Гера) – 53, 123, 126, 147, 162, 183.
- Хольгер Кнутссон – 282.
- Хольмбек, Оке – 94.
- Хольмквист, Йальмар – 11.
- Хофман, Мельхиор – 58.
- Хульдт, Хампус – 110.
- Цицерон – 220, 270.
- Чёкеместер, Иоханнес – 137.
- Чёллерстрём, Свен – 13, 85, 111–115, 118–119, 169, 171–172, 191, 292, 312, 315.
- Шёдин, Ларс – 13, 84, 97, 110, 217, 219, 297.
- Шернман, Андерс Антон фон – 102.
- Штекер, Николаус – 58–59.
- Щеглов А.Д. – 3–4, 20, 87, 111, 113, 127, 148–149, 173, 178, 199, 204–205, 220, 226, 285, 312, 315, 320, 323, 345, 348.
- Эмзер, Иероним – 55.
- Энгельбрект Энгельбректссон, вождь восстания – 29, 47, 171, 174, 177, 209, 257, 264–265, 269, 275, 277, 283, 345.
- Энегстрём, Сигфрид фон – 11.
- Эразм Роттердамский – 140, 199, 345, 348.
- Эрик I, легендарный конунг – 235–236, 247.
- Эрик Аксельссон (Тотт) – 286.
- Эрик Победоносный – 241, 244.
- Эрик Померанский, король – 262–265, 275.
- Эрик Святой, король – 224, 233, 279–282, 301.
- Эрик Шепелявый, король – 251, 279.
- Эрик Эрикссон, конунг – 243.
- Эрик, принц (Эрик XIV) – 206–208.
- Эрикус Олаи, хронист – 56, 210, 212–213, 235–236, 239–244, 246–247, 250–256, 258–261, 263–270, 279–281, 297.
- Эскиль, миссионер – 44, 240, 242–243, 245.
- Юсим М.А. – 20.
- Юстиниан, император – 202.
- Юта, принцесса – 252.
- Юхан (Иоанн) Хойский, граф – 34, 123, 154, 161–162.
- Юхан, принц (Иоанн III) – 206.
- Якоб Ульфссон, архиепископ – 286.
- Ярлерт, Андерс – 20.

Summary

In the history of every country, there are events which bring about crucial change. In the history of Sweden, one of such events was the diet summoned in 1527 in the town of Västerås. This diet passed decisions that changed relations between the Church and the secular authorities, which led to strengthening of the royal power.

This diet is interesting in many ways. It reflected the peculiar traits of Swedish history, as well as the mentality and the psychology of the Swedes; but it also reflected the changes. Its documents show how the society interacted with the king and how the elements of democracy were implemented. There are uncertain moments in the history of the Diet, and therefore there are opportunities for a scholarly discussion.

In the Swedish Reformation, there is an early period, from approximately 1520 to about 1540, when the resolutions of the Diet of Västerås were prepared, passed and fulfilled. The Church was deprived of its privileges and became subject to taxation; its immobile property was secularized by the nobility and the Crown. The so-called evangelical teaching received recognition; the ecclesiastical councils passed decisions based on this teaching, and the leaders of the reformers published works, based on the ideas of Protestant theologians.

The next period started about 1540 and was characterized by the king's desire to accomplish the reform and to submit the Church to the Crown. The newly established Protestant Church tried to strengthen the impact of the Lutheran teaching on the people, to reform education and to struggle against the influence of Catholicism and Calvinism. It was a period when Sweden shaped itself as a Protestant nation, while the earlier stage of the Reformation constituted the age of transition, still maintaining strong connection with the Middle Ages.

The present study focuses on the following issues: 1) the connection between the policy of Gustav Vasa and the Reformation; 2) the peculiar traits of the Swedish Reformation; 3) the social basis of the Reformation in the Swedish Realm; 4) the documents of the Reformation; 5) the popular protest; 6) the ideas of Olaus Petri and other leaders of the Swedish reformers.

Chapter I

The beginning of the 'Royal Reformation' in Sweden was preceded by the struggle against the Danish kings. The struggle resulted in Sweden's independence, and the independent national state needed an independent national church. The 'Royal Reformation' served this need.

Before the end of the liberation war the ideas of the Reformation began to gain popularity in Sweden, which is witnessed by the correspondence of bishop Hans Brask, the Swedish opponent of Lutheran ideas. Brask mentions that these ideas were spreading among the burghers and the clergy of Sweden.

Approximately in 1523, King Gustav Vasa began cooperation with the leaders of the Swedish Reformation — Olaus Petri and Laurentius Andreae. At the same time, the king began to levy taxes on the clergy, force money loans from the Church, and attempt to put the Church under the royal control. This was not new: the rulers of Sweden had pursued similar policy before. But in this case, this policy gained a support in the teaching of the Reformation.

The King's attitude towards Luther was demonstrated in his letter to Hans Brask written in 1524, where the King refused to prohibit the writings of Luther and, especially, in the King's letter to one of the royal bailiffs in the province of Östergötland written in 1525. In this letter, the King declares that he will support the evangelical teaching and punish its opponents.

Thus, in the middle of the 1520-s, Gustav Vasa pursued the course of the Reformation, though he denied that he was going to impose a new faith. The King's policy led to a conflict with bishop Brask who continued his anti-Reformation propaganda.

An interesting feature is that Brask did not confine himself to quoting Canon Law with its core idea of ecclesiastical liberty, but also referred to Swedish secular laws on the Church with their key principle of mutual obligations between the clergy and the laity, which contrasted the idea of *libertas ecclesiae*. Another significant trait in Brask's propaganda is the appeal to the common interests of ecclesiastical and secular nobility.

Chapter II

The Diet of 1527 was well-prepared. In 1525—1527 the king spread letters explaining that he did not intend to introduce a new faith but wished to put an end to the abuses of the clergy.

In connection with this propaganda, the king studied the popular opinion. The king's entrusted persons were ordered to listen to what the people answer, and retell the answers to the king. Gustav Vasa paid a visit to the magistrate of Stockholm and had a talk with the burghers who declared that

they would support the reduction of Church possessions. Thus the king prepared the ground for the reforms.

In April 1527, the king sent invitations to a diet. The formal motivation was that it was necessary to calm down the rebellion in the province of Dalarna. In the letter to the inhabitants of this province, the king declared that he would resign if he lacked support.

At the Diet, the king had the support of many loyal nobles and burghers. The king's chancellor, reformer Laurentius Andreae reminded on behalf of the king that the king kept his obligations before the people, but the people did not fulfill their duties before the king. Therefore the king is ready to resign.

The accusations against the king are unfair, said Laurentius Andreae. The king does not want to introduce a new faith; the rumours are spread by the prelates who own enormous property and want to rule over the Crown, the knighthood and the people. The monarch allows to preach the Word of God, because this was ordained by God. The king understands that he has nothing to wait except new revolts. Therefore he would like to resign. There are also other reasons for such a decision. The treasury is empty, the expenditure is much greater than the income, and the knighthood is impoverished, mainly due to the fact that its property has been acquired by the Church.

This speech was followed by harsh debates and by a dispute between Olaus Petri who defended Lutheran ideas, and his opponent Peder Galle. The questions suggested for the debate were formulated in a favourable way for the proponents of Lutheran reforms.

According to the chronicle by Peder Svart — the main narrative source for the earlier period of Gustav Vasa's reign — the decisive support was given to the king by the peasants. Yet at the beginning of the 20th century this statement was put into question by Harald Hjärne who argued that Svart's chronicle is tendentious, and a student of the Diet should give preference to the documents.

Hjärne's work caused objections: the story by Svart is logical and helps to understand the Diet in a better way — to view it not only as a dialogue between the king and the estates, but also as a struggle between conflicting factions. New arguments against Svart came from Lauritz Weibull: there are textual connotations between the protocols and the Chronicle, which means that the chronicle is a secondary work.

The scholars pointed out a difference between the documents and the chronicle. Svart tells that the king proposed a reduction of church lands. The documents show that the king did not make an open proposal: he only gave a hint.

Yet the answers of the Estates and the resolution apparently were not a result of an improvisation. Per Brahe the Elder, a Swedish noble and an experienced politician, states in his chronicle written in the 1580-s that Gustav Vasa held secret negotiations with the knighthood and the ordinary people before

the Diet, and explained the benefits of a recognition of Luther's teaching and of the reduction of ecclesiastical possessions.

At the Diet, the nobles presented an answer in which they proposed a reduction of Church castles and a restriction on the seize of the bishop's retinues. Because the bishops will not keep many warriors, they will save the money and pay it to the king, who will use it to maintain the troops. A similar tax must be paid by cathedrals and chapters.

Property donated to the Church must be taken back without redemption. Sold and mortgaged possessions must be redeemed. Monasteries that have revenues must be granted to 'good knights' as fiefs. The Crown shall collect fines which were collected by the bishops. The Word of God must be preached in accordance with God's testament, and 'good old Christian customs' must be observed.

The answer of the burghers and the miners was similar to the answer of the nobles, but included additional demands: the bishops should not send money to Rome for confirmation; the monks of mendicant orders should collect alms only twice a year. The burghers demanded to punish the clerics who spread rumours about the king.

The burghers and the miners declared that questions of faith were above their comprehension, but they would like to understand which side was right. The peasants shared the demands presented in the answers of the nobles and the burghers. In general, the responses of the Estates reflected the mentality and the interests of social groups of Sweden, as well as the delegates' efforts to propose measures favourable for the king.

On the basis of the king's appeal and the Estates' answer, the Resolution of the Diet was elaborated. The delegates passed a decision on alienation of the rents of the Church. The armed troops of the bishops, the Resolution said, are dangerous for the realm. Therefore the bishops must not maintain bigger retinues than the king prescribes, and the surplus in the bishops' incomes must be given to the king. The bishops must also submit their castles and fortresses to the king.

Cathedrals and chapters must pay taxes to the monarch. The king will send guardians to the cloisters. They will exact fines and be in charge of the duty of quartering the troops.

Then followed the decisions concerning the reduction of lands donated, sold and mortgaged to the clergy since the trial held by king Karl Knutsson in the middle of the 15th century.

The final statement of the Resolution dealt with religious issues. The delegates declared that the people who were accused of attempts to introduce a new faith have good reasons and preach the Word of God. The delegates expressed the wish that the Word of God be preached clearly all over the country.

The bishops and the members of cathedral chapters did not join the resolution, but issued a statement in which they acknowledged the reduction of Church property.

In the historiography of the first half of the 20th century, the main issue was: How adequately is the Diet depicted in the sources? Basing on documents, the scholars tried to reconstruct the history of the Diet and to do away with the stereotypes.

Most specialists were convinced that the Diet of Västerås was a 'Reformation diet'. Yet in 1956 Hugo Yrwing argued that it was not a Reformation diet, because it did not reform the doctrine. According to Yrwing, the Resolution was conservative: the participants swore to keep the 'old Christian customs'. By Yrwing, this resolution had a political character. Gustav Vasa wanted to do away with the power of the bishops, and he reached this goal at the Diet of 1527.

Objections followed from Sven Kjällerström who ascertained that Gustav Vasa had planned a breach with Rome before the Diet. The resolutions on preaching the Word of God and 'good old Christian customs' had, by Kjällerström, a new content; the Diet of Västerås marked the beginning of the Reformation.

In the 1990-s, the question was put anew by Magnus Nyman who declared that the Diet of 1527 cannot be regarded as the beginning of the Reformation: the break with Rome was not proclaimed, the necessity of loyalty to the Pope was not questioned. By Nyman, the resolution on preaching the Word of God represents a common Christian idea which every cleric could share.

Reactions on Nyman's concept were different. Lars-Olof Larsson accepted Nyman's view; another scholar, Åke Andréén, rejected it. By Andréén, Nyman's work is not objective, because it represents a confessional viewpoint.

A polemical response to Nyman was given by Peter Reinholdsson who indicates that 1) Nyman's thesis on the flourishing of Sweden's Catholic Church before the Reformation is an exaggeration; 2) the conclusion on the long-lasting character of the Swedish Reformation is not new; 3) Nyman's arguments are inconsistent and contain mistakes.

A similar attitude was expressed by Yvonne Maria Werner who remarks that Nyman's book stimulates the studies of the Reformation, but his conclusion on the viability of the Catholic Church before the Reformation, and his thesis that the Reformation took a long time to complete are not new. Werner criticizes Nyman's work with historiography and detects gaps in Nyman's knowledge.

In the 2000-s, the question of evaluating the Diet of Västerås was put by Christer Pahlmblad, Per Stobaeus and the author of this monograph. Pahlmblad concludes that the Diet of Västerås was a Reformation diet, because the changes that followed bore the character of the Reformation. By Pahlmblad, confiscation of the incomes and the immobility of the Church, ordaining new bishops without papal confirmation and, especially, ordaining a new archbishop, while the former archbishop was still alive and was not dismissed by the Pope, implied a break with Canon Law and papal authority.

In my book published in 2008, I evaluated the Diet of Västerås as a Reformation diet, due to the fact that this diet was linked to the struggle around the ideas of Reformation, and that the king and his allies expressed sympathy to Lutheran teaching, although they used ambiguous formulas concerning the question of faith. The Swedish reformers still had much to do. But in 1527 they made the first decisive step.

Regarding the diet of Västerås, the conclusions by Per Stobaeus (2008) are similar to mine. Stobaeus underlines that the demand to preach the Word of God is present in works by Luther and his followers who invested the Protestant meaning in this formula. Apparently this was also the meaning of the Swedish reformers at the Diet of Västerås. The theological dispute at the Diet served the interests of the Reformation. The king did much to reject the accusations concerning imposing a new faith; that is why he used ambiguous expressions. The formula “preaching God’s Word clearly” was borrowed from the evangelical camp.

Thus, in the scholarship of the 21st century the concept of Magnus Nyman was corrected. It was noted that the resolution on “preaching God’s Word” had a tactical character. The king received the Estates’ approval of the confiscation of Church property, changed the social and legal position of the Church, and passed the resolution on faith which secured conditions for spreading Lutheran ideas and for a Church reform in Sweden. The Diet of Västerås marked the beginning of the Reformation.

One detail is especially interesting. The Swedish reformers connected their innovations with the historical traditions of Sweden. The participants of the Diet based the decision to restrict the bishops’ retinues on a 14th century statute limiting the seize of these retinues. The delegates also quoted historical examples of medieval conflicts between the rulers and the clergy. Such a linking of political views and decisions to ancient traditions, laws and historical realities took place many times in the history of Sweden and can be traced in the history of other countries.

The discussion on the sources on the Diet of 1527 has also a methodological significance. Scholars who mistrusted the narrative source — Peder Svart’s chronicle — are right in many respects, but also their opponents are right when they state that the narrative material is important. An interesting fact is that scholars who quote the relation on the secret talks before the Diet in Per Brahe’s Chronicle, trust this relation, though it is not supported by documents. This shows that the context of a source, as well as the intuition and the logics of a scholar, play an important role in the evaluation of a source.

Chapter III

The adoption of the final resolution marked the end of the Diet of Västerås. Further issues were discussed by the king and the Council of Realm. The main result of these discussions was the Ordinance of Västerås. In most manuscripts this document is represented by its short version whose language is Swedish.

The Ordinance was created in order to implement the decisions of the Diet; later, both the Resolution and the Ordinance were quoted as the legal foundation of the reforms. But the Ordinance gave the monarch wider powers: the king received the right to appoint parish priests if the candidates appointed by bishops were inapt, and to give consent when church benefices are granted. The king received the right to determine the sum of the tax on bishops, chapters and canons without discussing it with the clergy.

The Ordinance deprived the clergy of its privileges and gave equal rights to the clerics and the laymen. Many articles were targeted against the Canon Law and the privileges of the Church. In this respect, the Ordinance was a Protestant document.

The connection between the Ordinance and the European 'Northern humanism' has been ascertained by several historians. The articles limiting collection of alms by mendicant monks and urging schoolmasters to instruct the students in the New Testament were apparently created under the influence of laws by the Danish king Christian II. In these laws, the named demands were introduced in accordance with the humanist views on Christian faith.

The Ordinance also had a domestic cultural and legal environment. Many issues touched upon by the Ordinance were regulated by Chapters on the Church (*kyrkobalkar*) of the Swedish laws, which dealt with wedding, purification, visiting the ill, excommunication, donations to the Church, adultery and divorce, legal contest between the laity and the clergy, and their mutual obligations.

The Ordinance also had common subjects with the synodal statutes. Both the Ordinance and the Statutes hold that the priests must instruct the parishioners on spiritual matters. The Statutes dealt with the laity's debts to the clergy; betrothal and wedding; pre-marital cohabitation; limitation on payment for church rites, legal cases between clerics and laymen; legacy after priests; baptism; visiting the sick; annates and church fines.

Thus, the Ordinance of Västerås continued the medieval tradition reflected in secular and ecclesiastical laws. Yet the Ordinance also contested this tradition, by introducing new solutions to old problems.

The documents from the chancellory of bishop Hans Brask confirm that the issues regulated by the Ordinance of Västerås were vital. As an ecclesiastical judge, Brask dealt with adultery and divorce cases, with crimes committed by the clergy and with questions of legacy after priests.

During a long time scholars knew only the short Swedish version of the Ordinance of Västerås. Yet in 1845 a Latin version was discovered. It was attributed to Hans Spegelberg, the chancellor of Hans Brask. This version included articles on alienation of Church property and on a break with Rome, which are not present in the short version.

In 1892 Otto Ahnfelt published another Latin version created by Linköping Canon Petrus Benedicti. The manuscript stated that its text was a translation from the Swedish, ordered by archbishop-elect Johannes Magnus. Scholars presumed that the surviving copy was created for Antonio Possevino, an active participant in the struggle for restoring Roman Catholic Church in Sweden.

In vocabulary and style, this version differed from the version of Spegelberg. Also, it lacked several articles — on uniting parishes; on limiting the payment for Church rites; on legal cases between the clergy and the laity; on priests' testament; on forcing the sick to bequeath to the Church. Yet the paragraphs on the break with Rome and on secularizing Church immobility are present in this version.

The questions emerged: Which version was original, and in what language was the Ordinance composed? An answer could help to understand, what reforms were planned before the Diet of 1527: purely internal changes or also a break with Rome. Another question was whether the Ordinance can be regarded as a document of the Diet or as a separate statute.

Opinions concerning these issues differed. Emil Hildebrand thought that the Latin texts were translations from the Swedish. Sven Tunberg pointed at similarities between the Latin 'Spegelberg version' and the short Swedish version and concluded that the latter text was a translation of the former. At first, the translation was complete. Then it was shortened, and the copies of the short text were sent into different parts of the kingdom.

According to Tunberg, the Latin version created by Petrus Benedicti was a shortened reverse translation into Latin from the complete Swedish translation. Some paragraphs, according to Tunberg, were taken away; that is why they are 16 though they are said to be 18.

Tunberg's work received acknowledgement, but also caused objections. Emil Hildebrand argued that composing the initial version in Latin was contrary to practice: the official language of the Realm was Swedish. The Latin version was not included in the Register of Gustav I and was not familiar to wide public.

Other scholars — Gottfrid Carlsson, Lars Sjödin and Lauritz Weibull were also convinced that the Swedish text was original. By Sjödin, the Ordinance was a secular statute regulating relations between the clergy and the laity. The followers of Luther invested Protestant contents in the Ordinance. Apparently, the paragraphs on the breach with Rome and on secularization of Church land were

present in the draft of the Ordinance but were excluded from the final text, due to the cautiousness of the authors or to protests on behalf of the clergy.

A new stage in studying the Ordinance was connected with the discovery of a long Swedish version preserved in Vatican. Concerning the language and the style this version is close to the short Swedish version. But the Vatican text — the so-called Borghese manuscript — included the chapters on the breach with Rome, and in this way it was similar to the Latin versions of the Ordinance.

The Vatican manuscript was studied by Sven Kjällerström who thinks that this manuscript represents a text which is earlier than the short Swedish version. Kjällerström concludes that the earliest version of the Ordinance was the longer version in Swedish which had the character of a draft. From this text, different Latin translations were made. The chapters on the breach with Rome and on secularization of Church lands were excluded from the final Swedish text, because they could cause an undesirable reaction. Thus the shorter version of the Ordinance emerged.

* * *

Taking up my own study of the Ordinance of Västerås, I based myself on the following presuppositions:

1) The initial text of the Ordinance was apparently written in Swedish, because this was the usual practice in Sweden of that time.

2) The peculiar style of the document was the result of the fact that the authors deliberately gave the text an old-fashioned character, so that it would sound solemnly and resemble old laws.

3) Still, one cannot exclude the possibility that a draft of the Ordinance could be written in Latin, while the authors could think in traditional Swedish terms, which later, after translation, received their original shape.

4) The version of the Ordinance, present in the Register of Gustav Vasa, must not be regarded as an authentic text. It can contain mistakes and differ from the final text of the document, because copies made for the Register of the Realm often represent an earlier version.

5) Thus, a study of all surviving manuscripts, or at least of a representative selection, is necessary.

6) The arguments of Sven Kjällerström can be put into doubt. For instance, the expression 'föra Guds ord' is neither "better" nor "worse" than the expression 'predica Guds ord'. Each of the expressions could be initial.

7) According to Kjällerström, several paragraphs of the Ordinance were removed from the final version. Yet these articles were placed very conveniently for such editing — at the end of the text, as a single set. It would be more logical to assume that the short version of the Ordinance was prior to the long one and that the final paragraphs were added later.

My study of the text of the Ordinance in the manuscript of Gustav Vasa's Register has demonstrated that, in this text, the Swedish word 'predica' ('to preach') looks similar to 'fordra' and could be taken for this word by the readers. Thus the variant in the long Swedish version could emerge as a result of misinterpreting the variant in the short version.

My next observation refers to a different sphere. In the Library of Uppsala University, I found an unpublished text which apparently is a 17th century translation of the Latin version by Petrus Benedicti. This translation was not mentioned by scholars. It contains 18 paragraphs, which explains why Petrus Benedicti declared that they were 18 while they appear to be only 16 in his text: paragraphs 1—2 and 8—9 are merged in the Latin manuscript. The Swedish translation shows that the text of Petrus Benedicti was not forgotten during the Early Modern Age: it was studied and translated.

Studying the manuscripts containing the short version of the Ordinance, I concluded that in many cases their text is similar to the text in Gustav Vasa's Register, but in some variants they can differ from this text and be close to Codex Borghese. Therefore it is possible that different manuscripts with the short Swedish text were used for elaborating the long one.

This leads to the conclusion that there can be different explanations to the history of the Ordinance. An alternative to Kjällerström's hypothesis consists in the following. At first, the short version of the Ordinance was composed. Its copies included differences — due to the editing and to the scribes' mistakes.

After the Diet of Västerås, different short versions of the Ordinance entered the chancellery of bishop Hans Brask. The secretaries of Brask made copies of the text and complemented them with other material, which at that time was a common practice. In this case, the supplements represented the extracts from the protocols of the Diet.

Thus the enlarged document delivered a detailed account on the proceedings and the decisions of the Diet. Besides, in this shape, it could be used to discredit the king in the eyes of the Roman Catholics. The translations were made by different authors. Hans Spegelberg translated the long text whose main part is close to the version in Gustav Vasa's Register. Petrus Benedicti translated the text whose main part is close to a version of the short Swedish text which in certain points differed from the text in the Register.

The contents of the added articles remained the same in both translations. The translation by Petrus Benedicti had 18 articles whose content is identical with that of the 16 articles in the 'Possevino manuscript'.

One question remains. Why does the translation by Petrus Benedicti leave away several paragraphs which are present in other versions? Apparently, this was done deliberately: the omitted articles (e.g. on uniting small parishes, on limiting fees for Church rites, and on legacy after priests) were important not only for Lutheran reformers but also for their Catholic opponents. By exclud-

ing them, the translator partially falsified the Ordinance, so that it looked as an exclusively anti-Catholic statute.

Chapter IV

After the Diet of Västerås the Council of Realm issued a letter to the inhabitants of Sweden where the decisions of the Diet were explained. This letter, mentioning some decisions of the Diet and some statements of the Ordinance, was created to pacify the inhabitants of Sweden. This letter is a remarkable object for a text study. My work has shown that there are more interesting text variants than the previous scholars quoted, and that there is a difference in details not only between certain groups but also between particular documents within these groups.

There are two main types of this document's text: 1) the type presented in the Register of Gustav Vasa (the RR — type) and 2) the so-called 'C' — version. Two texts are close to RR — version, but each differs from RR in details. Probably, the differences between the types of the document date back to: 1) the last draft and 2) the final version. It is likely that copies for different regions of Sweden were made from both versions, due to the hurry and the muddle after the Diet.

Another document which is important for understanding the history of the Diet of Västerås is the Comments to the Resolution and to the Ordinance of Västerås written by reformer Laurentius Petri in the early 1530-s. These comments demonstrate how the reformers interpreted the decisions of the Diet.

There are several types of argumentation in these comments. The author appeals to Luther's views on division of power between the Church and the secular authority. The Word of God is regarded as the foundation for reforms. This idea was characteristic for humanist proponents of a church reform and was accepted by Lutheran reformers.

Laurentius perceives the resolution on preaching God's word as the main decision of the Diet of Västerås. He is convinced that other decisions of the Diet derive from this resolution. Laurentius Petri quotes the experience of Germany and other countries as a useful example. But he also demonstrates an interest to Swedish historical realities. Sometimes he indicates that the reforms also had precedents in the Roman Catholic Church.

A comparison between the Letter of the Council of Realm and the Comments by Laurentius Petri reflects the two tendencies in representation of the Diet of Västerås. The Council of Realm tried to convince the people that nobody was going to introduce a new faith. But the Comments by Laurentius Petri witness that the Swedish followers of Luther considered the decisions of the Diet as a foundation for Lutheran reforms.

Chapter V

After the Diet, implementation of its decisions began. In 1529 a Church council took place in Örebro. This council was summoned by the king, not by the archbishop. Laurentius Andreae presided; clerics from different parts of Sweden came, including delegates from monastic orders. The monks of the Birgittine Order hoped that the council would be a 'conference against Lutherans', but they were bitterly disappointed. Yet they signed the resolution of the council, as well as the other delegates.

The resolution consisted of two parts. The first part expanded on the demand to preach the Word of God clearly. Parish priests were offered to preach on the New Testament. Some of the issues which were touched upon in this part of the resolution were similar to those handled by the Ordinance of Västerås.

The other part dealt with the practices of the Church, and explained them in a rational way. This part was moderate; it did not mention Luther's teaching and was influenced by ideas of the so-called 'Bible humanism' which were shared by Lutheran reformers. Thus the compromise reached at the Council of Örebro was an important stage of the Reformation: it helped to avoid a large-scale conflict, and, at the same time, it was used by the reformers.

The neutrality of a part of the clergy in the 1520-s—1530-s played an important role: a new generation of the clergy emerged, loyal to Lutheran teaching, while the older generation accustomed itself to the change.

In August of 1531 Laurentius Petri was made archbishop. The Council of 1536 decided on introducing the Swedish Mass in cathedrals. The clergy was freed from the duty of celibacy. The Manual by Olaus Petri, a work which in many parts represents Lutheran views on faith, received official recognition. These facts demonstrate that the Reformation was making progress in Sweden in the 1520-s and 1530-s.

Also the decisions of the Diet concerning property began to be put into life. Bishops' castles were taken by the Crown. Bishops, chapters and monasteries had to deliver accounts on incomes and to conclude contracts on taxes. Cathedral chapters received a letter informing of the Diet's decisions. Monasteries received lay guardians. Already in the 1530-s all clergy was paying taxes. The Crown secularized the fines and the payments exacted in connection with quartering the troops.

Secularization of ecclesiastical property by the Crown began before the Diet of Västerås. As Ingrid Hammarström demonstrated, Gustav Vasa, by the end of 1526, restored the old 'nucleus' of the lands of the Crown, and achieved a great degree of centralization within this 'nucleus'. After the Diet of 1527, the king completed the reduction. Some property was granted as fiefs to nobles who supported the king. But Gustav Vasa did his best to put the holders of these fiefs under the control of the Crown, thus continuing the policy of centralization.

Cardinal change took place in towns, especially in Stockholm. In 1529, the magistrate of Stockholm abolished Latin liturgy and introduced the Swedish Mass. In 1528 the town of Stockholm refused to support the Dominican monastery, and the monks left the cloister. Town Memory Books contain evidence that the burghers took part in secularization of Church property, which began before the Diet of Västerås, but took a larger scale afterwards.

Chapter VI

A powerful movement against the Reformation broke out in the South of Sweden. It was the so-called Uprise of Västgöta Lords. The sources present this uprise in different ways.

Peder Svart tells that in 1528 Gustav Vasa sent 'decent preachers' to the cathedrals. In the diocese of Skara whose territory included the province of Västergötland the people attempted to deal with the preachers. According to Svart, the riots were arranged by Ture Jönsson, Måns Bryntesson and other nobles of Västergötland. Their appeals had success in the province of Småland, where the uprise was led by the mayor of Jönköping. The rebels summoned a diet and declared that Gustav Vasa had become a Lutheran. Yet the people of Västergötland, Svart tells, refused to break the oath to Gustav Vasa.

Thus the chronicle presents the movement as a revolt of the nobles, which was not joined by the inhabitants of this province, although it gained some support in the neighbouring region. The uprise is also reflected in documents which partly confirm the story by Svart, but complement and correct this story.

According to documents, the Uprise of Västgöta Lords took place in the spring of 1529. The first acts relating to the history of this rebellion date from the beginning of April. But already in March, Måns Bryntesson, the head of the rebels, presented himself as the leader of the movement.

The documents confirm that the rebellion began in Småland. On the 4th of April, the burghers of Jönköping and the rural inhabitants of Småland sent a letter to the province of Östergötland, telling that Sweden was suffering from 'unchristian rule' and 'Lutheran heresy', and urging the people of Östergötland to join the rebellion.

On the 8th of April, the rebels of Småland sent a similar letter to the nobles of Västergötland asking them to lead the uprise against Gustav Vasa and his Lutheran allies. This was a farce, because Måns Bryntesson had called himself the leader of the rebellion before this letter was written. The nobles — the leaders of the opposition — attempted to present the revolt as an act of the people's will.

In the course of the revolt, the unrest nobles summoned a local diet. Its results were not as disappointing as Svart presents them: the leaders of the uprise received at least some popular support.

Gustav Vasa found himself in a difficult situation, but acted resolutely. He did his best to decrease the tension, to collect information about the movement and to discuss the situation with the loyal nobles. Meanwhile, the uprising got such a scale that Gustav Vasa stated that he could rely only on the town of Stockholm and the province of Uppland.

But the king was persistent. He continued the propaganda targeted at the inhabitants of Sweden and began military preparations. At the same time, he started negotiations with the rebels of Västergötland and Småland, using the nobles, the clerics, the burghers and the peasants of Östergötland as mediators.

The king promised that “good old Christian customs” would be observed and “Lutheran heresy” would be abolished. Yet the final agreement was composed in a way favourable for the king. The king promised to follow ‘good old Christian customs’ but invested a different meaning in this formula than the rebels.

The uprising ended; two of its leaders fled. The fate of the three others was determined in 1529, at the Diet of Strängnäs. In an official statement, Gustav Vasa declared that he allowed to preach the Word of God and to discuss religious issues in order to establish the truth. The Church, announced Gustav Vasa, is the community of the Christians, and it was this Church that he took care of.

The connection of the King’s policy with the Reformation was more intact at the Diet of Strängnäs than at the Diet of Västerås. But also the connection with the resolution of Västerås was stressed in Strängnäs, and the Council of Realm ratified this resolution anew. This clearly demonstrates that the Resolution of Västerås was interpreted by Gustav Vasa and his allies in the Lutheran sense.

For a long time, historians shared the interpretation of the ‘Uprising of Västgöta Lords’ based upon the story by Peder Svart: the revolt was performed by the magnates who failed to gain broad support. In the second half of the 20th century, the evaluation of this uprising changed. Lars-Arne Norborg and Sven Kjällerström demonstrated that it was a mass movement, dangerous for the king.

Norborg stressed that the uprising had a regional character and was led by the local élite. Norborg explained this in the following way: the Swedish nobles had different opinions concerning Baltic trade with Netherlands, the competitor of Lübeck. Gustav Vasa favoured the idea of developing this trade and thus violating the privileges of Lübeck. The magnates of South-West Sweden stood for retaining the privileges of Lübeck at the Baltic coast because they were interested in external trade through the North Sea coast. This contradiction of interests led to a conflict.

Kjällerström, in his turn, highlighted the fact that the participants of the revolt were the nobles, the burghers and the peasants. The propaganda emerged from the nobles; the common people were its recipients. The causes of the uprising were different for different groups of participants. Among these causes was the religious policy of Gustav Vasa. An important factor consist-

ed, by Kjöllertsröm, in the relative economic and political independence of the nobles of South-West Sweden, which was threatened by the policy of centralization that Gustav Vasa pursued.

In my monograph published in 2008 I criticized Norborg's concept. I argued that the majority of accusations addressed to the king bore a religious character. I stated that the hypothesis concerning the connection between the uprising and the trade with the Netherlands is not supported by documents. Concerning the middle of the 1520-s, sources do not contain any trace of a conflict between the 'pro-hanseatic' and 'anti-hanseatic' factions. On the contrary, the 'anti-hanseatic' bishop Hans Brask conflicted with the 'anti-hanseatic' king but cooperated with the 'pro-hanseatic' nobles of Västergötland.

It is obvious that religious and political contradictions appeared to be more important in this case than the difference of commercial interests. Besides, the uprising spread not only in Västergötland, but also in South-Central and even South-Eastern Sweden, which were more concerned with the Baltic trade than with the North Sea one. Norborg's study reflects historiographical fashions of the time when social and economic causes of political events were accentuated and often exaggerated by historians. Such exaggeration is manifest in Norborg's work.

After the publication of my monograph I got acquainted with a study by Martin Berntson published in 2000. The conclusions in this work are similar to mine. Both Berntson and I draw the conclusion that the role of the religious factor was somewhat underestimated by previous scholarship. Also, both Berntson and I think that Norborg's interpretation of the causes of the revolt lacks support in documents. A difference consists in the fact that I also stress the contradiction between Norborg's interpretation of the revolt and the historical events preceding this revolt.

The 'Uprising of Västgöta Lords' is interesting as a 'sample' medieval uprising where cooperation between the élite and the rebel masses was distinct and almost unmasked. In this context, the monograph by Peter Reinholdsson on medieval Swedish revolts deserves attention.

Reinholdsson studied the types of medieval Swedish revolts and the linguistic terms describing these types. He is convinced that the relations between the peasants and the nobles of late medieval Sweden lacked antagonism. The revolts of that time were, by Reinholdsson, not acts of social protest, but internal wars, where the peasants were used by the nobles in their struggle for power and resources. The traditional balance between the peasants and the élite was destroyed in the 1540-s, and it was then that real peasant revolts began to break off in Sweden.

In my opinion, this concept contains exaggeration. Although medieval popular unrest was used by the élite, this does not exclude the fact that the discontent of the people caused by administrative and economic pressure ex-

isted in practice. A remarkable statement was made by Hans Brask in a letter to Gustav Vasa: all extortions are followed by 'stupid talk' — that is, expression of displeasure. Such displeasure was present in the uprising of 1529.

Reinholdsson pays attention to the change in terminology describing uprising in the Swedish language: the medieval term was 'uppressning', the early modern term was 'uppror'. Reinholdsson thinks that the linguistic change reflected the change in the character of the revolts.

The question of terminology used to describe the Västgöta Uprising of 1529 was only to some extent touched upon by Reinholdsson. I took up a detailed study of this issue. The king, speaking of the revolt, often used the words *twist*, *twedrekt*, *fäjd*, meaning a conflict or a feud. Sometimes, characterizing the popular movement, the king used the term 'buller' — 'unrest'. Several times, the actions of the rebels were called treason (*förräderi*). The word *opresning* is used twice. The most frequent terms are *obestånd* ('mutiny') and *opror* ('revolt').

An interesting detail in the sources on the uprising is that the Swedes used the Italian word 'parlamente' which meant 'rebellion' in this context. Concerning the rebels' definition of their action, we can see that they presented their struggle as a war against the compromised king — a 'horizontal' struggle rather than a 'vertical' one.

In general, the material of the Uprising of Västgöta Lords proves that the words *uppror* and *uppressning* could not characterize the social phenomena objectively because they were used in a concrete ideological context, and had a more or less negative meaning.

In many respects, the Uprising of the Västgöta Lords resembles the revolt of Engelbrekt Engelbrektsson in the 1430-s. In both cases the revolt began as a local uprising, and an attack on a bailiff served as a signal. The province of Småland played the role of the epicentre of the Västgöta uprising, like the province of Dalarna in Engelbrekt's rebellion. In both revolts, a rebel alliance was formed from the nobles, the burghers and the peasants. In the uprising of Engelbrekt it was the nobles of Uppland, the burghers of Uppsala and the peasants of Svealand. In the 'Uprising of Västgöta Lords' it was the nobles of Västergötland, the burghers of Jönköping and the peasants of Götaland. The propaganda was similar: the rebels accused the king of breaking the oath, oppressing the clergy and over-taxing the people. In both movements, a leader was elected, and a diet was held, where ardent leaders of the opposition played the main role. It is clear that 'the Västgöta lords' acted in accordance with a tradition of medieval resurrections.

But the uprising of 1529 was to a greater degree connected with religious issues. It was targeted against Lutheran teaching; and this is also an evidence of the fact that the church reform begun by Gustav Vasa was perceived as Lutheran.

Chapter VII

The religious character of the change in Sweden during the second half of the 1520-s is confirmed by the fact that before the Diet of Västerås a dispute was initiated by Gustav Vasa. The result was Olaus Petri's publication 'An answer to twelve questions' where Olaus proved to be an adherent of Luther's teaching.

In 1528, Gustav Vasa's coronation took place. Traditional rites were observed, but the King's obligation to keep the privileges of the Church was excluded from the oath. Olaus Petri held the sermon. The views on the responsibility of the monarch expressed there had parallels in medieval and Renaissance thought; the views on partition of authorities were borrowed from Luther.

In the late 1520-s — early 1530-s Olaus Petri created works, varying in subject but constantly stressing the ideas of the Reformation. The treatise "On marriage" criticized celibacy. "A minor response to Paulus Heliæ" conveyed the idea that the reformers preached nothing but the faith brought by the first missionaries — Ansgar and Sigfrid. "A small book on the sacraments" proclaimed that sacraments have only symbolic meaning.

Scholars paid attention to Olaus Petri's moderation as a reformer and to the tolerance towards the medieval Church in his works. This was explained by the fact that Olaus was influenced not only by Luther, but also by other theologians.

But the moderation and the tolerance of Olaus Petri also find their explanation in Olaus Petri's knowledge of local conditions to which he tried to accommodate the teaching of Luther. In connection with that, Olaus paid attention to the Catholic tradition of Sweden and used elements of it in his works.

The defense of Lutheran ideas was the key issue in Olaus Petri's polemics with Paulus Heliæ. Also, the sermons of Olaus Petri present Lutheran views on faith and salvation. Yet the form of communication with the audience which Olaus used in his sermons was to a great degree inherited from medieval homilies.

Thus, Lutheran ideas play the key role in many writings of Olaus Petri. Scholars of the 20th century demonstrated that Olaus was not a mere follower of Luther but was also influenced by other authors. But today, when the Protestant character of the change has been questioned by some historians, it is necessary to stress that the ideas of the Reformation were central in Olaus Petri's works, which were significant for the changes which took place in Sweden in the 1520-s and 1530-s.

Chapter VIII

This chapter deals with Olaus Petri's history writing and is based on my research in connection with my translation of Olaus Petri's Chronicle.

Olaus Petri's interest in history was partly due to his studies in Wittenberg and partly — to the local learned tradition in the diocese of Strängnäs where Olaus became a cleric. Olaus Petri's work as a town secretary of Stockholm stimulated his studies of historical sources — in particular, of Swedish medieval laws.

In the works by Olaus, his interest to history was revealed. The work 'A useful teaching' contains references to ancient historians. The Preface to the New Testament contains an account on how Christianity spread. Historical examples are quoted in Olaus Petri's polemical writings. 'A sermon against oaths' quotes historical examples of struggle against blasphemy.

Olaus Petri's historical work, 'A Swedish Chronicle', was completed in the middle of the 16th century. After Olaus Petri's death, Gustav Vasa read the chronicle and was shocked. The king declared that Olaus lacked respect for his motherland and betrayed the evangelical teaching. The manuscripts of the Chronicle were confiscated, and it was not until the 19th century that the work was printed. Yet handwritten copies of the Chronicle spread over the Swedish Realm.

The scholarly studies of the Chronicle began at the shift of the 18th and 19th centuries, when Louis Felix Guineman de Keralio devoted a study to a manuscript of the chronicle preserved in Paris. Keralio stated that Olaus Petri's chronicle is similar to the work 'Chronica Regni Gothorum' written by the 15th century historian Ericus Olai. Keralio appreciated the objectiveness of the Chronicle, but also indicated drawbacks. In particular, he remarked that Olaus exaggerates the juridical power of ancient Swedish kings.

Several decades later, a study of the Chronicle was performed by Ludvig Stavenow who praised Olaus Petri for objectiveness and for the critical treatment of the sources. Yet Stavenow also mentioned that the Chronicle has drawbacks: it is not homogenous; some parts have the character of an excursus; the author does not understand that the society transforms, and perceives the antiquity as a counterpart to the modernity. But in general, Stavenow evaluated Olaus Petri's Chronicle as a pioneer work in Swedish history writing.

In the beginning of the 20th century Olaus Petri's chronicle received a critical treatment by Gustav Löw. According to Löw, objectiveness in Olaus Petri's chronicle is not a primary goal, but a means of achieving practical use. Löw thought that the breakthrough in Swedish history writing was not the achievement of Olaus Petri, but the result of his predecessor Ericus Olai. According to Löw, Olaus Petri's chronicle adds little to Ericus Olai's work.

Yet Löw estimated highly the merits of Olaus Petri's style and regarded his chronicle as a literary masterpiece.

The monograph by Gunnar T. Westin, published in the middle of the 20th century became a landmark in the studies of Olaus Petri's history writing. Westin demonstrated that, concerning the methods which Olaus Petri used, the Chronicle can be divided into two parts. In the first part, Olaus based himself on Ericus Olai but also used other material to verify and enrich the story. The second part is more independent. Westin proved that Olaus used various sources, including documents from ecclesiastical and secular archives.

A modern contribution to the study of Olaus Petri as a historian was made by Olle Ferm, who focuses primarily on the preface to the Chronicle where Olaus Petri declares his principles in history writing, and on the description of King Magnus Eriksson. Ferm comes to the conclusion that Olaus belongs to the tradition of the so-called 'pragmatic history' and points at parallels between Olaus Petri and other historians, especially Polybius.

Studies of the manuscripts of the Swedish Chronicle are also important for understanding this work. The first printed edition was carried out in 1818. A new publication was made by Gustaf Edward Klemming in 1860. Klemming based his edition on the manuscript D 407 in the Royal Library which he thought to be a copy ordered by Olaus Petri and penned under his control. Klemming also paid attention to the so-called Codex Sernsköldianus, which he presumed to contain an earlier version of the Chronicle.

Another edition was accomplished in 1917 by Jöran Sahlgren who noted that Codex D 407 was penned by two different scribes who apparently worked without contact with Olaus Petri.

The studies were continued by Lars Sjödin. He concluded that there are two versions of the Chronicle: the shorter and the longer, both composed by Olaus Petri. Another scholar, Efraim Lundmark, counted five versions of the Chronicle and expressed the opinion that Olaus was assisted by other authors, including Laurentius Petri. These views were rejected by Westin who was convinced that there are only two versions of the Chronicle and that it was Olaus Petri alone who wrote this work.

My study of the manuscript D 407 confirmed that the text is marked by corrections by scribes A and B. The corrections made by 'scribe B' sometimes make the text less logical. This confirms the conclusion that Olaus Petri was assisted by another author who edited the work. Probably, Laurentius Petri was the editor. Laurentius's comments to the Resolution of Västerås touch upon issues mentioned in the Chronicle, and this indicates that the two brothers shared the interest in particular historical subjects.

Laurentius Petri also acted as an expert on heraldic issues, in the course of the contest concerning 'The Three Crowns'. Laurentius proved that Sweden, in the ancient times, consisted of two kingdoms — Götaland and Svealand,

which had different insignia: the Lion and the Three Crowns. Studying the amendments made by 'Scribe B' in Olaus Petri's chronicle, I came to the conclusion that they accentuate the dualistic character of ancient Sweden, which was important for the heraldic debate.

Lundmark's classification of the groups of manuscripts is also confirmed by the manuscripts, which gives me the opportunity to classify the manuscripts of Olaus Petri's Chronicle in the Russian National Library. The manuscript Shved.F.IV.1 contains a short version (Version II, according to Lundmark), enlarged with the help of the long version (IV, by Lundmark). Shved.F.IV.4 represents Version IV, but has a shorter preface, which is typical for Versions I—III. Shved.F.IV.2 and Shved.F.IV.3 represent the long version (IV), but some variants are typical for the older versions; at the same time, these manuscripts contain additions which have parallels in some manuscripts from Uppsala University library.

Some notes in Saint Petersburg manuscripts are unique. Shved.F.IV.2 says that the chronicle was prepared for print by 'O.P.P.S.' (apparently, 'Olaus Petri, predicant i Stockholm'). Shved.F.IV.3 mentions that the Chronicle was written in 1534. However, the character of writing witnesses that both notes are later additions.

An important manuscript for the study of the Chronicle is Codex D 25 at the Royal library of Stockholm. By Lundmark, it is an extract from Version I. Yet this text has peculiar features. It consists of laconic notes, sorted by subject. The style is crude, and the text lacks many traits characteristic for Olaus Petri's Chronicle. D 25 can be an extract from a draft of the chronicle — not 'Version I' but, so to say, a 'Zero version'.

As for the historical contents of the Chronicle, an important issue is Olaus Petri's attitude to göticism — the theory claiming that the Swedes are the descendants of the Goths, and therefore superior to other peoples. It has been asserted that Olaus Petri's predecessor Ericus Olai was a proponent of göticism, while Olaus Petri was the first who opposed it. However, Sverker Arnoldsson notes that Ericus Olai did not accept some points in the göticist theory, and therefore he must be characterized as an anti-göticist author.

Arnoldsson's viewpoint is an exaggeration. Ericus Olai was a göticist author. Yet Arnoldsson is partly right, because Ericus Olai accepted the göticist theory with reservations. In my turn, I point at reservations in Olaus Petri's anti-göticism: although he criticised the göticist theory, he did not reject it completely; he, in his own words, 'lets the others judge on this matter'. Olaus paid tribute to the göticist tradition by inserting accounts on the deeds of the Goths in his Chronicle.

In many parts of Olaus Petri's Chronicle the tradition and the new features are combined. This is evident in Olaus Petri's coverage of the history of the medieval union of Denmark, Sweden and Norway. Much material was

borrowed from the medieval chronicles, but there are new traits which are partly due to re-interpretation of earlier narrative sources, and partly — to the author's acquaintance with documents.

Olaus Petri's views on history are analyzed in the monograph by Olle Ferm. I regard Ferm's book as an important contribution to the studies of Olaus Petri's chronicle, but I disagree with Ferm on some issues. Olaus Petri's chronicle is more conservative, than Ferm thinks. Olaus not only borrowed the stuff from medieval texts but also inherited the medieval thinking. The old ideas of instability of the world and of God's punishment are dominant in the Chronicle. The ideas of the Reformation play a small role in this work by Olaus Petri; the conclusions which he makes in the Chronicle deal with common Christian values and are not used for the propaganda of Lutheran ideas.

Conclusion

Society at a turning point is a favourable subject for a historian. The purpose of this monograph was to carry out a complex study of the Swedish Reformation, focusing on its events, actors and documents. The main conclusions can be summarized in the following way:

- 1) The Swedish Reformation must not be regarded as exclusively 'Reformation from above'. Together with the 'Royal Reformation', Sweden had a spontaneous proliferation of the Lutheran ideas — in particular, in the towns.
- 2) The 1520-s and the 1530-s must be evaluated as the period when the Reformation began in Sweden. The concept by Magnus Nyman, who denies that the changes during this period had the character of the Reformation, must be rejected. Nyman does not consider all the facts and does not pay attention to how the changes were perceived.
- 3) The discussion on the history of one of the most debated documents of the Swedish Reformation — the Ordinance of Västerås, must be continued. It is likely that the Ordinance emerged in its short version and was extended later, and not vice versa.
- 4) In the Swedish Reformation, the innovations interacted with the ancient traditions. This is evident from the documents created in connection with the Diet of 1527, as well as from the comments by Laurentius Petri, the letters of Hans Brask and the works by Olaus Petri.
- 5) Olaus Petri's works demonstrate how diverse a reformer's activities could be. Olaus Petri's history writing represents a separate aspect of his versatile personality. This aspect was only to a small extent connected with Olaus Petri's convictions and activities as a reformer.

Contents

Introduction	7
Chapter I. Sweden on the eve of the diet of Västerås	
§ 1. The Swedish society before the Reformation	23
§ 2. The first steps of the Reformation	32
§ 3. Hans Brask and the struggle against Reformation doctrine	43
§ 4. Hans Brask as a historic person	54
§ 5. The political crisis in Sweden in the middle of the 1520-s. The preconditions and the prototypes of the Diet of Västerås.....	58
Chapter II. The Diet of Västerås: The preparation, the course and the resolution	
§ 1. The preparations for the Diet of Västerås. The royal propaganda.....	67
§ 2. The participants and the course of the Diet according to documents and narrative sources.....	71
§ 3. The resolution of the Diet of Västerås	81
§ 4. “Introducing the Reformation?” The modern debate on the Diet of Västerås	84
Chapter III. The Ordinance of Västerås	
§ 1. The text of the Ordinance of Västerås according to the Register of King Gustav I	93
§ 2. The social, legal and cultural environment of the Ordinance of Västerås.....	97
§ 3. The versions of the Ordinance of Västerås: The history of the document	102
Chapter IV. Documents explaining the resolutions of the Diet of Västerås	
§ 1. The letter of the Council of Realm to the people of Sweden.....	123
§ 2. The comments by Laurentius Petri.....	130
Chapter V. The implementation of the decisions of the Diet	
§ 1. The Ecclesiastical Council of Örebro and the beginning of the Church reform.....	137
§ 2. The economic and administrative consequences of the Diet.....	141

Chapter VI. The Uprise of Västgöta Lords

- § 1. The description of the uprise in the chronicle by Peder Svart153
- § 2. The uprise, the demands of the rebels and the actions of the king according to the documents.....156
- § 3. Historians' debate on "The Uprise of Västgöta Lords"169

Chapter VII. Olaus Petri as a preacher and a disputant

- § 1. The polemics on the eve of the Diet of Västerås: The dispute between Olaus Petri and Peder Galle.....181
- § 2. Olaus Petri and "The preaching of the Word of God"182
- § 3. Olaus Petri as a follower of Luther. The polemics with Paulus Heliae. The "Minor book of sermons"187

Chapter VIII. The reformer as a historian: "A Swedish Chronicle"

by Olaus Petri

- § 1. The role of historical works in the life and the writings of Olaus Petri ..197
- § 2. The studies of the Chronicle. The scholars' views on the "Swedish Chronicle" as a historical writing210
- § 3. Publications and source studies.....215
- § 4. The manuscripts of the "Swedish Chronicle"219
- § 5. The ancient history of Sweden and the introduction of Christianity according to Olaus Petri's chronicle.....233
- § 6. Olaus Petri on Sweden during High and Late Middle Ages250
- § 7. The ideas in the Swedish Chronicle.....269

Conclusion288

Appendix: The documents of the Diet of Västerås.....303

Abbreviations343

Bibliography344

Index of names.....357

Summary361

Научное издание
Андрей Джолинародович Щеглов
Реформация в Швеции:
события, деятели, документы

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории РАН

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 29.05.2017 Формат 70×100/16. Заказ № 1694.
Тираж 500 экз. 24,0 п.л. 27,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в Акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«**Центр гуманитарных инициатив**»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

А.Д. Щеглов

Реформация в Швеции:

события, деятели, документы

В книге исследован ранний этап Реформации в Швеции (1520-е—1530-е гг.), показана взаимосвязь реформ церкви и политики усиления королевской власти, которую проводил Густав Васа (1523—1560). Особое внимание уделено ключевому событию шведской Реформации — Вестеросскому риксдагу 1527 г.: рассмотрены его ход и итоги, показаны последствия (редукция церковной собственности, конфессиональные реформы, изменения в области права). Освещена научная дискуссия о Вестеросском риксдаге. Проанализированы документы, созданные в связи с Реформацией. Рассмотрена деятельность духовного лидера шведских реформаторов — Олауса Петри, исследованы его взгляды как богослова, просветителя и историка.

